

Владимир КОМАРОВ

Судьбы крутые повороты

Книга I / От рождения до пенсии

г. Екатеринбург
2011 год

КОМАРОВ
Владимир Иванович

Слово об авторе

Возможно, кому–то из читателей этой книги покажется, что она слишком биографична, наполнена излишними документальными фактами, глубоко личными воспоминаниями и необязательными подробностями. Сразу хочу предостеречь от такого поспешного и ошибочного мнения любого из тех, кто получил из рук автора этот сборник искренне правдивых, интересно написанных очерков о родных и близких Владимиру Ивановичу Комарову людях, которых он любил и уважает, с которыми сотрудничает, преодолевает испытания и трудности, крутые повороты своей судьбы в течение многих лет жизни.

Автор книги – не профессиональный литератор. Но богатый жизненный опыт высокое образование (В.И.Комаров окончил Уральский лесотехнический институт, Московский институт нефти и газа, а также курсы повышения квалификации для руководителей строительных организаций при Московском инженерно–строительном институте), разносторонние творческие способности не позволяют ему и во время заслуженного отдыха сидеть, как говорится, сложа руки. Владимир Иванович автор уже двух поэтических сборников. Один из них под названием «Память», начинается с такого четверостишия:

Правит миром добро, а не зло дикарей,
Правит счастьем любовь, единение друзей.
Я сегодня ко всем в устремлении одном
С пожеланием здоровья, с любовью, с добром.

Страницы новой книги написаны именно о том, как непредсказуемы порой человеческие судьбы и как важны для достижения поставленных целей помощь близких людей, друзей, взаимопонимание с ними и личное ответственное отношение к избранному делу, к семье, к своим собственным решениям и поступкам.

После окончания Исовской средней школы и уже упомянутых высших учебных заведений с Уралом и со специальностью строителя никогда не расставался. Техник–конструктор, начальник бюро ГИПов, главный инженер строительно–монтажного треста, заместитель генерального директора крупного строительного объединения – вот лишь некоторые вехи избранного им профессионального пути. Ему предлагали высокие должности в Москве в одном из строительных министерств, в Тюменской области – начальником газовой службы Ямало–Ненецкого национального округа, но он остался верен Уралу. Владимир Иванович имел непосредственное отношение к становлению и развитию таких промышленных ги–

гантов, как Уралмаш, Химмаш, ВИЗ, ЗИК. Его имя хорошо известно на Уралвагонзаводе в Нижнем Тагиле, на Качканаре, в Асбесте, Первоуральске и во многих других городах и поселках Урала, республиках бывшего Советского Союза, где возникали газифицированные объекты жилья, соцкультбыта, оборонной промышленности. Труд В.И. Комарова, как высококвалифицированного специалиста, отмечен правительственными наградами и многими поощрениями региональных властей.

Книга «Судьбы´ крутые повороты» предназначена не для многочисленных читателей. Автор надеется, что её с интересом прочтут самые близкие ему и его семье люди. А для сына, внучки, брата – это как бы сердечное духовное завещание. К тому же Владимир Иванович сейчас работает над второй частью этого глубокого личного мемуарного произведения. Пожелаем автору творческих успехов и доброго здоровья!

Егор Мильков

член Союза журналистов России.

Вместо предисловия

(или от автора)

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел! ...

Но в полдень нет уж той отваги:
Порастрясло нас, нам страшней
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит по-прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И, дремля, едем до ночлега,
А время гонит лошадей.

А.С. Пушкин

«Дни такие длинные, а годы такие короткие».

Альфонс Доде

Как коротко и как полно охарактеризовали жизнь человека два этих выдающихся писателя. И, на многочисленных примерах я понял правду их слов: как меняется с возрастом и жизнь, и ее восприятие нами, как медленно мы растем и как быстро старимся, какими всемогущими кажемся себе в годы юности и какими беспомощными оказываемся в старости…

Тишина! Не слышно даже пения птиц. Мы с Сашей – старшим сыном – сидим у могилы моей мамы, его бабушки. Кладбище растянулось по склону небольшой горы, примыкающей к жилым кварталам города Нижняя Тура. В пятидесятых годах прошлого столетия мама вместе с родителями и сестрой переехали сюда из поселка Ис. Сейчас все они рядом лежат, здесь, на одном кладбище.

На западе, из-за примыкающей к городу горы Шайтан отсюда видна «шапка» горы Качканар, где в те же 50-е годы, силами молодежи в тайге был построен мощный горно-

обогатительный комбинат, а рядом – самый молодой по возрасту жителей город в области. Там, на кладбище, лежат наши родные и друзья. На севере, в 25 км отсюда, виднеется гора Голая, а рядом с ней расположен умирающий ныне поселок Троицкий, где жил мой дед, где я провел свои первые годы, и где на местном кладбище тоже покоятся наши близкие: мой родной отец, брат, сестра, вторая жена отца. На всех этих кладбищах мы обязательно побываем.

Как мы заблуждаемся, пребывая в уверенности, что наши деды, бабушки, родители всю жизнь будут с нами и у нас еще есть в запасе время, чтобы поговорить с ними, помочь им. Увы, сидим сейчас одни и «разговариваем» с могилами: никого и ничего невозможно вернуть.

В 1949 году, окончив Исовскую среднюю школу, я уехал в Свердловск (ныне Екатеринбург), чтобы продолжить учебу. Здесь и прошла вся моя дальнейшая жизнь: здесь я окончил институт, обзавелся семьей, здесь мы вырастили и воспитали двоих сыновей. В Екатеринбурге родилась наша внучка Сонечка, а шесть лет назад ушла из жизни моя жена – Любовь Сергеевна.

Но так же, как и прежде, тревожат нам души встречи с могилами близких людей, поси–дев и помолчав возле которых, мы как бы заряжаемся невидимой энергией, а сердца наши становятся мягче. Мысленно пробегаем всю прошедшую жизнь: как быстро она пролетела, как много миновало событий, людей, радостей, трудностей и печалей. Как много бед выпало на вашу долю, родные. Спите спокойно под сенью раскинувшихся над вашими могилами деревьев. Мы всегда помним, и до последних мгновений наших жизней будем помнить о вас.

Спасибо тебе, дорогая мама, за то, что ты «привела» меня в этот мир, дала возмож–ность познать его и все пережить, что ты всегда свой последний кусок и всю свою большую любовь отдавала нам без остатка.

Спасибо и тебе, моя первая любовь, жена и мать моих сыновей – Любовь, Любушка за то, что вместе со мной «прошагала» всю нашу совместную жизнь, а также очень многое сделала, чтобы я смог написать эти воспоминания: ведь это твои письма подвигли меня взять в руки перо. Поэтому, часть из них я без всяких исправлений включил в книгу – они помогут правдиво осветить моменты нашей семейной жизни, особенно ее начало.

Моя обязанность рассказать обо всех вас и обо всем моим детям, внукам, близким и друзьям.

Без опыта никому не познать сущности любого мастерства, лишь пишущий поймет пишущего. Ему нужна решимость больше чем другим, так как сомневающийся не закончит и строчки: он обречен на бесплодие бесконечных исправлений и чистых страниц. На са–мом деле жизнь снабжена бесчисленными гранями. Они меняют свой вид, как изрезанный берег перед взглядом морехода. Каждая строка требует проявления мужества и решения. Пишущий подобен солдату, рвущемуся в сражение.

Я никогда раньше не писал – это первое мое испытание, и, начав, я скоро столкнулся с сомнениями и переделками, но как тот солдат, устремился к достижению цели.

Господи, дай мне силы, здоровья и способностей пройти это испытание!

Приполярный Урал.
Сабля – одна из живописнейших вершин.

Северный Урал. Денежкин камень.

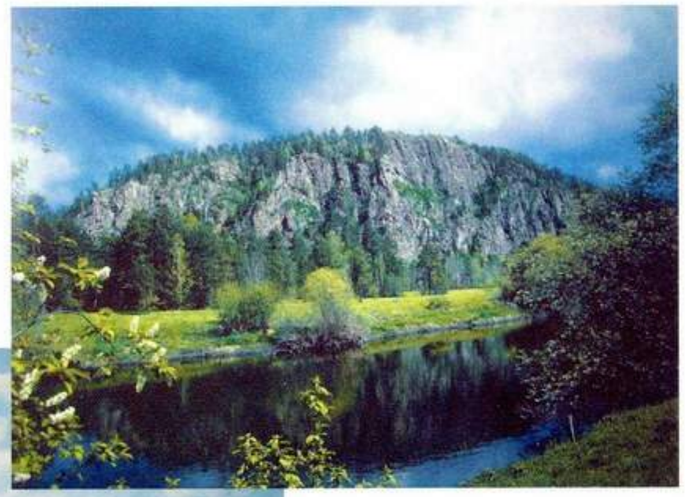

Северный Урал. Косьвинский камень.

Гора «Качканар». У её подножия пруд и кварталы города Качканар.

Средний Урал.
Медведь-Камень.
По преданию
здесь останавливался Ермак.

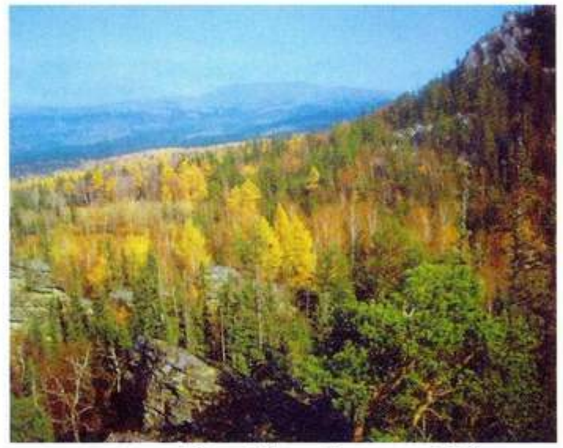

Средний Урал.
Гора «Белая» – самая известная
из веселых гор.

Южный Урал.
Одно из красивейших и чистых озер – Тургояк.

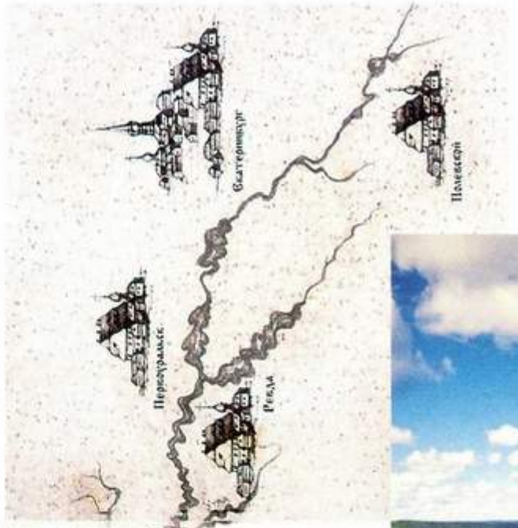

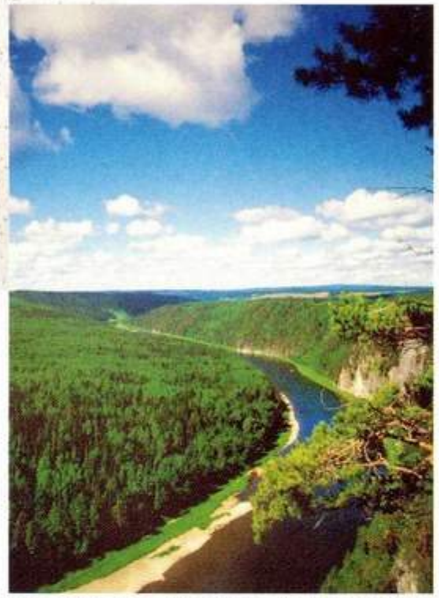
Южный Урал. Знаменитый «Иремель».

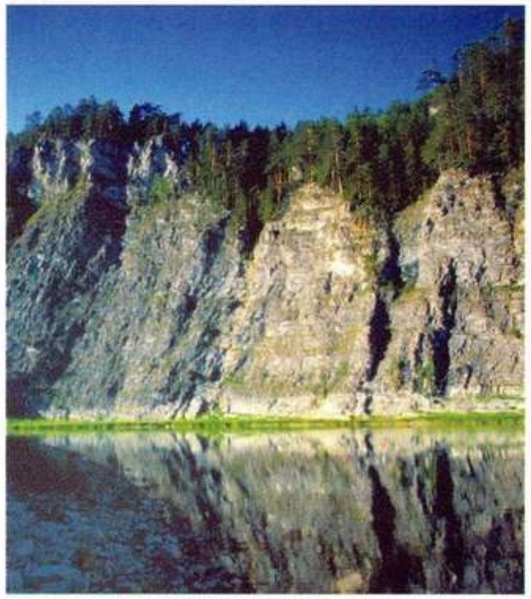
Южный Урал. Губернские горы –
южная оконечность Уральских гор.

Схема реки «Чусовой»

Река «Чусовая». Паонрама, открывающаяся с горы «Великан» - завораживает.

Река «Чусовая». Камень «Великий». 125 м. отвесной скалы, длиной более 1,5 км.

Пос. Нижнетуринский завод (ныне г.Н-Тура). Поселковая площадь у г. Шайтан. Конец XIX в.

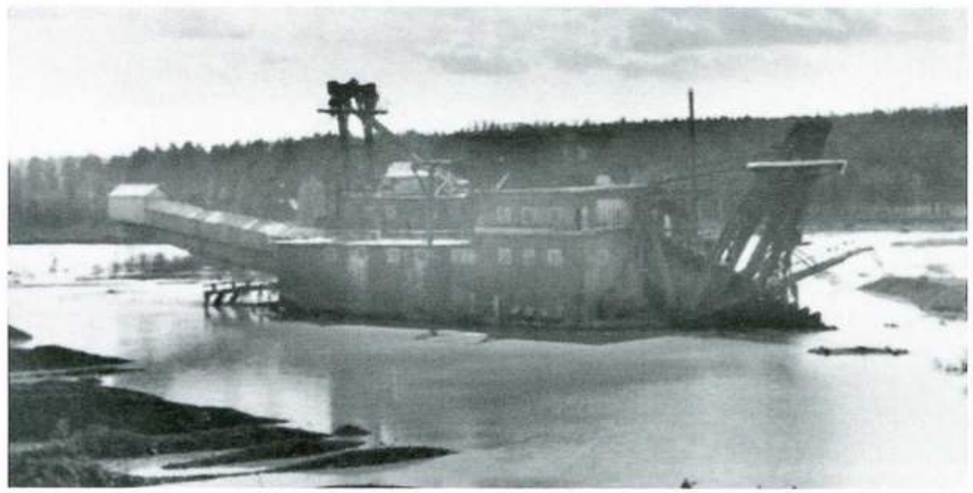
Поселок Нижнетуринского завода. Дом Боровковых (деда). Ныне -почта

Панорама поселок Троицкий.

Поселок Ис.

Драга.

Глава I / Самое дорогое

«Мы возвращаемся к истокам
К родным заветным берегам,
Чтоб позабыть, что так далеко,
Чтоб снова оказаться там»

Е. Пластов.

Я – Россиянин и этим все сказано. Я люблю свою родину и с ее достижениями, и с недостатками. Вся моя трудовая деятельность была направлена на то, чтобы сделать ее лучше. Я участвовал в строительстве крупнейших заводов, объектов соцкультбыта и жилья, строил газопроводы. В четырнадцати регионах страны (СССР) можно найти следы моего труда.

Моя Родина – Урал. Для любого географа Урал – понятие не менее важное, чем Экватор или Гринвичский меридиан. Уральские горы известны как граница двух частей света – Европы и Азии. Собственно горы невысокие, но протяженностью более двух тысяч километров. Наверное, сложно представить себе это расстояние. Так вот, если повернуть Уральский хребет относительно его южной точки на Северо-запад, то он достигнет Санкт- Петербурга. С Севера на Юг Урал пересекает различные климатические и природные зоны и его принято делить на пять географических районов: Южный, Средний, Северный, Приполярный и Полярный. Каждый из этих районов заслуживает описания его красоты, индивидуальных, природных и художественных особенностей во все времена года и при любой погоде.

На севере горы граничат с хребтом «Пай-Хой» (по-ненецки – каменный хребет). Этот хребет занимает территорию Югорского полуострова, представляя собой невысокий горный массив протяженностью чуть более двухсот километров, который состоит из нескольких параллельных хребтов и увалов, идущих к морскому берегу под тундровым покрывалом. На севере полуострова он уходит на дно Ледовитого океана и является связующим звеном между Уральским хребтом и Новой Землей. На юге, от Южного Урала в сторону Аральского Моря, на сотни километров посреди казахской степи «плывет», кажущаяся бесконечной, гряда безлесых гор и холмов – горы Мугоджары. Их еще называют «Казахский Урал». По мнению многих специалистов, Уральские горы вместе с Мугоджарами и Новой Землей образуют единую систему – Уральскую горную страну, протяженностью свыше трех тысяч километров.

Еще известный певец Урала, писатель Д.Н.Мамин-Сибиряк в своем произведении «От Урала до Москвы» так охарактеризовал этот край: «Немного найдется таких уголков, где

сохранилась бы во всей своей неприкосновенности суровая красота дремучего средневекового леса, где перед вашими глазами в такой величайшей панораме развертывались бы удивительные картины гор, равнин и скал, где, наконец, само население, образ его жизни, историческое прошлое, нравы, условия труда – все было преисполнено такой оригинальности и своеобразной поэзии».

Писатель родился и вырос на Урале в поселке Висимо-Шайтанского завода (ныне Висим), что под г. Нижний Тагил. Он так потом описал эти места: «Поезд медленно подходит к Тагилу, который широкой картиной развернулся у самого подножия Урала, как самое близкое и самое дорогое его каменному сердцу дитя. С левой стороны от дороги тяжелыми силуэтами громоздились знакомые горы: Белая, Острый Камень, Старик, Шайтан, Веселые горы; направо от Тагила одиноким пиком высится Медведь-Камень. В самом центре Тагила на берегу пруда, стоит высокая Лисья гора, с башенкой наверху; у ее подножия чернеют здания заводской фабрики, высокие черные трубы, доменные трубы и угольные валы. Вообще окрестности принадлежат к самым живописным на всем Среднем Урале, а виды с Белой горы и с Медведь-Камня замечательные по своей красоте… Урал еще ждет своего художника, который воспроизведет на полотне его оригинальные, полные своеобразной прелести и суровой поэзии красоты». («От Урала до Москвы»).

Урал для писателя был не только сердцем каменных гор и дымами заводских труб. Он считал, что природа и люди составляют единство мира. Созерцание природы и соучастие в ее жизни играет огромную роль в духовном состоянии личности. Природа определяет многие стороны жизни народа – от песни до национального характера и общего состояния духа. Эта горная панорама является первым сильным впечатлением, а с нею неразрывно связывается представление дикого простора и размаха. Я – уралец и счастлив оттого, что судьба дала мне это понять.

Моя малая Родина – поселок Ис, ранее районный центр Свердловской области, а ныне входящий в состав города Нижняя Тура. В 1824 – 1825гг. горный инженер (гитенфервальт) П.Галяховский, руководивший геологической партией из отряда казаков открыл 10 богатейших месторождений золота и платины в долинах рек Иса и Туры. Эта дата и стала началом Исовского прииска и рабочего поселка, который растянулся по правому берегу реки Ис на три километра. Мальчишками мы считали, что под этим названием скрыто имя вождя (Иосиф Сталин). Однако, как утверждают местные краеведы, в переводе с вогульского, языка местных аборигенов, Ис – тень. Но вогулы вкладывали в это слово еще более глубокий смысл и толковали его как «светлая тень человека, оставляющего на земле добрый след».

В 1905 г. Н.Высоцкий писал о Исовском платиновом месторождении, как о самом важном в мире районе промышленной добычи этого металла, доставляющем более двух третей всего количества платины, добываемой ежегодно на земном шаре.

Несколько слов о платине, стоимость которой в последние годы оценивается в два раза выше золота. Ни один из благородных металлов не отличается таким сложным составом, как самородная платина: в ней кроме примеси железа имеются признаки иридия, осмия, палладия, родия, рутения, золота и меди. Температура ее плавления – 1773 градусов Цельсия. Для сравнения у золота – 1063 градуса. Само это название произошло от испанского «плата» –

серебро. Платина – уменьшительно – «серебришко». Некие испанские старатели, первыми обжившие Новый Свет, перемывали золотоносный песок на одной из речек Колумбии. Среди крупиц золота они наткнулись на зерна незнакомого металла. По цвету он напоминал серебро. Что с ним делать, они решить не могли. Поэтому и восприняли эти зерна, как вредные примеси. Видимо, отсюда и родилось это пренебрежительное – «серебришко». Чиновники, наблюдавшие за золотодобычей, велели из кучки намытого золотого песка зерна платины отбирать и выбрасывать в реку. То-то, наверное, впоследствии пожалели.

Охотники на Урале, не зная платину, первоначально использовали ее как дробь. Выстрел такой «дробью» стоил дороже любой убитой дичи. С 1880 года Исовская платина навсегда стала играть ведущую роль в России и за рубежом. За 179 лет на Исовских месторождениях платины добыто всего 284736 килограммов этого драгоценного металла.

В окрестностях поселка, по берегам реки находили почерневшие от времени бивни мамонта и древние известковые морские ракушки. Прииск пережил мрачные периоды «золотой лихорадки» и платинного разграбления иностранными компаниями. Но и поныне действует много повидавшая на своем веку драга №27.

Двадцать два года назад исполнилось 55 лет Исовскому геологоразведочному техникуму, который к тому времени дал путевку в жизнь одиннадцати тысячам выпускников. Кстати, одними из них были близкие мне люди: брат Борис, сестра Аля и друг, Егор Иванович Мильков, а также Аля Балямка и ее муж Егор. Сегодня техникум переведен в город Нижняя Тура. Там, на крутом берегу реки Туры вырос новый учебный комплекс почти на тысячу учащихся.

Две тысячи двести восемь исовчан не вернулись с полей Великой Отечественной Войны, их фамилии высечены на плитах мемориала, созданного золотодобытчиками. Я люблю свой край и его строгую красоту: горы, пусть и не очень большие, леса, раскинувшиеся на всем пространстве, охватываемом глазами, людей – прямодушных, может быть иногда излишне.

В 1943 – 1948 гг. мы жили в поселке Красный Урал (ныне Уралец), который расположен в 8-ми километрах от Висима, воспетого Маминым-Сибиряком. И эти места – часть моей малой Родины, находящейся на Среднем Урале. Для меня эти места всегда ассоциировались с уникальной природой и ощущение радости от постоянных контактов с нею не покидает меня с детства. С мальчишеских лет я знаком с сосновым бором, со светлым березняком и темным ельником, с тревогой и восторгом впитывал в себя новые образы, ощущения и лесные запахи. В 12 лет вместе с ребятами рассматривал дали с горы Белой, в 14 -любовался красотами Северного Урала с Косьвинского и Конжаковского Камней. С самого детства у меня перед глазами стояла панорама цепи Уральских гор, заросших лесом и с шапкой горы Качканар. Позднее, пристрастившись к рыбалке, я познакомился с озерным краем на Южном Урале и проехал на своей автомашине по его горным дорогам до Уфы.

А красота реки Чусовой! Для Среднего Урала Чусовая – река большая. Конечно, ей далеко до волжских просторов, но красотой природы и богатством исторических событий, связанных с нею, она может соперничать с любой рекой России. Чусовая – единственная река на Урале, которая, начинаясь на восточном склоне Уральских гор, пересекает их и впадает в Каму. Это настоящий природный мост из Азии в Европу. Труженица Чусовая внесла неоце-

нимый вклад в укрепление нашего государства во времена Петра I. Ведь это по ней везли пушки, изготовленные на уральских заводах и наводившие ужас на врагов во время русско-шведской войны. Вверх по Чусовой в конце XVI века поднимались струги атамана Ермака. Шли они завоевывать Сибирь – огромную и дикую страну, лежащую на востоке от Уральских гор. Вслед за казаками хлынули на Восток потоки русских первопроходцев, остановившихся только через столетие на берегах Тихого океана. В XVIII и XIX веках уральские заводы производили большую часть российского металла. Чусовая в те времена сыграла важнейшую роль самого удобного пути для его доставки в центральную Россию и дальше в Европу.

Время постепенно стирает следы прошлого, но Чусовские берега по-прежнему манят к себе ценителей истории и красоты. Со всей России на Чусовую едут исследователи и любители уральской природы. Геологи изучают следы давно ушедших эпох, которые, как по книге, можно читать на прибрежных утесах. Археологам и историкам интересны стоянки и святилища древних обитателей здешних мест. Биологов привлекают живописные скалы, на которых встречаются редкие растения. Но больше всего на Чусовой туристов. На байдарках, лодках и катамаранах плывут они вниз по реке, наслаждаясь ее красотами. Каждый находит для себя что-то интересное и волнующее. Главную красоту Чусовских берегов составляют скалы, которые с небольшими промежутками тянутся сплошным утесным гребнем. Некоторые из них совершенно отвесно поднимаются вверх на десятки метров, словно стены средневековых замков. Представьте себе ту страшную силу, которая прорыла такие коридоры в самом сердце гор! В некоторых местах горная порода выветрилась, превратившись в губчатую массу; в других она осыпается, как старая штукатурка. На некоторых скалах четко видны отдельные слои, идущие иногда в идеальном порядке, словно гигантская кладка. Глухо – глухо шумит вода под такими скалами, вылизывая в камнях новые углубления и размывая старые трещины. После скал и утесов главную красоту Чусовских берегов составляет лес. Мохнатые ели с побуревшими вершинами придают горам суровое величие. Строгая красота готических линий сливается здесь с темной траурной зеленью, словно вся природа превращается в огромный храм, сводом которому служит северное голубое небо. Особенно красивы молодые пихты, смело карабкающиеся по страшным кручам. По мыскам, заливным лугам и полосе, отделяющей лес от воды, ютятся, качаясь, и тонкая рябина – эта северная яблоня, и душистая черемуха, и распустившиеся верба и тальник, и кусты вереска, жимолости и смородины и колючий шиповник. Кое-где по уступам скал почва размыта весенней водой вместе с нею со страшной кручи катятся в реку молоденькие ели и пихты.

Замечательна эта река Чусовая. Как все настоящие красавицы, она хороша своеобразной неувядающей красотой в любое время года. Весной – это дикий неукротимый зверь, играющий с ревом и стоном, бросаясь на теснящие каменные громады; осенью – это суровая угрюмая река, текущая точно по вырубленному в горах коридору; зимой – настоящая красавица, скованная льдом и засыпанная снегом; летом – катит воды в зеленых берегах мимо бойцов ленивой струей, бурля и бунтуя лишь на перекатах. Нужно видеть Чусовую весной, чтобы понять все поэтические грезы, предания, песни и целые религиозные системы, которые вырастают около таких рек также естественно, как этот сказочный богатырь – лес.

Лес и горы всегда манили меня незнакомой жизнью. Я уходил ближними неезжены-

ми дорожками и те уводили в тень деревьев, постепенно превращаясь в тропинку, которая оставляла меня наедине с природой: с полянами, полными ромашек, с лесными шорохами, голосами птиц и журчанием ручьев.

А дальние дороги вели к горам и оттуда до горизонта были видны лишь голубизна неба, зелень и синева лесов, уходящих вдаль, как волны огромного моря и голубые горные дали.

Я люблю уральский лес за строгую красоту вечнозеленых елей и пихт, за торжественную тишину, царящую в нем. Входя в него, отрешаешься от городской суеты, оживаешь душой и телом, а все волнения куда-то уходят. Возникает доброе чувство сопричастности к тому, что делается вокруг. Порой душу щемит тоска, но это не только состояние человека, но и всей природы, притихшей и поникшей во время затяжного ненастья под низкими свинцовыми тучами.

Человек не всегда осознает, что в душе он невидимыми нитями связан с природой, миром, Вселенной в их прошлом, настоящем и будущем. Осознание этого рождается от встречи с природой. Природа врачует человека, а также дает толчок напряженной душевной работе личности. Отношение ко всему, живущему на Земле, перерастает в живой патриотизм, начинающийся с любви к месту, где родился, бродил по полям, лесам и горам, где приобщился к тайнам жизни.

Красоты Урала открывают сердце человека, любящего их, вызывают трепет души, привязанной к Родине. Каждый из нас когда-то задумывался над этими простыми и в то же время всеобъемлющими понятиями. И сейчас, когда прошло уже 60 лет со дня моего отъезда из родных мест, а все старшее поколение нашей семьи покинуло этот мир, все также щемит сердце при встрече! Любовь к своей малой Родине я пронес через всю жизнь и завещаю ее своим детям и внукам. А в заключение привожу слова, звучащие из самого сердца:

Европа – Азия, две разных части света,
Урал же между ними, а не где-то.
Нам все твердили, что он их разъединяет,
А я так думаю – как раз объединяет.
И кто же нас в семейной жизни охранял?
Все тот же наш седой Урал.
И многократно люди были правы,
Сказав, Урал – опорный край державы.
Мне по душе уральские морозы,
И лапа ели, заменяющая розу,
Народ наш, что усталости не знает,
В труде и дружбе всех объединяет.
Да, я во многих странах побывал,
Поездил, полетал и повидал.
Но не увидел для себя роднее края:
По мне – Урал милей любого рая!

Глава II / ДОВОЕННОЕ ДЕТСТВО

1931 – 1941 гг.

Сейчас, на склоне своих лет,
Мне вспомнилось о том,
Что наш мальчишеский завет –
Носиться босиком.

По скошенной траве, камням
И по дорожной пыли.
Все было безразлично нам –
Как молоды мы были.

Сейчас же обувью «крутой»
Мы защитили ноги
И не почувствуем стопой
Пылиночки с дороги.

Но как же хочется подчас
Вернуться в детства дом
И по родной земле хоть раз
Промчаться босиком.

О своем рождении знаю со слов мамы и деда. Я родился 29 ноября 1931 года в Исовской районной больнице, которая располагалась на левом берегу реки Ис, напротив самого поселка. Место очень красивое: больница была выстроена на поляне рядом с берегом, в окружении сосен, недалеко от скалы, похожей на кресло, которую все называли «чертовым стулом». Все это место называлось «Журавлик». К сожалению, сейчас не осталось даже следов от этой больницы.

Из больницы меня доставили на санках дедушка и мама в поселок Троицкий, где тогда все жили. Правда, по дороге сверток со мной выронили в снег, потом спохватились, вернулись, подобрали «ценную поклажу». Хорошо, что в те далекие тридцатые годы по поселковым дорогам не разъезжали автомашины. Видимо, меня все же немного подморозили, так как зима для меня – любимая пора. Отца у меня уже не было, за полгода до моего рождения он был осужден, как враг народа и отправлен в неизвестном направлении.

Поэтому меня назвали Владимиром Ивановичем Меркушевым (отчество отца, а фамилия деда). Вскоре в семье деда появился еще один внук: тетя Галя, мамина сестра, 16 декабря этого же года родила тоже мальчика, Бориса Александровича Бережнева, моего двоюродного брата. Так уж получилось, что первые годы нашей жизни мы с Борисом провели под кровом дедушкиного дома, а сначала и в одной кроватке. Да и последующие годы жизни мы проживали в одном городе и, за исключением времени, проведенного в отъездах, всегда поддерживали тесную связь.

В первые годы наши мамы работали в Исе, дед практически все время проводил в лесу, так как был лесником, а все заботы о нас взяла на себя наша бабушка – Васса Тимофеевна. Все работы по хозяйству лежали тоже на ее плечах. По рассказам взрослых, мы требовали к себе постоянного внимания. Вот один из рассказов. Однажды бабушка вышла зачем-то из дома, оставив нас спокойно играющими на полу. Какой ужас ее охватил, когда она вернулась: оба братца стояли на хозяйственном столе, над которым висел шкаф с посудой. Один из братьев доставал из шкафа посуду и передавал ее другому, который бросал ее на пол, и оба с удовольствием слушали звон разбиваемых тарелок и чашек. Бабушка испугалась не за посуду, а за то, что мы можем упасть со стола и порезаться об осколки. С той поры она не спускала глаз с «тихонь».

Мои самые первые воспоминания, как цветные картинки из детского калейдоскопа: они отрывочны и быстро перескакивают с одного на другое. Вот поселок Троицкий. По нашим тогдашним понятиям, он большой: в нем домов 100, есть магазин и с продовольственными, и с промышленными товарами, школа-четырехлетка, фельдшерский пункт, баня, детский сад, клуб. Через поселок проходила узкоколейная железная дорога, ширина колеи 1000 мм, связывающая Ис с приисками района…

Мы с Борисом повзрослели и ходим уже в младшую группу детского сада. Вот нас группой фотографируют и воспитательница, для красоты, поверх матросок, которые на нас одеты, вытаскивает из-под них белые воротнички от рубашек. Мы возмущены и выражаем это одним словом: «хохолка»!..

А сейчас мы вместе с друзьями сидим на травке возле дома и ждем: дед на медогонке «гонит» мед. Выходит бабушка и каждому сидящему выносит по блюдцу меда и куску хлеба. Вкуснота…

В наш клуб привезли кино. Все жители уже здесь. Женщины нарядно одеты. Мы тоже там, нам вход бесплатный. Между отдельными частями фильма перерывы, во время которых взрослые обсуждают увиденное и предполагают дальнейшие события, мужчины степенно курят…

Зима. Мы учимся кататься на коньках на речном льду. Участок льда очистили от снега взрослые. Коньки-«снегурки» с загнутыми носами, притянуты к пимам сыромятными ремешками. Ноги не слушаются, подламываются. А еще катаемся с горок и по улицам на

самодельных санках, сделанных из толстой доски с закругленными краями, обмазанной снизу навозом и облитой затем водой. Они назывались «карга»…

Весна, снег уже сошел и мы в лесу играем в войну, в сыщики–разбойники, а также едим молодые побеги сосенок (пестики, крупянки)…

Лето. Мы опять на улице или в лесу играем в разные игры: в бабки, в чижика, в мяч, в классики с девчонками, а также ходим к железной дороге встречать проходящий поезд. Однажды, встречая поезд, все ребята перебежали на другую сторону железной дороги, а я остался со стороны дома. Вдруг почувствовал удар и потерял сознание. Очнулся в больнице, мама со мной. Оказывается, ко мне сзади подбежала соседская лошадь и лягнула меня в голову. Хорошо, что лошадь была раскована и я отделался сотрясением мозга и, что поезд не подошел еще, а то бы я оказался под его колесами. Дед пошел к соседям и предложил им избавиться от этой лошади, раз они не смотрят за ней. К моему возвращению из больницы соседи продали лошадь. Этот случай характеризует деда и его авторитет в поселке. В лесу мы тоже играли, а также собирали и ели пиканы, саранки, ягоды (жимолость, костянику, землянику, смородину, черемуху)…

Осень, золотая пора. Дед с детства приучил нас с Борисом к лесу и до сих пор я обожаю лес. Люблю собирать грибы и не боюсь перепутать хороший гриб с поганкой. Я никогда не боялся леса, он меня, наоборот, успокаивал. Вспоминается, также пора сенокоса: жили там вместе со взрослыми в шалашах, помогали переворачивать кошенину и грести сено, собирали грибы, купались в речушке, которая протекала через покос. Речка «Кислая» была мелководной, но очень быстрой, с чистейшей холодной водой, берега ее были заросшими ивняком и смородиной…

Все воспоминания того времени связаны с дедом и бабушкой: дед был суровым, но справедливым и очень добрым для нас, а бабушка – неутомимой в домашних хлопотах и заботах. У нее был один недостаток: она любила поговорить и когда не было собеседника, то «доставалось» от нее и нам. Они оба очень любили нас с Борисом. Когда в 1967 году дед узнал, что мне сделали операцию на желудке и я нахожусь в тяжелом состоянии, он ушел к себе в комнату, лег и тотчас умер…

Следующий этап детских воспоминаний приходится на время, когда я от деда перебрался к маме в Ис. Я уже многое помню из событий тех лет: мне, видимо, лет около пяти. Поселок Ис был гораздо больше Троицкого: он тянулся на несколько километров вдоль реки и в ширину примерно километра на полтора – два. В нем находились все районные службы, работали объекты соцкультбыта: большой клуб имени «Артема» со спортивным залом, рядом сквер с теннисным кортом и различными аттракционами, стадион с трибунами и с парашютной вышкой, несколько столовых и ресторан с биллиардной, много магазинов. Особенно запомнился магазин – золотоскупка, в котором все продавалось за боны – специальные деньги, выдаваемые золотоискателям. Даже в годы войны в этом магазине был очень большой выбор товаров, которые отпускались без всяких карточек. Хлебопекарня на весь район, рынок, колбасный цех, баня, больница, детские садики, две средних школы, парикмахерские. В Исе находилось районное управление по добыче золота и платины со всеми службами. Особой гордостью жителей пользовалась КИЖД (Кытлымо – Исовская железная

дорога, а на языке пацанов «Китайско–Индийская»), построенная еще в 1902 г. наследниками известного на Урале лесопромышленника Воробьева. Она связывала все прииски района, а также обеспечивала связь с магистральной железной дорогой, проходящей от Свердловска на север до Серова, а впоследствии до Североуральска, Ивделя и Приобья. Ширина колеи была 1000 мм, а паровозик и вагоны были маленькими, как игрушечные. Наш паровозик приходил на станцию Малая Выя, что в 43 километрах от Иса, ночью и все пассажиры бегом бежали примерно 2 километра до станции Выя, находящейся на магистральном пути. Бежали потому, что пассажирские поезда и в ту и в другую стороны проходили только один раз в сутки и не было никакой гарантии, что вы сумеете приобрести на них билеты. Паровозики наши использовали дрова, которые были заготовлены на специальных участках вдоль всей дороги. Для обеспечения водой на всех конечных станциях: Малая Выя, Верх Ис, Старая Ляля, а также на станции Ис были пробурены скважины и построены водонапорные башни, называемые водокачками. Железная дорога была важнейшим звеном в нормальной жизни района. Она решала и производственные и социальные задачи. В 70–е годы XX столетия КИЖД за ненадобностью была закрыта и разобрана на металлолом.

Мама и отец жили в большой 2–х комнатной квартире двухэтажного деревянного дома. Отец мой – Комаров Иван Петрович, был мне неродной. Он усыновил меня в 1934 году, когда мама вышла за него замуж. Я же об этом узнал намного позднее: никто из взрослых мне об этом раньше не рассказал. Мне тогда только одно было непонятно, почему меня так не любит бабушка (мать отчима).

Семья Комаровых была достаточно большой: дедушка – Петр Никанорович, бабушка – Евдокия Анисимовна, четыре сына – Иван (мой отчим), Алексей, Николай и Александр и две дочери – Маруся (самая старшая из детей, которая была уже замужем и жила в Егоршино) и Галя. Все были очень дружны, жили вместе в одной четырехкомнатной квартире (кроме тети Маруси и нас). Часто собирались все вместе, стряпали пельмени, ели их, а потом играли все в карты (в Акулину) и пели хором. Мне очень нравились эти вечера.

Вся семья, кроме бабушки, относилась ко мне хорошо, но особенно близок я был с дедушкой и дядей Алешей. Дедушка был профессиональным сапожником, имел свой угол на кухне, где чинил и шил обувь всем исовчанам. В 90–е годы XIX– го и первые XX – го веков он вместе с семьей был на строительстве Китайско–Манчжурской железной дороги и там, в Харбине, родился мой отчим. Дедушка был уже старенький, поэтому его кровать стояла у самой русской печи, а иногда он лежал и спал на полатях – это полка недалеко от потолка, примыкающая к печи. Я, оставаясь у них, спал с ним. Он мне рассказывал всевозможные были. Часто читал книжки, которых у него было аж четыре: Библия, Астрономия, полное собрание сочинений А.С.Пушкина в одном томе и полное собрание сочинений М.Ю.Лермонтова в одном томе. Я с детства впитал в себя эти вечерние чтения, а также рассматривание иллюстраций из этих книг. Дед уже тогда зародил во мне любовь к чтению и к книгам. Вспоминаю деда: маленький и быстрый, как колобок, сам рыжий, борода окладистая, как у К.Маркса – таким он и остался навсегда в моей памяти. Он также был завсегдатаем базара: каждое воскресенье он ходил туда, продавал свои изделия, общался с другими посетителями, узнавал цены и, как правило, выпивал 100 гр. водки, закусывая

конфетой. Если он был со мной, то выпивал без закуски, так как ее съедал я. Видимо, от него перешла эта страсть посещения базаров к его старшему сыну – моему отчиму и моему младшему брату Сергею. А дядя Алеша, второй после отчима сын в семье, был самым весе–лым, активным, предприимчивым, непоседливым из всех детей. Он был невысокого роста и когда вернулся с фронта, то убеждал всех, что обошелся без единой царапины. Мы знали, что он после ранения, однако он уверял всех в том, что в таких низкорослых попасть невоз–можно. Дядя Алеша все время предпринимал что–то новое: то у него в доме появлялись во всех углах и комнатах часы и весь дом был заполнен звуками их хода и боя, то вдруг во дворе он устанавливал клетки и начинал заниматься разведением кроликов, а то вдруг все бочки заполнял арбузами и решал производить из них вино. Он очень любил шутки. Правда, иногда его шутки были для меня обидными. Вот одна из таких. Дядя Алеша засобирался в командировку на Алтай. Целый вечер он мне рассказывал об этом крае: о красотах его при–роды, о людях и обычаях, о разных страшных случаях, произошедших там с ним. Позднее я понял, что все эти «байки» он придумывал тут же специально для меня, так как никогда там раньше не бывал. Но тогда я был очарован его рассказами и слушал их «с открытым ртом». А в завершение ко всему, он обещал взять меня с собой в эту поездку (шутка) и сказал, чтобы я был готов: был одет и ждал его назавтра вечером. Нужно ли говорить о том, что уже днем я был готов и, не смотря на уговоры деда, ничего не ел, не раздевался, а ждал. Потом все–таки уснул, не раздеваясь, и проспал до утра. Я понял, что он меня обманул и долго не мог простить ему эту «шутку». Работал дядя Алеша в землеустроительном отделе.

Приехав в Ис, я очень скоро обзавелся друзьями, соседскими мальчишками: это братья Ердяковы Валерий и Вилен, братья и сестры Жибаревы. Родители наши были тоже дружны.

Жизнь моя в Исе несколько изменилась, по сравнению с той, которой я жил у деда. Я повзрослел и мне пришлось взять на себя ряд хозяйственных дел: пилить и колоть дрова, носить (зимой возить на санках) воду с водокачки, помогать маме водиться с сестренкой (перед моим переездом у нас родилась моя сестренка, Верочка, к сожалению, рано умершая от дифтерии). Но все равно нам хватало времени и на игры, любимыми из которых были прятки, бабки, чижик, лапта, прыжки на доске, а зимой прыжки с крыш в снег. Может быть, сюда следует причислить драки, которые регулярно проходили между ребятами «посел–ковскими» (жившими в центральной части поселка) и «песчанскими» (жившими в части поселка, расположенной за рекой Песчанкой).

Одним из ярких воспоминаний детства была наша поездка в Добрянку к прадеду Василию, отцу деда Меркушева. Совершенно не помню, как мы ехали поездом до Перми, но отчетливо вспоминаю плавание на стареньком пароходике, который громко шлепал своими большими колесами по воде от Перми до Добрянки. Я обежал весь пароход, познакомился с членами экипажа и решил, что обязательно буду капитаном. Помню, что наш пароход оста–новился далековато от города и чтобы добраться до него, мы долго шли по прибрежному песку. И, наконец, встреча с прадедом. Дедушка Василий (так я его называл) был сухоща–вым, невысокого роста и очень добрым. Он всю жизнь был профессиональным рыбаком, имел раньше большую семью: мой дедушка Тимофей был одиннадцатым ребенком, а всего было двенадцать детей. Но в наш приезд он жил один: жена умерла, а дети разъехались

кто куда. Жил он в деревянном двухэтажном собственном доме, с внутренней лестницей на второй этаж.

Помню, как однажды я проснулся ранним утром. Все еще спали, деда не было. Солнце уже било своими лучами в окна дома. Тишина. Вдруг заходит дед и вносит большую, пле–теную из лыка решетку, полную рыбы. Были тогда такие овальные решетки около метра в длину, в которых женщины носили на реку полоскать белье. Дед поставил решетку на стол, стоявший посреди комнаты. Стол этот был длинный, с лавками по обеим сторонам – за ним когда–то собиралась вся большая семья. Сижу я на лестнице между первым и вторым эта–жом и вдруг вижу, как две большие рыбины выскочили из решетки и устроили на столе на–стоящий танец. Меня это настолько рассмешило, что я своим громким смехом всех разбудил. Я, конечно же, сразу захотел стать рыбаком. Еще запомнились мне черемухи в саду у деда. Мне казалось, что они толщиной с метр и их не обхватить руками. Деревья были усыпаны ягодами. Я забирался на них к ягодам по приставной лестнице. Очень жаль, но больше с дедом Василием мне встретиться не привелось: он вскоре умер.

В 1939 году я поступил учиться в Исовскую среднюю школу №2. Учеба давалась легко, первые два класса я окончил с похвальными грамотами. Правда, перед школой, в 1938 году, врачи обнаружили у меня неполадки в легких и несколько месяцев я провел в детском туберкулезном санатории под Свердловском. Вспоминается большой белый корпус, рас–положенный в сосновом бору, отличное питание, частые прогулки и сон на природе, дружба со многими ребятами, редкие приезды мамы. Позднее я находился на учете в областном тубдиспансере до конца войны. Перед самой войной произошло событие, перевернувшее все мое счастливое детство: я узнал, что отец мне неродной, а родной – враг народа и давно сидит. Об этом мне сообщила соседка по квартире, затащив меня к себе. Я был ошарашен, стал искать подтверждение этому в поступках моих родителей. Казалось, что жизнь кон–чилась. Но вскоре произошли такие события, которые отодвинули все семейные и личные заботы на второй план: началась Великая Отечественная Война! Мы сразу повзрослели. Детство кончилось.

Семья Меркушевых: Тимофей Васильевич (дед), Васса Тимофеевна (бабаушка); дочери: Галина, Зоя; внуки: Володя, Борис.
Пос. Троицкий 1933 год.

Дом деда в пос. Троицкий.

Отец - Боровков Иван Васильевич.

Братцы - «Тихони».
1933 год.

В детском саду, пос. Троицкий 1935 год.

Семья Комаровых: родители и дети – Володя и Верочка. Пос. Ис 1936 год.

Дом (2-х этажный), в котором жиди Комаровы. Пос. Ис 1936-1942 гг.

Володя – школьник. Пос. Ис 1941год.

С любимым дядей Алешей. Пос. Ис 1939 год.

Школа в которой учился Володя, с первого по третий класс. Пос. Ис.

Володе пятнадцатый год.
Пос. Красный Урал, 1946 год.

Друзья - Борис Подузов. 1946 год.

Юра Белых

Люся Игнатова и Лия Шайхисламова.

Семья Комаровых. Пос. Красный Урал 1946 год.

Выпускники исовской средней школы, «сэры» – Шмелев С., Щелчков А., Комаров В. (крайний слева). Пос. Ис 1949 год.

ул. Ленина. Слева здание средней школы. Пос. Ис.

Глава III / Война, окончание школы.

1941 (июнь) – 1949 (август) гг.

Война – это огромные тяготы для народов воюющих стран, Мировая война – вселенское горе. Поколению наших стариков, родителей, а в чем–то и нам, пришлось понять это на собственном опыте. Нет, мы не слышали военной канонады и чужой речи, на нас не падали бомбы с вражеских самолетов, по нашим поселкам не проходила линия фронта, но, как и все люди нашей страны, уральцы были участниками этой страшной трагедии. Это благодаря их самоотверженному труду за невероятно короткие сроки на Урале была создана военно–промышленная база страны, позволившая нашим воинам победить и освободить народы Европы от «коричневой чумы». И не случайно наш край сейчас называют опорным краем державы.

Отчетливо помню первый день войны. 22 июня 1941 года, воскресенье, хороший летний день. Мне через полгода исполнится 10 лет, и я уже перешел в третий класс средней школы. Услышав по радио днем сообщение о нападении немецких войск на Советский Союз, наше мальчишеское братство немедленно собралось и начало обсуждать эту новую интересную проблему. Мы были уверены, что война продлится месяц – другой, не больше. Настроение у всех ребят было приподнятым: «мы им покажем», таково было общее мнение. Однако оно быстро стало меняться. Мы не понимали, что происходит, почему наша «непобедимая и легендарная» так быстро откатывается назад, оставляя врагу все большую территорию страны. К осени немцы захватили Киев, Минск и начали серьезно угрожать Москве и Ленинграду. И только намного позднее, уже после Войны, мы узнали о причинах провала в 1941 году, а также каких неимоверных усилий всего нашего народа стоило остановить зарвавшиеся вражеские полчища.

Оценить серьезность обстановки нам помогла сама изменившаяся жизнь в поселках: они, как и люди в них, стали строже. Улицы по вечерам окунулись в темень ночи, ни одного огонька, на окнах плотные шторы, не пропускающие света, начались ночные проверки документов у прохожих. Были конфискованы «для нужд Армии» радиоприемники и мотоциклы. Вскоре была введена уголовная ответственность за опоздания на работу. При опоздании на пятнадцать–двадцать минут следовало наказание в виде вычета из зарплаты 25% в течение двух–трех месяцев; отсутствие же на работе без уважительных причин в течение двух дней

каралось заключением до семи лет, как за дезертирство. Работа на предприятиях была организована в две смены, пересменка один раз в полмесяца. Работали без выходных, без отпусков.

С первых дней Войны началась мобилизация в Армию взрослых мужчин и женщин-медиков. Не избежала этого и семья Комаровых: все сыновья и младшая дочь ушли защищать Родину. Разные у каждого были военные судьбы, но все вернулись живыми домой! Дядя Саша, кадровый офицер, участвовавший еще в финской военной компании, был на фронте с первых дней Войны. В боях под Смоленском в начале 1942 года попал в плен. Находился в лагере для военнопленных под Дрезденом до января 1945 года. Освобожден американскими войсками. Вернулся домой больным. Мой отчим также был на фронте с первых дней. В первых боях был ранен в правую руку, долго лечился в госпиталях Кавказских минеральных вод, был признан инвалидом и вернулся домой летом 1942 года. С конца 1942 года работал в торговом отделе Исовского Золотопродснаба. Дядя Алеша был мобилизован в 1942 году. Воевал в войсках связи. Вернулся домой с фронта в 1944 году после ранения. Дядя Коля был мобилизован в 1945 году и принимал участие в войне с Японией. Вернулся домой невредимым. Тетя Галя после окончания в 1941 году Свердловского мединститута была мобилизована в Армию, служила в медсанчасти, вышла на фронте замуж и вернулась домой в конце 1942 года рожать первенца. Ее муж, Прошагин Петр Семенович присоединился к семье после окончания Войны.

Ушедших в Армию заменили на работе в тылу старики, женщины и подростки. Особенно мало мужчин оставалось в колхозах, совхозах и поэтому там, с первого года Войны, пришлось трудиться и нам десяти- четырнадцатилетним подросткам. Работы мы не боялись, но все время были голодными, а когда наступала осенняя распутица, то мы страдали от холода, потому что нас селили в неотапливаемых сараях, приспособленных под сезонных рабочих. Внутри сарая на всю длину были расположены нары с двух сторон с проходом посередине, на которых мы и спали «вповалку» и только у входа были вешалки для верхней одежды из набитых в стенку гвоздей. Одежда до утра не всегда успевала просохнуть, а утром надо было снова топать в эту «непогодь». Удивительно, но заболевали ребята редко.

Вскоре, как и по всей стране, у нас была введена карточная система на продукты питания, цены на рынке начали быстро расти. На их быстрый рост повлиял также приезд к нам эвакуированных из Ленинграда: в Ис из Ленинграда был вывезен институт «Гипроалюминий» со всем персоналом, оборудованием и имуществом. А так как в поселке был организован еще и военный госпиталь, то произошло «всеобщее переселение»: под производственные и служебные помещения институту был передан учебный корпус техникума, в обеих школах разместился госпиталь, а учебные кабинеты техникума и классы школ «переехали» в здания общежитий техникума. Служебный персонал института с семьями разместили по квартирам и домам исовчан. Назвали это уплотнением. К нам подселили семью главного конструктора института Антонова Константина Николаевича, состоящую из шести человек: он с женой, сестра жены, две дочери и дочь сестры. Их дочери были школьного возраста: старшая Аня начала учиться в одном классе со мной, Таня – на класс ниже. Дочь сестры была старше их дочерей, но болела туберкулезом легких и вскоре умерла.

Как-то незаметно и очень быстро, фактически из трех семей, образовалась одна дружная семья: мы вместе выполняли все работы по хозяйству, вместе работали на огороде, одной семьей садились за стол, вместе печалились и радовались известиям с фронтов. И никто в поселке даже не слышал, чтобы какая-то эвакуированная семья не получала помощи от уральцев. В этом проявился характер нашего народа. А на новый 1942 год руководство института устроило для детей всего поселка праздник – Новогоднюю елку. И ничего, что большинство игрушек на елке были самодельными, а вместо оркестра играл патефон. Самым запоминающимся моментом праздника в моей памяти, почему-то, осталась процедура угощения всех детей напитком, который назывался «Ситро»! Этот праздник окончательно сдружил эвакуированных с местными. Когда в 1942 году после лечения в госпиталях вернулся домой мой отчим, жизнь нашей большой семьи осталась такой же дружной, лишь добавился еще один член семьи.

В 1943 году институт перевели в какое-то другое место и наша семья уменьшилась, но память о совместно прожитых годах Войны осталась у нас (как оказалось и у Антоновых) на всю жизнь. В 1948 году, уже после окончания Войны, я получил от Ани Антоновой письмо из Ленинграда, которое послужило началом наших послевоенных встреч. Об этом я расскажу позднее...

Хочется рассказать и о взаимоотношениях жителей поселка. Большинство их составляли рабочие, так или иначе связанные с добычей драгоценных металлов. Труд тяжелый: работать приходилось в дождь, в снег, в морозы, порою по колено в холодной воде. Многие из рабочих в свое свободное время, а также старики и подростки, брались за лопаты, ковши и мутилки, начинали заниматься частным старанием на давно отработанных месторождениях. Удача выпадала не часто, но некоторая поддержка была, так как за сданные в золотоскупку платину и золото хорошо отоваривали продуктами. После такой изнурительной работы и получки рабочие, как правило, пили неделю, целыми группами не выходя на работу. А потом снова работали как проклятые, без выходных, целый месяц. И так постоянно. Во время загулов частенько возникали ссоры и драки. Однажды я был свидетелем такой потасовки: иду я как-то в магазин за хлебом. А навстречу мне бредут, обнявшись, двое таких «отдыхающих», горланя на всю улицу какую-то песню. Вдруг они остановились, о чем-то громко заговорив. Затем, один из них неожиданно так поддал другому, что тот упал и лежит. А этот, неторопливо покачиваясь, пошел дальше один. Я, от греха подальше, перешел на другую сторону улицы. И смотрю, что будет дальше? Лежащий на земле вдруг поднялся и быстрым шагом стал нагонять уходящего, который шел себе потихоньку, не оглядываясь. Догнал и сходу так ударил его по спине, что тот от неожиданности упал. А нападающий, видимо устав, сначала сел, а потом тоже прилег рядом. Полежав немного, они встали, о чем-то поговорили и, неожиданно для всех, обнялись и с песней удалились.

Несмотря на житейские трудности, все были честны в отношении с другими: не было даже намеков на то, что кто-то «влез» в чужую квартиру или кого-то обокрал. А ведь хозяева, уходя из домов или квартир и закрывая их на замок, ключи от замков оставляли, как правило, под ковриками перед дверьми.

А летние послевоенные праздники, так называемые массовые гуляния. Буквально все жители уходили в лес километра на полтора–два от поселка, где на большой поляне заранее подготовленной: украшенной разными транспарантами, с работающими буфетами, с музыкой и танцами, а также с различными аттракционами и играми – прекрасно проводили весь день. Я до сих пор не могу привыкнуть к взаимоотношениям горожан, когда соседи отгорожены друг от друга железными дверями, часто совсем не знакомы.

Война изменила нашу школьную жизнь: в школе ввели уроки военного дела, а так же ночные дежурства школьников и они нам очень нравились. Занятия проводились в две смены, поэтому зимой во время утренних и вечерних уроков было темно, так как электрического освещения не было, (вся электроэнергия в поселках подавалась на производственные нужды). Мы быстро нашли выход из положения, научившись изготовлять коптилки: светильники из металлических банок, закрытых сверху крышкой, в которую вставлялся сверху кусок стеклянной пробирки. В банку наливался керосин, а из пробирки опускался в него самодельный фитиль, который и освещал парту. Для обучения не хватало учебников и тетрадей, так мы сами мастерили тетради из разной бумаги, а учебники использовали по одному на несколько человек. Утром до занятий в школе или вечером после них, (в зависимости от смены) мы дежурили в госпитале: ухаживали за ранеными, читали им книги, читали и писали письма, устраивали концерты.

Зима 1941–1942 годов была очень холодной, из–за нехватки дров могли остановиться котельные госпиталя и зданий техникума. Вместе со взрослыми, свободными от производства, мы участвовали в работах по заготовке дров. Это повторилось и следующей зимой. Правда, нас задействовали на довольно простых работах: погрузке, вывозке и разгрузке.

Выше я сказал, что мы страдали от голода. Конечно, мы не падали от голода в обморок, но нашим растущим организмам не хватало калорийной, разнообразной пищи. Каково же было наше питание в военные годы? Тяжелым был первый год, так как никто не был готов к трудностям войны. Введение карточной системы сразу сделало дефицитом основные продукты питания: хлеб, муку, сахар, масло, крупы, макаронные изделия. Мяса в магазинах практически не бывало, я уже не говорю о колбасных изделиях. Хлеба для работающих выдавали по 800 граммов на день, на иждивенца по 300 граммов, а детям – 400 граммов на день. На рынке же булка хлеба стоила 150 – 400 рублей. В первое время многие семьи выручало то, что в мирное время поселковские женщины, обычно каждое воскресенье, что–то стряпали и поэтому имелись запасы муки. Наша мама быстро перестроилась: стала добавлять в тесто различные добавки (отруби), печь изделия, на которые расходуется мало муки (драники – картофельные оладьи, пироги с капустой, у которых корка картофельная, заваруху – жидкое тесто на молоке, поджаренное на сковородке). Для решения мясной проблемы многие стали разводить свиней: получали не только мясо, но и сало. Я же у себя дома стал разводить кроликов: отличное диетическое мясо, размножаются и растут кролики быстро. Но, заболев, они быстро все погибают. Пришлось прекратить это занятие. Сахара же, кроме как по карточкам, не было. Я настолько привык все время его экономить, что когда война окончилась, у меня сохранилась большая коробка из под конфет, заполненная кусочками колотого сахара. И даже сейчас, на старости лет, я не люблю очень сладкие блюда. Но

в те далекие военные времена наши бабушки и мамы все же нашли выход и из этого положения: они сушили свеклу, малину и давали это нам вместо сахара. Кроме того, когда по карточкам выдавали фруктовый чай (другого не было), то мы его использовали как сахар, а чай заваривали или из сушеной моркови (паренки) или из ягод, листьев брусничника, трав. Очень выручали всех с продуктами питания подсобные участки у каждой семьи, а также дары леса. Я не побоюсь сказать, что лес многих спас тогда от голодной смерти и болезней. Для примера расскажу два случая из моей жизни того времени.

Осень. Узнаю, что в лесу неподалеку от Иса, в районе «ледянок» появились опята. «Ледянками», а их было три, у нас назывались просеки, прорубленные по склону горы, находившейся рядом с поселком. Зимой они заливались водой и по этим ледяным дорожкам спускались заранее заготовленные хлысты деревьев прямо к окраинам поселка, а оттуда на тракторах их отвозили на лесопилку. Так вот, беру я большой настоящий мешок (полиэтиленовых тогда не было), иду на «ледянки» и через час возвращаюсь с полным мешком опят. Затем мама их сушила и мариновала, а зимой – картошка и пироги с грибами, а так же любимая до сих пор закуска всей моей семьи – икра из сушеных грибов.

Второй случай. Поздняя осень, уже наступили холода, прошли иней. Дед Меркушев извещает, что мы все едем за брусникой. Собираемся у него, в поселке Троицком, в субботу после работы и отправляемся за ягодами. Для этого дед запрягает лошадь, на телегу устанавливает деревянную кадку, кладет пару решеток таких, как у прадеда Василия и еще каждому по корзинке. А нас пять человек: дед, мама, тетя Галя, Борис и я. Идем всю ночь и к утру добираемся до места. Весь день собираем бруснику, а она уже спелая, даже сладковатая. К вечеру вся тара заполнена и мы возвращаемся домой. Наши мамы уже практически через два часа отправляются пешком в Ис, на работу. А идти четыре километра. Мы же с Борисом после завтрака отсыпаемся до полудня. Дальнейшие действия с ягодами производит бабушка. Всю зиму у нас были моченые и мороженые ягоды, а какие из них кисели, морсы и шаньги с ягодами. Очень вкусно и чрезвычайно полезно для здоровья. Всю зиму у нас были так же другие лесные ягоды, грибы и кедровые орехи. Кроме того, как правило, были намороженные две – три наволочки пельменей и с десяток «дисков» молока. Дед был охотником, стрелял всякую дичь, сам готовил фарш для пельменей, а бабушка их стряпала. Но мы и сами выдумывали и готовили свои фирменные блюда: «колбаса», это кусок корки черного хлеба, натертый чесноком и круто посоленный; «халва» – это зерна кедровых орехов, растолченные, политые сметаной и чуть подслащенные; «печенки», незабываемое блюдо из запеченной в костре картошки «в мундире».

Нам казалось, что мы повзрослели и многие из ребят, подражая взрослым, начали курить. Курили всякую отраву: самосад, мох, сухие листья – папиросы и настоящий табак достать было невозможно. Мое курение закончилось в 1949 году, когда я поступил в институт и пришел на первую тренировку по футболу. Тренер предложил выйти из строя всем курящим. Вышли все. Тогда он предупредил нас о том, что кто выйдет из строя на следующей тренировке, тот будет исключен из секции. Опять все дружно бросили курить, но многие вернулись к этому через определенное время, а я так и не курю с того времени и нисколько об этом не жалею.

Наш с Борисом дед Меркушев, кроме работы лесником, имел разрешение на мытье золота и платины, как первооткрыватель и летом 1943 года он нас познакомил и с этими работами, и с этими драгоценными металлами. Мы почувствовали, какой притягательной силой они обладают, но поняли и какой нелегкий труд у золотодобытчиков.

Седьмого октября 1943 года у нас в семье появился еще один мальчик, мой брат Сергей. Мама после родов заболела, перенесла несколько операций. А в конце года, в связи с переводом отчима, наша семья переехала в поселок Красный Урал (ныне Уралец), расположенный в сороках километрах от города Нижний Тагил, в Висимском районе – родине Д.Н. Мамина–Сибиряка. Отчима назначили начальником торгового отдела местного Золотопродснаба.

Поселок был небольшой, расположен в горной части: буквально в пяти километрах на север находилась гора Белая, южнее – гора Широкая, еще южнее – Старик Камень. Все горы покрыты лесом. На горе Белой было много кедра, причем кедры низкие пушистые, а шишки на них росли почти с самого низа. Мы с ребятами ходили туда специально «шишкарить». Сейчас на горе Белой построена шикарная (по рассказам, так как сам я там не был и не видел) горнолыжная база. С севера к горе Белой почти примыкал Черноисточинский пруд, а дальше к Нижнему Тагилу до Горбуново было царство болот. С юга и востока поселок огибала небольшая речушка, а за нею недалеко от берега стояли скалы, называли их Мамыниха. Мы с ребятами часто играли на этих скалах и доставали из расщелин какие–то пахучие сладковатые травки (их называли «сен–сен»), которые с удовольствием съедали.

Добраться до нашего поселка можно было или по дороге от Нижнего Тагила, через Горбуново и Черноисточинск (45 километров пешком или на лошадях), или поездом со станции Кедун–Быково, что в Нижнем Тагиле до станции Урал, находящейся в 8 километрах от поселка, а от нее пешком по горной дороге. Поезд по станции Урал проходил ночью и поэтому, если надо было ехать в Нижний Тагил или кого–то встречать, выходили из поселка в 12 часов ночи. Однажды я встречал из Нижнего Тагила тетю Галю. Иду себе: все хорошо, ночь теплая. И вдруг слышу голоса, меня догоняют какие–то два молодца. Сначала было все нормально. А потом они задумали проверить, что у меня в карманах. А может и еще что худшее. Я не стал дожидаться, дал ближнему по морде и ходу от них. Пробежал бегом до деревни Захаровки, от которой до станции Урал всего два километра и залег за забором одного из огородов. Через некоторое время показались мои преследователи. Добежав до края деревни, они остановились и стали советоваться, что же им делать дальше. В конце концов, они пришли к выводу, что на станцию им идти нельзя, так как там могут оказаться другие пассажиры и все для них может кончиться плохо. Я же лежал рядом за забором и все слышал. Затем, выругавшись в мой адрес, они направились в деревню: видимо здесь они и проживали. Моя встреча тети Гали закончилась благополучно: дошел я до станции нормально, хотя и с опаской, а обратно шли уже целой группой. Я, конечно, никому из домашних о своих ночных злоключениях не рассказал, иначе бы меня уже больше никогда не отпустили ночью.

Мы жили в прекрасной трехкомнатной квартире в одноэтажном деревянном доме с высоким каменным цоколем. Дом находился на центральной улице поселка, поблизости от

работы отчима и моей школы. Рядом с домом на одном участке был небольшой огород, а во дворе – сарай и стайка (помещение для скотины). Поэтому наши деды Меркушев и Комаров, как только потеплело после зимы, быстренько собрались, и в течение недели проделали пешком путь от Иса до Красного Урала, ведя с собой корову. Так мы стали жить с молоком, со сметаной и творогом. А прошли они пешком немного – немало 300 километров и ведь было тогда каждому из них за 60 лет.

Я быстро освоился на новом месте и обзавелся школьными друзьями: Юра Белых, Валя Демина, Мотя Розенфельд, Руфа Звездина – это все мои одноклассники. Выделяю из них Юру Белых местного мастера–самоучку: он сам, своими руками смастерил киноаппарат, с помощью которого демонстрировал фильм, который мы сообща купили на рынке. Борис Подузов, братья Попковы Гера и Стасик, Галя Сюзева, Лина Соколова, Лия Шайхисламова, Борис Огибенин, которые учились в других классах, но были в одной со мной компании. Наши родители также дружили семьями. Отмечу Галю Сюзеву: она очень симпатизировала мне и однажды в день праздника стащила часть маминой стряпни на наш праздничный ребячий стол. Наша дружба и дружба родителей закончилась свадьбой Гали с моим братом Борисом. Они прожили в браке всю жизнь до смерти Бориса, у них родился и вырос сын Алексей, который затем женился и уехал с семьей в США. Сейчас Алексей и его семья – граждане США. Галя после смерти Бориса тоже перебралась к сыну. Дай ей Бог здоровья и покоя, а также памяти не забыть Родной край и могилы близких людей. Вася Курманов, сирота, воспитанник детского дома, друг по всем начинаниям. После окончания школы он переехал на жительство в закрытый город Лесной. Женился, счастлив.

Война еще продолжалась, но жизнь уже несколько изменилась. Учился я в пятом классе отличной школы, никаких перебоев с электроосвещением не было, кроме школьных уроков начал заниматься в драмкружке при клубе поселка (одна из ролей, которые я сыграл – Тимур в спектакле «Тимур и его команда»), а также спортом: играл за сборную команду мальчишек поселка в футбол (1 место в районе), участвовал в соревнованиях по пулевой стрельбе и лыжных гонках, научился играть в шахматы и шашки. Кстати, любовь к шахматам заронил в мою душу любимый дядя Алеша, который приезжал к нам в гости по возвращению с фронта и подарил мне эту игру, а также дал первые уроки игры.

Но главными планами четверки друзей (Борис Подузов, Гера Попков, Вася Курманов и я) были мечты о поступлении в Суворовское училище. Мы тщательно готовились к побегу из дома (никто из родителей добровольно нас бы не отпустил): в потайном месте на одном из сараев были приготовлены вещмешки с необходимым запасом вещей и продуктов. Были собраны деньги на поездку, которые мы заработали помощью одиноким женщинам. Но планы наши неожиданно были нарушены. В 1946 году состоялись выборы в Верховный Совет СССР и к нам в поселок приехал кандидат в депутаты, директор Н–Тагильского танкового завода, Моксарев Юрий Евгеньевич. Мы решили обратиться к нему за помощью: после встречи с избирателями мы подошли к нему и изложили свою просьбу. Выслушав нас, он задал один лишь вопрос: – Знают ли о наших намерениях родители? Пришлось сознаться, что родители ни о чем не подозревают. Тогда он решил переговорить с ними и назначил нам вместе с родителями встречу на утро следующего дня. Всю ночь шли наши

переговоры с родителями: с руганью, со слезами матерей, с уговорами. И родители сдались: утром вся наша «делегация» направилась на прием к кандидату в здание поселкового Совета. Получив «добро» от родителей, Юрий Евгеньевич пообещал выполнить этот «наказ избирателей». И он выполнил его, став депутатом: в конце 1947 года мы (вся четверка) получили письма из Главного управления военных училищ, в которых сообщалось, что в данный момент все Суворовские училища заполнены детьми, участвовавшими в Войне сыновьями воинов, но в 1950 году нам будут предоставлены места для поступления. Но в 1950 году мы уже осуществляли другие планы, так как решили посвятить себя мирным профессиям: Борис Подузов был студентом Свердловского горного института, Гера Попков учился в Уральском техникуме железнодорожного транспорта, Вася Курманов строил объекты «Свердловск-45», я учился в Уральском лесотехническом институте.

Летом 1944 года в моей жизни произошло незабываемое событие: я познакомился с семьей родного отца. Все началось с приезда к нам на Красный Урал деда Комарова. Он пожил у нас пару недель и засобирался домой на Ис. Мы с Борисом, а он тоже тогда был у нас и, кстати, тогда еще познакомился со своей будущей женой, Галей Сюзевой, уговорили моих родителей, чтобы они отпустили нас с дедом в гости к деду Меркушеву, тем более, что были летние каникулы. Нас отпустили и мы с дедом ночью дотопали восемь километров до станции Урал и паровозиком, который шел из Висима в Н-Тагил, по узкоколейке, к утру добрались до станции Кедун-Быково, конечной станции в Нижнем Тагиле, расположенной рядом со старым металлургическим заводом. И вот мы в седьмом часу утра, через весь ночной город, идем на главный железнодорожный вокзал. Надо сказать, что тогда места рядом с заводом были мрачные и о них ходила худая слава, что там ночью раздевают и убивают прохожих. Да и время-то было какое: конец Войны и повылезали из разных щелей бандитские отродья. Было страшновато идти, но мы, вооружившись перочинными ножечками, храбро прошли этот путь. Видимо, бандиты испугались встречи с такими храбрецами!? С железнодорожного вокзала, дачным поездом (без особых документов, тогда можно было ездить только на дачных поездах) благополучно добрались до станции Гороблагодатская. Вечером мы должны были пересесть на дачный поезд до Новой Ляли и ехать на нем до станции Выя. Мы его дождались, но была такая давка у кассы, что билеты купить не смогли и, решив ждать завтрашнего поезда, легли спать прямо в здании железнодорожного вокзала. Проснулись оттого, что начался какой-то шум: это пришел ночной поезд до Серова. Смотрим, наш вещмешок, в котором лежал противогаз, подарок Исовским друзьям, был разрезан и все из него исчезло: видимо воры, подумав, что там лежат консервы, все вытащили, и унесли. Дед очень рассердился на нас за то, что мы такие растяпы и заявил, что дальше поедет один, а нам предложил добираться самим. Когда мы вышли к поезду, то увидели деда, стоявшим у санитарного вагона: он просил, чтобы его подвезли (поезд тот был не дачным и на него, без документов, билеты не продавали). Мы же пошли вперед, обошли весь состав и устроились на подножках соседних вагонов. Поезд тронулся. Ближайшая станция Кушва, которая находилась от станции Гороблагодатской всего лишь в двух километрах. Остановка. И вдруг мы видим, что за поездом бежит наш дед: значит, не посадили. Мысленно простив его за то, что он хотел нас бросить, мы позвали его и взяли

к нам на одну из подножек. Поехали. Вдруг открывается дверь, из тамбура выходит какой-то тип, лет сорока. Он устроился к нам на подножку и стал что-то рассказывать, вдруг я вижу, как он лезет в карман к деду. Я закричал Борису, чтобы он доставал оружие и что мы должны прикончить этого «ворюгу». Вор испугался, поверив в слова об оружии, и быстро ретировался обратно в вагон. Дальше мы доехали без приключений, только в конце пути мылись с полчаса у станционного водопровода – такими грязными мы были.

При встрече дед Меркушев спросил меня, хочу ли я познакомиться с семьей родного отца, на что я, не раздумывая, ответил утвердительно. Через день у нас появились гости: отец – Боровков Иван Васильевич и девушка Валентина – дочь второй жены отца, Анны Сергеевны, моя названная сестра. Отец был высоким, несколько полноватым, волосы короткие, гладко зачесанные набок, глаза веселые и очень добрые, разговор очень быстрый, Он всем своим видом сразу располагал людей к себе. Валя была высокой стройной девушкой, очень красивой, но какой-то скованной. Потом-то я понял, что не только она, но и все мы стеснялись этой первой встречи. Но скоро скованность прошла, видимо, от бабушкиного самовара, из которого она поила нас чаем с вареньем и рассыпчатым (моим любимым) печеньем, а больше от ее быстрого веселого и объединяющего разговора. И, уже как добрые знакомые, мы направились к местному поезду, который в это время проходил через Троицкий из Верхнего Иса до станции Ис. На станции Ис пересели тоже на местный поезд, следующий до станции Старая Ляля, вышли на станции Ниновский и оттуда прошли пешком двадцать километров до поселка Нясьма, места жительства семьи отца. Поселок Нясьма был построен еще до войны для проживания «спецпереселенцев» – выселенных «врагов народа». Он был расположен в глухом лесу, среди увалов, рядом протекала небольшая, но быстрая с чистой водой речка Нясьма. В поселке было домов пятьдесят, видимо семей на двести. У каждой семьи комната с выгороженной кухонькой. Удобств, кроме освещения и радио, никаких. Да еще несколько домов, в которых размещалась комендатура и проживала охрана. Поселок, на первый взгляд, как все поселки в районе: никакого забора с колючей проволокой или сторожевых вышек, но попробуй-ка уйти куда-нибудь без разрешения коменданта. Комендант – бог и царь. Паспортов ни у кого нет, если где остановят и проверят документы – ты беглец и тебя быстро переведут из поселка в один из лагерей, которых хватало и находились они не очень далеко. В поселке была построена баня, в которой один день в неделю мылись женщины и один – мужчины. Парикмахерской не было: подстригали друг друга сами, кто как мог. Дети учились в начальной школе в поселке Ниновский.

Дошли мы до поселка к вечеру. Нас встретили жена отца – Анна Сергеевна, я ее назвал тетей Нюрой и называл потом так всю жизнь и Саша, четырехлетний сын, мой брат. В зыбке – кроватке, прикрепленной пружиной к потолку, лежала Аля, моя сестра. Крохе было меньше года. Приняли меня очень тепло и уже через несколько дней я почувствовал себя своим в этой многострадальной семье. Прожил я у них около трех недель, которые промелькнули незаметно, скучать было некогда: то мы с Сашей «мастерили» деревянный телефон, то ходили с отцом в лес, проверяя качество замоченного лыка, или заготовляли бересту. Дома отец научил меня готовить пуговицы из старых патефонных пластинок с помощью специального штампа, сделанного из медного ружейного патрона, а также плести

лапти. Однажды мне захотелось порыбачить. Отец взял у кого–то сак, это специальная сетка на металлическом обруче с длинной деревянной ручкой. Опускаешь его в воду на расстояние длины ручки и ведешь около дна вдоль берега, затем выбрасываешь на берег с рыбой или пустым. Мы так «насакались» с отцом, что я еле дошел до дома, но был очень доволен. В один из дней, играя с Сашей в лесу, я буквально рядом с поселком, увидел большой кедр, усыпанный шишками. Придя домой, я рассказал о кедре и о том, что хочу влезть на него пошишкарить. Договорились, что сделаем это завтра, но каково же было мое удивление, когда мы назавтра пришли к кедру: он был спилен и лежал на земле. Видимо отец побоялся, что я могу травмироваться. Пришлось собирать шишки на земле. Собрали, однако, около четырехсот штук.

Во всех лесных походах мы с отцом рассказывали друг другу о жизни. Оказывается, они с моей мамой, прожив вместе всего месяц, решили поехать к друзьям в город Нижний Тагил. Она уехала вперед, а он должен был приехать через два дня из–за задержки на работе: он работал бухгалтером. Но ни через два, ни через четыре дня он так и не появился. Поняв, что произошло что–то важное, она вернулась домой. В доме царила растерянность и страх, и были только дед с бабушкой. Оказывается, назавтра после маминого отъезда, ночью приехали с Иса милиционеры, перевернули весь дом в поисках оружия, и ничего не найдя, забрали отца и уехали. Через день дед наведался в милицию и на свои вопросы о зяте получил ответ, что тот – враг народа, осужден и отправлен отбывать наказание, и посоветовали забыть о нем. Мама, вернувшись, тоже пыталась искать мужа, но ей внушили, что своим упрямством она только вредит семье. А через год кто–то из «доброхотов» сообщил ей, что ее муж убит при попытке к бегству. След оборвался…

Отец же попал в лагерь, где–то на севере области и работал на строительстве заводов. Там, на лесоповале, он и встретил свою вторую избранницу – Анну Сергеевну. Была зима, работать приходилось по пояс в снегу. Он обратил внимание на женщину в короткой дошке и в фетровых ботах на ногах. Несколько дней наблюдал, как она надрывается на этой тяжелой, даже для мужчин, работе, потом подошел и начал ей помогать. Они познакомились: она, как жена врага народа, вместе с дочкой была отправлена в лагерь. Так встретились два несчастья… Подружились, поженились, друзья отделили им в бараке брезентом угол и уже никакие трудности и жестокости не помешали им построить счастливую семью. Но, через много лет, каким–то образом узнав, что у него в первой семье родился и растет сын, он все последующие годы пытался увидеться со мной.

Все жители поселка Нясьма были обязаны ежедневно работать: они занимались заготовкой и изготовлением продукции из лесного сырья: драли лыко и плели из него лапти и корзинки, заготавливали бересто и делали из него туеса, пайвы, а также гнали деготь, заготовляли в лесу дрова, ягоды, грибы, кедровые орехи и затем их перерабатывали. За невыполнение дневного задания – наказание быстрое и неотвратимое. Отец работал на вывозке продукции на Ис, поэтому имел разрешение на проезд туда. В конце концов, он сумел встретиться с дедом и договориться о встрече со мной. И вот, наконец, встреча состоялась.

За эти три незабываемые недели я очень сдружился со всеми членами этой семьи, и сам отец стал для меня близок. Я понял, что никакой он не враг, а жертва оговора и по–

чувствовал, что у меня появилась вторая семья. Дальнейшая жизнь доказала правильность этих выводов. После смерти Сталина они были реабилитированы, а я со дня нашей встречи и до конца их жизни чувствовал теплоту и заботу с их стороны ко мне, а затем и к моей семье. И сейчас, когда живы лишь мы с Алей, дочь Вали – Аля (Балямка), да наши дети, мы одна большая семья.

Вспоминаю День Победы – 9 мая 1945 года. Занятия в школе отменили, у всех радостные лица. Всеобщий праздник длился весь день и всю ночь. А в скольких семьях это был праздник со слезами на глазах. Наше поколение мальчишек и девчонок Войны никогда не забудет о ней и о тех наших старших – дедах, отцах, братьях, матерях, сестрах, а также других известных и безвестных героях, которые привели нас к этому Дню, дали возможность нам, нашим детям и внукам жить под мирным небом. Память о них мы пронесем через всю жизнь и передадим потомкам.

Седьмой десяток, как закончилась Война,
Но ветеранам не дает она покоя:
Как часто по ночам, во время сна
Живут они тяжелым давним боем.
И лица тех друзей, что не дошли,
Им вспоминаются бессонными ночами,
Но не проходит, не уходит боль души:
Не спят, лежат всю ночь с открытыми глазами.
Как в этом Вам помочь, поверьте, мы не знаем,
Но в память о былом – мы головы склоняем.
Всю благодарность Вам не выразим словами,
И памятью живем о недошедших с Вами.
Седьмой десяток, как закончилась Война,
А память все болит… Да будет жить она!

Летом 1946 года моя мама заболела и ее положили во 2–ю городскую больницу города Нижнего Тагила. Я решил навестить ее: друзья нашей семьи Попковы и Сюзевы собрали передачу и я отправился в путь. Приехал в Кедун–Быково, а дальше до больницы надо ехать несколько остановок трамваем. Поезд пришел в Нижний Тагил рано утром, трамваи уже пошли, но народу на них было очень много, так как рабочий люд уже спешил на утреннюю смену. Короче говоря, я не сумел влезть в трамвай и расстроенный пошел по трамвайным путям пешком. Надо сказать, что трамвайные пути в то время в Нижнем Тагиле были однопутными, и только на остановках были разъезды. И вот иду я и вижу ужасное зрелище: два трамвая (каждый из двух вагонов), шедшие на встречу одновременно, на одном участке, на полной скорости врезались друг в друга. Видимо не сработала автоматика. Трамваи лежат на боку, рядом трупы, слышны стоны раненых и уже подъехали машины скорой помощи. Никогда не забуду один кадр: лежит вагоновожатая, а из ее живота и спины торчат края трамвайной деревянной рейки. И я понял, что сама судьба отвела от меня удар! Я пешком

добрался до больницы, передал маме передачу, умолчав о случившемся и, учитывая, что до поезда еще более полусуток – отправился в городской краеведческий музей. Музей мне очень понравился, остались в памяти несколько экспонатов: кусок железной руды весом более нескольких сот килограммов, удерживаемый на весу магнитом; письмо Демидовых будущему поколению, найденное во время прорыва плотины в Староуткинске – к одной из свай плотины была прикована цепь, а к нижнему звену цепи прикреплена стальная труба. Разрезав ее, обнаружили в ней медную трубу, а в ней свиток с посланием. Запомнился также паровозик братьев Черепановых.

Впоследствии, бывая в Нижнем Тагиле, я всегда стремился в музей. И вообще мне понравился этот рабочий город (пусть грязный и дымный), а также его люди. Уже взрослым мне привелось своим трудом подтвердить любовь к этому городу: монтажный трест, в котором я работал, занимался монтажом систем вентиляции и газификации многих объектов и «сделал» много чище его воздух.

В конце 1947 года мои родители засобирались переезжать обратно в Ис. Я, не дожидаясь их, собрался и уехал один в январе 1948 года, во время зимних каникул. Январь тогда был очень холодным и ветреным, поэтому мама, провожая меня, заставила тепло одеться: теплые брюки, шерстяной свитер, поверх теплая телогрейка; на ногах, поверх шерстяных носок, пимы. На голове шапка-ушанка, на руках теплые шубенки. Я ворчал, что так одеваются только на северном полюсе, но вынужден был подчиниться. Но как же я был потом благодарен ей за предусмотрительность: она как будто знала, что со мной случится в дороге. До Выи я доехал нормально, но из поезда вышли всего два пассажира: я и один солдат, который ехал к родным в Ис. Отправились мы с ним на станцию Малая Выя – начальный пункт местной узкоколейки. Пришли, а там «мертвое царство»: ни одной живой души, станция закрыта, поезда нет. А на улице за сорок градусов мороза и дует резкий северный ветер. Минут через двадцать поисков достучались в дом, какой-то старушки и она нам сообщила, что все пути засыпаны снегом, поезд не ходит, и предложила нам остановиться у нее, пока погода не утихомирится. Путь до Иса не короткий, сорок три километра, да еще по заснеженным путям. Куда там, мы были настроены воинственно и, кроме того, каждый спешил. Мой попутчик достал из своего чемоданчика какое-то полотенце, обмотал им голову и лицо, поверх полотенца надел фуражку, на руки – рукавицы; я завязал ушанку, забросил за спину вещмешок с учебниками и мы отправились в путь. Вышли ранним утром, так как поезд на Серов, которым мы приехали, проходил через станцию Выя ночью. Идти было не холодно, но тяжело из-за снега. Несколько раз мы останавливались и отдыхали. Я быстро окунался в приятную дрему. Но мой попутчик, заметив это, сразу же меня будил. Я думаю, что просто обязан ему жизнью: не дойти бы мне одному. Очень жаль, что память не сохранила ни его имени, ни фамилии. Спасибо тебе солдат. Пришли мы на Ис только вечером, уже затемно. Очень трудными были последние три километра пути по открытому месту и переход через реку. Пришел я в дом к деду Комарову ледяшка-ледяшкой: завязки у шапки вмерзли в подбородок, щеки ледяные, руки (кисти) тоже ничего не чувствуют – варежки то были большими. Кинулись все меня оттирать сначала снегом, затем каким-то одеколоном. После напоили горячим чаем и уложили спать. По-моему, уснул я, как только прикоснулся

к подушке, в блаженной истоме. А утром – о, ужас: все лицо распухло, глаза как щелочки. Сообщили деду Меркушеву о моем приезде. Он в тот же вечер приехал за мной на лошади, завернул меня в ягу, уложил в кошевку и отвез к себе в поселок Троицкий. Всю следующую неделю бабушка поила меня какими-то отварами, смазывала все поврежденные места гусиным салом и, к счастью, все прошло. Но еще лет десять потом моя кожа боялась морозов.

С опозданием на неделю из-за болезни я вновь стал учиться, но в старом учебном здании Исовской средней школы, в девятом классе. А вскоре и приехали родители с Сережей, жизнь нормализовалась. Кроме школьных уроков я вновь начал заниматься спортом: футболом, волейболом, шахматами, гимнастикой. Начал петь в школьном хоре, который на смотре художественной самодеятельности района вскоре завоевал первое место. Я увлекся пением: много лет спустя, встречаясь со своим бывшим одноклассником Анатолием Щелчковым, который тоже пел в школьном хоре, мы, после приятно проведенного вечера, выходили гулять по ночным улицам нашего города и пели те хорошие школьные песни. К сожалению, из-за сухости связок в горле пришлось оставить любимое занятие. В моем девятом классе, а он был один на две школы, училось всего шесть человек. Три девочки: Лида Булдакова, Галя Калинина, Галя Федорова и три мальчика, которых все называли «Сэры»: Толя Щелчков, Слава Шмелев и Володя Комаров, то бишь я. Как вы понимаете, такое количество учеников в старшем классе, это тоже итоги Войны. Класс был очень дружный, мы часто собирались полным составом у кого-либо: вместе готовили уроки, веселились, сообща ходили в кино, спорили о международном положении. Надо отметить большую корректность в отношении девчонок со стороны «Сэров». Впоследствии одна пара из нашего класса нашла свое счастье в семейной жизни: Галя Калинина и Слава Шмелев поженились.

Все шестеро в 1949 году успешно окончили школу и поступили на учебу в Свердловские ВУЗы: Галя Калинина и Галя Федорова в мединститут, Толя Щелчков и Слава Шмелев в Горный институт, Лида Булдакова в УРГУ, я – в Лесотехнический институт.

После окончания институтов все разъехались в разные стороны нашей необъятной Родины: Слава Шмелев с Галей Калининой уехали на Украину, где Слава работал главным инженером шахты, а Галя – врачом;

Толя Щелчков работал в Егоршино, где дослужился до управляющего трестом «Егоршинскуголь», затем председателя Артемовского Горисполкома и первого секретаря Артемовского Горкома КПСС, а в последние годы работал в Свердловске начальником Областного Управления мелиорации; Галя Федорова работала врачом в городе Лесном; Лида Булдакова уехала в Пермь и работала журналисткой.

Где Вы теперь, мои одноклассники? Отзовитесь.

Глава IV / Неповторимая пора студенчества

1949 (сентябрь) – 1956 (июнь) гг.

Ах, студенчество – прекрасная пора нашей юности. Мы молоды, красивы, сильны, успешны, веселы, беззаботны. А оглянешься вокруг: ты, поселковский мальчишка, оказался в большущем городе с уймой всяких интересных возможностей, занятий и встреч. Твоему вниманию предоставлены театры и клубы, стадионы и спортплощадки, библиотеки и магазины, а еще институты и общежития. И куда бы ты ни пришел, везде ты будешь среди людей, готовых к совету, шутке, помощи, но, случается иногда – к грубости и хамству. Жизнь удивительна: перед тобой открыты все дороги в мир и ты уверен, что достигнешь всего в жизни. Вообще-то, студенческая жизнь сейчас так же прекрасна и удивительна, как и в наши далекие пятидесятые годы. Но наше студенчество отличалось от сегодняшнего. Недавно закончилась страшная война, и западная часть страны лежала в руинах, а многие студенты ходили на занятия еще в военной форме. Карточная система была отменена, но выбор товаров в магазинах был еще скромен, да и денег у тогдашних студентов было немного. Помню, каким «красавцем» выглядел я, приехав покорять мир: в «модном» пальто, перешитом из солдатской шинели, с фанерным чемоданом, в котором лишь несколько штук нижнего белья, полотенце, мыло, щетка зубная и учебники. А можно ли было увидеть студента, приезжающего в институт на собственном автомобиле?

Для того чтобы прожить, мы объединялись в «коммуны». Наша, например, состояла из студентов двух соседних общежитских комнат (десять человек). Мы, скинувшись, купили большую кастрюлю на шесть литров, тарелки, ложки, вилки, стаканы. По графику каждый день один из коммунаров на кухне общежития готовил обед на все наше голодное братство. Чаще всего варили суп, но иногда «творили» и что-то вкусное. С тех пор я дружен с кухней и могу приготовить все, что захочу. Но помню случай, когда у нас нечем было заправить этот желанный суп, а одному из нас, Феде Моисееву, родители прислали новые хромовые сапоги. Учитывая ситуацию, он пожертвовал их на общий стол: мы продали их на рынке, купили конины и безбедно прожили почти месяц. Чай же, мы ходили пить в студенческую столовую, которая находилась в учебном корпусе института, там для студентов были бесплатными чай, хлеб, соль, горчица. Денег из дома никто из нашей компании практически не получал,

стипендия была мизерная и поэтому мы создали рабочие бригады, которые попеременно работали на близлежащих базах по разгрузке вагонов. За свою бытность «грузчиком» мне довелось разгружать: мыло в ящиках, лес бревнами, уголь насыпью из полувагонов, цемент в бумажных кулях, пряники в ящиках, виноград упаковками по восемь сит, сахар в мешках по сто килограммов, картофель навалом из полувагонов, ячмень насыпью из крытых вагонов. Самой трудной, оказалась работа по разгрузке ячменя, так как он пылил, нос постоянно забивался хвостиками от ячменя, а никаких респираторов не было – мы сморкались кровью. Платили нам за работу хорошо: например, разгрузив за ночь шестидесятитонный полувагон картофеля, мы уже утром получали на бригаду шестьсот рублей наличными. Обычный состав рабочей бригады состоял из пяти – шести человек. На лекциях староста прикрывал работающих. По-моему, преподаватели знали, но смотрели на это «сквозь пальцы»: жить-то надо. Но не всегда заработанные деньги тратились на продукты питания или необходимые промтовары. Вдруг коммунары решали, что необходимо отметить какую-то дату или просто расслабиться. И тогда всем скопом мы отправлялись в ресторан. Особенно любимыми у нас почему-то были ресторан «Восток», располагавшийся на улице Толмачева, где сейчас находится архитектурный институт и ресторан «Спорт» – в подвальном помещении государственной филармонии по улице Карла Либкнехта. Кстати, дважды, когда нам не хватало денег, чтобы расплатиться, я закладывал часы в ресторане. Еще у нас любимым заведением была пельменная «Аврора», находившаяся в красивом голубом двухэтажном здании по улице 8-е Марта. Сейчас на этом месте построен театр Эстрады. В ней мы отметили мое поступление в институт: первой стипендии не хватило. Ходили также в театры. Первым спектаклем в оперном театре, который я посмотрел, был балет «Корсар». Впервые в жизни увидев балет, я влюбился в него на всю жизнь. В течение жизни я прослушал много опер, но далеко не все мне понравились, балет же – любой и всегда! Я, в тот первый раз, был восхищен великолепием оперного театра. Понравились мне также драматический и, особенно, театр музкомедии с его прославленными на всю страну артистами: Емельяновой, Мареничем, Дыбчо, Курочкиным, Стасовой и другими. Остались в памяти «Белая акация», «Свадьба в Малиновке», «Сильва». Конечно же, с первого дня приезда в Свердловск я стал посещать спортивные состязания. Помню старые стадионы «Металлург Востока», «Динамо», а также уютный стадион Пионеров и школьников, где сейчас расположен спорткомплекс «Юность». Также я записался начал посещать Областную публичную библиотеку им. Белинского, располагавшуюся на улице Карла Либкнехта, рядом с управлением пожарной охраны. Мне сразу понравились тишина и серьезный настрой в ее читальном зале.

Посещали мы и кинотеатры, чаще расположенные рядом с комплексом института: кинотеатр «Маяковского» в парке культуры и отдыха и кинотеатр «Большакова» по улице Большакова, рядом с конечной остановкой трамвая у Ленинской фабрики, ныне Оптико-механического завода. Но когда шли «кассовые» фильмы, мы выезжали в городские кинотеатры: «Октябрь», «Совкино», «МЮД» (сейчас «Салют»). Запомнились такие фильмы: «Тарзан», «Индийская гробница», «Смейся паяц», «Рим – открытый город», а так же «Веселые ребята», «Весна», «Музыкальная история», «Сердца четырех», «Трактористы», «Парень из нашего города», «Подвиг разведчика».

Из–за отдаленности от города посещали в основном магазин, находившийся на первом этаже нашего общежития. Хочу рассказать два случая, связанные с посещением магазина. Первый: прихожу в магазин и вижу, что продается селедка в сиговом засоле, купил полкилограмма. В этот момент в магазин зашел какой–то мужчина и, увидев, что я купил селедку, тоже попросил взвесить ему два килограмма. Продавец предупредила, что селедка в сиговом засоле, на что тот ответил, что он сам знает, какие ему продукты нужны. Меня заинтересовал их диалог, и я задержался в магазине. Этот покупатель взял пакет с селедкой и вышел на улицу, но буквально через минуту вернулся и начал обвинять продавца в продаже испорченного продукта, и никакие объяснения о качестве засолки рыбы не помогали. Он успокоился только после того, как она взяла товар обратно и вернула ему деньги. Гурман!.. Второй: в магазине часто продавали бело–розовую пастилу к чаю, это такие сладкие прямоугольные брусочки, очень легкие. Один из наших коммунаров, любитель сладкого, поспорил, что съест, не прерываясь за один раз целый килограмм этой пастилы. Условия спора: мы покупаем, он – ест. Съел, значит, бесплатно, но если не сможет съесть, то покупает нам два килограмма ее же. Выбор, кому покупать, пал на меня. Пошел я в магазин, купил килограмм пастилы, но показалось, что этого мало. Попросил продавца и она добавила еще сто граммов. Принес в комнату и все стали наблюдать за экспериментом. Остались несъеденными аж два бруска! Вот, возможности организма! А меня интуиция не подвела. Но, повеселившись по этому поводу, я признался, что пастилы было больше тут и началось настоящее веселье.

Как я раньше уже сообщал, в 1949 году после окончания школы, по настоянию деда, я поступил учиться на лесоинженерный факультет Уральского лесотехнического института, который выпускал инженеров–технологов для лесозаготовительной отрасли народного хозяйства страны. Надо сказать, что объем знаний был очень большим и качество преподавания высоким. Не случайно впоследствии факультет разделили на три: лесотехнологический, лесомеханический и лесоэкономический, а на вечере выпускников один из них сказал, что у нас плохая специальность, так как множество выпускников работает в других отраслях – строительство, автохозяйства, механические заводы – объем полученных знаний позволял это. Учебный процесс для нас, первокурсников, был необычен: никаких тебе домашних заданий, никакого контроля со стороны старших и обилие всевозможных искушений. Многие из нас «ударились» в другие занятия. Я, например, начал заниматься спортивными играми и вскоре был включен в составы сборных команд института по волейболу, баскетболу и футболу. Не знаю, как бы я, с такими занятиями, подошел к первой зимней сессии, но неожиданно все изменилось: на одной из игр в баскетбол я получил травмы голеностопа и колена левой ноги, у меня началось рожистое воспаление и я попал в третью областную клиническую больницу. Врачи безуспешно пытались остановить болезнь: с ноября по январь следующего года они провели четыре операции, но воспаление продвинулось по ноге к паху и встал вопрос об ампутации ноги. Но моя мама, которая, узнав о моей болезни, приехала, бросив все, и находилась около меня вместо сиделки, воспротивилась этому. А дальнейшее было, как в поговорке – «не было бы счастья, да несчастье помогло»: в январе 1950 года в аэропорту Кольцово при посадке разбился самолет, на борту которого были хоккеисты

команды ВВС. В Свердловск вылетел командующий ВВС страны Василий Сталин, взяв в сопровождение врачей, для спасения оставшихся в живых хоккеистов и членов экипажа. Однако все погибли и спасать было некого. Не знаю, каким образом маме удалось выйти на врачей, знаю только, что ей в этом помогли работники Облсовпрофа – но прилетевший хирург, осмотрел меня и провел пятую операцию. Его «золотые» руки спасли мою ногу и оставили меня в активной жизни. Через несколько недель я снова начал учиться ходить и в марте, выписавшись из больницы, вернулся домой в Ис, правда, еще на костылях.

При выписке врачи настоятельно рекомендовали в течение года не перегружать ногу спортивными занятиями. Куда там, уже через месяц после возвращения я пришел в спортзал клуба «поболеть» за волейболистов, а через неделю и сам начал тренироваться. Нога была вся забинтована, но никто этого не видел, так как я тренировался в спортивных шароварах. К лету моя нога стала нормально сгибаться в суставах, восстановилась прыгучесть, и я решил, что готов выходить на поле.

С апреля все лето, по протекции деда Меркушева, я проработал инженером лесного хозяйства в Исовском лесхозе. Фединское лесничество лесхоза располагалось в поселке Федино, что в двух километрах от дома деда, поэтому я жил у него, появляясь у родителей только в дни тренировок, а моим транспортом служил велосипед. В конце августа я поехал в Свердловск и меня приняли в тот же институт и на туже специальность без экзаменов. После этого посетил больницу, в которой лежал зимой, показал врачам свою ногу и попросил прокомментировать их рекомендации, данные при выписке. Они ответили просто: «Приходи лет через сорок, тогда посмотрим и поговорим». Не знаю, или их прогнозы сбылись, или просто старость пришла, но только в 70 лет ноги отказались быстро ходить: всегда очень быстрый на ходу, брожу сейчас потихонечку с палочкой.

Начав учебу снова, я уже больше внимания уделял ей, но все равно занимался спортом. Первые два курса пролетели незаметно: я снова был включен в состав сборных команд института и играл в волейбол, баскетбол и футбол, а также был в составе сборной команды спортобщества «Наука» по волейболу, кстати, вместе с Ельциным Б.Н., в то время – студентом УПИ. Экзамены сдавал успешно, но все равно, занятия спортом мешали учебе. Вспоминаю один случай: идет летняя экзаменационная сессия после второго курса, а параллельно – и первенство «Науки» по футболу. Вечером после игры, в общежитии я вспоминаю, что завтра с утра экзамен по физике. Оценка идет в диплом. А объем – два здоровых тома. Конечно, ничего я не успел повторить, так и лег спать, а утром пошел на экзамен во второй заход: была – не была. Пришел, первые уже вышли, рассказывают, что преподаватель от всех требует знание какой–то важной формулы и решение задачи. Я уточнил формулу, взял шпаргалку для передачи готовящемуся однокурснику и пошел сдавать. А чего ждать–то? Вошел, взял со стола преподавателя билет и пошел садиться за стол, а по пути решил передать шпаргалку. Видимо, преподаватель, что–то заметил, потому что предложил мне вернуться и взять другой билет. Я «удивился» и сказал, что я не имею никаких шпаргалок и даже не успел прочесть вопросы, на которые надо отвечать. Тогда он принимает решение, чтобы я садился к нему и отвечал без подготовки. Что делать, сел, начал читать первый вопрос. Чудо – знаю, ответил на него полно, на второй вопрос – тоже; повезло с вопросами, да и

голова в такие моменты работала хорошо. Тогда он предложил вспомнить ту самую страшную формулу. Учитывая подготовку у двери, я ее очень быстро «вспомнил». Он был несколько удивлен моими ответами и уже другим тоном говорит, что я, наверно, также быстро смогу решить задачу. Читаю условие задачи и совершенно не представляю, как ее решать, и тут он неожиданно мне помогает, подсказывая начало пути решения. Голова сработала и я быстро выдал решение в общем, виде. Я был единственным студентом в потоке, который получил по физике отличную оценку в диплом. Лотерея!

У нас в институте была военная кафедра и все юноши–студенты, годные к военной службе проходили военную подготовку в объеме военного пехотного училища. По окончании четырех лет теоретического обучения и двух летних выездов в военные лагеря сдавались госэкзамены и всем, сдавшим их, присваивали звание младшего лейтенанта ВУС №1, то есть общевойсковой командир, или просто – пехотный. Я прошел весь этот путь, а потом, когда уже работал, меня несколько раз призывали на краткосрочные сборы и повышали звание, мое последнее – звание старший лейтенант запаса. Последний раз на сборы меня попытались направить в 1975 году, когда я работал главным инженером треста «Уралтяжспецстрой». Было летнее время и я замещал находящегося в отпуске управляющего трестом. Получив повестку, я поехал в военкомат Кировского района, где находился на военном учете и пытался убедить военного комиссара, чтобы мне перенесли сроки сбора: что нельзя бросать на произвол тысячный коллектив, что трест одновременно ведет работу на десятках объектов по всей области. Ничего не помогало, мало того, мне пригрозили наказанием. Что делать, поехал я в Обком КПСС к Ельцину Б.Н., тогда секретарю Обкома, занимавшемуся вопросами строительства. Борис Николаевич выслушал меня, попросил секретаря соединить его с военным комиссаром Кировского района и так его отчитал, что когда я вернулся в военкомат, передо мной был совершенно другой, культурный, улыбающийся командир. Он предложил мне сесть, извинился за «недоразумение» и сразу же решил вопрос: на сборы меня никогда больше не призывали. Вот что тогда значили слова «партия – наш рулевой».

Так вот, после второго курса нас направили на сборы в военные лагеря «Бершеть». Они находились километрах в пятидесяти от Перми по железной дороге Свердловск–Пермь и в двух километрах от железнодорожной станции Юг. Удивительное было это место: с Севера станция Юг, с Востока – деревня Юг, с Юга – река Юг, а еще удивляло то, что где бы ни ходили тучи, но они обязательно, так нам казалось, выливались дождями над этим местом. Все, кроме командного состава и штаба жили в больших палатках, каждая на отделение, ходили в военной форме, но без знаков различия и считались курсантами. Сборы прошли успешно: хорошо прошли стрельбы, несколько хуже метание боевых гранат, понравились тактические занятия на местности, но не очень – ночные марш–броски в полном снаряжении. Особенно в противогазах, да с отрытием индивидуальных окопов. Очень понравились практические занятия по преодолению водных преград с использованием подручных средств. И командиры, и мы были довольны результатами. Кроме военных занятий была проведена общелагерная спартакиада. Мне особенно хорошо запомнились соревнования по волейболу, так как я сам в них участвовал. Наш комбат пообещал участникам команды награду за выигрыш

в соревнованиях. Надо сказать, что команда состояла из игроков только нашего института и видимо сказалась сыгранность команды: мы с трудом, но выиграли звание победителей. Удивительной была и награда комбата: как правило, за обедом на второе взводу выдавалась каша с подливом, то есть каждому человеку по миске каши и, кроме того, на весь взвод одну большую миску мясного подлива с кусочками мяса, так комбат наградил нас десятью мисками подлива. Наелись все члены команды, болельщики и еще осталось.

По окончании сборов все мы разъехались на летние каникулы кто куда. Я оба эти года проводил каникулы дома: по путевке райкома комсомола работал физруком в пионерском лагере «Осокино». Работа мне нравилась: во–первых, я всегда находил контакт с ребятами и мы были довольны друг – другом, а во–вторых, руководство лагеря отпускало меня на выездные игры футбольной команды района в зачет первенства областного совета «Горняк». В 1952 году я закончил работу в пионерском лагере и приехал в Свердловск, перед самым началом занятий, но их перенесли на начало октября, в связи с отправкой всех студентов на уборку урожая. Мне же предложили работу по ремонту зданий института. Я согласился, но проработал всего две недели: неожиданно я повстречался с преподавателем кафедры физкультуры по гимнастике Смирновым Ю.Н., который временно работал тренером в спортлагере УПИ. Он предложил мне поехать в лагерь, так как одно место, выделенное УПИ нашему институту, было свободно. Дело в том, что УПИ на лето в своем лагере выделял места в четырех палатках для спортсменов других вузов города и в эту смену одна палатка была выделена нашему институту. Я, конечно же, согласился и он, найдя мне замену на работе, договорился обо всем с руководством кафедры и института. Назавтра я отправился с ним, как оказалось, – навстречу своей судьбе. Но сначала я должен рассказать об одной особенности своего юношеского характера: я очень недоверчиво и прохладно относился к «дружбе» с девчонками – дружеские отношения, но не больше и никаких обещаний, заверений, поцелуев, ревностей. Может это оттого, что меня немного приморозили, когда везли из роддома и выронили из санок?

Добирались мы на перекладных: сначала до ВИЗа на трамвае, затем пешком переходили магистральные пути, затем снова трамваем до Сортировки, а там сели на пригородный поезд до Первоуральска, который из–за цвета паровоза все называли «голубым экспрессом», доехали до станции Северка и оттуда пешком примерно пять километров до самого лагеря.

Спортлагерь располагался на берегу озера Песчаное, которое находилось, как бы в чаше, между гор, кругом лес, чистая вода. Красота неописуемая. Жили все в палатках, питались в общей столовой, очень прилично приготовленной едой. Утром подъем, обязательно зарядка, а потом занятия различные: тренировки, игры, походы, соревнования на первенство лагеря по разным видам спорта. Кстати, мы, лесотехники, представленные в лагере всего лишь одной палаткой, но настоящих спортсменов, – выиграли соревнования по гребле, волейболу и были вторыми в соревнованиях по баскетболу. Правда, организаторы так и не выдали нам ни призов, ни грамот.

Как–то быстро мы познакомились с девчатами из соседней с нами палатки: они были доброжелательны, разговорчивы, спортивны. Среди них выделялась своей активно–

стью Рита Маркова, мастер спорта по спортивной гимнастике, а также по прыжкам в воду. Интересная «штука» жизнь: она нас с Маргаритой свела снова через сорок пять лет. Она носила фамилию Бобышева и была уже бабушкой, но такой же активной. Дело в том, что мы в 1997 году создали в нашем городе единственный в России клуб ветеранов войны, труда и спорта, так она вступила в члены клуба, а сейчас является председателем Совета ветеранов войны, труда и спорта Орджоникидзевского района нашего клуба.

Так вот, эта Ритуля устроила в спортлагере над нами такую шутку: по звуку горна утром все вставали и бежали на зарядку. В этот раз мы тоже встали, хотели надеть спортивные брюки и бежать «заряжаться». Но не тут–то было: надеть их невозможно, потому что они в нескольких местах были зашиты и к ним пришиты маленькие веточки сосен – намек на то, что мы лесотехники. Мы не особенно растерялись и выскочили на зарядку в одних трусиках и маечках. Похоже, мы подали пример остальным, потому что вскоре большинство отдыхающих стало выходить на зарядку в такой же форме.

Вот здесь, в спортлагере, я будто проснулся от глубокого сна: вдруг увидел, что вокруг много девчат – спортсменок активных, веселых, обаятельных. А через несколько дней произошло событие, которое перевернуло всю мою дальнейшую жизнь. Все началось с того, что в лагере отключили электроосвещение. Делать было нечего и мы с нашими «шутницами» устроили нечто вроде вечера отдыха: у них в палатке балагурили, рассказывали анекдоты, пели песни.

Кто–то донес парторгу спортлагеря о том, что в палатке у девчат устроен «загул» с ребятами и поются запрещенные песни. А пели то мы песни на слова Есенина «Выткался над озером алый стяг зари… » и другие. Но шел 1952 год, и многое не подходило под тогдашнюю мораль партийных идеологов. Парторг приказал своим подручным окружить «крамольную» палатку, включить электрические фонарики, вывести всех ребят и переписать их по фамилиям. А назавтра состоялось общелагерное судилище нарушителей. Все для нас могло обойтись очень плохо, ведь время то было какое, но неожиданно нас выручил сам парторг. Он произнес пламенную речь, в которой заклеймил наш проступок такими словами: – «Разврат: шестнадцать человек в темноте на девичьих постелях, друг на друге. Да мог ли я в свои двадцать лет сесть на девичью постель?» Неожиданно прозвучал многоголосный ответ студентов: – Нет, и раздался всеобщий хохот, который изменил общее настроение. «Судебное заседание» было скомкано, нам лишь объявили по строгому выговору.

Я и не подозревал, что все время, пока продолжался этот маразм, за мной пристально следила сама судьба глазами неизвестной мне пока девушки – спортсменки, Любы Васильевой. Она, также как и я, перешла на третий курс, но только химфака УПИ, тоже занималась спортом, но только акробатикой. Она, как и я, совершенно случайно попала в это время в лагерь: путевку выделили ее близкому другу, тоже акробату, Володе Бочкареву и он сам уговорил ее поехать на отдых вместо него, не зная, что он способствует самой судьбе. И приговор судьбы свершился: мы с нею встретились. Она потом говорила, что это было любовью с первого взгляда, что была готова выйти за меня замуж с первой нашей встречи. Но нам предстояло еще пройти целых четыре года встреч, разрывов, всевозможных жизненных

«кувырканий», прежде чем мы соединились в семейной паре. Недаром говорят, что браки совершаются на небесах.

Немного о нашей первой встрече, состоявшейся через несколько дней после описанного судилища. Каждый вечер под электрическим фонарем, рядом с волейбольной площадкой, прямо под открытым небом проходили вечера танцев. Я никогда их не посещал, а тут «черт меня дернул» и я пошел туда. Подошел, смотрю: все танцуют, вокруг смех, шутки и только у столба стоит какая–то одинокая девчонка в цветном плаще и печально смотрит на танцующих. Я, неожиданно для себя, подошел к ней и пригласил на танец. Она согласилась, и мы закружились с нею в ритме вальса, единственного танца, который я любил и умел танцевать. Закончился вальс, но мы остались рядом и весь вечер танцевали, не обращая внимания на то, какие это танцы и как это у нас получается. Во время танцев мы узнали друг о друге почти все: она, Васильева Любовь Сергеевна, свердловчанка, учится в УПИ, ее сестра Людмила – студентка мединститута, отец, Сергей Александрович – известный в Свердловске и области архитектор, работает в институте Промстройпроект, мать, Сусанна Викторовна – врач участковый. Работает в поликлинике Визовского района.

После танцев мы долго еще бродили по ночным тропинкам лагеря, рассуждая о жизни, любуясь красотами ночного неба, озера и пейзажа, а потом я проводил ее до палатки, в которой она жила. Наутро я вспоминал этот вечер, проведенный с Любой и удивлялся, что такая красивая девчонка была такой одинокой в этот вечер. Такая красавица должна пользоваться постоянным вниманием юношей, думалось мне. Как оказалось, я был прав в своих мыслях: просто ей надоели их постоянные ухаживания, и она в этот вечер отказывала всем, потому что ждала меня. Надо же, какая уверенность! Что она не обделена вниманием со стороны ребят, я вскоре убедился сам: ко мне подходит молодой человек и знакомится. Он, Анатолий Шуплецов – студент юридического института, тоже отдыхающий в спортлагере. По поручению Любы он пригласил меня на совместную лодочную прогулку по озеру. Договорились, встретились на пирсе и объехали на лодке все озеро. У противоположного лагерю берега наткнулись на целые заросли кувшинок, нарвали Любе целый букет и довольные вернулись обратно. С Толей мы познакомились поближе: он приехал на учебу в Свердловск из Челябинска после окончания там металлургического техникума. Так же, как Люба и я, он случайно попал в спортлагерь, так как не был спортсменом: у «юристов» остались свободные путевки и их выделили отличникам учебы. Он сразу «положил глаз» на Любу, но, получив отказ, удовлетворился дружескими отношениями, а в наших с нею отношениях до самой свадьбы был связующим звеном. Впоследствии, после нашей и его женитьбы у нас завязалась семейная дружба. К сожалению, поступив, после окончания института, на работу в органы внутренних дел, он начал пить и семья развалилась.

Время отдыха в спортлагере быстро пролетело, и так как это была последняя смена, желающие помогали в разборке и подготовке лагеря к зиме. Я был среди желающих. Перед отъездом мы договорились с Любой о встрече в Свердловске, оговорив место и время. И вот, ровно через две недели, в 19–00, я сижу на скамейке у фонтана «Каменный цветок», возле здания Обкома партии и жду, а в кармане у меня билеты в кино, начало сеанса через полчаса. Но ее нет ни через пятнадцать минут, ни через полчаса. Что делать, отправился я

обратно в общежитие. Мне было как–то не по себе: впервые я изменил отношение к девушке и получил такой урок. Я думал, что все закончилось, и вдруг почувствовал, что мне жаль такого окончания наших встреч. Но все было не так просто: она ждала встречу все эти две недели, но, перепутав время, пришла на час раньше. Прождав меня примерно пятьдесят минут, она в разочаровании ушла, а примерно минут через пятнадцать явился я.

Прошло недели полторы, мы в общежитии всей коммуной обедаем. Вдруг раздается стук в дверь и в комнату «впорхнула» молодая дива: стройная, спортивная, симпатичная, загорелая в коротких спортивных брюках и маечке. Оглянув быстрым взглядом всю нашу компанию, она сказала, показывая на меня:

– По–моему, мне нужны вы, ведь вы, Володя Комаров?

– Да, – удивляясь, отвечаю я.

– Я от Любы Васильевой, – продолжает она.

– Вообще–то она сама здесь, но просила Вам об этом не говорить. Дело в том, что у нее в ближайшее воскресенье будет День рождения и она хотела бы видеть на нем Вас. Начало в два часа дня. Ее адрес переулок Сталеваров, дом 11, квартира 1, это рядом с общежитием медицинского института.

– Хорошо, – отвечаю, – я буду.

Она попрощалась и так же «выпорхнула» обратно из комнаты. Вся моя компания тот–час же устроилась у окна и восхищенными взглядами проводила красавиц. Та, которая за–ходила, шла, ведя велосипед. Стало понятно, почему она в спортивной форме.

Пришло воскресенье, шла тренировка по футболу и вдруг, я вспомнил о своем обе–щании быть на дне рождения. Времени было, где–то около часа дня. Я, отпросившись у тренера, не переодеваясь, помчался на другой конец города, в район ВИЗа. Приехал, ищу и не нахожу такого переулка. Что же делать? Мне помог шедший навстречу милиционер. Оказывается, под этим адресом находятся всего три дома, расположенные за рядом де–ревянных частных домов. Что ж, поблагодарил я его и пошел искать. Нашел проход между домиками, прошел по нему и оказался в большом дворе, с одной стороны которого стоят вряд три деревянных двухэтажных, двухподъездных дома, а с другой – ряды деревянных сарайчиков, принадлежавших жителям этих домов. Во дворе резвится ребятня, а на скаме–ечках у подъездов сидят дородные тети и о чем–то беседуют. Быстро сориентировавшись, я нашел нужный подъезд в нужном доме и когда входил в него, почувствовал, как меня с ног до головы осмотрели сидящие «бабули»: наверняка, я им дал повод для дальнейшей беседы. Вошел я в нужную квартиру №1 и увидел перед собой длинный коридор, в конце которого закрытая дверь, справа, тоже две закрытых двери, а слева три двери и одна из них открыта. «Вот там я и уточню все», – подумал я и направился к открытой двери. Но, не тут–то было: это была большая кухня. Поняв, что это коммунальная квартира, я решил по–стучаться в первую попавшуюся дверь: стучусь в дверь, которая рядом с кухней и попадаю к Васильевым – вся семья за столом.

Увидела меня Люба, раскраснелась и зачем–то сразу убежала на кухню. Потом вер–нулась, познакомила всех со мной и опять убежала: оказывается, она решила угостить всех оладьями, но они у нее пригорели. Тогда она перешла на блины. В конце концов, все ели

блины, горелые с одной стороны и непрожаренные с другой. Так я познакомился с кулинар–ными способностями Любы на тот момент. Но надо сказать, что жизнь ее многому впослед–ствии научила, в том числе и кулинарному искусству: в последние десятилетия друзья при–ходили к нам специально на «фирменные пироги» с рыбой и с капустой ее приготовления.

Посадили меня за стол, сижу как белая ворона: во–первых, я совершенно не знаю, как себя вести в такой культурной компании, а во–вторых, они все прилично одеты, я же в спортивном тренировочном костюме, да и на ногах у меня, как оказалось, рваные кеды. Вдруг, открывается дверь и входит уже знакомая мне дива, что вместе с Любой была у меня в общежитии, опять в спортивной форме. Войдя, она со всеми, радушно поздоровалась и свободно повела беседу, из которой я понял, что она свой человек в этом доме. Она была лучшей школьной подругой Любы и даже вместе с ней поступала на учебу в УПИ, но, поняв, что это не для нее, через месяц ухитрилась перейти в ИНЯЗ. В дальнейшем она благо–получно окончила его, всю жизнь работала преподавателем английского языка в школе, вышла замуж, родила дочь. Сейчас воспитывает внуков. До конца Любиной жизни, она осталась ее лучшей подругой, а также другом всей нашей семьи. Ее имя – Лия Григорьевна Томаровская.

Лия как–то сразу поняла, что я себя чувствую неловко и, подойдя ко мне, спросила, в чем дело. Я объяснил ей, что причиной является моя спортивная форма, которая никак не подходит к общему фону и что на ногах у меня, вообще, рваные кеды. Так вот, она вдруг объявляет об этом всем сидящим, просит внимательно на все посмотреть и… забыть. Удивительно, но мне сразу стало как–то спокойнее.

За столом, во время разговоров, я понял, насколько низок мой интеллектуальный уро–вень по сравнению с любым, сидящим здесь и почему–то сразу решил, что я все сделаю, чтобы стать не хуже их. Жизнь дала мне такую возможность: я много получил от этой семьи, особенно от Сергея Александровича – Любиного отца и самой Любы. Всю последующую совместную жизнь они бескорыстно и добровольно делились со мной своими знаниями и мыслями, ввели меня в мир культуры. Благодаря Любе я, уже работая, закончил уско–ренно Московский институт нефти и газа имени Губкина и высшие инженерные курсы при Московском инженерно–строительном институте имени Куйбышева, а также множество всяких курсов в Свердловске, вместе мы знакомились с новинками литературы, посещали театры и концертные залы, а также музеи и выставки. Думаю, что по прошествии времени я во многом приблизился ко всем сидящим за столом в том далеком 1952 году. Эта встреча послужила толчком для моего дальнейшего развития и движений по жизни.

Но это не был День рождения, просто Любе захотелось познакомить со мной своих родных. Познакомила: восприняли они меня, как очередное временное, не очень удачное увлечение Любы. Был еще один мотив, примиривший их с моим появлением: они очень не хотели ее отъезда за границу, но об этом позднее. А двадцатого октября у меня появляется Толя Шуплецов и сообщает, что двадцать третьего октября у Любы будет настоящий День рождения. Ей исполняется двадцать лет, и она хотела бы видеть на этом празднике нас с ним, а также познакомить нас с ее однокурсницами. Мы договорились с Толей обо всем, встретились двадцать третьего, купили подарок, но пришли раньше на целый час; никого

из гостей еще не было. Договорились с Любой, что пока гости подойдут, мы успеем сходить в парикмахерскую. По пути из парикмахерской зашли в пивную и «для храбрости» выпили. «Закатываемся» мы веселенькими на Любин праздник, а там ее подружки по группе, пришедшие посмотреть на ее нового избранника (я об этом ничего не знал). Надо сказать, что ее подружки были еще те «штучки»: все свердловчанки из привилегированных семей и каждая из себя, что-то хотела показать. Состав их группы был очень сильный: она полностью состояла из бывших выпускников-медалистов. Они учились на новой, открытой, в 1950 году, специальности «Взрывчатые вещества и красители». Вобщем, их оценки и советы были однозначны: алкоголик, надо его бросать, пока не поздно.

Но у Любы, в отношении меня было другое мнение. Проводив всех гостей, она предложила мне остаться и переночевать у них, так как было поздно, а добираться мне было далеко. Я согласился. Их семья занимала в квартире, впрочем, как и другие две семьи, две комнаты: одна большая – гостиная-столовая, а другая, поменьше, спальня. В большой комнате стоял диван, на котором спали Люся с Любой, а в спальне – родители. Люба постелила мне постель в спальне на полу, родителям – на диване, а сама легла с ними в комнате на раскладушке, Люся ушла ночевать в общежитие. Уснули. Просыпаюсь я ночью оттого, что кто-то меня целует: это Люба лежит рядом со мной. Сон мой сразу пропал, и мы неожиданно слились с нею в едином порыве страсти. Не знаю, как мы не разбудили родителей (а может они не спали). Утром я проснулся оттого, что Люба опять рядом и кроме нас никого в квартире нет: она мне сказала, что все ушли на работу. Конечно, ни на какую учебу мы с нею в этот день не пошли: мы любили друг друга целый день. Нам было очень хорошо, я был на седьмом небе от счастья: это была моя первая женщина. В тот день я понял радость любви. Короче говоря, только через три дня я смог уехать к себе. Так началась наша многострадальная любовь.

Конец 1952 года проскочил в бешеном темпе и каком-то любовном угаре: мы встречались почти каждый день, а иногда я задерживался у нее на несколько дней, мы постоянно ходили то на каток, то в театр, но иногда и на занятия в институты. Но все же, зимнюю сессию мы проскочили благополучно. Начались зимние каникулы. Люба знала, что я в своей жизни нигде кроме Урала не бывал. И вдруг, неожиданно, я от нее получаю приглашение поехать на каникулы в Москву, где у нее живет родня. Надо понять, с какой радостью я согласился. Деньгами на поездку нам помогли ее родители. Наступили зимние каникулы 1953 года, и мы отправились в путь.

Два дня дороги до Москвы пролетели незаметно и вот мы на месте. Москва меня просто ошеломила своими расстояниями, красотой улиц и парков, многолюдьем и, особенно, спешкой. Я, конечно, видел неоднократно в кино различные сюжеты о Москве, но натура превзошла все ожидания. Остановились мы у Любиной тети Веры, которая жила рядом с Белорусским вокзалом в переулке Александра Невского. Дом находился буквально в ста пятидесяти метрах от улицы Горького, поэтому с тех пор я знаком с нею досконально. Уже тогда по ней в часы пик проехать было невозможно. С нами в тот приезд произошел такой случай: мы с Любой купили на нас и тетю Веру билеты в Большой театр на оперу «Кармен». Пока мы добрались до квартиры, было уже около шести часов вечера. Мы сообщили тете,

что все идем в театр, быстро собрались и поехали. Не зная ситуации на московских улицах, я поймал такси и мы отправились в театр. До начала оперы оставалось полчаса. Мы подъехали к Большому театру к … началу второго акта. С тех пор я предпочитаю для перемещения по Москве только метро. Тете я был представлен как Любин жених и принимали нас как ближайших родственников: тетя Вера отвела нам на время пребывания отдельную комнату. Мы провели в Москве прекрасных две недели: сходили в Большой театр, театр эстрады и театр имени Гоголя, побывали в Третьяковке, в Шереметьевском дворце в Останкино, в музее подарков Сталину, впервые сфотографировались вместе, неоднократно гуляли по дневной и ночной Москве. Мы очень сблизились и стали считать друг друга чуть ли не мужем и женой. Мы привезли из Москвы множество приятных воспоминаний и положительных эмоций. Я написал домой родителям и деду с бабушкой обо всех изменениях в моей жизни за последние полгода, послал нашу с Любой первую фотографию. Все мои родные были обрадованы моими известиями и приглашали нас вместе приехать в гости. Она им сразу заочно понравилась.

1953 год прошел в активной учебе: я со своими личными делами совсем забросил учебу, поэтому пришлось догонять. К летней сессии еле – еле подтянул все курсовые работы, но в сессию не сдал экзамен по сопромату, пришлось перенести его на лето. Летом же было две практики: по технологии лесозаготовок и по таксации. Практики проходил в Режевском леспромхозе в деревне Костоусово. Весь июнь работал на валке леса, разборке железнодорожных лесовозных путей, ознакомился с работой трелевочников и кабель-кранов, учился подсчитывать запасы древесины. По окончании практики я заехал в институт: сдал зачеты по практикам и перенесенный экзамен по сопромату. На экзамен явились три студента. Преподаватель предупредил, что будет оценивать наши знания по успехам в решении задач, а знание теории вторично и, дав нам задачи, ушел из аудитории. Пожалуйста, пользуйтесь конспектами, но задачи такие, каких в конспектах нет. Мои двое «собратьев» ушли, так и не справившись с решением задач, а я, помучившись пару часов, все же решил. С легким сердцем я отправился на отдых домой в Ис.

У Любы было такое же сумасшествие, только практика была в июне на Березниковском калийном комбинате. Мы все время переписывались и договаривались, что после окончания практики она приедет ко мне на Ис. Я на время отпуска опять устроился на работу инженером лесного хозяйства в Исовской лесхоз. Занимался всякой писаниной: выписывал сенокосные угодья и лесорубочные билеты, производил подсчет лесных запасов, вел доску показателей. Зарплату получал 750 рублей в месяц. И, конечно же, я и все мои родные ждали приезда Любы. Увы, она так и не приехала, объясняя это тем, что не смогла приехать из-за мамы, у которой в этот момент были большие неприятности. Но вскоре Люба уехала отдыхать в Сталинград. И вдруг я узнаю, что не все так просто: что я – не один ее близкий друг. Это, во-первых, Володя Бочкарев (отдавший ей свою путевку в спортлагерь) в семье которого Любу считали, чуть ли не невесткой, и, во-вторых, студент из Румынии Георг Евтимие, с которым она была дружна со дня поступления в институт и собиралась эмигрировать в Румынию, выйдя за него замуж. Любины родители знали это и делали все, чтобы она осталась в Советском Союзе, и я им нужен был для этого. Я был ошарашен, возмущен, оскорблен и исчез с поля

зрения Любови, ее родни и общих с нами знакомых. Я ушел из общежития, снял сначала комнату в подвале частного дома на Синих камнях, а затем меня приютили на своей квартире Таразановы – семья моего студенческого товарища.

Каким-то образом Люба меня находила и разными способами пыталась найти пути к примирению. Она пришла ко мне на Синие камни и принесла в подарок собрание сочинений Н.В. Гоголя. Я отказался с ней выяснять отношения; тогда она послала ко мне наших друзей, Тамару Белову и Юру Скорикова. Я им объяснил мое поведение, но отказался встречаться с Любой. Так продолжалось до конца летней сессии 1954 года, когда перед моим отъездом в военные лагеря ко мне заявился Толя Шуплецов. Он доказывал, что я во многом неправ, что все Любины связи с другими были до встречи со мной, что она не мыслит жизни без меня и что ей очень плохо.

Конечно же, я с ней встретился: были упреки, объяснения, заверения в единственной любви на всю жизнь и … приглашение на совместную поездку с нею и со студентами Московского строительного института в Крым и на Кавказ. Она изменилась за эти полгода: похудела, побледнела и как-будто даже немного постарела. Я понял, что ей действительно плохо без меня. Я дал ей слово, что забуду все неприятности и совсем с другим настроением, чем до встречи, уехал в военные лагеря. Мне показалось, что эти военные сборы и госэкзамены по военному делу, пролетели мигом.

И вот, мы едем на Юг! Денег на двоих всего две тысячи рублей. Да разве это главное, ведь на дорогу хватает. Едем на багажных полках плацкартного вагона, но все равно хорошо: хорошо, что едем на Юг, хороша пролетающая мимо нас красота природы, хорошо, что рядом Любовь! Через трое суток приехали в Симферополь, нас уже ждали: собралась команда из восьми человек – двое свердловчан (я с Любой), четверо симферопольцев (в том числе одна девушка, Лена Крюкова), и двое москвичей (одна девушка, Эмма Завидонова). Все, кроме нас с Любой, студенты московских ВУЗов. Ребята – как ребята, но особенно близки со всеми оказались симферопольцы: Лена, а также Гриша Сборин, Леня Борщевский и Игорь, фамилию его я не помню. Позже, при расставании у всех нас было такое чувство, что мы прощаемся с близкими родственниками. Однако, москвичи выделялись из всех: Николай Иванов, высокий стройный блондин, отличался какой-то вальяжностью, всегда был чисто побрит, одет в строгий костюм, рубашка с галстуком (и это в летнюю погоду). Знакомясь, он протягивал руку и произносил: – Ник Ива́нов. Эмма же к концу нашей поездки утомила всех требованиями особого внимания к ней и часто обижалась по пустякам. Характерный пример: при возвращении из поездки на Кавказ теплоходом в Крым у нас, после покупки билетов, а также еды в дорогу, денег не осталось ни рубля, а из еды было только пять банок печеночного паштета, три булки хлеба, да несколько бутылок воды. Во время обеда Эмма, обидевшись в очередной раз на кого-то, отказалась от еды. Ее спросили, оставлять ли ей еду? Она гордо отказалась и тогда остатки еды выбросили за борт рыбам. Через некоторое время, успокоившись и проголодавшись, она потребовала чего-нибудь поесть, но узнав, что ничего не осталось, девушка опять обиделась на всех, но теперь уже до конца плавания.

Крымчане устроили всех «чужих» по своим квартирам и предложили уже подготовленный план действий: ознакомление с Крымским побережьем, а затем и с Кавказским. Ну

как, лихо, если денег-то не густо? Но они все уже решили: нам помогли их родственники и друзья. Мы тронулись в путь. Экипировка была туристская: в вещмешках надувные матрацы с подушками, одеяла тонкие, лекарства, посуда, одеты все, кроме Ника Ива́нова, в спортивные костюмы.

Из Симферополя до побережья добрались на попутной автомашине, в кузове. Пробыли мы там, около недели и за это время побывали в Гурзуфе, Алуште, Алупке, Ялте, посетили Никитский ботанический сад, в котором переночевали дважды, часто купались. Я был очарован красотой Крыма, своеобразием построек и, конечно же, чудным, теплым, ласковым морем. А еще мне на всю жизнь запомнился вкус чебуреков, которые мы ели в Гурзуфе. Оказывается, это национальное блюдо крымских татар. Никогда и нигде я больше не пробовал таких вкусных, сочных, воздушных чебуреков. На Кавказ из Крыма мы добрались на теплоходе «Россия». Теплоход поразил нас своим шиком: блеск, стекло, белый мрамор, сияющая медь, множество огней, шикарные рестораны, белый рояль в музыкальном салоне... Но нам не грозили эти изыски, предназначенные для «классных» пассажиров: наши билеты были на верхнюю палубу, открытую для всех ветров и дождей. Жарким днем, садясь в Ялте на теплоход, мы даже радовались прохладе, но вечером, после захода солнца, когда подул сильный ветер и начался дождь, нам было уже не до смеха: ветер, вода, поливавшая нас сверху и сильная качка. Конечно, ни о каком сне думать не приходилось. Ближе к утру ветер утих, дождь кончился, а потом опять выглянуло солнце и стало тепло. Мы скоро обсохли и забыли о ночных злоключениях. Молодость беспечна и всесильна, способна отбросить и забыть все неприятности!

Мы долго не могли найти Любу – оказалось, что она, как только начался дождь, не растерялась, спустилась на застекленную палубу, устроилась там на диванчике и отлично проспала до самого утра. Днем мы благополучно высадились в Сочи. Надо сказать, что билеты у нас были куплены до Сухуми, но их было только два, а так как они проверялись только на стоянках, то двое выходили (или входили), потом один с двумя билетами входил (выходил) обратно и так все восемь человек вышли на нужной стоянке.

Сочи нас встретил хорошей погодой, а мы его – голодными желудками: рестораны и бары теплохода мы скромно обходили стороной, поэтому на берегу сразу зашли в первый же продуктовый магазин, купили пельменей и хлеба, молока, газированной воды. Затем нашли кафе, в котором нам сварили эти пельмени. Уселись мы на травку рядом со зданием кафе и благополучно прикончили всю еду. Уверяю вас, что удовольствие от еды мы получили не меньшее, чем если бы ужинали в шикарном ресторане теплохода.

После сытного обеда и бессонной ночи захотелось отдохнуть, но как и где? Гриша (один из крымчан) рассказал, что на окраине города много зеленых парков, которые не охраняются и где мы без проблем сможем выспаться. Когда мы добрались, уже темнело, а на Юге это происходит быстро, и плохо было видно окружающее. Наш «проводник» сказал, что этот заброшенный участок и послужит нам сегодня отелем. Ребята раздвинули плохо прибитые доски забора, все перебрались на ту сторону и благополучно оказались в парке. Чудная ночь: тепло, пряные запахи обволакивали нас, тишина, ни дуновения ветерка, приятная истома после сытной еды и продолжительной ходьбы. Буквально через пять – десять

минут все мы крепко спали на полянке, подложив под себя матрацы, даже не надувая их. Наш сон нарушили крики. Открываем глаза: уже светло, рядом какие–то люди, требующие у нас документы. Оказывается, мы в темноте забрались на территорию строящегося санатория. Пришлось рассказать о себе, показать документы и доказать, что мы не занимаемся никакими хищениями. Все закончилось, как нельзя, лучше: нас накормили вкусным завтраком и даже угостили домашним вином «Хванчкара». Спасибо вам, добрые люди!

Днем мы побродили по улицам Сочи, а вечером на электричке уехали в Гагры, где у Лени Борщевского жила тетя. Она оказалась очень гостеприимной: без разговоров приютила нас, так как жилые площади ее дома, предназначенные для сдачи приезжим, оказались свободными. Почему–то особенно тепло она отнеслась к нам, уральцам, предоставив даже отдельную комнату. Также она разрешила всем нам пользоваться плодами из ее сада, который находился рядом с домом. Учитывая нашу строжайшую экономию, мы практически перешли на фруктовую диету. Один день мы потратили на знакомство с городом, во второй – отправились на озеро «Рица». Добирались в грузовичке: невысокая машина с кузовом человек на двадцать, который во время дождей закрывается специальным тентом, но во время нашей поездки он был открыт. Сначала дорога к озеру шла вдоль берега, совсем рядом шумел морской прибой, мы все время переезжали какие–то маленькие речушки. Затем дорога повернула в горы и тут началось такое, чего мне до этого видеть не приходилось: мы ехали по мрачному ущелью, рядом с огромной скоростью неслись потоки горной реки, а по бокам вздымались ввысь, на сколько видели глаза, отвесными кручами базальтовые стены. Казалось, что нет выхода из этой «мышеловки», но неожиданно дорога поворачивала и перед глазами открывался следующий участок ущелья. Вдруг шум двигателя автомашины изменился: он громко «заурчал» – мы начали подниматься в горы. Дорога, все время петляя шла по выступам в скалах, балконам, карнизам и, наконец, мы наверху, а внизу под нами пропасть. По дну ее движутся маленькие, как муравьи, машины. В голове стучала предательская мысль о том, что если с нашей машиной что–нибудь случится, то нас будет просто не собрать. Никогда раньше не видел такой величественной красоты, потом мне стали понятны слова: «лучше гор могу быть только горы…» Через несколько часов пути мы подъехали к знаменитому озеру. Удивительная панорама предстала перед нашими глазами: синяя чаша водоема в окружении величественных гор, покрытых лесом, гладкую поверхность воды разрезают разноцветные фигурки катеров и парусных яхт, а с берега в озеро как бы въехало голубое здание, прибежище туристов. Вся эта неописуемая красота накрыта сверху голубым небесным колпаком. Это надо видеть!

Осмотрев достопримечательности озера, но, так и не увидев дачу И.В. Сталина, о которой нам много рассказывали, мы, по предложению гида, поехали к минеральному источнику, расположенному в горах, еще километрах в десяти за озером. Там решили пообедать, благо еда была с собой, а вода для питья была на месте. Однако, что представлял собой этот источник и каков путь до него, я так и не узнал: мне вдруг стало плохо и я потерял сознание. Очнулся только на обратном пути, когда наша машина уже спустилась с гор. Меня завезли в гагринскую больницу и уехали. Больница располагалась в парке и состояла из нескольких красивых двухэтажных каменных домов. Положили меня в общую палату на шесть человек,

на втором этаже, палата с балконом. Врачи определили, что со мной случился солнечный удар. Интересно было лечение: в палате лежало четыре грузина, один армянин и я. Так вот, каждое утро целая группа медперсонала совершала обход, во время которого и решались все вопросы. Подходили к каждому больному, но … кроме нас с армянином. Учитывая это, я попросил товарищей, как только они пришли меня навестить в больницу, принести мне мой тренировочный костюм и назавтра, после «обхода» и посещения друзей, я вышел на балкон, на глазах посетителей больничного парка переоделся из больничной «формы» в спортивную и прямо через балкон покинул больницу. «До свидания, дорогие медики, век бы вас не видеть!».

Моя двухдневная вынужденная задержка привела к незапланированным тратам и перепутала все дальнейшие планы группы. Игорь послал домой в Симферополь телеграмму родителям, в которой попросил поддержать финансами наше путешествие. К моему возвращению из больницы, он получил от мамы перевод на небольшую сумму и лаконичный ответ: «Высылаю на обратный путь». Пришлось отправиться в обратный путь. Возвращались в Крым тем же путем, только на теплоходе «Грузия». Теплоход был хороший, да и погода тоже благоприятствовала путешествию на верхней палубе.

Теплоход подошел к Ялте вечером, высадились мы нормально, но денег больше не было совсем, а как доехать до Симферополя? Решили разделиться и добираться, кто как сможет. Мы с Любой решили эту проблему очень удачно: она так разговорила частника, что он бесплатно довез нас до дома Лени в Симферополе. С дороги помылись и легли спать. Никакой еды не хотелось. К утру, вся группа была в сборе, а вечером устроили прощальный ужин: на восемь человек было ведро винегрета и двадцать бутылок «Мускателя». Прощались очень хорошо, только с тех пор я не могу смотреть на «Мускатель».

Группа распалась: симферопольцы остались еще отдыхать у родных, москвичи назавтра улетели и уже днем вдыхали московскую пыль, а мы с Любой еще четверо суток добирались поездами через Москву до Свердловска. Впечатления от поездки были настолько сильны, что оставили неизгладимый след в памяти на всю жизнь. Не случайно мы всю последующую совместную жизнь куда–то ехали, с чем–то знакомились: мы с Любой объездили почти всю Европу, побывали в Америке и Африке; никогда мы не жалели истраченных на это денег, и очень хорошо поняли, что никакие «тряпки» и драгоценности не заменят знакомства с другими странами, городами, природой, а главное, общения с людьми.

Нам обоим с Любой было очень хорошо в этой поездке, как в свадебном путешествии. Казалось, счастье – вот оно, в наших руках, неси его бережно и живи, радуясь, но не тут–то было. Недаром говорят, что радость ходит рядом с бедой: я неожиданно узнал, что Любовь опять встречается с румыном. Что делать, пошел я в УПИ, нашел его там и спросил, долго ли он будет мешаться у нас под ногами? А он отвечает, что у них с Любой большая любовь, что она, несмотря на все препятствия, собирается уехать с ним в Румынию. Мало того, он показал мне ее письма к его матери, из которых было видно, что Люба, действительно ждет этого отъезда. Георг умолял меня не мешать их счастью и доказывал, что Любовь постоянно меня обманывает. Он предложил мне ничего не говорить ей о нашей встрече и тогда он покажет мне ее письма к нему с предстоящей практики. Я ушел от Георга в расстроенных

чувствах: как же можно клясться в любви одному и, одновременно, быть с другим? Мой разум отказывался это понимать. Целую неделю я, как неприкаянный, метался из стороны в сторону и нигде не находил места. Никакие дела и занятия не шли в голову, я вообще не знал, как себя вести дальше. И когда Люба через неделю позвонила мне в институт и спросила, почему я исчез, я, тотчас же, приехал к ней и все выложил. Я также спросил ее, что же делать, как поступить в этой ситуации? Она заплакала, но подтвердила, что действительно продолжает встречаться с Георгом, что он принуждает ее к этим встречам, но что она в ближайшее время постарается порвать с ним окончательно. Тогда я заявил, что не понимаю и не принимаю ее нерешительности в таком важном для всех нас троих вопросе, а ее поведение считаю предательством по отношению ко мне; что больше не намерен встречаться с нею. И ушел… Наступила, какая-то душевная пустота. Домой я об этом не сообщил. Люба писала мне, умоляла простить ее, грозилась вообще не возвращаться в Свердловск после весенней практики, если я ее не прощу. Я на все отвечал, что все объяснения могут быть только после окончания любых отношений между нею и Георгом.

Так прошел зимний семестр, а в феврале 1955 года я уехал на преддипломную практику в Азиатский леспромхоз. Она, в это же время, уехала на практику в Купавну, Московская область.

Я знал, что в комсомольской организации УПИ и в румынском землячестве, каким-то образом, узнали о нашей «любовной одиссее» и рассмотрели этот вопрос: им предложили прекратить всякие взаимоотношения и пригрозили ей исключением из комсомола, а ему – высылкой из Советского Союза. Люба написала мне обо всем в Азиатскую, я ответил, но долго не получал от нее ответа на мое письмо. Я снова написал ей, а она, не дожидаясь, тоже написала мне. Чтобы были понятны наши настроения в то время, помещаю тексты этих двух последних писем.

14.02. 1955 г. Любе, в Купавну.

Здравствуй Люба!

Вчера вечером я, наконец, получил от тебя письмо. Мы уже полмесяца, как на практике, а работы для нас никакой нет. Для отчета весь материал собрали и я и Вадим. Здесь все время стоят холода (Т= –30; –37°С).

Ты пишешь, что мне наплевать на тебя. Но ведь это не так. Как ты не понимаешь, что если бы это было так, то я бы тебе не стал писать ничего! Мне самому ужасно обидно, что у нас все так глупо получается, и ты сама должна понять, что дальше так не может продолжаться. Каждую минуту жди этого «товарища», который « имеет право делать с тобою что угодно» (его слова). Между прочим, он меня всячески уговаривал с тобой не встречаться и доказывал, что ты меня обманываешь. Он мне заявил, что если я не буду писать тебе о нашей встрече, то после твоей практики он сможет показать мне твои письма ему оттуда. А из них «можно увидеть, что ты неверна» (его слова). Нужно ли говорить тебе, Люба, что я не могу делать этой подлости. Ты неправильно

поняла мои слова о Саше: я обижался не на то, что ты провела Новый Год с ним, а на то, что ты была у Георга. Ко мне же тебе «нельзя было идти» (твои слова). Потом вы оба с Сашей об этом благоразумно умолчали. Что касается твоих писем маме Георга, то я читал одно. Я слишком хорошо знаю твой почерк, чтобы меня можно было обмануть чужим письмом. А насчет того, что ты в горе видела больше участия от Георга (твои слова), то я не спорю: что поделаешь, значит, я такой и есть. На твои слова о том, что ты возможно, сюда в Свердловск не приедешь, я могу сказать одно: – «Глупость!» Я-то думал, что ты заедешь к нам в ГРЭС и в Троицкий: здесь бы ты смогла, наконец, бросить свои глупые мысли (извини за выражение, но это так) о дыре, об отравлении и о том, что ты одна.

Что касается комитета комсомола, то я бы посоветовал тебе ответить им, что ты не выйдешь за Георга и пусть они отстанут от тебя. Скажи им, что нам и здесь будет хорошо. Это, конечно, только мои мысли, слова и советы. Георг пытался меня запугать тем, что мне придется ответить перед их землячеством, на что я ответил, что не боюсь этого, а также всех его угроз.

Еще раз говорю: брось хандрить и решай. Пока, до свидания.

С приветом, Володя.

16.02.1955 г. Володе в Азиатскую.

Добрый день, Володя!

Все тебе хотела написать о концерте Шульженко. С каждой новой песней все больше жалела, что нет тебя и ты ее не слышишь.

Во-первых, мне очень понравился Колонный зал с его большими и мраморными колоннами и люстрами. Сколько раз видела это в кино, но еще красивее, когда видишь сам. Мне особенно понравилась одна песня, вернее романс, – «Воспоминание». В зале потушили свет и только на эстраду направлены два прожектора. Но это можно видеть пока она не поет. А потом весь зал был настолько захвачен ее исполнением и самой вещью, что когда она кончила петь, все еще долго молчали. По просьбе зрителей она еще исполнила «Руки».

Мы должны ехать на три дня в Рубежанское. На обратном пути остановимся в Москве – пойдем в Кремль на экскурсию. Числа первого выеду в Свердловск. Это будет мой последний приезд в Свердловск, по всей вероятности. Раньше всегда я загадывала: встретишь меня, все будет хорошо.

Но ты ни разу не встретил. Сейчас страшно загадывать – конечно, ты не встретишь. А все-таки, мне бы хотелось и очень, чтобы ты встретил меня хоть раз на вокзале. Когда ты приедешь в Свердловск? Числа 25-го? Напиши мне обязательно по адресу: Москва, Александро-Невский пер., дом3, кв.31, Кузнецовой В. А. (для Л.В.).

Что ты думаешь? Встретимся ли в Свердловске, где, когда? Или, если не хочешь видеть меня, напиши сразу – я не хочу больше приходить к Вадику и

искать тебя. Решай сам, стоит ли нам встречаться или ты найдешь нужным разъехаться без встречи. Я не хочу, чтобы решало время. Как ты говоришь – пора решать самим, а не ждать решения от дяди. У меня такое мнение, а ты свое напиши обязательно.

До твоего письма из Москвы не уеду – лучше совсем не поеду в Свердловск. Люба.

Я свое письмо в Купавну отправил 14 февраля, но Люба уже уехала в Москву и получила его только 27 февраля, незадолго до отъезда из Москвы. Я же ее письмо получил раньше.

Не знаю, помогли ли нам эти последние письма, но только по возвращению в Свердловск ситуация стала быстро меняться: по приезду из Москвы я ее встретил на вокзале, на заседании комитета комсомола Люба заявила, что остается в Советском Союзе и отделалась выговором. Мы с ней съездили в гости к моим родным, где было все прекрасно, румынское землячество, обсудив действия Георга, отослало его обратно на Родину. За окнами была весна. Казалось, воздух был весь напоен ароматами Весны и наша любовь тоже.

И тут на нас напало прозрение: нам предстояло разработать два дипломных проекта, а времени то до их защиты осталось всего два с половиной месяца. Решили начать с ее проекта. Работали каждый день, отбросив в сторону все другие дела и увеселения. Успели к последнему дню защиты, а записку напечатали, переплели и принесли на просмотр рецензенту накануне, в праздничный день. Еле уговорили, чтобы она успела за один вечер посмотреть и написать рецензию. Люба защищалась последней. Все прошло благополучно, но напряжение сказалось: когда мы вышли после защиты из института, а день был жарким, то у меня вдруг открылось кровотечение из носа. Какие-то незнакомые парни затащили меня в палатку, где продавалось мороженое, приложили к моей голове лед. Через 10–15 минут кровотечение прекратилось и мы с Любой отправились домой.

Так Люба стала инженером, химиком-технологом. Она получила направление на работу сменным инженером на химфармзавод в городе Ирбит. Осенью я ее туда отвез. Казалось сама судьба опять отодвигает создание нашего семейного союза на неопределенное время. Одновременно с Любой приехала работать на заводе выпускница Московского химико-технологического института Светлана (фамилию не помню). Никакого жилья у завода не было, обеих девчат временно поселили в гостинице «Ницца», правда, пообещав в ближайшее время решить этот вопрос. Увы, только в конце октября завод снял для них жилье рядом с заводом: комнату в частном доме. Хозяйка была дружелюбной, жила одна, дом содержала в идеальной чистоте. Девчата быстро наладили с нею контакт: носили ей воду, дрова, а она готовила обеды, так что им уже не приходилось питаться столовской пищей.

Сменным инженером Люба проработала всего месяц, так как в одну из ночных смен она уснула и надышалась парами хлора. Ее перевели в заводскую лабораторию. Я же так и не успел выполнить свой дипломный проект. Мне перенесли защиту на следующий год, заменив тему проекта. Учитывая, что Люба жила и работала в Ирбите, я взял тему: «Реконструкция нижнего склада Скородумского леспромхоза». Этот леспромхоз находил-

ся рядом с Ирбитом и я рассчитывал, что так нам будет легче встречаться с Любой. Так оно и произошло. Вначале практики я ездил в Ирбит еженедельно, а когда закончил сбор материалов для проекта, то вообще переехал в Ирбит. С начальством леспромхоза договорился просто, так как я успел запроектировать для них установку на нижнем складе кабель-кранов. Жил я в Ирбите в гостинице, а также устроился на работу грузчиком на мясокомбинат. Работа была простая: загружать вагоны-холодильники охлажденными разделанными мясными тушами. Но были в этой простой работе две трудности: первая – четверть коровьей туши весила около семидесяти килограммов, а крюки, на которые их надо было подвешивать, находились высоко над головой; вторая – вся бригада грузчиков, а их, вместе со мною, было пять человек, состояла из «крепких» мужчин (ежедневно за обедом «крепко» принимавших). Представляете, как мне непросто было работать в составе этой, ослабленной обедом бригады, хоть сам я не пил. Кроме дневных смен была еще ночная «халтура»: через ночь необходимо было загрузить пару автомашин ящиками с мясокомбинатовской колбасой, перевезти эти ящики на железнодорожный вокзал и во время стоянки пассажирского поезда Тавда–Свердловск погрузить их в багажный вагон. Платили неплохо: за отработанную смену я получал по сорок пять рублей, а за ночную работу – по пятьдесят рублей. Для сравнения скажу: Люба за работу сменным инженером на заводе получала по сорок рублей за смену. Кроме того, я бесплатно питался в столовой мясокомбината. К сожалению, моя работа грузчиком закончилась печально: в одну из ночей мы не успели погрузить в вагон наши ящики. В ту злополучную ночь поездом в адрес мотозавода прибыли ящики с металлическими стержнями. Размер ящиков был 20х20х600 см, они были очень неудобные для разгрузки. Пока рабочие мотозавода вместе с нами мучились с их выгрузкой, время стоянки поезда почти закончилось. Стоянку из-за нашей работы задержали на пять минут. И вот в этой горячке мне бросили на плечо ящик с колбасой ребром на ключицу и сломали ее. Сгоряча я еще доработал, нося груз на другом плече, но потом начались боли и с работой пришлось распрощаться. Но все равно, работал я не зря: на полученную зарплату я купил Любе материал на платье к свадьбе и чайный сервиз для будущей семьи. Когда я дарил его ей, то в шутку сказал, что, как только разобьется последний предмет из этого сервиза, так наша семья разрушится. Шутка – шуткой, но недавно я случайно наткнулся на последнее блюдце из этого сервиза: это Люба убрала его «от греха подальше».

В начале 1956 года, по окончании срока моей практики, я съездил в леспромхоз, отметил нужным числом командировку и уехал в Свердловск. Помня печальный урок прошлого года, сразу же начал заниматься выполнением дипломного проекта. Жил я у Васильевых, где мне пришлось пережить еще одно домашнее судилище: так как все заработанные деньги я потратил в Ирбите, то Люба послала мне денежный перевод. Случайно квитанция на перевод попала на глаза Любиным родным. Что тут стало: они обвинили меня во всех смертных грехах – что я вымогатель, бездельник и приспособленец. Я на следующий же день позвонил Любе и пояснил ситуацию. Она, видимо, сразу же обстоятельно им все объяснила, так как они сразу успокоились и отстали от меня. Но я не забыл и помню до сих пор эти безобразные разборки и их мнения обо мне. Как же я был доволен, когда уже после женитьбы и рождения сына, мы ушли от них и начали самостоятельную жизнь. Правда, первое время,

мы «болтались» по квартирам наших друзей и снимали частное жилье, пока не получили свое, но все равно, мы были хозяевами своей жизни. Но, надо сказать, что все время наших скитаний наш первенец, Саша, жил у родителей Любы и за это им низкий поклон.

Работа над дипломным проектом не мешала мне постоянно ездить к Любе в Ирбит. И так продолжалось до марта, я уже скучал без нее и жил мыслями о нашей семье. Нам хорошо было вместе, мы как бы отбросили все неприятности, но решение о свадьбе почему-то все время откладывалось. Наконец я не выдержал этой неопределенности, приехав в марте в очередной раз в Ирбит, я предложил Любе принять решение незамедлительно. В случае отказа я решил после защиты взять направление и уехать на работу на север Пермской области в город Красновишерск, о чем и рассказал ей. Любовь в ответ убеждала меня в том, что ей необходимо отработать на заводе определенный срок, до окончания которого ее с работы не отпускают. На вопрос, кто не отпускает, ответила: главный инженер завода. Тогда я предложил вместе сходить к главному инженеру и объясниться. Пошли. Главным инженером оказалась солидная женщина лет сорока – сорока пяти. На мой вопрос, почему она противится увольнению Любы, созданию новой семьи, и что нужно сделать, чтобы решить это, главный инженер очень удивилась: оказывается, Люба и не приходила к ней. Расспросив обо всем Любу, она высказала ей упрек в том, что при таком подходе к решению главного жизненного вопроса та может остаться на всю жизнь одинокой и предложила ей сейчас же написать заявление об увольнении.

Назавтра же Люба была уволена с завода. Заводчане удивительно тепло нас проводили, а на прощание сделали свадебный подарок: целый чемодан бутылок со спиртом к свадебному столу.

Через день мы были в Свердловске и сразу же подали заявление в ЗАГС октябрьского района о регистрации брака. Регистрацию назначили на девятое апреля, видимо, нужна была выдержка перед принятием такого ответственного решения. Если бы работники ЗАГСа знали, какую «выдержку» мы сделали, то наверняка, расписали бы нас сразу.

В ЗАГС мы пришли втроем: Люба, я и ее мама, как свидетель. День девятого апреля выдался солнечным, на небе ни облачка, все деревья в цвету и благоухают. Казалось, природа тоже вместе с нами празднует. Но регистрация, нашего брака опять чуть не сорвалась: на вопрос работницы ЗАГСа о наших с Любой фамилиях после бракосочетания, моя будущая теща ответила, что конечно же Васильевы. Меня возмутила беспардонность ее заявления, я встал и ушел из ЗАГСа. Метров через пятьдесят меня догнала теща и, извинившись, вернула меня обратно. Люба же продолжала сидеть за столом, но плакала. Потом все успокоились и вскоре все было закончено: мы вышли из ЗАГСа мужем и женой – Комаровыми. Теща отправилась домой, а мы – ко мне в институт. Видимо в этот день был субботник, так как на протяжении всей улицы Декабристов от пересечения ею улиц Луначарского и Восточной велись посадки зеленых насаждений. Неожиданно, в голову пришла мысль о человеческой мудрости, которая гласит, что каждый человек в своей жизни должен родить и воспитать сына, построить дом и посадить дерево. Прошло более пятидесяти лет с того дня, мы выполнили эти человеческие заповеди. Но и сейчас, когда я проезжаю по этому участку улицы Декабристов, мне кажется, что деревья, а они выросли

большими за эти годы, приветливо машут мне ветками, напоминая о нашей юношеской встрече.

В институте наши друзья, узнав о случившемся, быстро организовали маленькую студенческую «попойку», на ней они поздравили нас и искренне пожелали счастливой семейной жизни. Надо сказать, что друзей у нас было немало, они всегда нас считали одной из самых привлекательных пар и удивлялись, что мы никак не можем объединиться в семью. Дома у Любы никакого праздника не было: Сусанна Викторовна болела и ей нельзя было выпивать, Сергей Александрович не принимал спиртного. Поэтому мы с Любой поздравили себя сами, купив бутылку Рислинга. С тех пор нашим семейным вином по торжественным датам был Рислинг. Правда, теща подарила нам на свадьбу трюмо. Оно и сейчас цело, висит в прихожей нашей квартиры напоминанием о том счастливом апрельском дне и сегодняшнем нашем возрасте.

Мои же родные были неподдельно рады случившемуся: они давно этого ждали и считали Любу своей невесткой. Они сразу предложили провести свадьбу у них в городе Нижняя Тура. В июне свадьба состоялась. Все заботы и расходы по ее проведению взяли на себя мои родные, мы же привезли только спирт и, конечно же, Любин новый свадебный наряд, который ей сшила из купленного мною материала, какая-то модная портниха, недавно приехавшая из Китая. С доставкой спиртного произошел казус: везли его поездом мы с Борисом, моим братом. Доехав до Выи, мы узнали, что по какой-то причине поезда в Нижнюю Туру не будет. Автомашин тоже не было и нам пришлось с Борисом тащить этот злополучный чемодан со спиртом на себе от Выи до Нижней Туры, а это примерно десять километров. Да, пить его гораздо легче, чем нести на себе.

Любины родители и Люся на свадьбу не приехали: откровенно, не знаю причин, помешавших им приехать и поздравить «любимого Чипкина», как называла Любу ее мать. Были лишь родственники и близкие друзья нашей семьи, да приехали разделить нашу с Любой радость мои друзья по Ису: Тася Решетникова, Вадим Шарнин и Юра Зуев. Фотографии со свадьбы сохранили их лица, но до сих пор я поддерживаю связь лишь с Вадимом Шарниным. Тася давно умерла, а след Юры где-то затерялся. Год назад ушел из жизни и Вадим и наша запланированная встреча в Костомукше, где он жил в последнее время, не состоялась.

Мама, отчим, Сергей, бабушка и дедушка проживали в двухкомнатной квартире: одна комната площадью 20–25, а вторая 15–16 квадратных метров. Свадьбу провели в этой квартире: столы были накрыты в большой комнате, а маленькая была полностью заставлена различными закусками и стряпней. Праздновали целых три дня. Ночевали кто у соседей, кто уходил домой, а молодежь – вповалку на полу в большой комнате, рядом со столами. На четвертый день все взмолились, что не могут больше ни есть, ни пить и вся свадьба отправилась на прогулку.

Гуляем и вдруг встречаем моего друга по детству, Валерия Ердякова: оказывается он только что вернулся из армии домой. Познакомил я его с молодой женой и он буквально заставил нас зайти к его родителям. Зашли, поздоровались, познакомились. Они поздравили нас и поднесли всем по кружке браги. Я «вырос на браге», знал, что это за напиток

и предупредил Любу, чтобы она лишь немного отпила из кружки, но не тут–то было: отпив немного, она с удовольствием допила все. Ей немедленно налили вторую кружку. Не слушая меня, она выпила и из нее. Кончилось тем, что домой я ее принес на руках, где она, не раз–деваясь, плюхнулась на кровать и уснула, падая, сломав кровать. С тех пор она больше ни разу в жизни не притрагивалась к емкости с брагой. Так закончилась наша свадьба. Мой дед подарил нам на свадьбу деньги и сказал, что мы сами должны купить на них кровать. Увы, дорогой дедушка, деньги ушли на другое: мы совершили свадебное путешествие, а спали на старом диване с вылезшими пружинами.

После свадьбы мы еще заехали в поселок Сахалин, где после реабилитации жила се–мья моего родного отца. Нас (как и меня одного в первый раз) встретили радушно, и эта первая встреча навсегда определила нашу взаимную любовь с этой семьей. Радостные и отдохнувшие мы вернулись в Свердловск, где начались хлопоты. Как оказалось, законч–лась беззаботная студенческая пора, нужно было входить во взрослую, серьезную жизнь. И с каким же багажом мы подошли к этому?

Мы, муж и жена. Жена не имеет даже Свердловской прописки, я тоже живу на птичьих правах у «любимой» тещи. Оба мы без работы. У меня нет никакого законченного образо–вания. Кроме того, вскоре мы узнали, что у Любы будет ребенок. Жизнь у входа в нее сразу же предупреждала нас о необходимости решения этих и других, постоянно возникающих вопросов.

Альма-матер – УЛТИ г. Свердловск.

Воспитатели пионерского лагеря «Осокино». Володя слева. 1950 год.

В больнице после травмы. г. Свердловск, зима 1949-50 гг.

Группа ЛИФ-51 УЛТИ (Комаров в 3 ряду 3-й слева) г. Свердловск, 1952 год.

Сборная команда Исовского района по футболу (В. Комаров – четвертый слева), пос. Ис, 1952 год.

Победители соревнований военного лагеря «Бершеть», по волейболу – команда курсантов из УЛТИ. Пос ЮГ, лето 1952 года.

По Черному морю на теплоходе «Россия». 1954 год.

Первая совместная фотография. Москва, 1952 год.

Размолвка с Любой. 1954 год.

Молодожены. Н-Тура, 1956 год.

Глава V / Первые шаги в труде и семейной жизни.

1956 (июнь) – 1961 гг.

«Я спал, и мне снилось, что жизнь – это радость,
Я проснулся и понял, что жизнь – это долг.
Я начал трудиться и понял, что долг – это радость»

Рабиндранат Тагор

Лиха беда – начало. За свою жизнь я очень хорошо понял эту поговорку: как тяжело начиналась наша совместная жизнь. Да, мы, наконец, стали одной семьей и очень скоро узнали, что у нас кто–то родится; да, я не боялся никакой «халтуры», чтобы заработать деньги; да, мы были молоды, и нам казалось, что вступив в семейную жизнь, мы легко по ней пройдем. Но не тут–то было: одними «халтурами» благополучия семье не создать, а без решения жилищной проблемы благополучной семейной жизни тоже не будет.

Как же мы прожили эти первые, самые трудные в создании семьи годы?

1956 год.

Чтобы лучше рассказать о прошедших событиях я приложил письма из переписки моей молодой жены с ее крестной матерью – Чирковской Татьяной Александровной, которая жила в г. Молотов (ранее и позднее – г. Пермь). Письма написаны в те далекие годы и документируют жизненные события и настроение участвующих в них.

19.08.56. Одесса. От Любы - Т.А.

Милая мама Таня!

Я давно не писала Вам и Вам, конечно, трудно представить, где я побывала за это время. Мы с Володей ездили к его родным: были в Н-Туре, у бабушки в Троицком и еще гостили в поселке Сахалин у Володиного родного отца. Перед отъездом в Н-Туру мы получили письмо от Кати из Одессы, где она приглашала нас к себе. Мы решили ехать – мама, я и Володя. Но поехали только я с мамой, а Володя остался: он должен был выходить на работу в Промстройпроект, где

работает папа, об этом была договоренность, но вчера я получила письмо от Володи, где он пишет, что его не принимают, так как у него есть направление в Красновишерск. Но леспромхоз находится еще километрах в 100 от города. Не знаем, как дальше быть.

Мы здесь живем в рыбацком поселке Крыжановке недалеко от Одессы. Место тихое, с хорошим пляжем. От Одессы добираемся морским катером. Катя с Леной уезжают в Киев 26 августа, а мы с мамой остаемся еще недели на две. Главное, что дачников мало, а еще то, что весь сентябрь здесь обычно стоит хорошая погода. Море в пяти минутах ходьбы, фрукты и овощи дешевы.

Где я дальше буду - не знаю. Плохо, если придется ехать в Красновишерск. Пишите, ждем целую Люба.

Как видно из письма, меня на работу не приняли, и я решил присоединиться к Любе, как раньше договаривались. 25–го августа я выехал из Свердловска поездом на Москву, послав в Одессу телеграмму–молнию: – «Выезжаю. Володя». Представляете, какой переполох был в Одессе, когда они получили от меня телеграмму с текстом: «Выезжай. Володя». Люба бросилась в кассы ж/д и авиа, но нигде билетов не было. А назавтра она получила телеграмму из Москвы: – «Еду поездом №…, вагон … Встречай. Володя». Поезд в Одессу пришел в 6–30 утра. Как вы думаете, чем мы с ней занимались в это утро? Мы дождались в кинотеатре начала первого сеанса, посмотрели кинофильм «Возраст любви» и уже потом пошли в порт, чтобы речным трамвайчиком добраться до Крыжановки. Как вам понравились действия этой серьезной замужней пары?

Крыжановка в то время представляла собой маленькую рыбацкую деревушку, расположенную на самом берегу Черного моря. Берег был обрывистым и чтобы подняться от берега к деревне, надо было преодолеть примерно сто ступенек в крутом откосе. Любе было уже тяжело подниматься, поэтому я садил ее на плечи и поднимался вместе с нею. Местные рыбаки подтрунивали надо мной: – «Возьми теля!» В деревне не было никаких коммунальных услуг, кроме электроосвещения и радио. Нарицательным было выражение: «Пойду в кукурузу!». Люба с мамой жили в отдельном доме–мазанке, состоявшем из одной комнаты; готовили пищу в летней кухне, а умывались на улице. Вода была из колодца, не очень чистая. Развлечений никаких не было, да мы и не нуждались в них: прекрасно проводили все время у моря на пляже. Правда, один раз побывали в Одесском оперном театре и один раз были свидетелями страшного «развлечения». Дело в том, что в то же время, в деревне располагалась труппа киностудии, снимавшая фильм «Мальва». Не знаю из–за чего, но молодые артисты сцепились в драке с деревенской молодежью. В итоге один из артистов был зарезан.

После отличного отдыха у моря, мы на обратном пути заехали в Киев, где я познакомился с семьей Любиной тети, Екатерины Викторовны, а также со славным городом Киевом. Город очень понравился. Он уже был восстановлен и не было видно следов войны. Очень понравились новый Крещатик, а также Днепр. Вернулись домой (к теще) в конце сентября, а там нас уже ждали неотложные дела.

12.10.56 г. Свердловск. От Любы – Т.А.

Дорогая мама Таня!

Раньше мы путешествовали по разным городам, а теперь вот бегаем две недели по городу с хлопотами. Нам пришлось сразу проехать в Ирбит, наконец, меня выписали там. Но оказалось, что в Свердловске-то прописаться очень сложно, так как в городе большое перенаселение. Вы не представляете, сколько нам пришлось писать заявлений, просить разрешений, стоять с 8 часов утра днями в очередях к разным начальникам. Если бы нас сегодня не прописали, мы бы стали кидаться на людей. Но мне надо, оказывается, еще раз выписаться, сменить паспорт на новую фамилию и снова прописаться: это такой порядок. Кроме прописки мы много хлопотали об устройстве на работу. Володю, все-таки, берут в Промстройпроект пока техником-конструктором с окладом 800 р. – так как ему все надо начинать сначала. Спорить не приходится, потом переведут инженером. А я пока устроиться нигде не могу. Володя, конечно, уговаривает бросить ходить искать и поехать к его родным в гости. Но я все еще надеюсь, хоть и сама не знаю на что: органики здесь нигде не нужны, а специальность у меня довольно узкая. Мы так с Володей устаем за день от ходьбы, что вечером после ужина сразу ложимся спать. Мы устроили небольшую перестановку: сделали из ящика мне кровать, а Володя спит на диване. Из него повылезали пружины, но мы, наверно, еще долго не сможем его перетянуть.

Моя приписка.

Дорогая, Татьяна Александровна! Извините за долгое молчание. Сегодняшний вечер, впервые со дня нашего возвращения, свободный и спокойный, а потому мы с Любой занялись письмами. Как Вы себя чувствуете, поправились ли, и вышли ли на работу?

А я становлюсь совсем «солидным»: есть надежда через несколько дней выйти на работу. Откровенно, надоело скитаться безработным и я с удовольствием мечтаю о предстоящей работе. Для меня в ней будет много нового, но думаю, что у меня есть все-таки голова на плечах и я смогу быстро познать ее (работу). Это новое заставит работать, не расслабляясь, а это даже лучше.

Приезжайте к нам на 7 ноября, мы сможем Вас встретить.

Ждем Ваших писем и Вас.

Ваши Люба и Володя.

16.10.56 г. Ответ от Т.А. из Молотова.

Комарики, мои милые, спасибо Вам за письмо, но где же обещанные снимки? Конечно, сейчас за два месяца до декретного отпуска нет смысла устраиваться на работу и лучше пожить в Володиной семье, чтобы получше узнать и полюбить друг друга. Лишь бы мама не возражала, она ведь ужасная горячка.

Целую Вас, мои курносые (ты только Володе об этом не говори, а то он мужчина и пожалуй осерчает).

О важном: поздравляю тебя с днем рождения. Расти, цвети, ветвись и конечно не ленись, готовься быть хорошей матерью и хозяйкой, иначе семьи не бывает.

Привет родным и родителям.

Твоя старенькая мама Таня.

26.10.56 г. От Любы из Свердловска.

Здравствуйте, дорогая наша мама Таня!

Спасибо большое Вам за милый подарок. Мы уже все прочитали книжку. Володя работает, вернее все дни занимается и сегодня ему уже дали первую самостоятельную работу: конструирование перекрытия. А у меня одно расстройство с работой, меня брал к себе в группу в УФАН (филиал академии наук) наш профессор, работа по специальности и очень интересная. Я очень обрадовалась и настроилась. Он велел на следующий день приходить оформляться, но назавтра вдруг заявил, что место у него отобрали. В общем, меня не приняли и я очень огорчена. Хотела заняться копировальной работой в Промстройпроекте, но там работу на дом не дают. У меня очень плохо с сердцем в последнее время, особенно по ночам и я часто не сплю до утра. Врачи предупредили, чтобы я находилась под постоянным наблюдением, а то все может плохо кончиться. В этом году мой день рождения отметили вкусным семейным обедом. Володя принес мне в подарок банку любимых абрикосов в сиропе и я не удержалась, съела почти все: от литра осталась одна ягодка. Потом мне было не очень хорошо, но ведь 24 года бывает не каждый день! Нам всем очень хотелось видеть и Вас за этим столом. Я надеюсь, что когда-нибудь мы будем жить вместе.

Моя приписка.

Уважаемая, Татьяна Александровна! Большое спасибо Вам за книгу. Даже я оторвался от своих занятий и с удовольствием ее прочитал. Работой своей я очень доволен. За две прошедшие недели я проштудировал книгу Сахновского «Железобетонные конструкции» и сегодня, наконец, получил первое задание: расчет и конструирование железобетонного ребристого перекрытия и уже рассчитал плиту. Знаете, когда закончился рабочий день, мне казалось, что времени еще часа два дня – день пролетел незаметно. В общем, я получаю большое удовольствие от работы. Татьяна Александровна, мы уже думали с Любой о том, что было бы хорошо летом вместе с Вами отдохнуть у моих родных. Вы бы там смогли полностью отойти от своих забот, стали бы родней всем нам. Подумайте об этом предложении и напишите, как Вы на это посмотрите. А дома у нас все были бы рады. Пока до свидания. Пишите нам. Целуем и обнимаем.

Ваши Люба и Володя.

3.11. 56 г.

Милая мама Таня!

Получила Ваше письмо и даже расстроилась: меня очень тронула Ваша забота обо мне. Я сама еще не очень-то умею думать о будущем, пока еще больше думается о настоящем: как бы куда съездить, где новое что увидеть. Теперь-то мы уж оба отъездились. Да мне, по правде, уже не кажется заманчивым какое-либо путешествие, больше невольно думается о доме и хочется иметь свое гнездо. А Вы так заботитесь обо мне, что я не знаю, смогу ли когда-нибудь оплатить Вам за все хорошее, что Вы постоянно делаете для меня. У нас гость – Володин дедушка. Он почти совсем не видит и надеялся, что здесь ему помогут, но врачи отказались делать операцию. Он так расстроился, что даже кушать перестал. Да еще мы с ним оба упали (на улице страшный гололед) и оба лежим третий день. Володя доволен своей работой, но он страшно устает. Главное, он и в воскресенье работает – судит соревнования по волейболу и совсем не отдыхает. Он похудел и мне его жалко. А я очень поправилась, стала такая полная, что все обращают внимание. Ждем со дня на день фотографии из Киева, наверно в следующем письме пошлем. Еще раз спасибо милая мама Таня за Вашу заботу, теперь уже не только обо мне, но и обо всем моем семействе – настоящем и будущем.

Целуем Вас крепко и обнимаем. Пишите нам. Ваша Люба.

16.11.56 г. От Любы из Свердловска.

Милая мама Таня!

Мы давно ничего не получаем от Вас и волнуемся. На днях мы послали Вам нашу фотографию из Киева – получили ли Вы ее? Сейчас посылаем еще одну: нас фотографировали еще весной, но фотографии отдали только что. Четыре дня назад мы отправили маму в Тюмень: она опять плохо чувствует себя. Она все ждала папу, но он приехал только сегодня. Целый месяц все волновались, не зная, где он и что с ним, а он даже ни разу не написал. Приехав, он сразу же отправился на работу. Оказывается, его вызывал министр, и все время он работал в Министерстве. После отъезда мамы мы с Володей четыре дня жили одни. С одной стороны, это спокойно, но с другой, нам (особенно мне) было скучно и пусто: привыкли, что всегда кругом люди, шум. Мне особенно, потому что я все время сижу дома, а Володя приходит поздно. Я дома занимаюсь починкой, а сегодня мыла полы и немного стирала. Чувствую себя ничего, но в последнее время часто бывает какое-то полуобморочное состояние, в глазах темнеет, ничего не слышу. Стараюсь гулять каждый день вместе с приблудным щенком.

Пишите нам скорее. Целуем крепко. Ваши Комарики.

21. 11.56 г. Из Молотова от Т. А.

Милая моя Любочка, у нас идет фильм «Человек родился». Я еще не видела, но на снимках там такая же детская мордочка, как твоя и я очень расстроилась: сколько тебе предстоит теперь пережить всяких забот и горестей, а ведь ты еще совсем девчонка. И как ты научишься быть настоящей матерью, а не игрушечного малыша. Помнишь, я тебя предупреждала, чтобы ты не доверяла своим подружкам, и если что случится с тобой, они тебя продадут и бросят. Мама говорит, что это почти так и вышло. Хорошо еще, что ты не уехала в Румынию, а то какая бы теперь была тревога. Слава Богу, что ты осталась дома, что мама с папой оказались умнее нас с тобой, а то ведь я тоже, было время, очень сочувствовала твоей дружбе с Георгом и все мне представлялось в лучшем виде...!

Я прервала письмо, потому что мне принесли твое письмо со снимком и все мои соседи сбежались смотреть и расспросить о вас. Снимок всем очень понравился, но все-таки жаль, что вы смотрите не друг на друга, а куда-то в даль. Я рассказала, как это получилось и всем это тоже понравилось. Я очень горжусь, что у меня такой красивый сынок Володя и что в феврале я буду уже настоящей бабушкой – дай Бог тебе здоровья и счастья!

Целую твое миленькое личико, а ты уж, как-нибудь при случае, поцелуй за меня Володю, а то ведь мужчины ужасные недотроги и не терпят нежностей, даже материнских.

Я очень рада, что работа ему нравится, и что он продолжает интересоваться спортом. Во-первых, это не безделье, а приятное и, по возможности, полезное занятие. А что ты делаешь? Учишься жить и готовить? Имей ввиду, что это необходимые умения и, кроме того, надо научиться заранее уходу за детьми и больными.

Твоя старая мама Таня.

Вот и кончился этот год, первый год семейной жизни и что же он нам принес? Тревоги для всех в ожидании рождения нашего первенца. Работу мне, в которую я окунулся с головой: она мне очень понравилась и я понял, что быть строителем – мое призвание. Мое бесправие в семье «любимой» тещи: да именно так, потому что с Сергеем Александровичем у меня сразу же наладились добрые отношения, но дома он не был главой. Вроде, пока было мирно, но я уже чувствовал приближение грозы. Никаких сдвигов в отношении защиты дипломной работы, потому что не было возможностей отъезда по направлению.

1957 год.

Первый месяц прошел в тревоге и томительном ожидании первого события в нашей начинающейся семейной жизни: мы ждали рождения нашего первенца. Все семейство Васильевых ожидало рождения только девочки, так как и у Сусанны Викторовны, и у Екатерины Викторовны родились только дочери. Мне же было все равно, кто родится, хотя

в нашей семье росли одни мальчики. Люба поправилась на 15кг и стала себя плохо чувствовать: плохо спала, давление стало подпрыгивать. Это меня волновало больше. У меня на работе было все в порядке, я уже свободно рассчитывал и конструировал перекрытия, фундаменты под оборудование, отдельные конструкции. У меня быстро наладился контакт с молодежью института, и это привело к тому, что с начала года меня избрали секретарем комсомольской организации института.

И вот оно, торжественное событие: 31–го января в 12–20 часов дня на свет появился наш первенец – сын. Вес его при рождении был 3кг 130 г. Рост 49 см. Родился он в ОММ. Я, конечно же, хотел привести домой Любу с ребенком на шикарной машине и все утро в день выписки бегал в поиске ее. Нашел, наконец, ЗИМ. Подъехал к ОММ. И встретил Любу всю в слезах: оказывается, она меня ждала целый час. Она решила, что я забыл о них или не хочу забирать. Всю дорогу до дома мне пришлось ее успокаивать. Я послал всем родным телеграммы об этом событии. Маме и деду написал: – «Родился сын, Никита», на что получил ответ: «Поздравляем сыном, любым, но не Никитой». А мама в письме вообще написала так: «ты что, сын не знаешь русскую поговорку – Никита, мать…» Я все понял. Но вопрос об имени сына, неожиданно обострил наши отношения с тещей: все, кроме нее сошлись на имени Александр, в честь Сашиных предков, а она вдруг захотела назвать его Игорем. Никто не мог понять, почему. Она ушла на несколько дней из дома, с его документами, оставив письменный ультиматум, что вернется лишь в случае нашего согласия с именем Игорь. Она продолжила, что в случае согласия, мы должны выставить в форточку белый платок. Не дождавшись платка, она, через несколько дней все же вернулась домой, однако полемика насчет имени сына продолжалась целый месяц и, наконец, оно у него появилось. Его назвали – Александр!

А дальше, о первых трех месяцах года читайте из переписки Любы с крестной матерью.

14.01. 57 г. От Любы из Свердловска.

Милая мама Таня!

Обычно после долгого молчания писала Вам из далеких мест. Вот опять я совершенно неожиданно путешествовала в Тюмень к Люсе: 15-го декабря маме вдруг снова стало плохо и я сопровождала ее. Ее сразу положили в больницу. Вернулась я домой перед Новым Годом. Маму выписали из больницы 31-го декабря и они с Люсей 7-го января тоже приехала сюда. Люся будет здесь на специализации 5 месяцев. Мы с Володей устроили елку и она стоит до сих пор. Вчера мы все вместе встретили Новый Год, так как по новому стилю все были в разных местах. Мне Дед Мороз принес в чулке попугая. Я очень этому рада, так как в магазинах нет детских игрушек. А Володя нашел в носке новый галстук. Мама стряпала рыбный пирог. Мне в больнице сказали, что через 4 недели у нас кто-то родится. Вы должны обязательно посмотреть на внука или внучку.

Я давно не писала и Вы не знаете о наших перестановках: мама уступила нам пока большую кровать и мы ее перетащили в первую комнату. Папа спит

на сундуке у печки и считает это самым лучшим местом, мама на узкой железной кровати, а для Люси временно взяли раскладушку. Володе очень нравится работа, но у него много времени уходит на общественные дела: его избрали секретарем комсомольской организации института. А так как он на сдельной оплате, то на руки у него приходится 500 –550 руб., но на работе его очень ценят: он относится к работе серьезно. Иногда он приносит работу домой и я помогаю ему считать. Я себя чувствую не очень хорошо: стала плохо спать, давление на границе с нормой. Запретили мне кушать мясо, рекомендовали фрукты и молоко. Гуляю я не особенно много, только по делам в город и в магазины. Без мамы я научилась готовить, папа с Володей довольны моими обедами. А один раз решила испечь блины. Правда, на это ушел целый день и мне помогал Володя. Я так «устряпалась» что кушать их не хотела, но Володя меня накормил. Лицо у меня стало круглым. Уезжая с завода я весила 44 кг, а теперь – 61 кг. Люся зовет меня печкой. Дома я хожу в малиновом халате, а если иду в город – надеваю Люсино широкое платье, т.к. свое ничего на меня не подходит. Папа по-прежнему работает. К Новому Году он решил сделать мне подарок, но придумать ничего не мог и купил зарезанного петуха. Я сварила из него суп. А Володя принес мне игрушки на елку. Знает, что я до сих пор игрушки люблю. Вот когда мамы нет, я сама хозяйничала и чувствовала себя взрослой, а как мама приехала, то взрослость и заботы куда-то исчезли. Но мне уже нравится самой готовить, а ведь раньше я этого не любила. От Кати мы почти ничего не получаем, только была телеграмма к Новому Году: «Желаем квартиру, работу, здоровья и девочку». Мы с Володей долго смеялись: действительно коротко и все наши желания. А как Ваше здоровье, почему Вы об этом не пишете?

До свидания, наша милая мама Таня! Ждем Вас в гости и писем. Крепко целуем.

Ваши Люба и Володя.

1. 02.57 г. Из Свердловска от Володи. Телеграмма.

У Любочки родился сын. Ждем гости.

Володя.

23.02.57 г. От Володи из Свердловска.

Здравствуйте, дорогая Татьяна Александровна!

Как Вы поживаете, Как Ваше здоровье? Вот уже почти месяц, как Вы бабушка, но внуку только сегодня дали имя (никак раньше не могли найти времени, чтобы сходить в ЗАГС). Итак, зовут его Сашенька! Родился он в 12^{20} часов дня 31-го января, весом 3кг 130г, ростом 49 см. Сейчас он стал совсем большим. Любочка держала себя молодцом, даже ни разу не крикнула, а при выписке написала благодарность врачам. Сейчас она все время не досыпает, потому что

он часто плачет по ночам. Люба так с ним устает, что я удивляюсь, как она находит в себе силы делать все по хозяйству. Скоро ли у Вас будет отпуск? Отдохнуть приезжайте к нам: увидите своего внука. Большое Вам спасибо за деньги, которые Вы послали ему «на зубок». Часть этих денег мы потратили на покупку ванночки, а на другую часть я купил Любочке разных вкусных вещей (в частности компот).

Далее Люба.

Милая наша бабушка Таня!

Ваш маленький внучоночек шлет Вам свой первый привет. Мы очень обеспокоены Вашим здоровьем. Я бы обязательно приехала попроведать Вас, но сейчас от сына, не то, что не уедешь, но иногда и из комнаты не выйдешь: он так тут всем задает жару. Я часто даже не успеваю покушать готовое. Спасибо большое Вам за подарок Сашеньке, мы его каждый день купаем в Вашей ванночке. Он купаться любит. Он уже подрос за месяц, но у него часто болит животик и он плачет. Тогда все взрослые начинают кричать друг на друга и на меня. А я сама готова плакать вместе с ним (часто так и бывает). Так как много нянек, Саша привык к рукам и в кровати не спит. Вот мы и скачем возле него. А Володя уже месяц занимается в военкомате каждый день после работы до 10 ч. вечера. Приходит с работы и мы купаем Сашу. Володя ложится спать в час ночи, встает в шесть, да еще ночью качает сына, когда я уже не могу. Он (Володя) очень похудел и устал. Сынок нам кажется самым милым и красивым. У него все время разные выражения лица. Но Вы его должны сами увидеть. Не болейте, пожалуйста, милая мама Таня. Как жаль, что Вы в Молотове и я не могу прийти к Вам, и только заочно обнимаю.

Целуем Вас, Ваши Люба, Володя и Сашенька.

9.03.57 г. От Т.А. из Молотова.

Милые мои Комарики-комары, дорогой мой Александр Владимирович Комаров!

Наконец-то неквалифицированные родители отчитались перед еще более неквалифицированной бабушкой! Бог их простит за промедление, как некие им теперь прощают. Родительское послание получено 8 Марта – лучший подарок из подарков. Баба- Яга, то есть Пермская бабушка, очень рада и даже гордится, что маленького царевича купают в посудине, приобретенной с некоторым ее участием. Молоко, солнце, воздух и вода, да еще чистая, теплая постелька – это пока все, что надо малышу. Но почему у него болит животик? Ведь он еще не пьет сырую воду. А что кушает его мама-кормилица? Может быть, она питается фруктами и компотами и ее сосунок просто голоден? Ведь кричать – это очень утомительно и он, конечно, предпочел бы крепко спать, чем расходовать зря драгоценное здоровье и портить свой будущий лирический баритон. Баба-Яга все еще сидит, в своей избушке и переругивается с царем-Кощеем: милиция не может справиться с его самодержавием. Конечно, если бы Сашенька с

папой жили в Молотове и почаще навещали мамину крестную, то дело пошло бы на лад. Ничего не поделаешь, придется по-прежнему вести партизанскую войну. Относительно личной встречи, и знакомства с внуком, пока еще ничего не известно. Предполагается, если живы – здоровы будем, назначить свидание в мае в «шатре предков». Засим, не отнимая времени у Сашиных родителей, Баба-Яга, то есть мама Таня им низко кланяется, дает всем по конфетке и уходит на цыпочках, чтобы крикун-пискун опять не запел. Тс-с-с, тс-с-с. Надо спать, крепко спать. Милый мой маленький. Когда-то мама Любочка очень хорошо засыпала у меня на руках, потому что я сидела на месте, не качала и не бегала с ней по комнате. Все детишки жмутся к теплой мягкой маме: много ли тепла в одном, таком маленьком голеньком существе? Это понимать надо! Вот когда он на ножки встанет, тогда другое дело – пусть спит один, и то летом, а не зимой.

Эх, вы, тоже мне, родители! Баба-Яга, то есть мама Таня.

6.03.57 г. От Любы из Свердловска.

Дорогая мама Таня!

Еще раз хочу поздравить с праздником и пожелать всего хорошего, особенно здоровья. У нас дома все в порядке, Сашенька растет понемногу. Нам с Володей он кажется красавцем, а я могу сидеть и смотреть на него целый день. Он уже улыбается каким-то своим мыслям. Мы с ним уже ходим в консультацию и он там всем понравился. Он прибыл на 500 гр. и вырос на 3 см., ему пошел второй месяц. Мы с Володей собираемся 9 марта, пойти на вечер в Промстройпроект: я уже давно нигде не бывала и мне, конечно, интересно пойти, тем более, что Володя будет петь песню «Подмосковные вечера» и читать рассказ. Сегодня утром пересмотрела все свои и Люсины платья и кофты: ничего не подходит, а одну юбку я даже порвала по шву, Люся мне подарила зеленый вельвет на платье, но мы решили до осени не шить – ведь не могу же я всегда быть такой толстой. Володя очень хочет сфотографироваться со мной и сыном, а я ему доказываю, что таких малышек не фотографируют. Но если, мы соберемся, то обязательно пошлем вам фотографию. Я очень скучаю о Вас и если у нас будет большая квартира (мы на это очень надеемся), то приезжайте к нам жить. Я уверена, что вы с Сашей полюбите друг друга. А пока он только таращит глазенки и беспомощно машет ручонками. Недавно схватил себя за носик, долго держал и удивлялся.

Целуем Вас и обнимаем. Ваши Комарики.

6.03.57 г. От Сусанны Викторовны из Свердловска.

Дорогая, Татьяна Александровна!

Получила я Ваше письмо, большое спасибо. Я конечно, свинья, что не писала Вам. Но если бы у меня было, что радостное написать! Ведь родился-то парень! Что мне с ним делать, я так не люблю мальчишек! Назвали его Александром в

честь прабабки, прадеда, прапрадеда и пра-прапрадеда, а мне хотелось Игоря. Но Володя, этот бычок на веревочке, этот идиот и лодырь, который сидит на моей шее, запротестовал против Игоря, а Люба – дура, не могла ему препятствовать. Она родила, мучилась и т.д., а Володя, видите ли возражает! Вообще, она лишка смотрит ему в глаза. Жизнь моя очень скучная: я вожусь, готовлю обеды, стираю, мою полы, а Люба только спит или, в лучшем случае, держит на руках своего сына. Я знаю, что Володя писал Вам, что Люба справляется с хозяйством и т.д. Он, конечно, уверен в этом, так как к приходу мужчин все готово и прибрано, Люба сидит с ребенком, как куколка и заявляет мужу, что у нее болит спина. А чьими руками все сделано? Даже купать приходится мне. Они оба принимают в этом живейшее участие: только мешают, ссорятся, бегают по комнате. А я купаю. Алик ужасная рева. Особенно мне достается по ночам: Люба хочет спать и приносит ребенка мне, а милый ребеночек орет до 6 утра и молчит только на руках. Сергей тоже кричит: он воображает, что мы специально щиплем и мучаем ребенка. А тут еще приезжали гости – Володины мать, дед и брат. Жили целую неделю, я даже вынуждена была уйти ночевать к знакомым. А они дали ребенку соску. Это же ужас! До этого он жил без соски и все было хорошо. Люба стала просто тумба, такая толстая и ни одно платье на нее не лезет. Запрягли меня, как Сивку-Бурку и я не вижу никакого выхода. Спасибо за все, что Вы делаете для моей Любочки. Ее я очень люблю, а Володю терпеть не могу. Надеюсь, что и он меня тоже. Желаю Вам здоровья. Ждем в гости при первой возможности.

Целую Вас. Ваша Сусанна.

29.03.57 г. Любе от Татьяны Александровны из Молотова.

Любочка, с твоим письмом от 6.03 получилась непонятная история. Лиза обнаружила его в почтовом ящике лишь 26.03. Поэтому, посылай письма не на домашний адрес, а на Облпроект и это будет надежнее.

Я все еще нездорова, сижу дома и через день, а иногда и каждый день хожу в поликлинику к врачам, на процедуры, на комиссию. Улучшения нет: по-прежнему слабость, сонливость, дурнота. Возможно, меня отправят в больницу, при этом – в плохую. Скучаю, делать ничего не хочется, читать – вредно. Сосед психач не дает нам покоя ни днем, ни ночью. Твое предложение – если получите большую комнату, жить с вами, конечно приятно, но при моем теперешнем здоровье неосуществимо, хотя немного помечтала о том, какая бы я была бабушка у Сашеньки с сестренкой. Но у тебя, слава Богу, есть настоящие родные бабушки. Хорошо, что ты полнеешь: это естественно. Ты не рассчитывай снова похудеть, а лучше перешей свои платья, скомбинируй или сделай вставки. Вельвет, конечно, надо шить к зиме, а на лето не стоит. Как прошел вечер у Володи? Мне 8.03 прислали с работы Почетную Грамоту и корзиночку шоколадных конфет и лимонов. Я не обрадовалась этому вниманию и подумала, что это сделано на прощание. Все равно я теперь уже не работник. Мне очень хочется посмотреть

на Сашу и я буду рада его фото. Я думаю, что раньше детей не фотографировали из-за большой детской смертности: лучше не иметь дорогих снимков, чтобы меньше мучиться об умерших. Теперь это не так страшно. У меня есть твой снимок – с голенькой, когда ты уже сидела без поддержки. А Сашеньку следовало бы снять «поросеночком» лежащим на подушке. За границей детей снимают на кинопленку и это еще интереснее. Володя интересуется сыном, что вообще редко бывает и это большое счастье для тебя. Ну, будьте здоровы, растите, живите дружно и спите крепко, сладко, долго.

Ваша Баба Таня.

29.03.57 г. Сусанне Викторовне от Татьяны Александровны из Молотова.

Ах, бабушка, бабушка, дорогая Вы моя кума, Сусанна Викторовна! Когда же перестанете Вы из сил выбиваться, стараясь объять необъятное и гору с места своротить? Ну не все ли в сущности равно, парень или девка Сашенька? На девчонку всегда тревог и расходов больше. А пока они сосут и пачкаются – все одинаковые. И, скажите пожалуйста, в честь кого хотели Вы назвать его Игорем? Я что-то не слыхала в наших семьях такого имени. Вы также на зятя серчаете – это закон природы, что матери ревнивы и сначала неуживчивы, а потом слюбится – стерпится. Ведь и Ваш Сергей Александрович был не по нраву Александре Александровне, а ведь Вы остались ему верной женой, несмотря на все испытания. Люба хорошо делает, что не противоречит мужу. Вы же сами говорили мне, что научились спокойно слушать, а делаете все по своему – как находите лучше. Эту науку – слушать и не поддаваться, надо изучать на практике: погодите, помаленьку все обомнется и Володя тоже. Не вижу большой беды и в соске, не зря ее люди придумали. Пусть лучше сосет резинку, которую можно вымыть и прокипятить, а не собственные кулаки и ногти. Родственный интерес к ребенку дело законное, но делегация была слишком многолюдной, хотя, вероятно, молодой дядюшка был зачислен в ее состав в качестве обслуживающего персонала при ветхом дедушке и болезненной матушке. Надо относиться к родственникам снисходительно, тем более, что Вы не согласились бы уступить им, хотя бы на время, дочь и внука. А ведь по старинным правилам Люба должна была жить у свекрови. Люба-то, по молодости лет это не понимает и не думает о том, как ей надо быть внимательной к Вам. Но ведь и то надо взять в расчет, что ни в школах, ни в институтах у нас девушек не учат уходу за детьми и хозяйству – все это постигается на практике и требует времени. А Вы такая горячка и вместо того, чтобы руководить и повелевать – за все хватаетесь сами, совершенно не считаясь со своими силами и здоровьем.

Взвесив все, я пришла к заключению, что знакомство с внуком придется мне отложить до того времени, когда у него прорежутся зубки. А пока Вы время от времени пишите мне краткие отчеты, хотя бы раз в месяц. Я все еще нездорова, сижу дома, но временами у меня бывает хорошее настроение и я радуюсь весне, солнышку. Советую и Вам чаще выезжать с внуком на прогулку.

Ваша Татьяна Александровна.

С 1 апреля произошли некоторые изменения в нашей жизни: Люба сначала устроилась на работу в Инспекцию Госгортехнадзора старшим инженером–инспектором по газовому надзору. Она была первой женщиной в Свердловске, которая занималась вопросами газоснабжения. Об этом знает очень ограниченный круг людей. Впоследствии и я познакомился с ее руководителями. Кстати, свою первую «халтуру» я выполнил для них: это был проект котельной для Щербаковского спиртового завода. Этой работой я заработал деньги на первую нашу с ней крупную покупку: мы купили Любе модное китайское пальто.

Надо сказать, что я был очень занят и производственной, и общественной работой. Кроме того, судил соревнования по волейболу. Поэтому очень мало уделял внимания воспитанию сына. Ну, кроме вечернего купания. Но мне очень не понравилось, что Саша был приучен засыпать только на руках. И вот, в одно из воскресений, которое я освободил от всех дел, я решил отучить его от этого. Я сказал, что сам буду его усыплять, закрылся с ним днем во второй комнате и уложил его (после еды) сразу в кроватку. Он задал реву на целый час. С другой стороны двери бегали Люба, теща, тесть и кричали, что у меня мохнатое сердце и требовали немедленно прекратить «издеваться над ребенком», но я их не слушал, а через час Саша замолчал и уснул. И с тех пор, кроме тех дней и ночей когда был болен, Саша спокойно засыпал в кроватке. С апреля я начал получать письма из комбината «Молотовлес» в которых они требовали моего приезда на работу по назначению в Красновишерский леспромхоз. В институте же мне выставили ультиматум: если я не улажу все вопросы с комбинатом и не получу от них справку об этом, то мне защиту дипломной работы не разрешат.

В мае у нас в семье разразился скандал: мы с Любой и Сашей «имели наглость» уехать на праздники в Нижнюю Туру к моим родным. Когда мы вернулись, нас встретили молчанием. А потом Сусанна Викторовна несколько дней отказывалась подходить к Саше, она заявила, что от него пахнет чужим, и что его вырвали из ее сердца. А мне она несколько раз высказывала то, что я никто в этом доме и что она презирает и меня и всю мою родню.

Так прошли эти первые полгода. Более подробно вы об этом прочтете в письмах.

1.04.57. От Любы из Свердловска.

Милая мама Таня!

Сегодня я первый день на работе и, наконец, пишу Вам. Две недели я опять бегала, искала работу, но нигде не брали, увидев что у меня есть сын полуторамесячный. Я устроилась старшим инженером-инспектором по газовому надзору в Гостехнадзор. Это, в основном, канцелярская и проектная работа! Сашенька дома с мамой. Я в перерыв (1.5 час.) буду дома его кормить. Работаю я в Доме контор, ездить домой на троллейбусе. Саше вчера исполнилось 2 месяца. Он вырос на 8см. Очень любит купаться и «гулять» – размахивает руками и ногами. А когда гладишь его по животику – вытягивает ноги и ждет, чтобы еще погладили. Знаете, папа нас с Люсей боялся, а его уже берет на руки, говорит с ним и уже два раза купал, когда нас дома не было.

Володя без ума от сына, но у него «мохнатое сердце» – он решил сына воспитывать и запретил усыплять его на руках. Вообще-то это правильно, а то он делать ничего не давал. Один день Саша очень плакал, а теперь лежит спокойно и только хнычет, когда засыпает. Он уже останавливает взгляд на игрушках. У нас гостит Леночка. Она прилетела из Киева 23-го и уже третий день гостит у Люси в Тюмени. Она совсем стала барышней, выше меня ростом. Катя в Москве на съезде композиторов. Чувствует она себя плохо: не так давно ее толкнули в автобусе и она, ударившись головой о дверь, потеряла сознание! Леночка – мечтает о мединституте и ходит здесь с Люсей на нейрохирургические операции. Володя недавно болел. Он простудился и очень плохо выглядит: худой, худой, а по ночам сильно потеет. Я его посылаю на рентген, а ему все времени не хватает: очень много времени занимает комсомольская работа. А так как он сдельщик, от этого страдает зарплата. Я бы еще не пошла работать, если бы он больше получал. А у меня зарплата 880 руб. Ходит он в совершенно неприличном костюме, который я уже не хочу починять, а с первой зарплаты купим ему хотя бы пиджак.

Милая мама Таня, пишите о своем здоровье, не обижайтесь, что я долго молчала – все некогда. Все хочу написать, пока Саша спит. Он сейчас хоть по ночам спит. Просыпается всего 3-4 раза. Но бывает, что за ночь сплю 1.5-2 часа. Привет от всех.

Целуем Вас с Сашенькой. Ваша Люба.

11.04.57 г. От Любы из Свердловска.

Милая мама Таня!

Давно нет писем от Вас и мы беспокоимся. Я понемногу работаю, сегодня уже десятый день. Сашенька растет. Вчера его взвешивали в консультации: он прибыл сверх нормы на 770 г, т.е. на месяц вперед. Растет он прямо на глазах: ноги уже почти торчат из пеленок, и конвертик становится ему мал. Маме, конечно, некогда с ним часто гулять. В эти дни, пока папа был на больничном дома, мы выносили Сашеньку с кроваткой на улицу, а папа его караулил. У нас с Володей осложнения: пришло письмо из комбината «Молотовлес» с предложением выехать ему по назначению. Пока мы написали им ответ, что выехать он не может по семейным обстоятельствам. Но надо срочно вернуть подъемные 1000 руб. Если бы не Сашенька, мы бы поехали в леспромхоз, так как хочется пожить самостоятельно, а то – все «при маме». А без мамы сейчас никуда: никаким нянькам я бы Сашеньку не доверила. Наконец у нас запахло весной, несколько дней таяло и в некоторых местах прямо потоп. А наши улицы просто непроходимы: вступишь на снег и проваливаешься по колено, а внизу вода. Я так напроваливалась, что сижу на работе и чихаю. А рядом улицу вообще затопило квартала на три – целое озеро и к домам не подойти. Жду ответ, я очень соскучилась о Вас и все у нас хотят повидаться с Вами. Один Сашенька молчит, таращит глазенки на ковер (очень, любит на него смотреть) и молчит. У него

все время загибаются ушки, а он так и спит. Потом повернется, а ушко торчит. Мы уже несколько раз стригли ногти. Спит Сашенька уже со свободными руками днем и кричит, когда его пеленаешь. После работы я хожу за настоем шиповника в молочную кухню, он его очень любит и пьет вместо воды. А молока он съедает по 200 г за раз, но не прочь и больше съесть. Поэтому он так и прибыл. Но лучше Вам самой его увидеть.

Ждем, ждем Вас сюда. Целуем, обнимаем и ждем.

Ваши Люба, Володя и Сашенька.

5.05.57 г. От Татьяны Александровны их Молотова.

Любочка, я получила твое предмайское письмо и, чтобы не забыть и не отвлечься, хочу уточнить деловой вопрос: где «Молотовлес» и не нужно ли мне провести разведку, куда и на каких условиях хотят они вас с Володей заманить или заарканить? Надо сказать, что в итоге моего жизненного опыта последних лет, я совершенно переменила свое отношение к назначению специалистов на работу. Вот я прожила в одном доме 50 лет, с 33 года работаю в проектной организации Облкомхоза и, при всех моих лучших качествах, мне на старости лет не дают нового жилья, не могут меня освободить от хамского насилия: ни прокуроры, ни милиция не могут унять наглого бандита! Слава Богу, что у меня нет собственных детей, и мне не надо было напрасно стараться внушать им всякие возвышенные понятия в разрез с примитивным материализмом окружающей среды.

Раньше культурные и просто грамотные люди пользовались уважением, а теперь образование обесценилось и интеллигентных людей третируют, как каких-то незаконнорожденных или чернокожих. Понятно, я вовсе не хочу, чтобы вы с Володей очутились где-нибудь в районе нашего Камского моря. Если ни общественные, ни государственные организации не могут обеспечить нормальные условия для жизни и работы на новом месте, то я считаю вас вправе остаться с родителями, чтобы их без вас не заклевали, как меня. У вас с Володей разные специальности, Сашеньку сдавать в какие-то неизвестные ясли вы не обязаны, а бабушку от деда отрывать нельзя. Одним словом – я против.

Знаешь, я предложила редакции нашей стенгазеты поместить в Октябрьскую годовщину (к маю уже опоздали) снимки всех наших граждан, родившихся в 1957 году: я рассчитываю, что ты оценишь мое предложение и я буду красоваться там, в качестве бабушки. Это ведь здорово!

Мне с моим склерозом трудно теперь писать. Ты не сердись, а сама пиши почаще.

Поцелуй всех подряд, даже папу за то, что он хороший дед.

3.05.57 г. От Любы из Свердловска.

Милая мама Таня!

Все-таки мы с Володей по-прежнему любим ездить. Вот уж совсем не собирались ехать никуда. 30-го апреля в 6 ч. вечера мы поехали с Сашенькой в консультацию, а по дороге нам вручили телеграмму от Володиных родных с приглашением на праздник. И вот мы решили ехать: нас туда давно звали – всем хотелось увидеть Сашеньку. В час ночи мы уже выехали, только на этот раз не на третьей полке, а чинно – важно в купейном вагоне. Сашенька спокойно спал и даже не знал, что проснулся за 300 км от дома. Два дня мы гостили, а вчера в 10 ч. вечера выехали обратно и в 6 ч. утра были уже в Свердловске. На работу вышли оба без опоздания. Но все эти дни видели много слез: здесь мама проводила нас со слезами, там нас встретили Сашины бабушка, дедушка, прабабушка, прадедушка, двоюродная бабушка и все плакали от радости на вокзале, увидев нас; и когда провожали – тоже все плакали. А здесь мама с папой сердятся на нас и не разговаривают. Но если бы мы не поехали, то обязательно приехали бы к нам Володины мама и бабушка, а мама их очень не любит: ревнует ко мне и Саше. Но ведь Саша такой же им внук и они его любят, что мама совершенно исключает. Она как-то мне сказала, что только к Вам меня не ревнует и признает Вас за свою. А Володину родню, она за своих не считает, что его очень обижает. Вобщем, обстановка снова накалилась. Я прихожу в перерыв, а Сашенька весь уплакался: он долго кричал, а мама не подходила к нему. Говорит, что от него пахнет чужим, и что его вырвали у нее из сердца. Не знаю, что я буду делать, если мама не будет водиться с ним. А как Ваше здоровье? Не надумали ли Вы менять квартиру на Свердловск? Когда приедете? Пишите. Большой привет Вам от Володи, а мама сама напишет.

Целуем и обнимаем. Ваши Люба, Володя и Сашенька.

7.05.57 г. Татьяна Александровна Любе из Молотова.

Дорогая Любочка, не огорчайся маминой ревностью – надо же и ей что-то переживать и проверять твою любовь и собственную ценность. Старый – что малый: надо же потешиться, поворчать, пожаловаться, покапризничать. Не расстраивайся, ты ведь умница! А Сашок пусть покричит в свое удовольствие, пусть узнает, что из этого получится. А то бабушка набаловала его: лишь запищит – она тут как тут, его ублажает. Как же – первый. Единственный! А как же живут дети в больших семьях, где их 3-5 и бабушка одна? Ничего, ничего – не волнуйся и Володю этим не расстраивай.

В старые времена у мусульман дом делился на 2 половины – мужскую и женскую. Пока дети малы, отцы им не нужны и мужчины, надо сказать, маленьких боятся, не знают, как за них взяться. Твой Володя, счастливое исключение, такие ручные отцы редкость и ты за него ежедневно Бога благодари. Вы очень хорошо сделали, что съездили к нему на родину. Я думаю, было бы лучше, если бы ты меня послушалась и родила бы сына в доме его отца, для жизненного опыта

и родственных связей с мужниной родней. Это было бы полезнее, а у Сашеньки было бы столько нянек, что он … Впрочем, нет – из него получился бы такой принц, что не дай Господи!

Бабушка была бы хороша в качестве противовеса, а теперь она такая самодержавная, что к ней ни с какого бока подойти нельзя и меня она терпит, пока не суюсь к ее внуку. А если я разлечусь к вам, она мигом перекувырнет меня обратно, вот увидишь! Так что, подождем, пока она хорошенько успокоится, утопчется и перестанет искрить, как наскипидаренная молния. Эге, как ей, видно, было скучно без вас! Вот она и дуется изо всех сил. А ты уже не беспечная девушка, ты женщина, жена и мать – пора тебе быть внимательной и учиться наблюдать явления природы, управлять людьми, а не просто плыть по течению.

Целую тебя, моя большая мама. Я-то ведь, ты знаешь, всего-навсего старая дева и ты прими мои советы с соответствующим поправочным коэффициентом.

Твоя старая Баба-Яга, мама Таня.

8. 05.1957 г. Из Молотова от Татьяны Александровны Сусанне Викторовне.

Дорогая кума, проходите, садитесь. Я Вам сейчас задам головоломку, сделаю массаж и уши надеру.

Сын Любы – им, смотри, шутки?! Что мне делать, пишет...

Малец – молодец: еще в пеленках съездил на свидание с предками. Предки встретили его парадом: дед и бабушка, прадедушка и даже двоюродная бабушка приплелись встретить самого младшего родича. А Вы что? Он у Вас весь искричался, а вам забава. От него, видишь ли, чужим пахнет. Он что, щенок что ли? Ах ты, Господи, бывают же такие бабки ревнивые! Это врач? Это культурная женщина? Не прогневайся кума, ты на свете не одна и без Володи – будь он хоть какой, внука у тебя не было бы. Ишь, какая единоличница, а о дочери как заботишься? С мужем хочешь развести? Небось, сама-то, как за своего Сергея с отцом и с матерью билась!

Брось, кума дурить – пора умнее быть! Надо Бога благодарить, что дочь при тебе осталась и в Румынию не закатилась! Вот тех внуков, действительно, трудно было бы осваивать, от них, в самом деле, псиной воняло бы.

Не сердись, дорогая Сусанна Викторовна, за родственную брань, но, в самом деле, надо же свои чувства регулировать. Дай сердцу волю – заведет в неволю. Поздравляю Сергея Александровича с годовщиной Дня победы. Пусть еще раз поцелует Вас за дочерей и за внука. Что бы он стал делать без них.

До свидания. С приветом, Татьяна Александровна.

10.05.57. От Любы из Свердловска.

Милая мама Таня!

Мы очень ждем Вас и огорчены неприятностями, которые Вам причиняет сосед. У нас вот как обстоят дела: Володе не разрешают защищать диплом,

пока он не представит справки из «Молотовлеса», что те от него отказываются. Чтобы эту справку получить, Володе придется ехать в Молотов, в трест, со всеми документами. Я достала справку, что с 1956 г. работаю здесь старшим инженером, мамину справку об инвалидности и характеристики с работы на нас с Володей. Мы рады, что ему надо ехать: он постарается помочь Вам и оградить от грубостей соседа. Боюсь одного, чтобы их разговор был не очень бурным, а то Володю с его вспыльчивым характером, самого могут посадить на 15 суток за хулиганство. Володя давно хочет усмирить этого буяна. И, наконец-то, Володя привезет Вас к нам. Зарплата у Володи двадцатого, так что он в этот день и выедет. А у Вас суд с соседом семнадцатого. Вы договоритесь об отпуске числа с 22-23-го и приедете вместе с Володей.

Вобщем, все мы ждем Вас. Целуем. Ваши Люба, Володя и Сашенька.

23.05.57. От Любы из Свердловска.

Милая мама Таня!

У нас неожиданно все перевернулось: Володя должен был выезжать в Молотов и приехать оттуда вместе с Вами, но с 26- го его забирают в военные лагеря. Очень я этим расстроена. Главное, защита диплома в этом году не состоится, а что будет через год – кто его знает. Папа улетает в отпуск в Киев к Кате 25-го, а Люся едет в Тюмень 29-30-го. Все это выяснилось как-то сразу. Если Вы не застанете Володю и папу, то приезжайте хоть до отъезда Люси, надо обязательно посоветоваться относительно Вашего здоровья.

Сашенька стал совсем большой, увидите сами. Обязательно вместе сфотографируемся, а то у нас нет ни одной общей фотографии.

Приезжайте скорее. Ждем Вас!

Целуем. Ваши Комаришки.

Июнь резко ускорил нашу жизнь. Татьяна Александровна, узнав ,что нам необходимо вернуть подъемные, а денег у нас с Любой нет, послала нам 1000 рублей. Люба срочно их перевела в «Молотовлес» и всю первую половину месяца занималась с руководством моего института вопросом разрешения моей защиты дипломного проекта. Наконец, 13 июня директор института подписал приказ о моей защите, но срок назначили на 29 июня, причем назначили нового руководителя, который поставил новые требования к проекту. Пришлось за полмесяца переделать проект примерно процентов на 60–70.

Надо ли говорить, что творилось у нас в семье в эти полмесяца. Хорошо, что дирекция Промстройпроекта (место моей работы) предоставила мне отпуск до середины июля. Пришлось работать над проектом буквально день и ночь. Люба, приходя с работы, тоже подключалась к этому. Даже мой тесть, Сергей Александрович поучаствовал в работе над проектом: он оформил пояснительную записку. Сусанна Викторовна, моя теща, почувствовав себя плохо, уехала на это время в Тюмень, так что днем я был еще и нянькой. Теща перед отъездом объявила нам, что они будут питаться отдельно.

Все это, вместе взятое, привело к тому, что мы не успели к сроку с проектом. Мы закончили работу над ним 5 июля. Проект рассмотрели на кафедре и, указав на то, что он выполнен со строительным уклоном, к защите меня не допустили. А на прощание сказали, что если я не перейду из Промстройпроекта на работу в лесозаготовительное предприятие, то они мне не дадут окончить институт. Трудно описать мое состояние: мы были в тупике. И тут на помощь мне пришли руководители Промстройпроекта: они договорились, с руководством стройфака УПИ, что меня примут заочно на 4–й курс и я смогу закончить свое высшее образование. Но когда я пришел в Лесотехнический институт за документами, то встретил там декана Заочного факультета Лесотехнического института, Калиновского В.Ф., который предложил помощь в переводе меня на заочный факультет и в защите диплома в следующем году, чтобы не терять еще два года. Я, конечно согласился. Он выполнил свои обещания и через год я получил диплом инженера – технолога.

Читайте письма.

2.06.57. От Татьяны Александровны из Молотова.

Люба, посылаю тебе 1000 руб., которые я обещала Володе, чтобы откупиться от «Молотоволеса». Если уже поздно и денег они не примут, сохрани их, как фонд самопомощи. Эти деньги из твоего приданного. Зная твою беспечность, я не решилась отдать их к свадьбе, потому что их теперь, наверно, уже не было бы. Приданное не сюрприз, не подарок – это родительская забота о семье, о будущих детях. Поэтому мне было очень неприятно, что ты, получив от Кати наследство от дедушки с бабушкой, так легкомысленно его растранжирила. Теперь ты жена и мать и надо быть умнее. Обязательно откладывай ежемесячно хотя бы по 50 руб. и все премии и подарки, если они будут. Пользуйся этими деньгами только в нужде «до получки» и аккуратно вкладывай обратно. Так я собрала тебе приданное и так же, как мать, велю тебе. Не рассчитывай никогда на родственную помощь, это всегда осложняет взаимоотношения. Не обижайся на меня за этот предметный урок. Не жди и не зови меня, пока не выяснится, что у вас получится с Володей. Будь здорова, береги Сашу и маму.

Твоя старая карга – мама Таня.

21.06.57. От Любы из Свердловска.

Милая наша мама Таня!

Вы, наверно, считаете меня очень неблагодарной, так как я молчу самым бессовестным образом. Такие дикие дни у нас сейчас с Володей, что я вечерами не помню, как ложусь. Прежде всего, могу сообщить Вам, что 29-го Володя защищает диплом и за это мы должны благодарить Вас. Как только пришел Ваш перевод, я тут же, не получая денег, перевела их в «Молотовлес». От них мы как раз получили бумагу, где они предлагали немедленно явиться на работу, поскольку нами получены подъемные. Я почти каждый день ходила вместо Володи к нему в институт. Сначала говорила с деканом, потом дошла до директора. После того, как Володя грубо разговаривал в Молотове, я уже боялась отпускать хлопотать его. Декану я представила все справки и издали показала перевод на подъемные. О том, когда я их послала (а перевела я их накануне) – я умолчала. Убедив декана, я пошла к директору. Сначала он не очень любезно разговаривал со мной, но я не уходила, доказывая, что уехать от мамы и бросить ее не могла, тем более, что сестра уехала по назначению. Наконец, директор снова послал меня к декану и уже сам декан хлопотал у директора. Только 13-го дали приказ о защите, назначив ее на 29-е и вот мы с Володей сидим до умопомрачения. Ему дали отпуск без содержания до 15-го июля, мне тоже на 3 дня и тоже без содержания. У Володи новый руководитель и приходится много пересчитывать. На сегодня нам осталось выполнить семь листов чертежей, досчитать экономику, переписать и переплести пояснительную записку и отдать все на рецензию. Володя сидит с 8 утра, после работы я ему помогаю: считаем до1-2-х часов ночи. Но у нас опять болеет мама и Володя не может спокойно заниматься, через 5 минут приходится соскакивать к Саше: стоит жара и он не может заснуть, хоть и купаем его каждый день. Он снова стал плохо спать и по ночам. Только 3 дня, как от меня уехала ревизор-инспектор из Москвы. Проверяла меня две недели, а я прибегала сонной на работу, сидела, таращила глаза, чтобы не уснуть. Девятнадцатого прилетел из Киева папа, он поправился, отдохнул. Мама лежала, не вставала! Я только и смогла вымыть пол и быстро все прибрать.

Милая мама Таня, Вы не представляете, как я благодарна Вам за то, что Вы так нас выручили. Мы Вам эти деньги постепенно вернем. Пока же нам не удается ничего сэкономить. Все деньги сразу отдаю маме, а потом мы с Володей стесняемся просить даже на транспорт. Володя стесняется кушать и вечно голоден. Со вчерашнего дня мама предложила нам питаться отдельно, так как, по ее словам, мы сидим на ее шее. А мы деньгами не распоряжаемся. Вам начнем переводить со второй половины июля, когда получит Володя, а сейчас мы, как всегда, без денег. Мы с Володей купили стол за 200 руб. Мамин большой стол (надо было давно ожидать) развалился. Мама еле подхватила посуду. Стол купили у соседей, но только вчера деньги отдали. Когда Володя получит диплом, он, возможно, уйдет из Промстройпроекта куда-нибудь на завод, где можно получить квартиру. Все-таки с мамой нам лучше жить отдельно: характер у нее тяжелый и она очень несправедлива к Володе. Он себя чувствует дома хуже, чем у чужих людей, т. к. мама постоянно его одергивает, что он не хозяин и вообще никто, а часто, ни с того ни с чего нападает на его родных. Я от его родных видела исключительно чуткое и хорошее отношение и, хоть они простые люди, но внутренней культуры и деликатности у них больше, чем в нашей семье. Теперь Володя и мама вообще не разговаривают, т.к. недавно она опять очень обидела его маму. Я их никак не примирю, потому что меня мама не слушает, а Володя прав, защищая свою маму. Вы уж маме ничего не пишите, ее все равно не исправить. Мне только одно обидно: мы так хорошо и дружно с Володей живем, а в доме постоянно неприятности. Это нам обоим надоело. Сейчас главное диплом, остается неделя самой напряженной работы. Как только Володя защитит, я хочу отправить его домой хоть на неделю. Он очень устал, да голодный вечно,

похудел очень. Да отдохнет в нормальной обстановке. Как жаль, что Вы не собираетесь к нам. А как мне хотелось поговорить и посоветоваться с Вами. Как дела с путевкой и как закончилось дело с соседом? Как Вы переносите жару, как здоровье? Пишите нам, а мы напишем сразу же, как защитится Володя. Спасибо Вам за все полезные советы, от мамы я их не слышу. Я совсем замоталась.

Целую Вас, Ваша Люба.

24.06.57. От Татьяны Александровны из Молотова.

Дети мои! Денег мне не посылайте, мне они не нужны. Пусть они лучше положат начало фонду самопомощи и будут у вас всегда под рукой «до получки». Слава Богу, что они вам пригодились. А я очень боялась, что ты обидишься на меня за мои поучения, но решила выдержать характер и ничего тебе не писать, пока ты сама не напишешь. Теперь у меня от сердца отлегло… Прости, что я тебя так отчитала, но иначе ведь нельзя.

В письмах, конечно, все объяснить невозможно. Вы с Володей сами поймете, что любовь – это не только ласка и радость, но и забота, тревога и страдание. Поэтому надо понять маму: она больной человек и не может владеть собой, а вы оба еще молоды, неопытны, неумелы в обращении с нею. Стариков покидать нельзя. Если вы уедете, то для нее свет померкнет и мир опустеет. Володе, конечно, ужасно тяжело и даже унизительно терпеть ее нападки, но надо иметь мужество и быть выше вздорных придирок. Мне тоже приходилось ссориться с мамой из-за денег, пока я отдавала ей все жалованье. Но потом я перешла на ежедневную выдачу и тогда у нас появились деньги на еду на каждый день; а потом, когда мне прибавили жалованье, я начала копить их, покупать на эти деньги дрова, обувь, одежду и мама покорилась, а потом говорила, что Бог был милостив к ней, оставив ей самую рассудительную дочь. Так вот, надо сказать маме, что вы должны вернуть мне деньги, а на самом деле кладите их на книжку и когда надо, пользуйтесь ими. Конечно, я могла бы тебе отдать все твои деньги, но тогда у тебя не будет этого «запаса прочности». Я враг всяких предельных напряжений и поэтому меня беспокоит, во что обойдется вам троим Володин диплом: мало того, что сам Володя может надорваться от недоедания и перенапряжения, но ведь и ты, а вместе и твой ребенок уже вышли из нормы – Сашенька недаром не спит и плачет. Ох, Любушка, какая ты еще девчонка! Ну, Бог с тобой, авось, да небось, да как-нибудь выкарабкаетесь!

Целую тебя, милая моя крошечка, поцелуй Володеньку и легонько пошлепай Сашеньку. Пускай помолчит этот сосунок- постреленок, подсунь его под бочок бабушке. Пусть, наконец, тетя Люся на нем потренируется: будут же и у нее, когда-нибудь собственные дети. Пусть учится на племяннике.

Отцу не кланяюсь – сердита на него. Пиши, когда освободишься и отдохнешь – я тебя не тороплю с ответом.

Будьте здоровы, мои дорогие.

27.06.57. От Любы из Свердловска.

Милая мама Таня!

Пришла вчера домой, накормила Сашу и уснула с ним, но пришел Володя и нас разбудил.

– «Танцуй», – говорит – «пришло письмо от мамы». Я спрашиваю: «от какой?»

– «От нашей, мамы Тани». – Пришлось встать и танцевать. Мы оба рады вашему письму.

У нас много перемен. Мама плохо себя чувствовала, приехала Люся и увезла ее в Тюмень. Теперь мы живем с папой. Я ухитряюсь покупать все в магазинах, готовить обеды (простые, но с соусами и подливами), стирать и гладить все Сашуле и его самого купать. Теперь, когда на маму надеяться не приходится, то я уже не хожу и не копаюсь, а бегаю бегом и успеваю все. Вот только со всеми этими заботами перестала помогать Володе и к 29-му мы не успеваем с защитой. Володя еще водится с Сашенькой: няньки пока найти не удается, да мы и боимся его кому-либо доверять. Сегодня мне дали еще 2 дня отпуска на 1 и 2 июля – надо дипломный проект скорее кончать. Я почти уже все переписала, Володя чертит, папа выполнил заглавный лист к пояснительной записке. А Сашеньке 30-го будет уже 5 месяцев и ему будут ставить укол. Я боюсь уколов и мне его жалко.

Вы пишете, что деньги Вам не высылать. Я так и буду делать: считать, что посылаю Вам и откладывать на книжку. А накопив денег, может быть куплю себе часы. Я давно о них мечтаю.

Пишите нам. Так хочется Вас увидеть. Привет большой от Володи, а от Саши – радостный возглас.

Целуем Вас крепко и обнимаем. Ваши Люба, Володя и Сашенька.

2.07.57. От Татьяны Александровны из Молотова.

Вот что: никогда и никого не будить из-за моих писем – это раз; во-вторых, не торопиться писать письма, когда на это нет времени и сил; в третьих – нянчить сына и готовить дипломный проект, занятия несовместимые; в четвертых – я всю жизнь прожила без ручных часов и ты проживешь, а дома надо иметь будильник; в-пятых – Сашенька немой пока маленький, подрастет – заговорит. Будет бегать, станет Сашурка, начнет учиться – Шура, Шурка, а если созорничает – Сашка, если что-то нужно спросить всерьез – Саша. А Сашуля – это сироп, а не имя, но ты мать и можешь изобрести тысячи имен самых невероятных – это твое право.

Но вот чего я понять не могу, так это твою маменьку: чего она добивается? Чтобы Володя провалил диплом? Или, чтобы он ушел из дома? Чтобы оставил тебя одну с ребенком? Чтобы ты выписала к себе другую бабушку от Володи? Я никого в жизни, кроме тебя, на руках не держала и на меня надежд нет, но если бы я, в самом деле, взялась заменить Сашеньке родную бабушку, то она,

я уверена, выгнала бы меня из дома в ту же минуту. Ты ей не верь, что она меня не ревнует, это ей иногда так кажется. Хорошо, что отец проявил немного сознательности, приняв участие в оформлении проекта. Может он станет полезным человеком в доме, авось внук его приучит.

Тебе тоже предстоит пройти нешуточную «школу жен» – это не смешная комедия Мольера, а очень долгая и сложная наука «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Привыкай не только бегать по дому, но и управлять домом. Ложась спать, перебери в уме, что было за день сделано и сказано, а утром на свежую голову, набросай эскизный план дня. Я не шучу. У нас недаром учат играть мячами: надо на бегу подхватить, отбить, забить мяч и все это со смыслом. Тем более надо соображать, что делать, бегая по дому – не повторять ошибок мамы и не терять сознания и управления. Этому по книгам и в школах не учатся – надо самому все обмозговать. Вот докажи теперь, что тебе не даром дали в школе серебряную медаль, а что ты стоишь золотой. А если докажешь, то я тебе подарю свою золотую «Зарю», а до тех пор живи с будильником.

Целую. Тебя я всегда ценила и награждала за старания, моя курносая.

Володю не беспокой, отцу слегка киваю, маму осторожно обхожу, внука легонько шлепаю и на этом свои инструкции пока кончаю.

Будь умницей и береги здоровье свое и всей семьи. А есть по-современному можно и без соусов и подливки.

19.08.57. От Любы из Свердловска.

Милая наша мама Таня!

У нас был большой переполох: заболел Сашенька. Случилось это в воскресенье, врачей нет. Мама с перепугу нашла у него корь, дифтерию и менингит. Температура была 38 градусов и Володя срочно вызвал скорую помощь. Но ее долго не было. Володя сам побежал на станцию скорой помощи и устроил там большой шум, т.к. карета скорой помощи приехала сразу же. Оказалось, у Сашеньки ангина. Мы все долго не могли успокоиться: Саша плакал, а вместе с ним плакали мама, папа и я. Даже у Володи накатились слезки, когда он носил Сашу на руках. Сегодня Саше лучше: температуры нет, и он играет ручками. Мама в октябре поедет с ним к Люсе, т.к. Толя уезжает в Москву на 5 месяцев, а папа поедет их провожать. Володе на работе обещали через 1.5 месяца дать комнату, а я так привыкла жить с мамой, что не хочется уезжать от нее. Володе же, конечно хочется жить отдельно. Он устраивается в Политехнический институт на строительный факультет заочно. Его готовы принять на 4-й курс. Но пока еще окончательно не оформился. Если бы не квартирный вопрос, то я бы стояла за то, чтобы поехать в леспромхоз хоть на полгода, чтобы защитить диплом поскорее.

У нас еще событие: купили мне пальто. Девчонки говорят: «Потрясающее». Пальто китайское габардиновое, цвет беж, но весь фокус в фасоне и цене. Оно

– сплошной клеш, фалды расходятся вниз. Нет ни одного шва и ни одной пуговицы, только на рукавах и у горла завязи с шариками. Но когда папа узнал цену, то сказал, что меня надо убивать за такую покупку. А стоит оно 1720 руб. Мы с Володей получили зарплату 700 р., а 1000 р. заняли у соседки, которой я кормлю сына (у нее нет молока). Володя у нас на работе делает проект котельной для Щербаковского спиртового завода (халтура) и должен за него получить 1200-1500 р. Вот мы и рассчитаемся. Мы сегодня уже ходили в нем гулять, хотя на улице и не очень прохладно.

Милая мама Таня, я пишу все о нас. А как у Вас дела, что с отпуском? У Володи отпуск в конце сентября и мне могут дать за проработанное время отпуск на 14 дней. Может быть, прокатимся вместе по Волге? Нас опят зовут в гости Володина мама: им всем хочется увидеть Сашу. Но у них всего 2 комнаты на 6 человек. Хотелось бы отдохнуть в спокойной обстановке. Больше всего нам хотелось бы видеть Вас у нас в гостях. 1 октября мама уедет и мы смогли бы представить в Ваше распоряжение отдельную комнату.

Пишите нам, мы волнуемся. Целуем Вас и обнимаем.

Ваши Люба, Володя, Сашенька.

2.09.57. От Татьяны Александровны из Молотова.

Люба, по твоему долгому молчанию я поняла, что Володя не защитил диплом. Я это предвидела, судя по лихорадочной торопливости, с какой вы втроем его готовили. Покупка китайского пальто тоже нисколько меня не удивила и не огорчила. Это такая же чепуха, как и трюмо: в трюмо нечем любоваться, а к пальто у тебя нет ни платья, ни обуви, ни шляпки, ни сумки, ни перчаток и Володин костюм тоже, наверное, ему не соответствует. Конечно, и трюмо и пальто можно продать, но деньги у вас все равно не сохранятся: вы тотчас их проездите. У вас с Володей много родных, вы привыкли к их опеке и помощи. Мне, конечно, жутко от вашей беспечности и расточительности. Я совершенно одинокий человек, мне никто не помогал с тех пор, как кончилось мое учение, поэтому мне волей-неволей надо было быть осторожной и бережливой.

У меня большие осложнения из-за Лизы: она решила выйти замуж. Таким образом, мне надо будет опять кого-то искать. Муж у Лизы очень ненадежен: он моложе ее, у него есть жена и двое детей и еще судимость за кражу. Когда ее спрашивают, как это она решилась на такой брак, она отвечает, что сейчас все такие. Хотя Лиза говорит, что она от меня уходит к нему, я боюсь, что он к нам вотрется, и поэтому я никуда уехать не могу, пока она от меня не уйдет, чтобы он без меня, как муж, не прописался. Путевку мне, конечно, не дали. Здоровье у меня плохое, боюсь ехать куда-либо на пароходе, чтобы меня не сняли где-нибудь в пути. Я теперь такая хмурая, равнодушная, неприветливая, что ты меня в гости не зови и не жди. Саше такая бабушка совсем не нужна и неинтересна.

Будь здорова. Всем привет.

Так прошел 1957 год, второй год в нашей 49–летней, семейной жизни. Год первого семейного торжества, год больших ожиданий и нарушенных планов. Год бесправного житья у «любимой» тещи.

Главной радостью и семейным праздником явилось рождение первого сына. Это событие как–то сразу сделало нас с Любой ближе друг к другу и позволило «перешагивать» через многие семейные трудности и неурядицы. Люба вскоре после родов нашла работу и это несколько улучшило наше финансовое состояние. Но не решен был главный вопрос: я не смог закончить институт и это довлело над всем остальным. Правда, конец года подарил мне надежду на решение этого вопроса в будущем году.

На работе у меня все было в порядке. Я быстрыми темпами осваивал основы строительного проектирования. Товарищи по работе, видя мое желание и старание, много помогали мне в расчетах и принятии отдельных решений. Это привело к тому, что я, оставаясь на должности техника–конструктора, к концу года уже выполнял отдельные несложные проекты: «Подземное хранилище ГСМ» или «Автогараж» на 3 а/машины института «Промстройпроект».

Общественная работа тоже подвигалась. Молодежи в институте было достаточно, в комсомольской организации было более 100 человек. Мы организовывали выезды на природу, устраивали различные спортивные мероприятия, культпоходы в кино и театры, организовали добровольную дружину по охране общественного порядка, организовывали техническую учебу с привлечением преподавателей УПИ.

Но совершенно безобразными были наши отношения дома с Сусанной Викторовной. По–моему, она решила, что я решил свою основную задачу: Люба осталась жить в Союзе, у них появился внук и теперь я могу убираться из ее жизни. Но мы с Любой, да и Сергей Александрович, так не считали! Я хорошо это понимал и все делал для того, чтобы мы начали жить самостоятельно.

1958 год.

Так уж получилось, что начало каждого года для нашей семьи было самым радостным в году: оба наших сына родились в январе. Но январь 1958 года был особым, так как в это время исполнился первый год нашему первенцу – Комарову Александру Владимировичу.

Но неприятности не заставили себя ждать: с 1–го марта Любу сократили на работе и сделали это так безобразно, что нам это запомнилось на всю последующую жизнь. Только в начале июня она снова нашла работу: она поступила в трест «Уралсантехмонтаж». Оказалось, что это поступление перевернуло всю ее трудовую деятельность. Люба посвятила несколько десятилетий своей жизни производству сантехнических работ.

У меня уже в первой половине года произошло событие, оставившее более приятные воспоминания: к дирекции института Промстройпроект обратилось руководство Свердловской киностудии, на которой проходили съемки художественного фильма «Очередной рейс», с просьбой выделить им на несколько дней 10–15 человек для участия в съемках массовых сцен. Это дело институтское начальство поручило мне. Впервые в жизни комсомолии института и мне с ними пришлось участвовать в таком необычном для нас деле – нам было все интересно: знакомство с известными киноартистами (А. Белов, Н. Румянцева, Г. Юматов, Чекан), подготовка к съемкам, а также сами съемки. На некоторое время мы почувствовали себя причастными к великому искусству кино.

А в мае у меня у меня началась очередная горячка: Калиновский все же добился для меня разрешения на защиту дипломного проекта. Весь май и июнь мы с Любой были как заведенные: работа над проектом ежедневно до глубокой ночи, и наконец, в конце июня все благополучно завершилось – я получил высшее инженерное образование. Защита прошла очень непросто: меня гоняли по всем предметам около полутора часов и поставили лишь трояк, хотя потом признали, что мой проект был реальным и лучшим из всех представленных. Но мне это было уже все равно, ведь на работе я уже выполнял работу инженера–конструктора, в августе это было подтверждено приказом по институту.

В мае у нас снова обострились взаимоотношения с Любиной мамой: сначала мы были отделены от совместного питания, а потом были вынуждены вообще уйти от них. После месяца скитания по знакомым, мы, наконец, устроились жить в сыром каменном подвале частного дома. Никогда не забыть, как мы тянули жребий кому первому ложиться в постель: в ней «разгуливали» мокрицы и двухвостки. Телевизор мы слушали хозяйский, так как нам купить не разрешалось. Конечно, Сашу пришлось оставить у родителей Любы. Мой брат Борис с женой Галиной прожил с нами в этом подвале (это на 10–12 м2) пару месяцев. Галя родила сына Алексея и имела неосторожность приехать с ним из роддома в подвал. Прожил он в этом подвале двое суток, получил воспаление легких и после месячного лечения с мамой (Галей – женой Бориса) уехал жить к бабушке в Ис.

В конце года мы имели возможность решить жилищный вопрос: нас с Любой пригласили на работу в институт «Горпроект» и обещали сразу дать комнату в сдаваемом жилом доме. Мы отказались, поставив условие для перехода – выделение нам однокомнатной квартиры. Вроде бы, соглашение предварительно было достигнуто, но, как часто бывает, вмешался «господин великий случай»: произошло слияние двух институтов в институт «Свердловскгражданпроект» и наш переход за квартиру сорвался.

А теперь переходим к текстам писем того времени.

31.03.58. От Любы из Свердловска.

Милая мама Таня!

Я так была расстроена своими делами, что никак не могла взяться за письмо. А дела мои такие: совершенно неожиданно меня сократили на работе. Я, начиная с 17 февраля болела: у меня было воспаление придатков. Третьего марта с открытым больничным листом я зашла на работу, чтобы быть в курсе вопросов. Начальник, увидев меня, стал уговаривать, чтобы я закрыла больничный лист, т. к. я по нему получаю 50%, а после закрытия листа обещал поговорить со мной о чем-то важном. Я пошла в поликлинику, по моей просьбе больничный

лист закрыли и я вернулась на работу. Начальник, узнав, что я выполнила его просьбу, тотчас дал приказ о моем сокращении с этого же числа! Выдали мне 140 р. за больничный, 440 р. – выходное пособие и через час я была свободной. Дома долго не могла придти в себя. А так как я все еще болела, то мне снова дали больничный, но его мне уже не оплачивали. И вот я бегаю по городу в поисках работы. Сейчас есть одно место в Совнархозе, по моей специальности химика и 1500 р. оклад. Но меня не решаются брать из-за несолидности. Стаж у меня пропал, опять лето без отпуска. Чувствую себя плохо, а похудела так, что знакомые пугаются.

Самое интересное, что меня зовут обратно в инспекцию. Когда меня сократили, то по газу остался только зам. начальника – человек ловкий и жулик – очень обидно, что сократили меня, хотя я лучше разбиралась в вопросах. Но он многим помог с подведением газа и его оставили. Но он как был жуликом, так им и остался. На днях чуть не сняли с работы начальника из-за его проделок. А дело было так: в Уфе произошел несчастный случай, который следовало немедленно расследовать, а также сообщить обо всем в Москву. Зам скрыл этот случай за взятку, но все вскрылось и он «слетел» с работы. Начальник передо мной лебезит, зовет обратно заместителем с окладом 900 р. Я пока ответ не даю, т. к. не получила еще ответ из Совнархоза. Но если и вернусь в инспекцию, то к лету все равно найду другую работу.

Саше вчера принесли манежик, где он теперь гуляет, держась одной ручкой за барьер. С каждым днем он забавнее: уже играет в прятки, закрываясь платком, вытирает нос (размазывает все платком по мордашке), причесывает игрушки и свои волосы. А Володя стал «киноактером» – снимался в кинокартине «Очередной рейс» в массовых сценах в ресторане. Правда, это довольно трудно. Их несколько человек отпускали 2 дня с работы. С 12 часов, они готовились, а съемки проводились с 11 вечера и до утра, и оттуда сразу на работу. Володя был страшно всем этим увлечен, мазал остатками грима полотенце, рубашки, подушки. Ему за участие в съемках заплатили целых 200 руб. (это за 2 дня). Сейчас съемки закончены и будем ждать картину: она выйдет на экраны в мае – июне.

Я хорошо усвоила Ваши слова о независимости и о запасах на черный день. У нас с Володей даже появились накопления 2500 руб. 1000 руб. из них Володя получил в отделе: собирается группа из 10 чел. и каждый платит в месяц 100 руб. Ежемесячно кто-то из этой группы получает 1000 руб. А остальные накопления – от лекций и Володиных «халтур». Лекции я продолжаю читать и 4 апреля – экзамен. Почти два месяца не получала за них и должна получить сразу рублей 700. Так что, на «черный день» пока хватит. Думаю, что Вы меня похвалите за разумные действия. По крайней мере, больше не будем с Володей ни бегать и ни занимать не у кого, на крайний случай – есть.

Напишите, как Вы чувствуете себя, что нового и хорошего у Вас.

Целую крепко Ваша Люба.

9.04.58. От Татьяны Александровны из Перми.

Ох, Любочка, твое письмо меня сразило, у тебя даже почерк изменился. Хуже всего, что ты болеешь. Как ты будешь справляться, болея, с такими прохвостами, как в инспекции, представить не могу. Вот видишь, как надо быть осторожной и внимательной. Уж сколько раз дрянные люди пользовались твоей простотой и доверчивостью, а ты опять как ребенок, попалась на сюрприз, которым тебя поманил этот идиот – начальник. Конечно, с такими людьми дела лучше не иметь, даже в должности заместителя. В этот раз они отделались выговором и твоим сокращением, а в следующий раз могут подвести тебя под статью. На 1500 р. ты тоже рот и глаза не раскрывай – такие зарплаты зря не даются. Ты не жадничай, лучше ограничься меньшей цифрой и ответственностью.

Мне из Перми Свердловск не видно и, поэтому, не могу давать советов ни тебе, ни Володе. В ваши годы вполне естественно увлекаться, рваться и ошибаться. Поэтому, не осуждаю Володю за актерскую пробу, но при всей моей страсти к искусству, в его годы я бы не решилась на ночные съемки. Я пока работаю, но с трудом. Очень жалею, что не видела пока Сашу, но что поделаешь – вы с Володей до сих пор на птичьих правах.

Постарайся быть здоровой: муж любит жену здоровую, а брат – сестру богатую.

2.06.58. От Любы из Свердловска.

Милая мама Таня!

Наконец могу сообщить приятную новость: уже второй день я работаю. Все это время я ходила, искала работу, даже порою отчаивалась. Работаю пока в производственном отделе треста «Уралсантехмонтаж», но скоро перейду в учебный комбинат треста на место завуча, т.к. она уходит в декрет. Оклад 830 руб. и еще буду там же читать лекции. В этом учебном пункте я и раньше их читала. Время у нас горячее: скоро у Володи защита и мы усиленно занимаемся. Надо выполнить 10 чертежей, ему все время приходится заниматься в библиотеке в поисках нового, да и старое вспоминать. Он возьмет отпуск без содержания для дипломирования. Вообще то, он и так весь май работал через день.

С конца апреля мы снова питаемся с мамой раздельно, так что сидим на жестком режиме, но Саша на мамином иждивении. Папа ему все время покупает что-нибудь вкусное и свежее: соки, компоты, кефир. Кушает он все, но ходит плохо. Вот уже несколько дней, как у папы отпуск и они с мамой и Сашей уехали «на дачу» в Тюмень. Я довольна, что Саша будет постоянно на природе, а здесь он нам не давал заниматься. Весны я совсем не заметила, да и холод до сих пор, сегодня даже снег пролетал. Мы с Володей никуда не ходим, читать некогда: все оставляем на «после диплома».

Ну вот, все о себе, а как же Вы живете? Что нового принесла весна и когда же Вы увидите своего внучонка? Он сейчас не капризничает, не плачет, очень

добрый: может всех угощать своей соской, хлебом, сухариком и смеется, когда откусишь. Любит все новое: я ему из остатков бумазеи сшила желтые с цветочками штанишки, так он их долго рассматривал, гладил и говорил «Ах!» В последнее время мы с ним много гуляли: он уверенно шел, если держался за палец. Если видел травку, бежал к ней и тоненько визжал. Хотел обязательно ее пожевать. Мог долго стоять возле соседской автомашины, хлопал по ней руками, все время пытался сесть около колеса.

Папа все время с Сашенькой – так его любит, просто удивительно. Я тоже его люблю, но более сдержанно. Поэтому мне говорят, что его больше любят другие, особенно мама и Люся.

Пишите нам, милая мамаТаня, и приезжайте.

27.07.58 г. От Любы из Свердловска.

Милая мама Таня!

Я так рада была вчера Вашему письму, тем более что у меня в последнее время было много неприятностей. Но сначала о радостном: Володя защитил диплом и, наконец, получил эти несчастные «корочки». Ну и достался же он опять нам: целый месяц ложились в 3 часа ночи и при этом оба работали. А вечером только бегали в столовую и опять работали не вставая до 3-х. Проект и особенно чертежи были выполнены лучше, чем у всех остальных. Когда Володе выдавали диплом, то по ошибке написали время поступления в 1953 году и окончания в 1958 г. Вышло так, что он окончил институт за 5 лет, как и все. После защиты Володя съездил на неделю домой и отдохнул немного.

А теперь о неприятностях. Почему- то, до сих пор нет приказа о переводе Володи на инженерную должность и оклад у него, как и прежде 800 р. Но главная неприятность в том, что после неожиданного и большого скандала мы с Володей ушли от мамы. Это произошло еще 5 июня и с тех пор мы «болтаемся» неизвестно где: то у одних знакомых, то у других. Сначала Володя забрал Сашу и мы таскали его за собой и Володе пришлось брать отпуск без сохранения содержания. Потом папа утащил Сашу к маме и она не могла надышаться на него. Все это время я разрывалась между мамой и Володей: то к Саше надо сбегать, то на базар сходить, полы маме вымыть, а все вечера ходить искать жилье. И теперь я похожа на селедку: тощая и черная. Щеки ввалились, а когда смеюсь, то по щекам морщины. Жду, не дождусь, когда мама с Сашей поедут в Тюмень, на дачу к Люсе. Володя принципиально против и меня изматывают ссоры с ним из-за Саши.

Бегали мы, бегали из-за жилья и вчера, наконец, договорились. В 2-х кварталах от мамы деревянный частный дом, в его полуподвальном каменном цоколе расположена комнатка 10-12 м2 и кухонька 4-6 м2. Стоить будет 200 руб./месяц и мы уже дали задаток, но сначала Володя выкрасит пол. Конечно, мне бы не хотелось, чтобы Саша жил в подвале. Я надеюсь, что все утрясется и Саша будет жить у мамы, а после работы мы будем его на вечер забирать. Устала я от всех неприятностей, а когда еще с Володей начинаем ссориться, так не смо-

трела бы на мир и жить не хочется. Раньше все ждала: вот выросту, вот окончу институт, а теперь ждать нечего и остается вспоминать розовые мечты.

Саша ходит и понемногу начинает говорить. Он очень радуется, когда приходим мы с Володей. На днях ему исполняется 1,5 года и он научился гримасничать. Его нельзя отпускать, т. к. он постоянно пытается, есть траву, землю, камни. На днях приедет Люся, чтобы урегулировать наши отношения и Володю, я думаю, она уговорит.

Пишите. Я очень рада, что Вы отдыхали и лечились. Как понравилось на Кавказе? До свидания! Целую Вас крепко и обнимаю. От Володи привет.

Ваша Люба.

16.08.58. От Татьяны Александровны из Перми.

Да, Любочка, мечты вообще не сбываются, но может быть, было бы хуже если бы они всегда сбывались легко. Как было бы скучно и трудно жить. Не было бы в них ни радости, ни гордости, ни даже сильного желания. Хорошо, что Володя развязался с дипломом. Надо бы его поздравить, да теперь, пожалуй я уже опоздала. Как бы то ни было, вы теперь «Ого!» – оба инженеры. А там поживете, посмотрите и, в конце концов, дадут же вам квартиру, тем более что сейчас вы живете в чужом полуподвале. У вас ребенок, значит должны дать. Не старайтесь красить и ремонтировать комнату: чем хуже и страшней покажется она комиссии, тем лучше. Сашенька пусть пока побудет у бабушки: это еще один довод требовать квартиру. Уехать тебе из Свердловска от больных стариков нельзя – и это довод. Пусть не вздумают вас посылать куда-нибудь на целину. Конечно, хорошее дело скоро не делается, но надо быть настойчивыми и не падать духом. Дают же жилье уборщицам, кочегарам, шоферам и инженерам должны давать. Что касается маминых причуд, то пора к ним привыкнуть и не огорчаться: она всю жизнь живет рассудку вопреки, наперекор стихиям. Отдала же она тебя дедушке с бабушкой и ты отдай ей пока Сашеньку, а потом все образумится. Не надо только друг у друга его отнимать, это может изуродовать ребенка. Ты очень забавно похныкиваешь о том, что тебе нельзя побывать летом в отпуске. Дурочка, не надо было замуж выходить, а теперь уж поздно каяться. Давай-ка, перестраивайся. Да не забудь забрать у отца мои уцелевшие открытки. Я на тебя сердита за то, что ты их растеряла, разиня. Даже не хочу целовать твою миленькую мордочку.

15.08.58. От Любы из Свердловска.

Милая мама Таня!

Посылаем вам фотографию Саши. Вы не смотрите, что он такой серьезный: он только что смеялся, а фотограф засвистел и Саша даже руки развел от удивления. У нас изменения: мы, наконец, переехали в свой полуподвал, а мама с Сашенькой уехали в Тюмень. Я очень ждала этого: настолько были напряжены

отношения, что нужна была какая-то разрядка. Да и жить так невозможно – я рвалась между своим домом, где все неустроенно, и маминым, где был Саша. Сейчас папа дома один. Мама дала нам пока свою деревянную кровать, а папа остался на ящике. Теперь основная проблема, это стулья: Володины родные подарили нам 3 стула, но привезти их нам никак не могут. Пока сидим на чемоданах. Удобно, что вход к нам отдельный от хозяев, но чтобы попасть во двор, приходится их будить. Поэтому стараемся поздно не приходить.

Одно меня беспокоит: чувствуется сырость, хотя целый день открыты окошечки (но они на уровне земли) и на улице жара.

Как Вы чувствуете себя на работе после курорта?

Я сейчас в учебном пункте одна: директор ушел в отпуск и я командую, даже издаю приказы. Я снова читаю лекции, а еще сама хожу на лекции других преподавателей – срочно становлюсь сантехником.

Целую Вас и обнимаю. Ваша Люба. От Володи большой привет. Мы что-то очень ссоримся в последнее время, никак общего языка не найдем.

23.08.58. От Татьяны Александровны из Перми.

Ох, Любочка, читаю твое письмо и сердце надрывается: что за нелепость – сырой подвал, деревянная кровать и даже сесть не на что. Остались вы с Володей один на один и что же дальше будет? Про Парижскую бедноту написана опера «Богема», а про вас что написать? Достоевщина какая-то! А ведь вы не поэты, не художники, да и ты не цветочница, а инженер.

Ах, Люба, не люблю я читать и писать нотации, но ты надеешься на родственную помощь (какие-то старые дареные стулья), вместо того, чтобы купить пару табуреток.

И все равно, это хорошо, что вы ушли от родителей и будете жить своим домом. С Володей не ссорься, лучше помолчи, хотя бы он кругом был не прав. Дай ему отдышаться: ты терпела от родной матери, а он – ради тебя. Теперь он на некоторое время может потерять самообладание. Дай ему самому одуматься. Вы соединились с ним на всю жизнь не только для радостей, но для общего труда и детей. Конечно, брать Сашу к себе нельзя, пока живете в подвале. Лицом и характером он, похоже, вышел в бабушек Поповых и ладить с ним будет трудно, так и знай. Еще раз напоминаю о Володе, о пределе прочного сопротивления и запасе прочности. Не надрывайтесь на работе, не гоняйтесь за заработком, берегите друг друга. Если вы по-настоящему любите друг друга, то испытания и нужда крепче сдружат вас.

Будь умницей, не падай духом, не трать силы на мелочи. Вместо поцелуев деру тебя за ухо: слушай и думай хорошенько.

Твоя мама Таня.

P.S. курорт мне не помог – самочувствие отвратное, грызусь с соседями, работаю кое как.

15.09.58 От Любы из Свердловска.

Милая мама Таня!

Я опять не писала «вечность» и Вы, наверное, думаете, что у нас опять что-то случилось. Но на этот раз у нас относительное благополучие. Я съездила в командировку в Тюмень и привезла маму с Сашей! Мама купила там тахту и теперь папа спит на ней. Сашенька здоров и весел. Мама и папа без него жизни не представляют. Мы уже привыкли к своему подвалу. Тешим себя надеждами, что теперь не дать нам квартиру не могут. С нами сейчас живут Борис (Володин брат) с женой, т.к. у них тоже нет жилья и теперь нас уже четверо в этой комнатушке: ночью двое на полу, двое на кровати. Галя, жена Бориса, каждый день ходит к маме и помогает водиться с Сашей.

Посылаю Вам свою фотографию. Я получилась совсем взрослая и старая какая-то. Незаметно молодость прошла: через 2 недели мне исполнится 26 лет.

Нас Володей на праздники приглашают в Н.Туру, но мы отказались с надеждой, что Вы приедете. Мы бы Вас встретили и проводили.

12.10.58. Продолжение письма.

Не успела дописать, а сейчас уже новые события. Папа у нас стал что-то сдавать: у него временами бывают спазмы головного мозга и плохо действует правая половина тела. Он, конечно, на работе, хотя необходимо лечиться. Сегодня, вдруг, стало совсем плохо: высокое давление и перекосило лицо.

А как Ваше здоровье?

Приезжайте, милая мама Таня. Ведь все праздники мы говорим о Вас и мысленно с Вами. Ждем Вашего согласия.

Целую крепко. Ваша Люба.

18.10.58 г. От Татьяны Александровны из Перми.

Любочка, я очень рада твоему обстоятельному письму. Я думала, что ты обиделась, рассердилась на мое последнее письмо. Я думаю о тебе постоянно, но помочь ничем не могу, даже советом. Ты пишешь, что тебе пригодилась моя разливательная ложка, а я пользуюсь твоим полотенцем, которое сделала из той тряпочки, в которой ты послала мне теплые туфли. Оно все время у меня в работе и до сих пор на нем виден прекрасно написанный адрес: Свердловск, Сталеваров, 11, кв.1. Л.С. Комарова. Твой твердый, красивый почерк убеждает меня: с таким почерком ты, в конце концов, добьешься всего, чего захочешь – почерк, это характер человека.

Интересно знать, помнишь ли ты мой завет: в свой день рождения делать подарок маме? На карточке ты очень похожа на нее, но не повторяй ее ошибок. Ты, дурочка, грустишь, что молодость твоя прошла. Прошла беззаботная юность, а молодость еще впереди – смотри, не растрать только ее понапрасну.

Недавно стало известно, что наш дом будут сносить. Это очень меня тревожит: куда нас переселят, что дадут, с кем придется жить? Я пыталась

просить в Горсовете отдельную квартиру, но отказали. Это ведь проще всего!

Здоровье у меня относительно благополучное, приступов нет. Я работаю, но очень устаю. Нигде не бываю и ничего интересного не делаю. Даже не шью и не рисую – совсем завяла.

Передай привет всем, кто меня помнит, а Сашеньку поцелуй. Только мне не нравится, что его нянчит Бориса жена. Уж очень много у вас в доме чужих людей, вот почему, считаю я, отец ходит больным на работу: там ему спокойней.

Ну, будь здорова и благоразумна.

Твоя мама Таня.

25.10.58. От Любы из Свердловска.

Милая мама Таня!

Давно ношу фотографию в сумке, но не могу написать письмо: переживаем волнующий момент. Дело в том, что нас с Володей пригласили на работу в Горпроект и обещали сразу дать комнату. Мы сделали гордые лица и заявили, что комната нас не устроит. Теперь идет разговор уже об однокомнатной квартире. Мне, правда, не хочется переходить на другую работу, да и здесь мне нравится. На днях все окончательно выяснится.

Сейчас у нас гостит Володина мама, а моя мама с Сашей уехала в Тюмень: она проходит комиссию по инвалидности.

Теперь нас в подвале 5 чел.: мы с Володей, его мама с отчимом и Борис. А Галя, не выдержав, уехала к маме в Ис, там они готовят приданое для будущего малыша. Борису в декабре должны дать комнату и тогда мы разгрузимся. Хоть и говорят, что «в тесноте, да не в обиде», но уж очень утомительно: на работе весь день с народом и здесь на 10м² мы все друг другу наступаем на пятки. Меня все это раздражает. По вечерам не приходится ни читать, ни заниматься. Все время уходит на печку и обед, а потом на гору посуды. Вот и хочется «продаться» за квартиру в Горпроект.

Недавно я видела Вас во сне и мне часто вспоминается Ваш тихий голос, словно Вы рассказываете что-то хорошее. Так и не знаю, когда же мы с Вами увидимся. Если перейду в Горпроект, то снова (третье лето) не будет отпуска. Вот и выходит, что работа мне хвост привязала. Теперь уже не покатаюсь. А как Вы живете? Пишет ли что Лидин? Живет ли кто сейчас с Вами или Вы одна? Иногда представляю Вашу уютную комнату: горит лампа на столе, так тихо и спокойно и очень хочется посидеть в тишине, подумать и сосредоточиться. Ну, ничего, говорят, что все идет к лучшему. На это я давно надеюсь.

Пишите нам, милая спокойная мама Таня.

Ваша Люба.

Так прошел 1958 год – третий год становления нашей семьи, год небольших сдвигов в сторону нормальной жизни. Наш первенец, Сашенька перешагнул в своей жизни первый год. У нас с Любой, хоть и с приключениями был решен вопрос трудоустройства: она нашла себя на поприще подготовки кадров для предприятий, занимающихся монтажом сантехнических систем (она потихоньку и меня втягивала в чтение лекций по газоснабжению), а я продолжал работать в институте Промстройпроект и с августа месяца был переведен на должность инженера-конструктора. В конце июля я защитил диплом в Уральском лесотехническом институте и получил специальность инженера-технолога.

Из-за ненормальных взаимоотношений с Любиной мамой, мы, наконец, покинули их дом и начали самостоятельную жизнь. Правда, наше жилище оставляло желать лучшего: мы жили в каменном сыром подвальном помещении с печным отоплением и всеми удобствами на улице. Но мы стали хозяевами своих мыслей, действий, жизни. Но, что устраивало Любу и ни как не устраивало меня, так это положение с Сашей: он жил у Любиных родителей, я с ним виделся не очень часто, а все разговоры о том, что он каждый вечер будет у нас, остались разговорами. Видимо этот вопрос можно было решить лишь после получения нами нормального жилья. Но тот год показал, что мы в состоянии решать сами все вопросы.

1959 год.

Начало года было омрачено теми же нерешенными проблемами, что и предыдущие два с половиной года совместной жизни: во-первых, жилищный вопрос. Ни у Любы, ни у меня на работе никаких сдвигов в этом не было. А житье в сыром подвале привело к обострению старых болезней. Кроме того, Сашу мы туда вообще не могли забрать, а это создавало вторую проблему: Люба живет отдельно от сына и не занимается его воспитанием.

К маю появились надежды, что в текущем году появится новое жилье, как у нее, так и у меня на работе. У себя на работе я был первым в очереди на получение жилья. В мае у Любы на работе жилищная комиссия также обследовала наши условия проживания и там нас тоже включили в очередь. На работе у нас все было нормально. Я даже самостоятельно вел целые объекты: запроектировал бункерную эстакаду для магнитогорского металлургического комбината, цех привозного сырья с железнодорожной рампой Лебяжинской аглофабрики на НТМК. Кроме того халтурно вел технадзор за строительством трибуны на стадионе «Динамо» в Свердловске и вместе с Любой читал лекции по газоснабжению для рабочих. Мы зарабатывали первоначальный семейный капитал. Также мне привелось участвовать в проектировании строящегося в Свердловске Центрального стадиона (автором проекта был мой тесть – Васильев Сергей Александрович). Мне поручили запроектировать мачту для подъема флага. Работу я выполнил и с тех пор, шутя, заявляю, что без моей работы стадиона бы не было.

В феврале у Гали с Борисом родился сын. Буквально за неделю до родов мы: Люба, я и Галя с Борисом посетили оперный театр, где смотрели балет «Голубой Дунай». Балет очень понравился, но все настроение нам испортила пьяная молодежная компания, появившаяся на галерке (мы там сидели) после первого акта. Они уселись на ряд ниже нас и громко повели беседу с матом. Я, не выдержав этого, предложил им замолчать. Один из них ответил тем, что протянул руку и хотел меня ударить. Я перехватил его руку. Тогда они, а их было

четыре человека, предупредили меня, что они со мной рассчитаются при выходе из театра. Мы с Борисом, боясь, что с Галей может что-нибудь случиться во время намечающейся потасовки, попросили Любу получить в гардеробе верхнюю одежду и подождать нас. Вышли мы, а меня эта компания уже ждет у выхода на запасную лестницу. Лестница была круглой от самого верха и до низа. Вышел я с ними на эту лестницу и они давай махать кулаками (они считали, что я был один). Я начал отмахиваться и тут врывается Борис. Мы с ним вдвоем с боем спустили эту компанию вниз и они взмолились о пощаде. Оставили мы их, а сами спокойно поднялись наверх, оделись и ушли из театра. Наши жены так и не поняли, что произошло и где мы так задержались. Но эти парни хорошо поняли: назавтра один из них вошел в автобус, в котором я ехал и, увидев меня, быстренько ретировался. Я считаю, что если бы все нетерпимо относились к таким действиям и не боялись давать сдачи – порядка было бы больше.

А теперь вашему вниманию опять предоставляю письма того времени и акт обследования нашего «жилища».

26.01.59. Екатерина Викторовна – сестра Сусанны Викторовны (из Киева) Т.А. Чирковской.

Примите мое запоздалое поздравление с днем ангела. Сознательно не послала телеграмму к 25, так как это было воскресенье и все равно получили бы ее в понедельник. А в воскресенье я проболела сама.

Очень огорчает меня, что Вы стали смотреть мрачно на все. Я понимаю, что постоянное общение с неприятными людьми – соседями не может придать Вам бодрости. Непонятно только, почему в другой квартире, которую Вам дадут в связи с ликвидацией этого дома, Вы опять должны жить с ними? У нас тоже все время стоит вопрос об обмене квартиры, ведь у нас одна комната и нам тесно, неудобно, да и соседи не очень приятные. Общих интересов с ними нет, кухонного общения я не поддерживаю, а это их злит. Главное, что мешает таким людям жить спокойно – зависть.

А наша Люба, значит, не выдержала и опять Вам пожаловалась? Узнаю ее. Она очень любит жаловаться, любит, чтобы ее жалели, считали жертвой. И не стыдно ли сваливать все на мать? Я уже целый год твержу ей, что Сашу надо отдать в ясли: мальчик уже большой, Соне с ним трудно. А Люба не принимает в «няньчаньи» никакого участия, даже живет от сына отдельно и приходит только позабавиться с ним и умилиться – какой милый малыш! Соня все одна: она у них и нянька, и кухарка, и уборщица, и ее же обвиняют в том, что Саша не прибывает в весе! Он вообще слабый ребенок, но я не понимаю, какое это имеет отношение к тому, что он живет у бабушки – врача, как Вы пишите. Это Ваши слова или Любины? Если Ваши – то я удивлена (от Любы я давно получаю всякие номера без удивления).

Эту бабушку ее дочка, супруг и зять давно превратили из врача в домработницу, не смотря на то, что она сама давно больна.

На Вашем месте я не произносила бы горестных восклицаний в адрес Любы, а объяснила бы ей, в чем заключаются ее обязанности матери и дочери. Она давно не получала таких объяснений от меня, теперь получит хорошую порцию.

Извините меня за резкие слова. Люба может заставить сказать и не это, а Вас я давно просила не обсуждать со мной Сонины «грехи». Это, конечно хорошо, что вы сочувствуете Любе и доставляете ей удовольствие тем, что высказываете жалость, которую она так любит, но если Вы думаете, что полезно ей поддакивать, когда она обвиняет во всех своих неудачах мать – Вы очень ошибаетесь.

Не думаю, что наши с Вами дружеские отношения будут крепнуть от разговоров на такие темы. Я всегда была дружески расположена к Вам и такие размолвки мне неприятны, тем более, что я вынуждена говорить резко.

Желаю Вам всего лучшего и не сердитесь на меня.

Ваша Е. Майбурова.

2.03.59. Из Перми от Татьяны Александровны, Екатерине Викторовне в Киев.

Екатерина Викторовна, спасибо Вам за добрую память и внимание: мне, одинокому старому человеку дружеские отношения, особенно дороги и я, тем более, дорожу Вами. По-видимому, я именно Вам обязана тем, что у меня есть крестница, есть зять, есть внук, есть какие то, пусть даже иллюзорные, сердечные чувства.

Родители Любы со своей стороны, не проявляют никакого интереса к нашим с нею отношениям и, может быть, совсем не хотят, чтобы я их поддерживала.

Что касается отношения Любы к родителям, то я всегда удивлялась ее исключительной деликатности: она никогда не жаловалась мне на них и тем более, строго ограничивалась информацией, обсуждала их с объективной стороны. Я, со своей стороны, избегала обсуждения взаимоотношений людей, потому что ничего хорошего из этого не получается. Дело не в том, кто, в чем виноват, а в том, как наладить правильную прочную жизнь. Поскольку я не могу дать Любе квартиру или развести ее с мужем, чтобы она вернулась к своим родителям, то я предпочитаю уйти со сцены, чем бестолково путаться между беспомощно страдающими людьми.

Но я не могу оскорбить Любу отказом от переписки.

3.04.59. От Любы из Свердловска.

Милая, мамам Таня!

Пишем Вам вместе с Сашей прямо на почте – дома вечера летят в хлопотах ужасно бестолково и не хватает времени писать.

Саше уже лучше, но он все еще кашляет. Теперь новая напасть: болеет Володя. У него приступ радикулита – болит спина и он не может ни сидеть, ни

ходить. Врач посоветовал немного: тепло и сухо. А это не в наших силах.

Мама и папа здоровы. Я читаю лекции и часто бываю занята до 9-10 часов вечера. Очень устаю и опять выгляжу хуже драной кошки. Подробности напишу на днях, выберу время. Я сейчас на другой работе, так как завуч, вместо которой я работала, вышла из декретного отпуска.

Целуем Вас. Саша залез в клей!

Люба и Саша.

25.05.59. От Любы из Свердловска.

Милая мама Таня!

Много, много раз мысленно писала Вам, часто говорила с Володей о Вас, а вот не могла собраться сесть и написать. Сегодня пишу прямо на почте.

У нас много событий. Во-первых, мама, папа и Саша уехали в Тюмень к Люсе. Мы хотели ехать летом с Сашей к морю. Но врачи не советуют, говорят, что ему лучше Урал.

Вот уже неделя, как они уехали, но мы с Володей не можем передохнуть: взялись вдвоем читать лекции на курсах и заняты все вечера, кроме субботы и воскресенья. Ждем, что скоро курсы кончатся, и будем приходить домой в 6, как все нормальные люди.

У нас сдвиг с квартирой: Володин брат Борис, что жил с нами зиму, получил 2-х комнатную квартиру и сразу же одну комнату предложил нам. В это воскресенье мы переехали к ним, но прежде я сделала хитрый ход: вызвала жилищную комиссию с обследованием в наш «милый» подвал. Никак не ожидала такого эффекта: комиссия была потрясена тем, что люди живут в таких условиях. Постановили дать квартиру в первую очередь. У меня на работе дом будет сдаваться в августе, у Володи – к ноябрьским. Так что, наши надежды обретают реальные формы. Сейчас мы ночуем пока у мамы, но приятно думать, что у нас есть нормальная светлая комната.

Как Вы собираетесь отдыхать в отпуске, куда думаете ехать лечиться, обещают ли что на работе? Я пыталась достать путевку хотя бы за свой счет, но ничего не вышло. Думаем поехать с Володей в августе к морю и полечиться грязями – говорят, это можно и без путевок. Для этого мы работаем все вечера. Поехать бы вместе с Вами – мы бы избавили Вас от всех житейских забот. Наверное, можно договориться о лечении на месте – даже по радио об этом передавали.

Напишите о своих планах и не думайте, что это мои фантазии: мы нарочно с Володей весь год ничего не покупали, чтобы эта поездка была реальной.

Как Вы чувствуете себя? Я недавно видела Вас во сне, а проснувшись, мне было стыдно, что так редко пишу Вам. Вы уж не обижайтесь. Целую Вас крепко, крепко и жду ответ.

Ваши Люба и Володя.

30.05.59. От Татьяны Александровны из Перми.

Ну, слава Богу, милые мои комарики, появился хоть какой-то просвет. Только неясно, как все получится: если вы поселились у Бориса, все успокоятся и ничего больше не дадут, а если ждать обещанного, то опять все может измениться в последний момент, а у Бори к этому времени место будет занято.

Ваш проект с поездкой на курорт тоже выглядит неубедительно: вы проездитесь до последней монетки и опять вернетесь к разбитому корыту – ни денег, ни вещей. Опять будете жить разутые, раздетые, больные, на поводу у бабушки. Это слишком дорогая плата за лечение. Но, конечно, вам виднее и я советовать ничего не могу.

Я пока работаю, хотя через силу и с отвращением. Наш Облпроект чахнет, работы нет, старые хорошие работники уходят, взамен им набирают молодежь.

Наш дом, который строят на месте, найденном мною, еще не закончен, а места в нем уже распределяются, причем мне ничего нет. Хотя бы из приличия предложили какую-нибудь комнатушку, хамье! А дают тем, кто еще и года не проработал.

Вы мало пишите о Саше, а ведь у него теперь каждый день новости: новые звуки и слова, новые привычки и знакомства. Интересно посмотреть на них с дедушкой – вот, наверное, закадычные друзья. В футбол еще не играют? А с бабушкой конфликтуют? Ох, вот уж она их ревнует! А какие отношения с тетушкой и дядей? Сделают из него наследного принца. Но ничего, как-нибудь все обойдется!

Не забывайте меня, пишите.

Заключение

По обследованию жилищно–бытовых условий семьи инженера треста «Уралсантехмонтаж» тов. Комаровой Л.С., проживающей по ул. Красных Зорь, дом № 39, кв. 2.

г. Свердловск 16мая 1959 г.

По поручению местного комитета и партийной организации треста «Уралсантехмонтаж» начальником планового отдела треста т. Фадеевым Н.И. и от парторганизации треста, членом КПСС Гилевой Н.Л. сего числа было проведено обследование жилищно–бытовых условий семьи Комаровой Л.С.

При обследовании установлено: семья тов. Комаровой Л.С. состоит из 3–х человек. Муж – Комаров В.И. работает в Промстройпроекте инженером, жена – Комарова Л.С. – инженером в тресте «Уралсантехмонтаж», на иждивении имеется сын возрастом 2–х лет.

Комаровы арендуют квартиру в частном доме рабочего Верх–Исетского завода по адресу ул. Красных Зорь №39. Под квартиру владельцем дома приспособлено подвальное помещение дома. Подземная часть стен выложена из бутового камня и обмазана внутренняя

часть глиной. Пол деревянный, потолок обит фанерой, стены на высоту 1.2м обиты фанерой (панелью) с засыпкой 8 см. Окна расположены под потолком, т.к. помещение подвальное, окна малого размера (высота в свету 0.4м, ширина –0.65м) с крестообразными горбыльками. Оконные проемы расположены ниже уровня земли, особенно в кухне. Дневного света проникает мало, солнечный свет в квартиру не проникает. Общая площадь жилая (если можно ее так назвать) составляет 3.5х3.5=12.2 м2. Высота помещения 1.9м, а высота до низа потолочных балок 1.65м. Освещение электрическое на 1 лампочку мощностью 40 вт. В помещении два выхода: один со двора и второй хозяйский сверху в тамбур. Баня расположена рядом с комнатой и вход в баню и кладовку через кухню. В кухне есть русская печь с плитой. Чтобы попасть из кухни в комнату, надо пройти через узкий и низкий проход между двух печей (русской печью и банной), причем эти две печи соединены железной трубой – дымоходом от банной печи. Труба проходит на высоте 1.45м от пола, ширина прохода 0.7м.

Помещение явно не пригодно к жилью. Воздух влажный, холодный, подвальный, с примесью банных испарений. Поскольку уровень окон и входных дверей расположен ниже уровня земли, весной снеговые воды, а летом дождевые, проникают в двери и окна.

Квартиросъемщики все трое больны: он – радикулитом, она – плевритом и ребенок 2–х лет болен на протяжении 1.5 лет туберкулезной интоксикацией.

Дальнейшее проживание семьи в этих условиях, при отсутствии хотя бы минимальных санитарных условий – невозможно.

Проверку произвели: От месткома треста
«Уралсантехмонтаж» роспись /Н. Фадеев/
От парторганизации треста
«Уралсантехмонтаж» роспись /Н. Гилева/

Учитывая усталость, накопившуюся за эти годы, да и состояние здоровья, мы с Любой решили летом обязательно куда–то поехать отдохнуть и подлечиться. К сожалению путевок никаких достать не смогли даже за наличный расчет. Кто–то из знакомых подсказал нам, что входят в моду поездки на отдых за границу. Мы «загорелись» этой идеей и подали документы на поездку летом по маршруту «Вокруг Европы» и получили отказ, потому что пока нигде еще не бывали. Нам предложили поехать в августе в Югославию с посещением Будапешта – столицы Венгрии. Немного поколебавшись, мы решили поехать и ни разу потом об этом не пожалели: мы познакомились с удивительным миром других стран, с их красотой. С обычаями, царящими в них, с людьми в них живущими и их житейскими заботами. А также поняли, что каждая, даже самая маленькая страна, интересна для туристов и совсем не обязательно ехать вокруг Европы. И поэтому, все будущие поездки мы совершали лишь в какую–то одну или максимум – две страны.

Итак, жаркий летний август – время нашей первой зарубежной поездки. Группу туристов, едущих вместе с нами собрали за несколько дней до отъезда в здании Облсовпрофа, что находится на плотинке, и провели с нами инструктаж. Руководил инструктажем начальник отдела загрантуризма Облсовпрофа Произволов Анатолий Андреевич. Он познакомил

нас с маршрутом поездки, кратко – со странами, которые нам предстояло посетить, ответил на вопросы. Он понравился всем туристам своей открытостью, доброжелательностью и знанием дела.

Наша группа состояла из 26 человек, в основном свердловчан, но несколько человек были из разных городов области. Мы там же, в Облсовпрофе все перезнакомились.

С нами вместе путешествовали:

– Уткины – он был главным дирижером музыкальной комедии.

– Бадъевы: Николай – артист театра музыкальной комедии, Эльза – писатель.

– Леденцов Ю. – доктор юридических наук, преподаватель юридического института.

– Коклягин Александр Афанасьевич – радиоинженер. Мы с ним очень близко сдружились, а впоследствии дружили семьями до самой смерти его самого и его жены – Нины Ивановны.

Был еще известный профессор–медик (к сожалению, я не запомнил его фамилии).

Запомнился всей группе молодой рабочий с ВИЗа (тоже не помню его фамилии), тем, что на границе при проверке советские таможенники обнаружили, что его чемодан полон бутылками с водкой. Вывозить же из страны можно было не более 2–х бутылок. В ответ на обвинения таможенников в том, что он везет контрабанду, он доказывал им, что привык каждый день в обед выпивать по бутылке водки и для примера тут же открыл одну из бутылок и выпил из нее все. Видимо, он их убедил, потому что они не стали изымать у него «контрабанду». Другие спутники забылись со временем, но помню, что группа была очень дружной.

От Свердловска до Москвы мы ехали поездом Свердловск – Москва, а дальше поездом Москва – Будапешт. Дорога до пограничной советской станции Чоп не запомнилась, так как мы заочно по брошюрам знакомились со странами, которые нам предстояло посетить.

Итак, первая страна – Венгрия. Площадь Венгрии 93 тыс. км2 численность населения – 10.5мил. человек. Страна находится примерно на равном расстоянии (5000 км) от экватора и Северного Полюса. Этим определяется ее климат: он весьма изменчив, но в целом довольно умеренный и мягкий. Средняя температура $+11^0$ С. Самый жаркий месяц – июль ($+18^0$ $+23^0$ С), самый холодный – январь (0^0 –4^0С). Венгрия имеет богатейшую событиями историю. Венгерские племена финно–угорского происхождения, появившиеся в бассейне Карпат на рубеже IX – X вв., пришли, как считают ученые, из Предуралья. В X в. – организовано Венгерское феодальное государство. Вся дальнейшая история – столетиями не прекращавшаяся борьба за независимость. Долгое время – до конца первой мировой войны Венгрия входила в состав двуединого Австро–Венгерского государства и имела лишь ограниченную независимость.

Нам же предстояло посетить Венгерскую Народную Республику, которая, в результате социалистических преобразований, превратилась в страну развитой тяжелой и машиностроительной промышленности и почти полностью кооперативного сельского хозяйства.

В Чопе наш поезд стоял довольно долго: проходили пограничный и таможенный контроль, а также у всех вагонов поменяли колесные пары, так как европейская колея уже нашей. Наконец тронулись в дальнейший путь. Вскоре после отъезда и пересечения границы

нас пригласили на завтрак в вагон–ресторан. Завтрак был необычен: кофе со сливками (я не терплю ни того, ни другого), кусочек сливочного масла, конфитюр в розеточке и несколько кусочков батона. Откровенно, я даже не почувствовал этот завтрак.

Поезд шел довольно быстро. Мелькали перелески, какие–то поля, отдельные хутора, но нам было все интересно и мы прямо прилипли к окнам вагона. Остановок было очень мало: в памяти осталась лишь одна – в Дебрецене. А к обеду мы уже подъезжали к Будапешту. Наш поезд объехал город вокруг и только потом мы оказались внутри него, возле железнодорожного вокзала.

Это был первый зарубежный город, который мы посетили, и я с волнением ожидал встречи с ним. Мы уже знали, из литературы, что Будапешт – один из древнейших городов Европы. Возник он в 1873 г. в результате слияния трех городов: Буды, Обуды, и Пешта. Город раскинулся на обоих берегах Дуная. На момент нашего пребывания в нем проживало 1810000 чел.

Находящаяся на западном берегу часть города Буда окаймлена холмами высотой 300–500 м. Скалистая гора Геллерт подступает к самому Дунаю. Монумент освобождения на вершине горы напоминает о героических сражениях Советской Армии за освобождение Венгрии от фашистов. Недалеко от горы Геллерт, на плоской вершине Верхедь (Крепостная гора) расположен старинный центр города. Королевский дворец, прошлое которого восходит к середине XII в., когда–то был резиденцией венгерских королей. В настоящее время в нем сосредоточено культурное наследие страны: Будапештский исторический музей, музей рабочего движения, национальная галерея. В северной части Буды – старой Буде (Обуда) раскопаны остатки Аквинка, основанного еще 2 тыс. лет назад на месте поселения эпохи бронзы. Аквинк при Диоклетиане (284–304гг.) стал столицей провинции Римской империи Валерии в нижней Паннонии.

Напротив, на равнинном восточном берегу Дуная расположена другая часть города – Пешт, там стоит великолепное неоготическое здание Парламента. Буда и Пешт соединяются шестью мостами общего назначения и двумя железнодорожными. Самый старый и красивый из них – Цепной мост. Один из красивейших уголков венгерской столицы – остров Маргит на Дунае. Здесь много пляжей, спортплощадок, бассейнов, целебных источников, ресторанов, танцплощадок. Это излюбленное место отдыха будапештцев.

Будапешт относится к числу важнейших курортов мира. Кельтские племена, поселившиеся здесь в I в., назвали это место Аквинком – «обильный водой». Здесь насчитывается 123 горячих целебных источника.

Будапешт – крупнейший центр культуры. Здесь 15 высших учебных заведений, 16 театров, более 20 музеев.

Это также – крупный промышленный центр.

Наш поезд мягко подошел к ж/д вокзалу и остановился у перрона. Там нас уже ожидал гид. Мы быстренько вышли из вагона, познакомились с гидом, сели в автобус (в нем и провели потом все время пребывания в Будапеште) и, прежде всего, отправились на обед в один из ресторанов в Пеште. Обед состоял из национальных венгерских блюд, очень вкусных, но несколько островатых. Нас удивило то, что ко второму мясному блюду вместе с гарниром

было подано большое количество горчицы. Учитывая остроту приготовленного мяса, все боялись добавлять горчицу. Я же, любитель острых ощущений, попробовал и был еще больше удивлен: я не почувствовал горечи. Тогда я взял кусочек мяса и просто обмакнул его в горчицу: было очень вкусно и почти совсем не горько. Оказалось, что это горчичный соус, очень вкусный, вызывающий аппетит. Глядя на меня, Люба, а потом и соседи по столу и остальные наши спутники тоже стали ее добавлять к мясу. Запивали же еду мы прекрасным Токаем.

После обеда нам была предложена обширная программа знакомства со столицей и до вечера нас знакомили с ее достопримечательными местами. Мы побывали в Пеште на площади Победы и ознакомились с памятником Тысячелетия в виде полукруглой колоннады с фигурами выдающихся деятелей Венгрии, посетили парк с огромным прудом и зоопарком. Осмотрели снаружи великолепное здание парламента, а потом по самому красивому в Будапеште цепному мосту, переехали в старый город – Буду, расположенный на западном берегу Дуная. Побывали на горе Геллерт, где осмотрели монумент Освобождения и полюбовались с обзорной площадки на центральные районы города в Пеште. Затем посетили, восстановленный после второй мировой войны старинный центр города и королевский дворец, а также познакомились с любопытным архитектурным сооружением – Рыбацким бастионом. Затем мы побывали на острове Маргит, где нам показали ряд спортивных сооружений и водолечебниц. Оказывается, все объекты выстроены руками молодежи: молодых нарушителей общественного порядка в городе отправляли на определенное время на остров и они там исправлялись, работая на строительстве.

Все показанное нам было безумно интересно, но, к сожалению, подошел вечер и наше однодневное пребывание в столице Венгрии закончилось. Но оно оставило в нашей памяти яркий след и остается в ней до сих пор.

Нас этим же автобусом привезли на железнодорожный вокзал и посадили в экспресс «Митропа», следующий до Стамбула. Мы поужинали в вагоне–ресторане (ужин был превосходный) и быстренько уснули под стук колес. Мы даже не слышали, как пересекали границу в Субботице.

А ранним утром нас встречала столица Югославии – Белград. Почти 3–х недельное пребывание в Югославии позволило нам достаточно полно познакомиться с этой Балканской страной (кроме южных районов) и ее людьми. Надо сказать, что наша группа была первой в этой стране после очень прохладных отношений между лидерами наших стран Тито и Сталиным. Мы были наслышаны о том, что за советскими людьми все время пребывания в Югославии ведется тотальная слежка, что все югославы подозрительно относятся к нам. Ни с чем подобным мы не столкнулись: где бы мы не бывали, нам всегда оказывали радушный прием. А люди подходили прямо на улице и, узнав, что мы русские, откровенно выражали свои теплые чувства к нашему народу, скрепленные войной.

Многое для понимания этого сделала наша юная гид – Таиса Агальцева, или «Тася», как мы ее все называли. Это была исконно русская красавица, дочь белоэмигранта из России в Гражданскую войну. Она вся была пропитана русским духом: прекрасно общалась на русском языке, обожала русскую культуру и была хорошо знакома с нею, мечтала встретиться с Россией, и жить в ней. Она буквально украсила наш тур.

Наш маршрут по Югославии начался со знакомства с Белградом – столицей страны. Мы пробыли в нем несколько дней, проживая в центре города в отеле «Kasina». За это время мы познакомились с центром города, побывали на братском кладбище воинов-освободителей и возложили цветы к памятнику, посетили старинную крепость Калемегдан, расположенную на окраине города у слияния рек Саввы и Дуная. Запомнился там памятник Вестника Победы, изображающий мужчину-воина с голубем (фигура из металла, установленная на высокой колонне). Ходит среди женщин такая шутка, что это единственный в Белграде мужчина, не изменяющий своей жене – железный! Познакомились мы с экспонатами музея Югославской народной армии и на один день совершили поездку в пригородный кооператив «Железник». Там нас ждал очень теплый прием. Мы познакомились с виноградниками и виноградарями, с югославской сливовицей (ужасная пакость – самогон) и прекрасной деревенской югославской кухней. На прощание мы получили в подарок целого зажаренного поросенка. Правда, отъехав от кооператива, мы вручили этот подарок нашему милому гиду. Встреча с крестьянами еще раз убедила нас в дружеском отношении югославов к нам.

Запоминающейся стала и наша поездка к памятнику неизвестному солдату. Он монументален, стоит на вершине горы Авала под Белградом, сложенный из черного мрамора. Его строили 5 лет, но когда смотришь на это строгое сооружение, этот срок не кажется большим. Огромные каменные ступени ведут к вершине горы. Кончается лестница у самой гробницы, где под зеркальными сводами покоятся останки Безвестного сына югославской земли, погибшего в сражениях первой мировой войны. Но воздвигнут монумент в память героев многострадальной Югославии, отдавших жизнь за свободу своей Родины в трех войнах – с турецкими поработителями, кайзеровской Германией и немецким фашизмом. Как символ вечной признательности им, гордости и скорби, в строгих позах застыли у входа в гробницу, напоминающую древнегреческий храм, восемь кариатид – восемь мраморных женских фигур в национальных костюмах народностей Югославии. Неподвижно застыли кариатиды, а внизу раскинулись перед ними необозримые просторы родной земли – изумрудные леса, быстрые горные реки, плодородные поля. Не раз ступала по ним нога чужеземца. След самой страшной из них остался у подножия горы и по сей день: здесь мы увидели остатки гитлеровского концлагеря, где были замучены тысячи патриотов. Фашистские изверги осквернили священную могилу: мародеры выкрали лежащие возле надгробья ордена и медали погибших воинов, а также золотой молоток. Зияющая пустота в стене будет всегда напоминать о зверином облике фашистов. Зато венки, которые висят внутри гробницы, служат убедительным знаком благодарности всем, кто избавил человечество от коричневой чумы. Венки к могиле неизвестного солдата приносит представитель каждого государства, вступающий на землю Югославии.

После Белграда мы на автобусе пересекли всю страну с востока на запад. Посетили главный город Хорватии – Загреб, затем поехали на юг, выехали на побережье Адриатического моря в Задоре, по пути заехав с ночевкой на Плитвицкие озера. Из Задора по побережью уехали на север до курорта Опатия, где неделю отдыхали на море. Затем посетили главный город Словении – Любляну, и город с одноименным озером Блед, а по пути – Постойную яму (пещеры) и затем через Загреб вернулись в Белград. Наездились.

В этих переездах по стране было много интересного. Во-первых, посещение природных памятников. Мы побывали на Плитвицких озерах в Хорватии: это целый каскад озер на горной реке, когда воды из верхних водопадами низвергаются в нижние озера. А вокруг горы, заросшие лесом, тишина. Очень красиво.

В Словении познакомились с Постойнской ямой, так югославы называют целую цепочку пещер в горе, связанных друг с другом многочисленными подземными ходами. Мы проследовали по одному из них, предварительно надев специальные плащи-накидки из сукна, потому что по всему пути следования с потолков пещер и ходов падали капельки воды, насыщенные известью. Вокруг нас с потолка причудливо свешивались сосульками сталактиты, а с пола пещеры поднимались сталагмиты, подсвеченные цветными огнями электрических ламп. Было очень красиво. В центральной части этой цепи ходов находилась огромная пещера, достигающая в высоту примерно 15 метров. Она называлась концертным залом. Услышав название, мы решили проверить акустические качества этого природного зала. У нас в группе были артисты из Свердловского театра музкомедии, да и остальные туристы не портили мелодии (проверено было в пути следования) и мы хором спели «Вечерний звон» на три голоса. Вместе с нами в пещере находилось в это время несколько туристических групп из разных стран. Не хвалясь, скажу, что все были потрясены звучанием, нас буквально не отпускали, пока мы вместе с иностранцами не спели еще и «Катюшу». Пели все. Так родился еще один момент взаимопонимания между людьми разных народов, а различие языков совсем не мешало этому!

Во-вторых, знакомство с интересными городами, посещение разных мероприятий, встречи с людьми. Так, при посещении Плитвицких озер, мы в отеле оказались рядом с группой туристов – итальянских рабочих. Они буквально напросились на встречу и до глубокой ночи мы общались, как могли, с ними, обсуждали проблемы на смеси языков и жестов (отлично понимая друг друга), пели разные песни. Конечно же, мы угостили их нашей «столичной», после чего пиджаки и галстуки их костюмов полетели прочь, а общение стало еще теплее. Итальянцы исполнили нам свою народную песню, которая в свободном переводе звучит примерно так:

«Да здравствует жизнь! Сегодня у меня нет денег на обед, но у меня есть бутылка вина. У меня нет крыши над головой, но есть теплое небо и прекрасное море. Спасибо тебе жизнь за то, что ты есть!»

И в этом – все простые итальянцы.

В Загребе мы встречались с рабочими электромеханического завода им. Раде Кончара. Встреча прошла в дружеской обстановке. А как можно забыть встречи с шахматистами, участвующими в турнире претендентов на матч с чемпионом мира по шахматам М.М. Ботвинником, который проходил в Бледе? Там я впервые увидел Р.Фишера, юную американскую шахматную звезду, повстречался с Глигоричем, Ю. Авербахом и, наконец, с победителем этого турнира, а затем и матча за звание Чемпиона Мира – Михаилом Талем.

В-третьих, прекрасный отдых на Адриатике: проживание в отличном отеле, ежедневное купание в теплом море, солнечные дни, позволившие нам за неделю стать головешками.

Правда, незадолго до нашего приезда в Опатию, в море произошел несчастный случай с одним отдыхающим студентом: он все время заплывал за ограждения из металлических сеток и был атакован акулой. Его еле спасли и всех отдыхающих предупреждали о возможной опасности. И что же вы думаете? Наш молодой рабочий (помните случай с водкой на границе) услышав об этом, принял очередную дозу спиртного и принципиально уплыл за ограждения. Но акулы, видимо растерялись от такой наглости. А может им не понравился запах алкоголя? Короче говоря, наш пловец вернулся из заплыва целым и невредимым. Знай наших!

По возвращении в Белград хозяева устроили прощальный вечер, во время которого звучали тосты за Советско–Югославскую дружбу. На этом закончилась наша поездка в эту интересную страну. До свидания, наши новые друзья! До встречи милая «Тася»!

Помолодевшие, посвежевшие, поздоровевшие, полные впечатлений, мы вернулись домой.

Дома меня ждали новости: из Обкома комсомола в институт пришло письмо о том, что нам выделяется ставка освобожденного секретаря комсомольской организации. Как только я вышел на работу, меня вызвал директор института, познакомил с этим письмом и сказал, что он согласовал с парткомом института и Райкомом комсомола вопрос о назначении на эту должность меня. Я, видимо неожиданно для него, отказался, ссылаясь на семейные обстоятельства и желание продвигаться по работе в качестве инженера. Произошел скандал, в результате которого меня исключили из списков на получение жилья. Я добивался восстановления сначала в профкоме института, затем в Райкоме партии и, наконец, в Облсовпрофе. В Райкоме партии Октябрьского района я обратился к секретарю, Владимирскому Юрию Анатольевичу, бывшему работнику нашего института и, вроде бы, другу семьи Васильевых. Я все ему обстоятельно разъяснил и он, выслушав меня, подтвердил мою правоту, обещал вмешаться в этот вопрос и обязательно переговорить с директором института Михайловым Анатолием Владимировичем, чтобы меня восстановили в списке на получение жилья и выделили его. Однако, не успел я выйти из здания Райкома, как Владимирский позвонил в институт Михайлову, рассказал о моем посещении и посоветовал тому «прищемить мне хвост» (как передали мне потом). Узнав об этом, я обратился в Облсовпоф.

А в это время подошла сдача жилого дома института. Благодаря нашим хождениям и противодействиям директора, мне все же выделили одну комнату в благоустроенной квартире на три семьи, но квартиру так и не дали.

Тут я узнаю, что в военкомате идет подбор специалистов для работы на строительстве аэродрома в Афганистане. Я обратился в Райком комсомола, который рекомендовал меня в группу строителей и военкомат включил меня в нее. Весь конец года прошел в ожидании отъезда. Мы должны были ехать всей семьей, но опять вмешался господин случай: наряд на строительство был снят из–за агрессии Англии по отношению к Египту.

Можно к этому добавить, что 5 октября в Тюмени Любина сестра родила, наконец, долгожданного сына, Константина Анатольевича.

Так в хлопотах и закончился этот год.

1960 год.

Шел четвертый год нашей семейной жизни. Мы потихоньку начали «вырастать из пеленок»: оба с Любой уже работали (и очень много); хоть со скандалом и не очень хорошее, но получили жилье и обустраивались в нем; Саша подрос и начал ходить в детсад; взаимоотношения с Любиной мамой потихоньку налаживались, так как мы начали жить отдельно, а они получили новую однокомнатную квартиру в сданном доме института «Промстройпроект»; мы уже столкнулись с подлостью людской (читайте о моем посещении секретаря Октябрьского Райкома партии, Владимирского Ю.А.) и преодолели ее. Но здоровье и у Любы и у меня начало пошаливать.

Всю первую половину года я самостоятельно проектировал следующие объекты:

– реконструкция завода ЖБИ в г. Первоуральске;

– объекты Гороблагодатского рудоуправления;

– пристрой к зданию института «Промстройпроект».

Дополнительно выполнил проект реконструкции покрытия съемочного павильона Свердловской киностудии.

Так как я отказался от исполнения обязанности освобожденного секретаря комсомольской организации института, на этот пост был избран другой комсомолец. Последним партийным поручением, которое я выполнил как руководитель комсомолии института, была передача библиотеки в дар подшефному колхозу института, который находился в Талицком районе Свердловской области. Комсомольцы нашего института проявили инициативу, собрав среди сотрудников приличную подборку художественной литературы. Так вот, я и еще одна комсомолка института – Валя Щербацкая, повезли эти книги. Надо сказать, что я был удивлен настойчивым желанием Вали ехать со мной – она только две недели назад отпраздновала свою свадьбу.

Из Свердловска до Талицы мы ехали пассажирским поездом. Всю литературу погрузить в вагон помогли наши же комсомольцы, дирекция института помогла нам, выделив для перевозки литературы на вокзал автобус, а комсомольцы для проводов нашлись просто. Приехали мы в Талицу вечером, поскольку была зима – уже затемно. Нас на вокзале встречал колхозник на лошадке, запряженной в сани. Погрузили мы свой груз и поехали в колхоз. Расстояние до колхоза примерно километров сорок, а на улице температура около двадцати градусов мороза. Мы же одеты «по–пижонски», налегке. Но наш встречающий оказался предусмотрительнее нас: он прихватил с собой два полушубка и две пары пимов. Надели мы это все поверх своих одежд: теперь нам «был черт – не брат». В общем, доехали хорошо, только в дороге сморил сон – так хорошо спится в темноте, в теплой одежде, на морозе, под хруст снега.

Разместили нас на ночевку в частном доме у одинокой старушки. Она нас встретила горячим ужином и расспросами о городской жизни. Поужинали, посудачили и она нас повела спать во вторую комнату: дом был из двух комнат и кухоньки. А там уже была приготовлена кровать на двоих.

И никакие доводы о том, что у каждого из нас своя семья, не помогли: она ушла, предложив нам откинуть ненужные смущения и ложиться вместе. Но я, помня о только что состоявшейся Валиной свадьбе, взял с кровати подушку и одно из одеял, устроил себе постель на полу из половиков и уснул там. Сон был беспокойным.

Встав утром, мы позавтракали, потом пошли в управление колхоза, находившееся через два дома от места нашей ночевки. Там нас уже ждали, с благодарностью приняли наш подарок, устроили нам прощальный обед и отвезли обратно в Талицу. Довольными мы возвращались в Свердловск.

Лет через пятнадцать после этой поездки я случайно встретил в городе Валю: она буквально расцвела. Видимо, семейная жизнь пошла ей на пользу. Она работала уже зам. директора по строительству Свердловского лесотехникума, а муж – ГИПом в каком-то институте. У них была взрослая дочь. В общем – счастливая семья. Мы с Валей мило поболтали о жизни, семье, детях, супругах и она, вдруг, пригласила меня с женой в гости. Мы пришли, прекрасно провели время, но в конце встречи, улучшив момент, она мне высказала упреки по поводу той, отдельно нами проведенной ночи. Оказывается, она помнила об этом все пятнадцать лет. Истинно, неисповедимы пути Господни, а также мысли и желания женщин!

Больше мы никогда не встречались.

Освободив от должности секретаря комсомольской организации, меня избрали председателем Совета ДСО «Труд» института. За первую половину года мы сумели провести соревнования на первенство института по шахматам и настольному теннису, организовать занятия в стрелковой и волейбольной секциях, а также принять участия в командных соревнованиях на первенство города по настольному теннису.

Первого мая, как всегда, мы всей семьей отправились на демонстрацию и оказались свидетелями того, как наши ракетчики разделались с американским самолетом-шпионом, ведомым Пауэрсом: праздничная колонна нашего района двигалась еще к площади 1905-го года, когда была приостановлена на углу ул. Малышева и 8-го Марта. В это время мы увидели вдалеке, где-то в районе Кольцова облачко и услышали отзвук взрыва. Сначала подумалось, что произошла неприятность с вылетающим из аэропорта самолетом. Ну, поговорили немного и двинулись дальше. А назавтра по городу поползли слухи о том, что под Свердловском был сбит самолет – шпион США. Сначала мы в это не поверили, но уже дней через 7-10 об этом было объявлено официально. Оказывается, этот самолет, У-2, пересек южную границу СССР и нагло направился на Север над нашей территорией, а наши военные самолеты перехватить его не могли, так как тот летел на недосягаемой для них высоте. Нарушителя границы попытались сбить ракетой где-то в районе Оренбуржья, но Пауэрс сумел отвести удар с помощью каких-то металлических лент. Но дальше Урала ему улететь не удалось: самолет был сбит ракетой, пилот приземлился на парашюте где-то в районе Малого Истока и был пленен. Все жители нашего города были горды успехами ракетчиков. А уже в середине мая, оказавшись в Италии, мы узнали о реакции на это событие простых итальянцев. Будучи в Риме, мы посетили вновь выстроенный Римский железнодорожный вокзал. Итальянцы, бывшие в здании вокзала и узнавшие, что перед ними «русские», дружески отнеслись к нам и всеми методами пытались нам сказать и показать, что они поддерживают такие действия против «янки». Все было понятно.

Мы с Любой с 13 мая в составе группы советских туристов побывали в Париже и в Италии. В группе были инженеры, рабочие, врачи, преподаватели, партийные деятели из Свердловска, Первоуральска, Серова и некоторых районных центров области. Мы ознакомились со многими городами и населенными пунктами Италии, а также с Парижем – столицей Франции. Мы побывали на предприятиях, стройках, в учреждениях культуры, беседовали с рабочими, рыбаками, профсоюзными деятелями, представителями интеллигенции и бизнеса, отдыхали, купались и загорали на Адриатике, посетили карликовые государства – Ватикан и Сан-Марино. Впечатления, которые сложились у нас от этой туристической поездки ярки, разнообразны и незабываемы.

Каждый из нас и до поездки много знал об Италии и особенно о Риме – этом «вечном городе». В VIII в. до н. э. Римом называлась италийская деревушка на Палатинском холме, состоявшая из хижин с соломенной кровлей. За половину тысячелетия эта деревушка превратилась в столицу государства, подчинившего себе большую часть Ближнего Востока, Северной Африки и Европы. Рим, получивши имя своего легендарного основателя Ромула (Рома – Рим), унаследовал традиции своих соседей – греков и этрусков. В то же время он породил собственную культуру. В императорскую эпоху она носила преимущественно городской характер и отличалась большой утонченностью. Натренированные войска донесли римский образ жизни до самых отдаленных имперских владений: повсюду выросли города из бетона и мрамора, и величавая столица словно отразилась во множестве зеркал. Империя, рождавшаяся под звон клинков, на протяжении трех столетий (I в. до н.э. – III в.) наслаждалась миром.

Перестав быть могучей державой, Рим пришел в запустение. И все же, даже в 800 году, сокрушенный физически, город удерживал такую символическую власть, что там произошла коронация Карла Великого, короля франков.

Землетрясения в начале IX в. разрушили многие монументы, а развалины оказались погребенными под грудами щебня и мусора.

Позже, во время наполеоновских войн, произошло новое разграбление Рима в 1798 году. В 1872 году, когда произошло политическое объединение Италии, Рим стал ее столицей.

Сейчас это крупнейший центр машиностроения, химической, фармакологической, полиграфической, швейной, пищевой, мебельной промышленности, а также известный центр кинопромышленности.

Это также культурный центр, в нем расположены: Университет (с 1303 г.), консерватория «Санта-Чечилия» (с1876 г.), Римская опера (с1880 г.), театры, многие национальные и Ватиканские музеи, галереи. Рим – один из крупнейших центров мирового туризма. Население его – 2.8 мил. жителей. В нем функционируют железнодорожные вокзалы, аэропорты, метрополитен.

Неповторимый облик Рима формировался почти 3000 лет: живописное расположение на холмах, обилие величественных античных руин, парадных дворцов, храмов и архитек-

турных ансамблей различных эпох, многообразие площадей с фонтанами, монументами и декоративной скульптурой.

Исторический центр Рима включен в список Всемирного наследия.

Теперь же и нам представилась счастливая возможность воочию увидеть страну, в истории которой всегда был привкус острой и манящей тайны. Эта история начинается с образования огромной Римской империи и проходит через феодальную раздробленность, бесконечные войны и воссоединение страны. Затем – Итальянское королевство и … фашизм! Снова война и, наконец, Республика! И вот мы летим в эту страну.

Наш вылет из Внуковского аэропорта должен был состояться в 10 часов утра, но был задержан до двух часов дня 16 мая, также был изменен наш маршрут. Все это произошло из-за вылета в то же время в Париж главы нашего государства Никиты Сергеевича Хрущева на совещание Глав четырех Держав. Летели мы на рейсовом самолете «ТУ-104», курсирующем по маршруту Москва – Париж. День был редкостный: солнце, легкий свежий ветерок, чистое голубое небо.

Великолепное путешествие на самолете. Чуть не каждые десять минут стюардесса сообщала пассажирам: «Прошли Смоленск, прошли Минск, прошли Ригу …» В этом быстром перелете особенно остро ощущаешь торжество человека над самыми умопомрачительными расстояниями: кажется, вот только-только вы пожимали своим друзьям руки на Внуковском аэродроме, а уже подлетаете к Копенгагену. Но здесь нас ждала первая неприятность: вблизи Копенгагена к нашему пассажирскому авиалайнеру справа и слева нагло пристроились два истребителя из военно-воздушных сил стран Североатлантического блока. Все пассажиры прильнули к иллюминаторам. Каждый понимал, что они не посмеют обстрелять наш самолет, но, сказать по правде, картина была не из приятных. Прозвучали голоса: « Вот наглецы, даже в день встречи в верхах, не унимаются». Пролетев еще какое-то расстояние вместе с нами «коршуны» отстали.

Советский человек, разъезжая по своей огромной стране, привык к большим расстояниям, поэтому для многих из нас было необычно, что уже через три с половиной часа наш самолет приземлился в аэропорту «Ля Бурже» города Парижа.

Итак, мы в Париже, – городе, прославленном Гюго, Бальзаком, Золя, Мопассаном; в городе, который много раз мы видели с экранов кино и телевизоров; в городе, о котором во всем мире поется столько песен; в городе, о котором В. Маяковский сказал:

Я хотел бы жить и умереть в Париже,
Если б не было такой земли – Москва.

Мы тепло попрощались с экипажем самолета, который помог нам устроиться в заоблачных высотах прямо по пословице: «хорошо, как дома»! Это была последняя небольшая территория нашей страны, а дальше нам предстояло лететь уже на «чужом» самолете.

На таможенном участке аэропорта у нас тщательно проверили паспорта, а кроме того, каждый из нас заполнил таможенную декларацию. После всех этих формальностей к нам подошел полицейский и на чистом русском языке сообщил, что нас сейчас отвезут в южный

аэропорт Парижа – «Орли», откуда мы самолетом «Каравелла» компании «Эйр-Франс» полетим в Рим.

Но это «сейчас» оказалось довольно продолжительным: все дороги Парижа были забиты (видимо это было связано с предстоящей встречей лидеров стран) и только через пару часов мы оказались в «Орли». Но шофер автобуса, на котором мы ехали, оказался настолько любезен, что за это время познакомил нас мимоходом со многими достопримечательностями Парижа.

Он также рассказал нам о том, что в Париже каждый житель только и говорит о предстоящем совещании. Мы лишний раз поняли, что народы мира идущую весну встречали как весну больших и радостных надежд. Люди доброй воли на всех континентах с удовольствием восприняли таяние льдов холодной войны.

С такими мыслями мы сели в «Каравеллу» И вот, мы снова в воздухе. Земля и небо, самолет и экипаж – все было чужим.

Лев Толстой, совершая свое первое заграничное путешествие в страны Западной Европы, писал: «Первую половину дороги человек думает о том, что он оставил дома, а потом, в течение второй половины дороги, он думает о том, что его ожидает». Он совершено прав: до Парижа мы находились мыслями во власти оставленного дома, но после – нами незаметно стало овладевать загадочное, далекое и непонятное чувство к Италии.

Воздушный маршрут до Рима пролегал через Альпы. К нашей радости, окончание дня было солнечным: мы увидели под крылом самолета величественные горные вершины и, наконец, сверкающую ослепительной белизной величавую вершину Монблана, круто поднятую с юга и уставленную гигантскими гребнями, иглами и зубцами. Вся эта панорама гор, охваченная волшебным оцепенением, словно провожала нас в путь, подмигивая нам отсветами закатного солнца. Трудно передать те чувства, которые волнуют каждого при виде суровой альпийской красоты …

Пассажиры прилипли к иллюминаторам, чтобы не пропустить зрелища встающих перед самолетом гор. Вот возвышается снегом запорошенный Монблан, покрытый редкой вуалью тумана, словно не хотящий показывать людям свое древнее лицо. Облака, словно пух, летящие в голубых впадинах ущелий. Кажется, что нет конца этому хаотическому нагромождению огромных камней, горных хребтов и перевалов, безжизненных и диких, как лунные кратеры.

– Мы пересекли Альпы, – объявила стюардесса будничным голосом, как будто мы пролетели над какой-то малоизвестной горкой. На прощание так и хотелось крикнуть Альпам: « Высоко тебя вознесла природа, Монблан, но человек оказался выше, летая над твоими угрюмыми вершинами!»

Пилот заметно снижает высоту и картина, простирающаяся под самолетом меняется, становится отчетливой: под крыльями «Каравеллы» раскинулась широкая равнина.

В воображении рисуются исторические события 218-го года до нашей эры. В этот год карфагенский полководец Ганнибал привел свое войско на вершину Бернара, чтобы показать им Италию и ободрить перед началом военных действий. В этот момент пара орлов поднялась в воздух и описала несколько кругов над войском Ганнибала. Ганнибал на это

сказал: «Они предвещают нам победу!». Так и пошла с тех пор примета: пролетит орел – будет победа.

Много позднее совершил такой же переход через Альпы и наш великий русский полководец А.В. Суворов.

И мы, как те орлы, взмыли над Альпами и перелетели их. Об ощущениях, которые испытывает пассажир самолета, не писали ни Гюго, ни Тургенев, ни Толстой....

Двухчасовой перелет из Парижа в Рим показался коротким и неутомительным. Персонал «Эйр–Франс» хорошо обслуживал пассажиров. В пути нас угощали фруктами и бархатистым французским вином. С каждой минутой мы приближались к конечной цели перелета: вот впереди показалось синее пятно Средиземного моря, а там, дальше, скалистые берега Корсики. Вот она Италия. Самолет, пробив облака, идет на снижение. Внизу промелькнула серебристая поверхность побережья, замелькали маленькие прибрежные поселки с садами и виноградниками, а также пестрые квадраты полей. Самолет делает крутой поворот влево и вдруг стремительно падает вниз. Когда мы пришли в себя, уже ясно различаем красные черепичные крыши белых домов, силуэты остроконечных башен в огнях искусственного освещения. Мы и не заметили, как стемнело. Затем самолет касается колесами беговой полосы, пробегает по ней и останавливается у здания аэровокзала Римского аэропорта Чампино, который встречает нас пестротой рекламных плакатов и разноязычной речью, а также перегретым влажным воздухом.

В симпатиях итальянцев к советским людям мы убедились с первых минут пребывания на их земле: даже неизбежные при въезде в любую страну таможенные формальности, вопреки ожиданиям, оказались простыми. Обошлось даже без проверки багажа.

В аэропорту нас встретили деятели общества «Италия – СССР», сотрудники «Италтурист», работники Советского посольства. Все время пребывания в Итальянской столице мы были окружены их вниманием. А директор «Италтурист» так сказал при встрече: «Советские люди так близки нашим сердцам, что когда ваш спутник проходит над итальянской землей, нам кажется, что это Советский народ шлет свой привет. Сама наша природа принимает Вас гостеприимно: в день Вашего приезда установилась чудесная, солнечная погода».

Разумеется, нам не терпелось поскорее познакомиться с Римом. Закончив последние формальности, мы «загрузились» вместе с багажом в автобус и направились в город. Дорога из аэропорта пролегала среди живописной природы предместий Рима: закопченные дома постепенно сменялись богатыми особняками, гостиницами, ресторанчиками, по обеим сторонам шоссе зеленели сады и виноградники. К Риму подъехали по шоссе, ведущему к городу с юга от Неаполя – по новой Аппиевой дороге. Столицу угадываем по древней стене – останкам водопровода, «сработанного» еще рабами Рима. Под ней ряды хибарок, зданий старой постройки, с плоскими крышами и нависающими над улицами крытыми балконами. Прохожих было мало, улицы пусты. Дома эти, как будто сошли со страниц романов Дюма.

Вдруг, впереди показалась широкая светлая полоса. Она становилась все больше и больше. Это был вид на четко вырисовывающиеся на темном небе под светом огней чудесные дворцы и храмы, причудливые мосты и магазины.

Въезжали через ворота Сан–Джованни – город до сих пор окружали древние стены. Дороги были превосходны, автобус летел, развивая временами предельную скорость. Чем ближе мы подъезжали к центральным кварталам, тем больше было всевозможной рекламы – итальянская парфюмерия, предметы домашнего обихода, бензин, холодильники и т.д. Центральная часть города сверкает россыпями огней, нарядной толпой, ярко освещенными витринами. Вот он, город богатого исторического прошлого, вот он – «Вечный город»! Рим поражает и ошеломляет сразу. Пожалуй, ни об одном городе не сказано столько в музыке и живописи, как о Риме.

Знакомые с детства по книгам и фотографиям достопримечательности Рима быстро приковывали внимание. Казалось, что мы очутились в давно знакомых местах. Это, видимо, обычное состояние человека, впервые попавшего в Италию. Таким мы увидели Рим в первый вечер...

У каждого города есть свои особенности, особые «тайны», исторические места и легенды. Известно, как любят свой город москвичи, как гордятся своим городом парижане, а поговорите Вы с жителями Пекина – разве они устанут рассказывать Вам о прелестях и новой истории своей столицы? И все они правы... А Рим? Римляне влюблены в свой город. Они считают его одним из красивейших мест мира. И всякий, побывавший в нем, скажет, что они правы...

Наконец подъезжаем к отелю, в котором будем проживать первые четыре дня пребывания в Италии. Отель не очень большой, в нем только двухместные номера, туалеты по нескольку на каждом этаже. Но расположен отель недалеко от центра города.

Мы быстренько разместились, поужинали и мгновенно уснули. Видимо сказалась усталость от «перелетных» впечатлений.

И так, мы превратились в заурядных туристов, имеющих минимум времени и максимум желаний. На следующее утро по прибытии, как только проснулись и умылись, еще до завтрака, мы отправились знакомиться с утренним Римом.

Рим чрезвычайно живописен: широкие авеню, скрытые от солнца тенью пышной зелени, великолепные архитектурные сооружения, роскошные особняки за высокими чугунными решетками оград, ниспадающие каскады фонтанов, повсюду много зелени и цветов.

Рим просыпается с восходом солнца, оно мягко освещает улицы и парки просыпающегося города. До 9 утра – единственное время суток, когда легко дышится, а позже солнце печет нестерпимо.

Украшенные цветными рисунками маленькие крестьянские тележки на высоких колесах, запряженные лошадьми с султанами в сбруе, тянутся на рынки с грузом ранних овощей и фруктов.

Вдоль тротуаров неподвижно стоят автомобили, так как у большинства римлян гаражей нет.

Постепенно улицы заполняются людьми, спешащими на работу, разъезжаются ночующие у тротуаров автомобили, возникают первые уличные пробки. Плохо регулируемое движение затрудняет переходы пешеходов через дороги, по обозначенным на мостовых косыми большими полосами – «зебрами». Повсюду встречаются черные монашеские су–

таны – шестьдесят пять тысяч священников в одном городе! Своеобразен и облик толпы: большинство одеты скромно, не крикливо. Кругом слышится разноязычная речь: туристов, как говорится «хоть отбавляй».

Туризм – важнейшая статья национального дохода и поэтому на каждом шагу реклама итальянского климата и природы, а также всевозможных соревнований, выставок, кинофестивалей, авто и велогонок. Наконец, нам пора возвращаться в отель, иначе опоздаем на завтрак. А после завтрака, как и в последующие три дня пребывания в Риме, нам предстоят экскурсии по Древнему и современному Риму.

Первыми и, пожалуй, главными памятниками Древнего Рима, с которыми мы познакомились, были Форум Романум и Колизей. Форум был центром Римского мира. Еще задолго до эпохи Юлия Цезаря и Римской империи Форум был местом, куда сходились римляне, чтобы стать свидетелями и участниками их общественной истории. На протяжении долгих веков римского величия люди приходили сюда заключать торговые сделки, голосовать и принимать законы, воздавать почести своим вождям или предавать их позору, умилостивлять богов торжественными жертвоприношениями. Здесь, в храме Весты, девы-весталки вершили вековые обряды. Здесь нередко верх одерживали страсти: толпа, воспламененная гневными речами ораторов, отвергала неправедные законы, а за государственные преступления мстила смертоубийством. Неудивительно, что, повествуя о бурных событиях, выпавших на долю этого легендарного места, историки угадали судьбу самого Рима.

Возникновение Форума, как и самого Рима, теряется в туманном прошлом. Римские летописцы приводят дату основания Рима (соответствующую христианскому летоисчислению) 735 г.до н.э. Столетием позже появляется, на том же месте, где находится сейчас Форум Романум – рыночная площадь и место народных собраний.

Форуму суждено было неоднократно явить Риму доказательства экспансии власти, ибо здесь разворачивалась нескончаемая череда триумфов. Вот только один из примеров, рассказанных историками.

В один из вечеров 45 г. до н.э. сумрачное небо над Римским форумом озарило пламя факелов. На этой огромной площади собрались тысячи людей, и в этой толпе зрителей на миг воцарилось молчание. На крутом мощеном спуске, который вел от Форума к высокому храму Юпитера на Капитолийском холме, происходило нечто странное. Двумя длинными цепочками растянулось шествие из сорока слонов, а образовавшийся посреди проход освещали яркие светильники их наездников. По этому живому коридору ехал на колеснице Юлий Цезарь, покоритель мира. Он разгромил галльские племена, одержал ряд побед в Египте, в Северной Африке и в Малой Азии.

Рим праздновал каждую из его побед по отдельности, всенародные чествования продолжались пять дней. Пятикратно пересекали Форум триумфальные шествия. Строем проходили воины, добывшие Риму очередную боевую славу, а рядом катились телеги, доверху нагруженные золотом и серебром – военными трофеями, а также шла «живая добыча» – пленные цари с их вельможами, закованные в цепи. Даже ничтожнейший из зрителей, наблюдавший эту картину, тщеславился своей причастности к успеху и упивался отраженным светом славы.

Расположение Римского Форума как нельзя лучше отвечало таким общенародным ритуалам. Само пространство Форума представляло собой продолговатую площадь (91.4х61м), удаленную на 518 м от левого берега Тибра, занимавшую седловину между тремя римскими холмами – Капитолием, Палатином и Эсквилином. И все это пространство было застроено величественными зданиями, где совершались самые важные дела, имевшие отношение к суду, торговле и религии.

Форум, где некогда билось сердце древнего города, ныне – лишь скопище немых камней, чье безмолвие нарушается непрестанным ревом и жужжанием современного Рима. Лишь кое – где видны следы былой красоты. Но стоит призвать на помощь воображение – в миг все оживает. Вот, например, отверстия обнаруженные археологами в каменном настиле: некогда сюда втыкали шесты для навесов. Такое бывало по особым случаям, когда Форум превращался в гигантскую пиршественную залу. Однажды Юлий Цезарь потчевал народ, выставив среди мраморных просторов Форума 22 тысячи столов.

Такие находки, как эти отверстия от шестов или игральная доска, процарапанная в мраморном полу базилики Юлия, вновь возвращают жизнь Форуму, давно уже являющему собой руины, оплетенные побегами глициний и незаметно возвращающиеся в лоно каменной стихии.

Рядом с руинами Форума находится Колизей – это арена убийств, амфитеатр, в котором римские императоры устраивали потеху для толпы из людских страданий. Колизей в Риме был самой крупной ареной гладиаторских боев. Возможно, гладиаторские бои были частью погребального обряда этрусков (900 – 200 гг. до н.э.) и служили для жертвоприношений в честь именитого покойника. Во II в. до н.э. они стали в Риме публичными зрелищами, вроде спортивных игр. Сначала бои устраивались на Форуме, но потом для них был построен амфитеатр на Марсовом поле (сгорел в 64 г.). Веспасиан, ставший императором в результате гражданских войн после смерти Нерона, решил, что сооружение нового амфитеатра – лучший способ укрепить свою популярность. Был выбран участок с бассейном на территории Золотого дворца Нерона и в течение 60–80–х годов новый Колизей был построен. Здание получилось внушительным: 190 м в диаметре и 50 м в высоту. В нем помещалось примерно 50 тыс. зрителей: они входили через 80 арок и шли по лестницам и коридорам к местам на четырех ярусах трибун, где сидели или стояли (самые знатные – в первых рядах). Были отдельная ложа для императорской семьи и почетная трибуна для шести главных римских жриц – девственных весталок. Представления проводились до 175 дней в году. Иногда устраивались публичные бои с участием диких животных. Открыт новый Колизей был в 80г. при сыне Веспасиана императоре Тите. Сначала постройку назвали амфитеатром Флавиев – в честь правящей династии, потом – «Colosseum», то есть Колоссальный. Отсюда искаженная форма – Колизей.

Во время нашего посещения Колизей напоминал изнутри огромный каменный улей, прорезанный сотами бесчисленных арочных входов. Сохранилась лишь часть наружной стены и конструкций амфитеатра.

Пустынно и тихо было на залитых солнцем трибунах, только время от времени пробегали по ним одичавшие кошки. Еще на подступах к Колизею нас встретили продавцы планов

города, открыток и сувениров. Вокруг Колизея, в поисках работы, бродили назойливые гиды, предлагавшие рассказать историю величественных развалин. Посетителей почти не было.

Следующим памятником Древнего Рима, с которым мы познакомились, был шедевр императора Адриана: Пантеон – храм во имя всех богов. Построен храм между 118 и 128 гг. на месте более раннего храма (272 г. до н.э.), возведенного Марком Агриппой. Это мощная ротонда с шарообразным куполом и с величественным фронтоном над входом. Огромный фасад с 16 коринфскими колоннами, поставленными в три ряда. Колонны поражают своей величиной: каждый гранитный ствол достигает 12.5 м в высоту, около 1.5 в поперечине и весит почти 60 тонн. К фасаду примыкает ротонда, увенчанная куполом. За бронзовой дверью входа раскинулось огромное внутреннее пространство ротонды, диаметр которой (43 м) равен ее высоте. Сооружение, поддерживаемое паутиной арок, встроенных в стену, покоится на бетонном фундаменте в форме кольца шириной в 7.3 м и глубиной в 4.5 м. Однако вершиной величия Пантеона является его огромный купол, смело летящий ввысь к круглому окну – глазу диаметром 9 м в центре пролета. Внутренняя бетонная поверхность купола выложена 140 кессонами (пять горизонтальных рядов с 28 кессонами в каждом). По мере того, как купол выгибается к вершине, его бетонная масса (общая масса – 5000 тонн) постепенно уменьшается: в основании слой бетона примерно 6.0 м, а у круглого окна его толщина 1.5 м. Через широкий круглый проем в вершине купола солнечный свет льется в помещение, не имеющее других окон, создавая мягкое естественное освещение интерьера. Так же проникает внутрь и дождь, но мраморный пол чуть приподнят в середине и вода стекает к сточным желобам вокруг стен.

Пантеон до сих пор сохранил свое величие. В 609 г. император Фока передал здание папе Бонифацию IV, а тот приспособил храм под церковь (Санта Мария дель Мартири).

Сегодня Пантеон – культурная национальная святыня и церковь одновременно. Кроме того, здесь находятся гробницы двух итальянских королей и одного титана Возрождения – Рафаэля. На его гробнице – бронзовый бюст и элегантная надпись, чуть прикрытая алыми гвоздиками. Подробный рассказ гида о жизни Рафаэля не заслонил собой хрупкую и тонкую прелесть созерцания этих гвоздик на темном камне.

Осмотрев Пантеон, мы пошли на площадь Капитолия – центр политической жизни древнего Рима. Она расположена на Капитолийском холме, и чтобы подняться к ней по широкой лестнице, пришлось преодолеть 124 ступени. С Капитолием связана легенда о гусях, спасших Рим. В память о месте, откуда началось существование Рима и легенды о Ромуле и Реме, вскормленных волчицей, в маленьком садике на площади находится клетка с волчицей. Откормленная волчица находится на особом попечении. Неторопливо шагает она из угла в угол, временами поджимает хвост и делает оскал. Держать волчицу – давняя традиция, связанная еще и с другой легендой, которая гласит, что если капитолийская волчица прекратит свой род, то Рим рухнет и Италия погибнет. Эту легенду поддерживали во времена Муссолини, который через каждое явление стремился показать себя продолжателем дел великих римских императоров. И вообще, итальянские фашисты очень гордились своим животным: им казалось, что волчица со своими свирепыми глазами и массивным телом олицетворяла дух фашистского государства.

А вот широкая, красивая улица, ведущая из центра города к Форуму. На ней почти нет движения, хотя она и носит громкое название Империи. На ней стоит колонна, которая, судя по высеченной на ней надписи, должна была запечатлеть первое десятилетие фашистской эры и стать символом будущих побед и завоеваний. На высокой и древней стене этой улицы из черного и белого мрамора выложены географические карты с фашистскими эмблемами. На этих мраморных картах по указке Муссолини, одержимого агрессивными планами, изображены будущие завоевания Италии: вся Африка была включена в состав «великой римской империи», а Средиземное море – превращено в «Итальянское озеро». По поводу этих картин итальянцы острят, что у них есть министерство по делам Африки – без Африки и министерство финансов – без финансов.

Тут же, недалеко и площадь Венеции. Вот он, мрачный и приземистый Венецианский дворец, с балкона которого фашистский палач извергал свои человеконенавистнические речи перед римскими обывателями. Здесь же ватиканские прелаты благословляли итальянских солдат на смерть в пустынях Африки, в горах Испании, Албании и Греции, в донских и украинских степях во имя интересов кучки продавшихся Гитлеру промышленников и генералов. Многим не суждено было вернуться из этих бесславных походов.

Одним из долговечнейших памятников стала сеть дорог, связывающая имперские провинции, И даже, если не все дороги действительно вели в Рим, то все они были обязаны своим происхождением Вечному городу, и в особенности Аппиевой дороге – этой «царице дорог». С помощью дорог расцвела торговля. Но, в первую очередь, они служили военным целям: чтобы легионы могли быстро добраться до границ. Поэтому строительство дорог было делом военных. Как правило, дороги состояли из нескольких слоев и из-за этого достигали порой трех, а порой и пяти метров в глубину. Недаром кто-то назвал их стенами, вкопанными в землю. Часто такие дороги лет сто не нуждались в починке.

Мы проехали по древней Аппиевой дороге (Виа Аппиа антика), соединявшей в древности столицу с югом Италии. Дорога была проложена в 312 году до н.э. цензором Аппием со стратегической целью. Остатки дороги уцелели до сих пор. Она послужила образцом для подобных сооружений и идет ровным каменным помостом, состоящим из четырехугольных каменных плит, плотно прилегающих друг к другу. Проезжая по ней, мне вдруг подумалось, что здесь когда-то проходили легионы Красса, которые жестоко подавили восстание рабов, возглавляемое Спартаком. Аппиевая дорога представляет в настоящее время одну из самых интересных экскурсий: ныне эта древняя дорога – своеобразный музей. С той и другой стороны ее окружают массы садов, виноградников, остатков римских сооружений и сторожевых башен. Эти величественные окрестности Рима воскрешают в памяти события тысячелетней истории и словно несут ее высокую стражу.

На этой же дороге находятся и знаменитые римские катакомбы. Весь мир знает их по книгам А. Дюма. Каждый турист, посещающий Рим, хочет посмотреть места, где, по преданиям, обитали первые христиане. Вход в них из садика, окруженного со стороны дороги стеной. По узкой длинной лестнице спускаемся вниз, имея в руках зажженную свечу, обходим ряд галерей, ниш в стенах с остатками христианских гробниц, часовен, где когда-то молились их первые обитатели.

С катакомбами связана одна из многих трагедий итальянского народа: в годы Второй мировой войны гитлеровцы расстреляли в них а потом и взорвали, чтобы замести следы, 330 итальянских заложников.

Хотелось бы рассказать немного о памятниках древности, остатки которых можно видеть во многих странах Европы, в Африке и Малой Азии. Их недаром называли «дорогами жизни».

Для римлян, славившимися достижениями в инженерном деле, предметом особой гордости были акведуки. По ним в Рим ежедневно поступало около 250 миллионов галлонов свежей воды. В 97 г. Секст Юлий Фронтин, смотритель системы водоснабжения Рима, риторически вопрошал: «Кто осмелится сравнивать с праздными пирамидами и какими-нибудь никчемными – хоть и знаменитыми – творениями греков наши водопроводы – эти великие сооружения, без которых немыслима жизнь человека?» Под конец своего величия город обзавелся одиннадцатью акведуками, по которым бежала вода с южных и восточных холмов. Инженерное дело превратилось в настоящее искусство: казалось, грациозные арки легко перескакивали препятствия. И римляне быстро «поделились» своими достижениями с остальными областями империи.

Дальнейшие наши римские воспоминания сводятся к петляниям нашего автобуса по улицам и кратким объяснениям гида: « Вилла Боргезе – парк, обратите внимание на часы»; «Бывший королевский дворец Виктора Эммануила»; «Американское посольство»; «Мраморный стадион»; «Собор святого Павла».

Отдельно хочется рассказать о Ватикане. Ватикан – теократическое государство – город в пределах столицы Италии – Рима, находится на холме Монте-Ватикано. Площадь его 0, 44км^2. Постоянное население около одной тысячи человек (ватиканское подданство имеют около 700 человек). Официальные языки – латинский и итальянский.

Ватикан – как государство возник в VII веке. Это – международный центр католицизма и резиденция главы католической церкви – Папы римского. Ранее находившаяся под властью Папы Римского Папская область (ныне итальянские провинции Лацио, Умбрия и часть Эмилио-Романьи) вошла в состав итальянского королевства в 1870 году. Принятый тогда закон о гарантиях предоставил Ватикану экстерриториальность. Это вывело его из-под местной юрисдикции, однако светская власть пап была приостановлена вплоть до принятия в 1929 г. латеранских соглашений между папой Пием XI и Бенито Муссолини, признавшими полный суверенитет Ватикана, Папа обладает всей полной властью (исполнительной и законодательной) в пределах городской территории площадью 44 га и имеет собственную полицию, дипломатическую, почтовую службу, радиостанцию и монетный двор.

За 15 веков в Ватикане сменилось 297 пап, среди которых была одна женщина – Иона. Об этом никто не знал, пока она однажды не родила на улице Рима во время религиозной процессии. Титул Папы звучит так: «Викарий (заместитель) Иисуса Христа, наместник святого Петра, князь апостолов, верховный Понтифик католической церкви, патриарх Запада, примас Италии, епископ Римский, архиепископ и глава Римской провинции, суверен государства город Ватикан».

Ватикан является не только руководящим центром католической церкви, но и политико-дипломатическим центром, в котором представлены 52 посла, посланника и личного

представителя в разных странах мира. Папские нунции находятся в привилегированном положении по сравнению с другими дипломатами: в каждой стране им подчинены все католические организации, поэтому они могут оказывать на страну, в которой аккредитованы, сильное влияние. Руководящий печатный орган Ватикана – «Оссерваторе Романо». Мощная радиостанция его ведет ежедневно передачи почти на всех языках мира.

В Италии влияние Ватикана чувствуется на каждом шагу: он имеет в Риме несколько банков, строительных контор; он – крупнейший домовладелец и хозяин жилого фонда, а также является пайщиком общества, снабжающего Рим водой и электроэнергией. Культурная жизнь Италии также находится под контролем Ватикана: в городах страны он имеет свои кинотеатры и дает указания католикам на просмотр тех или иных фильмов. Школы также в руках духовенства: дети неверующих иногда исключаются из школ, а сомнительные, с точки зрения Ватикана, учителя – изгоняются.

Но Ватикан – это и средоточие ценнейших сокровищ культуры и искусства: собор Святого Петра(15–18 в.в.), барочная площадь святого Петра (17в.); дворцовый комплекс: Скала Реджа (17 в.), Зала Реджа(16 в.); капеллы Паолина (16 в.), Сикстинская (15 в. с фресками Микеланджело), Николая V (15 в.) и другие. Во дворцах Ватикана – богатейшая библиотека, музеи античной скульптуры, Грегорианский, Египетский, Этрусский, музеи и др.

Ватикан включен в список Всемирного наследия.

Мы начали осмотр с площади Святого Петра. Эллипсовидная площадь сооружалась по проекту Вернини (1656–1667 г.г.). Она имеет 340 м в длину и 240 м в ширину, обнесена с двух сторон грандиозными колоннадами, представляющими 4 ряда колонн (284 штуки), украшенных 162 статуями святых. Посредине площади установлен обелиск с крестом на его вершине. По бокам – два прекрасных фонтана. Площадь на редкость просторна и гармонична по планировке и своеобразному архитектурному облику.

Над этой площадью часто гремит голос папы усиленный микрофоном, когда он с проповедью выступает перед народом, появляясь в окне верхнего этажа. Мы, приехав в Ватикан на экскурсию, случайно попали на проповедь папы, и назавтра же увидели свое изображение в газете Ватикана с подписью, что советские туристы специально посетили и с большим удовольствием прослушали выступление папы.

Площадь примыкает к собору Святого Петра, который своим куполом поднимается над нею, а также над всем этим «Вечным городом», упираясь в высокое и ясное небо.

Многие из нас читали об этом бессмертном творении итальянского народа. И все – таки, трудно представить себе все величие этого памятника, не увидев его своими глазами. Собор – первый в мире по размерам, красоте, богатству и роскоши внутренней отделки. Общая длина его – 211.5 м, высота купола – 132.5 м. О величине храма говорят и высеченные в мраморном полу сравнительные данные крупнейших храмов мира.

По преданию собор построен на месте цирка Нерона, где была найдена гробница апостола Петра. Предварительно он строился по проекту архитектора Браманте (заложен в 1506 г.). После смерти Браманте проект неоднократно переделывался. Одно время работами руководили Рафаэль, затем (в1546 г.) Микеланджело. И только в 1626 г. все работы были закончены. Расходы на его постройку составили 235 миллионов франков. Внутри собор имеет

30 алтарей, 148 колонн и огромное количество статуй. Главнейшая – статуя святого Петра вылита из бронзы. Каждый верующий, находясь в соборе, подходит к фигуре сидящего Петра и прикладывается губами к его левой ступне. За многие годы миллионы католиков так «исцеловали» его ступню, что почти не стало на ней бронзового мизинца. Привлекает внимание и стотонный позолоченный алтарь, где по особо торжественным дням служит сам папа, а на балконах вокруг алтаря сидят только католики, пришедшие по пригласительным билетам.

Из пяти соборных дверей первая справа называется святой и открывается раз в 25 лет (перед началом каждой четверти века), а так все время стоит замазанной. Перед открытием папа стучит по ней молотком, затем замазку снимают и дверь открывают. Внутри собора много будок, каждая из которых разделена на три части. В них производится таинство исповедей католиков и отпущение грехов.

Больше всего в соборе нас восхитила мраморная группа «Пьета» Микеланджело. Пьета, по-итальянски – скорбь. Великий мастер изобразил мать, держащую на коленях тело мертвого сына – Христа. Печальная мать смотрит на него, не отрываясь. Слез нет: видимо все уже выплакала. А он, мертвый, лежит у нее на коленях: голова закинута, ноги в коленях подогнуты – такой беспомощный и такой молодой… Погасший взгляд матери, ее опущенные плечи и руки – все это заставляет глубоко почувствовать горе матери, потерявшей сына. Я эту «Пьету» помню до сих пор.

Вот и закончилась наша программа знакомства с «Вечным городом». Гид сделал все, чтобы показать советским туристам древнейший Рим, но Рима живого, современного мы, к сожалению, увидели очень мало – могли только чувствовать его, только догадываться о нем. А ведь Рим – это не только исторические памятники и музеи, Рим – это, прежде всего, живые люди, проводящие дни на заводах у станков, за письменным столом, за прилавком магазинов, а иногда и не имеющие работы; живущие не только в привилегированных кварталах, но и на окраинах, в старых кварталах. Шофер, который вез нас из здания нашего посольства в отель, так сказал: «Хороший народ итальянцы, трудолюбивы, любят детей. Только уж очень бедные» …

Мы все же выкроили время и умудрились побывать на рынке, а также в одном небольшом магазинчике, который далек от центра. Рынок был совершенно необычен для нас: мы не были готовы к тому, чтобы сбивать цены за товар. Итальянцы же с удовольствием и каким-то ожесточением бьются за то, чтобы сбросить со стоимости хотя бы 200–300 лир. Мы там увидели впервые нейлоновые носки. Пара стоила 300 лир. Мы с Любой хотели уже купить 3 пары, но продавец, удивившись, что мы не торгуемся и узнав, что мы из России, продал нам все эти 3 пары за 300 лир.

К магазину мы подошли, когда хозяин уже закрывал его, закончив работу, но, увидав нас, немедленно открыл его снова и пригласил нас войти. Он очень любезно предлагал нам свои товары и нам неудобно было уйти с пустыми руками. Он также сделал скидки со стоимости купленного, и все отлично упаковал. Довольные мы разошлись, и подумалось нам, что нашим продавцам еще далеко до них.

Дальнейшее наше пребывание в Италии было связано с фирмой «Тибони». Это крупная туристическая фирма, владеющая отелями, автобусами в разных городах северо-

востока страны и прекрасно обеспечивающая путешествия туристов. Фирма частная, владеет ею мадам Тибони. Она – член коммунистической партии Италии и прекрасно относится к нашей стране и нашим людям. Ее муж, помогающий ей в этом бизнесе, социалист, ненавидящий все Советское и не имеющий никакой собственности в фирме. И, тем не менее, у них были прекрасные семейные и деловые отношения. Надо сказать, что фирма прекрасно организовала наше пребывание в Италии до возвращения в Рим.

Дальнейшая программа нашей туристической поездки была такова: мы автобусом фирмы пересекли всю Италию с Запада на Восток и устроились в одном из отелей фирмы в городе Римини, который был расположен на побережье Адриатического моря. Достаточно сказать, что от нашего отеля до моря было расстояние метров 100 не более. И все время пребывания там, кроме однодневных туристических поездок в разные города, мы отлично отдыхали, купались и загорали на море. Мы провели там две недели и побывали за это время в городах Риччоне, Болонье, Венеции, Флоренции, а также посетили Сан-Марино.

Хочется рассказать об этих поездках.

Первой поездкой было посещение находящегося рядом с Римини рыбацкого городка Риччоне. В памяти остались встречи с мэром города – коммунистом, – а также праздничная встреча с застольем, которую организовали мэр совместно с рыбаками. Это были явно встречи «без галстуков». Очень теплая и дружеская обстановка. Мы познакомились с прекрасной итальянской рыбной кухней, а также с виноградным вином. Как часто бывало в то время, встреча закончилась всеобщим исполнением нашей «Катюши».

Второй экскурсией было ознакомление с одним из самых маленьких государств современной Европы – республикой Сан-Марино. Это государство со всех сторон окружено территорией Италии (анклав) и расположено на склонах возвышенности Титано (высота 730 м). Площадь его составляет 61 км^2, население 24.1 т. человек, в том числе: сан-маринцев – 80%, итальянцев примерно 18%, официальный язык – итальянский. Законодательный орган – выборный Большой генсовет. Исполнительную власть возглавляют два капитана – регента, которых назначает Большой совет сроком на 6 месяцев. Судебные функции должны выполняться судом, именуемым советом двенадцати. Но он практически не работает, так как преступлений нет. В республике существуют те же партии, что и в Италии: коммунистическая, социалистическая и христианско-демократическая. Армия состоит из 400 добровольцев, из них 200 человек – милиция , 200 человек – гвардия. Гвардейцы одеты в старинную яркую форму. Они вооружены старинными алебардами и осуществляют постовую службу на крепостных стенах. Возникновение этого государства относится к 301 году. Это одно из древнейших современных государств. Легенда приписывает основание города двум схимникам, живущим в нишах горы: святым Марино и Петру. С 1862 г. между Сан-Марино и Италией действует Договор о дружбе и добрососедстве. Административно – территориальное деление: 9 округов (замков). Основой экономики республики является туризм: ежегодно это крохотное государство посещает 3 млн. туристов и каждый за посещение платит 100 лир. Границы открыты и на въезде в страну мы увидели огромный плакат с приглашением посетить страну, а также Казино с нарисованными игральными картами. Важными статьями дохода является выпуск коллекционных почтовых марок и монет для

нумизматов, а также производство сувениров: керамической посуды, изделий из драгоценных металлов, поделок из дерева. Основные сельскохозяйственные культуры – виноград, пшеница, маслины. Функционируют музеи: Паллацо Валлони (художественное собрание) и старинного оружия. Город сохранил средневековый облик: остатки трех колец городских стен с башнями (XIII–XVI вв.), цитадели Ла Рокка (XI–XVII вв.) и Ла Часта(XV в.).

Мы получили большое удовольствие от этой поездки: удивительное государство!

В следующей поездке мы посетили город Болонью с заездом в г. Равенну. Болонья – один из старейших городов Италии. В VI в. до н.э. Болонья (Фельсина) была центром этрусков. Этруски – племена, населявшие в первом тысячелетии до н.э. Северо-запад Апеннинского полуострова, создавшие развитую цивилизацию, предшествующую римской и оказавшую на нее большое влияние.

Болонья – город, в котором проживает 412 тыс. жителей. Это крупный железнодорожный транспортный узел, а каналом он соединен с рекой По. В городе развиты машиностроение, горная металлургия, химико-фармацевтическая, полиграфическая, легкая промышленности.

Это также культурный центр: в нем работают университет (открыт в XI в. – один из старейших в Европе), консерватория, художественные галереи и музеи. В средние века Болонья славилась школой права. В городе расположены комплекс романских и готических церквей (XI – XV в.), наклонные башни (XI – XII в.в.), дворцы в стиле ренессанса и Барокко. Мы смогли познакомиться там с основными объектами культурного наследия.

Равенна же была у нас на пути в Болонью, расположена она на берегу Адриатического моря.

Этот город знаменит двумя памятниками, связанными с именами великих итальянцев: Данте Алигьери и Джузеппе Гарибальди.

Данте Алигьери (1265–1321 г.г.) итальянский поэт, прозаик, политический деятель. Создтель итальянского литературного языка. Вершина его творчества – своеобразная энциклопедия средневековья, поэма в трех частях(«Ад», «Чистилище», «Рай»), и 100 песнях – «Комедия» (1307–1321). Поэма, получившая позднее название «Божественная комедия», утверждает мощь человеческого разума, равного божественному в постижении добра и зла, признает право человека на свободу волеизъявления и предвосхищает многие идеи, темы и образы мировой культуры нового времени.

Первую половину жизни Данте провел во Флоренции, но политический переворот там, в 1302 г. заставил его бежать. Он дважды приговаривался к смерти и искал убежища при дворах различных итальянских правителей до самой своей смерти в Равенне, окруженный там вниманием и заботой последнего покровителя Гвидо Новалло да Полента. Тело Данте покоится в Равенне, в специально построенной для этого усыпальнице и теперь, несмотря на все попытки Флоренции вернуть в свои стены прах того, кого она не сумела охранять при жизни.

Мы посетили усыпальницу: нас покорила строгая красота внутри ее, а также сама могила из белого мрамора. Мы также возложили на нее цветы.

Имя Данте, вместе с именами Шекспира и Рафаэля, превратилось в нашем сознании в обозначение драгоценнейших достижений культуры нового времени.

А Гарибальди! Джузеппе Гарибальди (1807–1882) – национальный герой Италии, один из вождей Рисорджименто, вооруженной борьбы, длившийся с 1831 по 1861 г.г. и приведшей к образованию единого итальянского королевства: это имя волновало умы нескольких поколений; с этим именем шли в бой за свободу и национальную независимость народы Европы и Америки. По зову Гарибальди десять раз за 35 лет брались за оружие народные массы раздробленной и порабощенной Италии. В сотнях битв за свободу и независимость народов Европы и Южной Америки участвовал сам Гарибальди в течение своей славной, полной приключений и опасностей жизни. Престарелый Гарибальди пользовался огромной любовью и авторитетом в народных массах. Даже в 70-е годы XIX в. различные рабочие организации избирали его своим почетным членом. 2 июня 1882 г. телеграф разнес по всему миру печальную весть – умер Гарибальди. Вся Италия облеклась в траур. В день похорон во многих городах состоялись демонстрации: рабочие шли с красными знаменами, портретами Гарибальди и пением Гарибальдийского гимна».

После смерти Гарибальди ему были воздвигнуты памятники во многих городах (первый в Лекко в 1884 г.), в том числе и в Равенне. Итальянский народ любил и любит Гарибальди. Об авторитете, о связи с народом очень ярко сказал выдающийся французский писатель Виктор Гюго: «Кто такой Гарибальди!? Человек, не более, но человек, воплощающий в себе все человечество. Есть у него армия? Нет. Всего лишь кучка добровольцев. Военное снаряжение? Почти никакого. Порох? Несколько бочонков. Пушки? Только те, которые отбил у неприятеля. Так в чем же его сила? Почему он побеждает? Что ему помогает? Душа народа!».

Мы прикоснулись к памяти о народном герое, возложив к его памятнику венок, а также посетив сохранившийся жилой дом, в котором Гарибальди прятали от австрийцев местные жители после поражения от французских войск при обороне Рима в 1849 году.

Последним в плане нашего тура было посещение Флоренции.

Флоренция – город, в котором проживает 408 тыс. жителей, расположен на севере Италии. Он был основан в I в. до н.э. как военное поселение ветеранов римской армии, а к XII в. превратился в процветающий центр мануфактурной торговли и банковского дела. В XIV – XV в.в. Флоренция, находившаяся под властью могущественной семьи Медичи, правившей с 1434 по 1733годы, стала одним из главных центров итальянского Возрождения. Члены этой семьи были патронами астронома и философа Галилео Галилея, художника Сандр Боттичелли, живописца, скульптора и поэта Микеланджело. С 1865 по 1870 г.г. Флоренция была временной столицей Итальянского королевства.

Современная Флоренция – это крупный промышленный центр. Здесь развиты металлургия, разнообразное машиностроение, химическая, нефтеперерабатывающая, текстильная, обувная, деревообрабатывающая, стекольная полиграфическая, пищевая промышленность; производство ювелирных изделий, а также художественные ремесла.

Это также и культурный центр: в нем действуют – университет (с 1321 г.), консерватория, один из старейших в Европе (с 1545 г.) ботанический сад, известные картинные галереи (Уффици, Питти), Этрусско-римский и другие музеи, театры.

Флоренция – город-музей, сохранивший неповторимый исторический облик. Основная застройка, преимущественно в стиле готики ренессанса, сосредоточена на правом

берегу Арно. Над строгими величественными сооружениями (церкви, дворцы, здания цехов и гильдий) господствует ренессансный купол собора Санта–Мария дель Фьоре (собор XIII в. купол XV в.). В историческом центре – система связанных друг с другом площадей: на Соборной площади – баптистерий (освящен 1059 г., в нем нарядные двери с бронзовыми рельефами) и кампанила собора (XIV в.). На площади Синьории – Палаццо Веккьо (конец XIII в.), лоджия дел Ланци (XIV в.); многочисленные церкви дворцы, мосты.

Исторический центр Флоренции включен в список Всемирного наследия.

Мы, как могли, за один день (включая дорогу), познакомились с этим городом–музеем. У меня, лично, в памяти остались: огромная статуя Давида, которую выполнил Микеланджело с 1505 по 1508 г.г., установленная на берегу Арно, а также галерея Питти. Не забуду, как у входа в галерею Питти маленькая итальяночка лет 10 учила другую, помладше, правильно ходить, покачивая бедрами при ходьбе. Женщины – имя Вам!

На экскурсии во Флоренцию закончилась официальная программа наших поездок по стране, но фирма «Мадам Тибони» предложила нам еще одну поездку, и какую – посещение Венеции! Правда, за наличный расчет (с каждого туриста по1000 лир). Ну да это ерунда. Конечно, мы были несказанно рады такому предложению: как же, быть в Италии и не увидать Венецию. Согласились все, кроме одного туриста – работника одного из райкомов партии. Он на эти деньги, как потом хвастался, купил красивый кофейный сервиз. Что делать, у каждого свое понятие прекрасного. Но надо сказать, что наши женщины несколько поколебали его радость от покупки: они по пути в Венецию купили такие же сервизы, но в полтора раза дешевле.

Итак, ясным жарким утром мы выехали автобусом из Римини на север Италии. Ровная асфальтированная дорога позволяла развивать большую скорость. Пестро мелькали поля, городки со щитками–указателями их названий перед каждым. Миновали Форли, Равенну и десятки маленьких поселений еще. Проехали Феррару с ее характерными замками. В одном из замков, окруженных водой, когда–то жила Лукреция Борджа, дочь Папы Александра VI. Она известна в истории тем, что отрубала своим мужьям головы и бросала их из замка в воду. Рядом с Феррарой течет многоводная река По. Мост через нее, взорванный во время второй мировой войны американцами, теперь восстановлен. Гид рассказал, что отступающие немцы форсировали реку с помощью досок, жердей и стиральных корыт.

В Падуе была остановка и обед. Это достаточно большой город, в котором проживает 218 тыс. жителей, а также транспортный узел. Судоходным каналом он связан с Адриатическим морем. Он известен ежегодной международной ярмаркой (с IV в. до н.э.). В XV–XVIII в.в. Падуя – крупный культурный центр, славился университетом (основан в 1222 г.), где преподавал Галилей. В городе сохранились остатки древнеримских построек.

Обед, предложенный нам, был вкусным, острым и запивался прекрасным сухим вином. Во время обеда все мы, невольно, обратили внимание на яркую брюнетку: вся раскрашенная, одета в яркое мини–платьице, но лицо в морщинах, на голых ногах кожа висит и на вид ей больше восьмидесяти лет. Она отобедала и вышла из ресторана вместе с нами. Подошла к спортивной ярко–красной автомашине с открытым верхом, легко впорхнула в

нее, помахала нам кокетливо ручкой и так «рванула» машину с места, что уже через несколько мгновений ее и след простыл. Нашим бы «бабулям» так!

За городом Падуя началась частная платная дорога до Венеции, по ней, кроме автомобилей, была запрещена езда на всех других видах транспорта, а также ходьба пешком. Наш автобус, при въезде на нее, остановила транспортная полиция и взяла с шофера за проезд 500 лир. Расстояние до Венеции километров 100–110 мы преодолели буквально за час. Автобус наш остался на большой стоянке, где–то на окраине города, а наше дальнейшее продвижение по городу осуществлялось или пешком или на моторных речных судах.

Венеция удивительный, единственный в своем роде город: исторический центр его расположен на 117 островах, разбросанных среди Венецианской лагуны на Адриатическом побережье Италии. Острова разделены 150 каналами и протоками, через которые переброшено около 400 мостов (мост Риальто, мост вздохов – оба XVI в.). Внутригородские перевозки осуществляются на моторных судах, гондолах и баржах.

Вдоль каналов и узких кривых улиц расположены богато декорированные церкви, дворцы. На центральной площади Сан–Марко находится собор (IX – XV в.в.). Дворец Дожей (XIV–XV в.в.), старая библиотека Сан–Марко (XVI в.), здание религиозных братств, монастыри. На крыше одного из зданий установлены колокол и 2 мавра, отлитые из металла, с молотами в руках. Фигуры мавров поворачиваются вдоль вертикальной оси, и поворачиваясь, каждый час ударяют молотами в колокол, оповещая о наступлении очередного часа времени. Город и лагуна включены в список Всемирного наследия.

С первых веков нашей эры на островах существовали поселения рыбаков иллирийского племени, а с середины V в. под натиском гуннов, готов, а затем остготов, лангобардов, франков, они заселялись другими племенами. Начиная с VIII в. там стали строить большие здания на деревянных сваях, глубоко вбитых в глинистую почву. С727 г. появились выборные правители–дожи и укреплялись оборонительные сооружения.

В IX в. Венеция стала независимой от Византийской империи республикой, а к XI в. завоевала Далматинское побережье Балканского полуострова и обрела контроль над всей Адриатикой. Захват в 1204 г. Константинополя еще более укрепил торговое преобладание ее в Средиземноморье. К XV в. власть Венеции распространилась на соседнюю итальянскую область Венето и многие греческие острова.

В XVI в., с появлением турок в Средиземноморье, ее могущество стало клониться к закату. В 1797 г. Венеция стала легкой добычей Наполеона, передавшего ее Австрии. В 1866 г. Австрия уступила ее Франции, которая передала ее Италии.

Венеция – крупный портовый, промышленный и культурный центр. Она известна своим университетом, консерваторией, музеями, оперным театром «Фениче». Островная часть Венеции – морской курорт, центр международного туризма мирового значения, место проведения международных кинофестивалей и художественных выставок.

Описать Венецию трудно, почти невозможно. Мы убедились в этом, увидав ее своими глазами. Это и впрямь земноводный город и трудно сказать, чего в нем больше – домов, мостов, каналов или катеров и гондол. Жители Венеции привыкли делить труд и досуг между водой и земной твердью.

Венеция представляет огромный интерес для каждого туриста. Ими, главным образом, она и живет. Редко какой–либо город производит более обаятельное, изящное и поэтическое впечатление, чем «Адриатическая красавица», несмотря на всю свою грязь и зловоние маленьких каналов (канализация отсутствует). Нелегко ориентироваться в запутанном лабиринте улиц, проулков, тупиков и извивающихся каналов. В водах загрязненных каналов отражаются фасады совершенных по своей архитектуре зданий – начиная от палаццо, построенных в готическом стиле, и кончая пышными дворцами в стиле барокко. Повсюду видны замшелые каменные набережные, а иногда полусгнившие сваи. Воздух далеко не свеж, он висит над водой, затхлой испариной.

Вот в этих контрастах и кроется все своеобразие Венеции. Видимо, правы рассказчики, и видимо, Венеция действительно красавица, когда над зеленоватой водой лагуны всходит луна.

Когда не знаешь Венеции, кажется, что в этом городе из одного конца в другой можно перебраться только по воде, но достаточно немного освоиться, чтобы добраться до любой части города, не прибегая ни к речному трамваю, ни к гондолам. Правда идти придется по ломаной линии, а иногда «ходом коня». Мы на себе проверили оба метода передвижения. Походили по кривым узеньким улочкам, посещая маленькие магазины, в которых продаются изделия местных мастеров: всемирно известные венецианские зеркала и изделия из стекла – очень понравились настенные бра в виде гроздьев винограда; изделия из серебра. Купить ничего не купили: дороговато, а деньги уже кончились.

Прокатились на катере по главному каналу – каналу Гранде. Он делит Венецию на две неравные части. Гондолы, баржи, катера все время снуют по каналу туда–сюда. Жители ездят только на речных трамвайчиках: это дешевле. Гондолы же используются только туристами. Мы видели, как гондольеры часто простаивают без работы и обращаются к прохожим с одной и той же умоляющей просьбой: «Покатайтесь хотя бы часик на гондоле». А еще мы восхищались тем, как ловко они справляются, управляя гондолой лишь одним веслом.

На берегах Большого канала стоят наиболее красивые здания. По преданию, в палаццо Ферро (теперешний – «Гранд–отель») жила Дездемона, а в палаццо Маро – жил Отелло. В торговой части Большого канала находится столь воспетый мост Риальто. Он оригинален: одна цельная арка, длиной 27 м, накрытая сверху навесом на 70 овальных полуарках. Под навесом – двойной ряд магазинов. Канал выходит в лагуну – небольшой морской залив. По другую сторону залива на берег выходит самая красивая площадь Венеции – площадь Сан–Марко. Днем на площади кормят целые стаи голубей – венецианский обычай, вечером – музыка. Про эту площадь Наполеон сказал: « Самый прекрасный в мире зал». На площади установлены три мачты на которых прежде развевались стяги Венецианской республики.

Здесь же расположено кафе «Флориан», где любили посидеть Гоголь, Флобер, Чехов, Мицкевич. Попав на эту площадь, мы представили мысленно славную историю Венеции, этой жемчужины морей или, как ее иногда называют – этой маленькой вселенной. Здесь действительно можно увидеть туристов со всего света: они забавляются с голубями, покупают всевозможные венецианские изделия из стекла, золотые ажурные вещи, открытки, зеркала, кружева; они задирают головы, разглядывают золотые мозаики Базилики, мавров, отбивающих молотами время на часовой башне.

Нам очень повезло с погодой – стояли чудные солнечные дни, позволяющие в полной мере наслаждаться достопримечательностями Венеции. Эти лучи делали особенно прекрасными мозаику и скульптуру знаменитого собора Сан–Марко: на главном портале – 4 коня из позолоченной бронзы, когда–то украшавшие триумфальную арку Нерона. Собор Сан–Марко невольно вспоминается как музей: так много в нем картин, мраморных статуй, барельефов и мозаики работы прославленных мастеров.

К собору примыкает замечательное и красивейшее здание – Палаццо Дожей. Его фасад – из 2–х ярусных галерей. Верхняя – чудо красоты (71 колонна). Между девятой и десятой колоннами из красного мрамора находится место, где объявлялся приговор осужденным на смерть.

Во дворец ведут две лестницы: лестница гигантов и лестница аристократов. Поднимающиеся по ним попадали прямо на верхнюю площадку, где короновались Дожи. Во всех залах чудные образцы венецианского искусства: здесь находятся картины Веронезе, Тинторетто, Тициана и других мастеров живописи. В зале четырех дверей выполнены портреты всех Дожей. Только один из них, портрет Марино Фильере замазан, так как он был изобличен в измене и казнен. Имеются также залы: Передняя зала Совета, Зала Совета, Зала Сената, Зала Совета десяти, Зала со знаменитой мраморной львиной головой, в пасть которой бросались доносы и просьбы (теперь осталось только отверстие в стене), Зала трех высших членов Совета десяти, избирательный зал. Непосредственно к Палаццо Дожей примыкает мост вздохов. На него попадали через узкий проход, соединяющий залы с мостом и тюрьмой, где совершались пытки и казни.

Не менее богаты и красивы музеи Венеции: знаменитая Академия изящных искусств, галерея Кверини – Стамкалия и другие.

Покидали этот город мы, лично убедившись, что Венеция поистине великолепна.

Вот и закончился наш тур по удивительной стране. Еще один день мы провели на море: купались, загорали, а потом обратная дорога в Рим. У нас остались прекрасные воспоминания от пребывания в Римини: жили мы в очень простом по внешнему виду отеле «Vienna» (скорее пансионате), но внутренняя планировка, меблировка, размещение по 2 чел. в комнате, обслуживание – все позволяло думать, что лучшего проживания и не надо.

Погода Средиземноморья также радушно нас встретила и проводила – не было ни одного дождя за все время пребывания, но не было и дикой жары; вода в море уже достаточно прогрелась, а пляж был из мельчайшего песка и очень чист. Мы познакомились с парой молодоженов нашего возраста из Англии и много времени провели в общении с ними (Люба довольно сносно говорила по–английски).

Приятные воспоминания остались и от путешествий на автобусе. Мы проехали через всю страну с Запада – от побережья Тирренского моря – на Восток до побережья Адриатического моря. Несколько раз пересекали Апеннины, которые разделяют вдоль всю Италию с Севера до Юга, поколесили по дорогам Панонской равнины, лежащей у подножья Альпийских гор, которые огибают северные границы страны, проехались по частной автостраде Падуя – Венеция. На всем протяжении пути мы не столкнулись ни с какими

дорожными трудностями. Все дороги находились в прекрасном состоянии, а виды, открывающиеся из окон автобуса прекрасны и неповторимы. Мы, конечно же, сфотографировались на одном из перевалов. А на одном из участков горной дороги шофер показал нам место, где итальянские партизаны казнили своего «дуче» – диктатора Бенито Муссолини.

И вот мы опять в Риме, время на прощание – один день и одна поездка: знакомство с площадью Испании и фонтаном де Треви. К площади ведет шикарная лестница. Рядом, примыкая к стене, расположен, как считают сами итальянцы, самый великолепный из римских фонтанов. Сооружен он в 1762 г. В середине статуя Нептуна работы Пьеро Браччи, направо от Нептуна фигура – «Здоровье», налево – «Плодородие». Перед ними большой каменный бассейн. Фонтан устроен на месте прежнего водопровода и отличается прекрасной водой. У римлян и туристов, приезжающих в этот город, существует обычай: при отъезде из Рима пить воду из этого фонтана и бросать монеты в бассейн, чтобы когда–нибудь снова побывать в Риме. Но прошло с тех пор, когда мы бросили монеты и напились водой из фонтана уже 50 лет, а вновь побывать в этом «вечном» городе нам так и не удалось.

Утром следующего дня обратный вылет из Рима в Париж. Все было также интересно и еще лучше, чем в первом рейсе, потому что мы летели в праздничный день – День благодарения (у нас празднуется 8 Марта, как Женский День). Всех пассажиров по этому поводу угостили шампанским.

В Париже нас ждала приятная неожиданность: по какой–то причине наш рейс на Москву был задержан на трое суток. А на всех международных рейсах существовал тогда такой порядок, что при задержке пассажиров рейса обслуживает фирма, осуществляющая этот рейс. Обратный рейс до Москвы обычным маршрутом через Прагу осуществляла Чехословацкая фирма. Она же взяла на себя обслуживание нашего вынужденного проживания в Париже. Мы все эти дни были размещены в самом центре Парижа в отеле "D'Orsav " (реконструированное здание старинного железнодорожного вокзала). Рядом находились всемирно известная набережная Короленко с киосками парижских букинистов, а также «Нотр Дам» – Собор Парижской богоматери (его называют сердцем Парижа). За эти дни нас познакомили с этим собором, а также с Эйфелевой башней (ее называют символом Парижа), мостом Александра I, Большим Елисейским Дворцом, Гранд Опера, Лувром, Домом инвалидов и могилой Наполеона. Мы с Любой побывали в парке Тюильри. Она надела на ноги для похода в парк новые позолоченные босоножки на огромном каблуке, которые мы ей купили в Италии. Находились мы в парке, устали, Люба сняла с ног эту обнову, чтобы ноги отдохнули. Увы, после отдыха надеть обратно босоножки она так и не смогла – так и возвращалась по улицам Парижа босиком, размахивая руками и улыбаясь встречным.

Мы прекрасно провели эти дни в Париже. Единственным недостатком было отсутствие денег и мы не могли ничего покупать, но все экскурсии по городу нам провели бесплатно.

Надо сказать еще об одном: когда мы прилетели из Рима в Париж, то совещание глав четырех стран было уже сорвано из–за полета самолета– шпиона США над нашей страной. Все руководители стран разъехались и только на асфальте парижских мостовых еще красовались карикатуры, на которых были изображены Эйзенхауэр и Хрущев, жонглирующие атомными бомбами. Это оставило в душе неприятный осадок.

Перелет до Москвы прошел нормально, за исключением одного казуса: у одной пары наших туристов багаж по ошибке отправили другим рейсом через Амстердам, но он нашелся через двое суток. А из Москвы скорым поездом мы добрались домой усталые, загорелые, счастливые. Тогда, в поезде, я и сочинил эти строки:

Через необъятные просторы,
В край, где ждут леса, озера, горы,
Нас с тобой уносит поезд скорый.
Где бы мы с тобой не побывали
И каких красот не повидали,
О родных краях не забывали.
О поездках будущих мечтаем,
А сейчас минуточки считаем:
Подъезжаем, подъезжаем, подъезжаем!

Все, приехали. Кончился отпуск, здравствуй работа. Неожиданно для всех и даже для себя я в этом же месяце сменил работу.

Дело в том, что в состав Промстройпроекта, где я работал, были переданы сотрудники из проектных отделов расформированного института «Росстромпроект». В числе перешедших в наш институт был Северин Валентин Павлович, назначенный на должность главного инженера проекта. Мы с ним близко познакомились по вопросам проектирования, а также – сугубо семейным: я входил в состав жилищной комиссии института и мне пришлось обследовать жилищные условия его семьи.

Семья состояла из семи человек: он с женой, мать жены и четверо мальчишек от садикового до школьного возраста. Вся семья проживала в одноэтажном деревянном неблагоустроенном доме (3 комнаты). Конечно же, я высказал мнение, что этой семье необходимо выделить квартиру в благоустроенном вновь выстроенном доме института. Комиссия согласилась с моим предложением. Однако при распределении жилья семье Севериных не выделили ничего, ссылаясь на то, что он перешел на работу в институт недавно. А в 1959–ом же году во исполнение распоряжения Совета Министров РСФСР в г. Свердловске был организован Восточный научно–исследовательский и проектный институт огнеупорной промышленности. Северин Валентин Павлович был назначен главным инженером вновь создаваемого института. Научная часть была передана институту из Уральского отделения Всесоюзного научно–исследовательского института огнеупоров, а с 1960 года начали создаваться производственные отделы проектной части, в том числе и строительный отдел. Кроме того, создаваемому институту передали проектную документацию, и выдели финансирование на строительство пристроя к жилому дому на углу ул. Первомайская и Кузбасская (впоследствии переименована в ул. Гагарина).

В июне Валентин Павлович, занимавшийся комплектованием проектных отделов кадрами, предложил мне перейти на работу в строительный отдел нового института на должность руководителя группы. При переходе давалась гарантия на получение жилья в упомянутой новостройке. Конечно же, я согласился и перешел на новую работу. Отдел находился в стадии комплектования, но начальником отдела был уже назначен Трапезников Игорь

Сергеевич, перешедший из института «Уралгипрошахт». Пришлось и мне подключиться к набору специалистов, и через месяц группа была уже в своем боевом составе.

Производственные площади нового института были разбросаны по разным местам: научные лаборатории размещались пока на заводах Уральской зоны, где вели свои научные работы, а вновь создаваемые проектные отделы ютились в помещениях двух первых этажей строящегося корпуса. На момент моего прихода в институт уже велись работы по возведению его четвертого и пятого этажей. Такая одновременная работа строителей и проектировщиков была очень неудобна: мы со строителями постоянно мешали друг другу, кругом были грязь и пыль. Поэтому мы с удовольствием приняли первое задание: выполнить обмерочные чертежи цехов реконструируемого Богдановичского огнеупорного завода.

В городской гостинице заводом для нашей группы были забронированы два трехместных номера, в которых мы и разместились: в одном – трое наших девчат–проектировщиц, а в другом – мы с молодым архитектором Мельковым Аликом, а также чертежный кульман и стол для обработки материалов. И работа началась: днем мы на заводе производили замеры, а по вечерам переносили их на чертежи.

Мой сосед по комнате, Алик, был совсем молодым парнем, недавно закончившим строительный техникум. Всю работу он выполнял быстро и качественно, но имел немного взбалмошный характер. Запомнился мне такой случай: мы уже уснули после вечерней работы, как вдруг нас будит администратор, а с ним какой–то человек. Оказалось, что ночью приехала целая группа командировочных, номеров для всех в гостинице не хватило и администратор решил до утра подселить к нам одного из прибывших. Короче говоря, испортили нам весь сон. Только снова улеглись и, вроде бы, начали засыпать, как наш новый постоялец захрапел на всю комнату. Что делать? И тут Алик хватает сапог соседа (их кровати стояли рядом) и кидает его в соседа, а сам откидывается на кровать, прикидываясь спящим. Сосед от удара садится на кровати, ничего не понимая, но видит, что мы неподвижны, снова ложится и засыпает. Но уже не храпит! Вот таков был Алик: и смех и грех.

Работу на заводе наша группа закончила досрочно и выполнила качественно.

Вскоре из Промстройпроекта в наш отдел перешел еще один инженер–строитель, с которым мы вместе работали там и были товарищами – Бахматов Валентин. Он организовал еще одну группу и наш строительный отдел стал действующей передовой единицей проектной части института.

Моя активная работа не осталась незамеченной: вскоре в институте был создан Совет молодых специалистов и я был избран его председателем. Наш Совет с первого дня стал уделять внимание росту молодых специалистов: мы организовали для них постоянную техническую учебу, следили за их жилищными условиями, а также передвижениями по службе. Мы также организовали спортивную организацию, вступили в члены ДСО «Труд» и уже в 1960 году провели шахматный турнир на первенство института.

В конце года моя группа укрепилась еще двумя архитекторами: Бреслером Борисом – молодым парнем только что окончившим строительный техникум и опытным проектировщиком Баранихиным Виктором. Мы группой начали разрабатывать проект реконструкции цеха №2 Первоуральского динасового завода.

После двух заграничных туристических поездок мы с Любой сблизились с другими туристами и нас начали приглашать на «Голубые огоньки» – вечера встреч, которые устраивал клуб зарубежных туристов, созданный при Облсовпрофе, во Дворце культуры железнодорожников. Эти вечера были очень интересны: на них туристы, побывавшие в зарубежных поездках, делились своими впечатлениями от них, устраивали различные фотомонтажи, видеопросмотры слайдов. Для участников вечеров устраивались также столики с вином и закусками и танцы.

В общем, конец четвертого и начало пятого года нашей семейной жизни прошел под знаком позитивных перемен в ней. Но не решили пока одну из главных задач: мы не смогли получить нормального жилья для нашей растущей семьи. Правда появилась надежда на решение ее в будущем году.

1961 год.

Это был непростой год для нашей молодой семьи, который принес нам и немало радостей, а самая большая из них ждала нас опять в январе: у нас 7 января (в Рождество) родился второй сын – Виктор Владимирович Комаров! Видимо, жизнь нас уже чему–то научила, потому что встретили мы эту радость по–другому, нежели при рождении Саши: во–первых, Витя родился, как и Саша, в ОММ, но я уже не бегал по городу в поисках «крутой» автомашины для престижности встречи – спокойствие Любы было дороже; во–вторых, уже ни у кого не было расстройств по поводу рождения «парня»; в–третьих, не было никаких споров по поводу имени сына, так как все уже заранее согласились с тем, что при рождении мальчика, по жизни пойдет Виктор – победитель, принявший свое имя от прадеда. Надо ли говорить, о том, что это известие с радостью встретили все члены нашего разросшегося клана: Васильевы и Комаровы в Свердловске; Комаровы, Меркушевы и Бережневы в Нижней Туре; Боровковы на Ису; Майбуровы в Киеве; Дубяги в Тюмени.

Радовало и то, что мы смогли доказать всем, а в первую очередь самим себе, что смогли перешагнуть эти самые тяжелые пять лет становления семьи.

И, наконец, – мое тридцатилетие, которое пришлось на 29 ноября, и как бы подвело итоги всему.

На работе у меня было все нормально: группа вела проектирование объектов Первоуральского завода ЖБИ, а также реконструкции Первоуральского динасового завода. Условия работы быстро менялись в лучшую сторону. Если в первой половине года проектные отделы находились в первых двух этажах недостроенного здания (при этом грязи было меньше, чем в прошлом году, так как велись специальные работы), то со второй половины мы уже переехали в сданный строителями лабораторный корпус по ул. Генеральской, а в конце года осваивали площади вновь выстроенного главного производственного здания института рядом с лабораторным корпусом.

Я продолжал вести работу председателя Совета молодых специалистов института, мы создали комсомольский патруль! Участвовал я, также и в спортивной жизни: в составе ко–

манды шахматистов института я принял участие в городской комплексной спартакиаде шахматных команд (виды спорта – шахматы, волейбол, стрельба, метание гранаты). Выступили мы успешно: Свердловский Городской Совет ДСО «Труд» наградил команду ВОСТИО грамотой за первое место в городе среди коллективов III группы. В команде участвовали, кроме меня, кандидат в мастера спорта Кралин Александр, перворазрядники Маурин Алексей и Марьевич Владимир – все работники института.

Текущий год принес праздничное, знаменательное событие не только для нас – советских людей, но и для народов всего мира: впервые взлетел в космос на космическом корабле «Восток» и облетел весь земной шар за 1час 48 минут наш, советский, летчик-космонавт Юрий Алексеевич Гагарин! В связи с этим событием день 12 апреля объявили праздничным и всех распустили по домам. А как же отметила этот праздник наша молодежная группа? Мы вышли во двор, нашли какую-то консервную банку и провели «товарищеский матч по футболу». Победила, как всегда, дружба!

Любу с 6 июня назначили начальником планово-производственного отдела специализированного управления «Газмонтаж», кроме того она продолжала читать лекции по газоснабжению в различных учебных пунктах города.

Меня включили в состав Совета содействия зарубежному туризму при отделе загран-туризма Облсовпрофа и мы с Любой, а иногда и в компании с друзьями стали завсегдатаями «Голубых огоньков», проводимых этим Советом.

С этого года я «заболел» рыбалкой. Правда, первый летний выезд на рыбалку получился неудачным: мои молодые архитекторы Алик Мельков и Борис Блеслер пригласили меня на озеро Окункуль, раззадорив рассказами о безотказном клеве окуней и плотвы. Удочку они мне дали, поехали мы на автомашине «Москвич» первой модели, принадлежавшей их товарищу, который и был за рулем. Выехали по старому челябинскому тракту. Где-то на подъезде к Арамилю спустило колесо, пришлось клеить камеру и перебортовываться. Поехали дальше, но в Кашино то же колесо лопнуло на выстрел: оказалось, что шина с «килой». Запаски же или другой камеры у хозяина автомашины не оказалось, Короче говоря, «куковали» мы в этом Кашино весь вечер и ночь, пока утром не купили камеру у какого-то проезжающего автомобилиста. Вечером и рано утром пытались рыбачить в протекающей по околице деревни маленькой речушке, но не было ни одной поклевки. Спали сидя в автомобиле. Хорошо еще, что у нас было с собой и выпить и закусить. Утром, установив злополучное колесо, полусонные, еле-еле добрались мы обратно до города.

Где-то в середине года произошло событие, открывшее у Любы необычный талант. А все началось с того, что меня направили в командировку в центральный институт огнеупоров, находящийся в Ленинграде: я должен был им представить молодежь нашего института (что-то вроде обмена опытом). Но ехать я не мог никак, потому что по вечерам читал лекции по газоснабжению в техникуме коммунального хозяйства. Я подошел к главному инженеру института и попросил заменить меня в этой командировке, сославшись на плохое самочувствие младшего сына. На замену предложил кандидатуру Гриши Аграяна, молодого руководителя сметного отдела. Уехал Гриша вместо меня, а вернулся сам не свой. Спрашиваю его, что же произошло в Ленинграде, и он рассказал, что познакомился в институте с девчонкой

и влюбился в нее с первого взгляда, да так, что жить без нее не может. И не знает он, что же ему делать: никого из родных нет, кто бы помог советом, так как он вырос в детдоме.

Пришел я домой, рассказал Любе о Гришиной болезни, а она вдруг и заявляет, что если мы сможем отправить ее в Ленинград, то она сможет уладить все вопросы. Не очень верилось в это, но надо же помочь другу. Собрали мы с Гришей ей на дорогу денежек, и отправилась моя Любовь уговаривать другую. И что же вы думаете? Через неделю вернулась Люба, убедив Люсю (имя Гришиной пассии) в том, что ей совершенно необходимо прожить счастливую жизнь с Гришей. Вскоре мы, молодежной компанией, отпраздновали заочную помолвку Люси с Гришей, а в апреле 1962 года в Ленинграде состоялась их свадьба. Гриша переехал жить к молодой любимой жене. Люба оказалась права: у них образовалась прекрасная семья. К 1970 году они уже воспитывали своих невест – Наташу и Оленьку и были так же счастливы, как и в дни знакомства. К сожалению, мы потеряли друг друга в жизненной суматохе, и я не знаю, как они живут сейчас.

Так моя Любовь обрела талант свахи и не потеряла его на протяжении всей жизни: тринадцать пар привела она к счастью семейной жизни, и лишь одна из них распалась впоследствии.

Вот и прошли мы свои первые испытания на жизненном пути. За пять лет мы создали свою семью и смогли обеспечить ей более или менее нормальную жизнь. Беспомощными «кутятами» барахтались мы первые годы в жизненных волнах, иногда захлебываясь и глотая их соленые и горькие брызги, но мы смогли выплыть и теперь смело могли смотреть жизни прямо в лицо. Нашей путеводной нитью по жизни стала известная фраза В. Каверина из его романа «Два капитана»: «Бороться и искать найти и не сдаваться!»

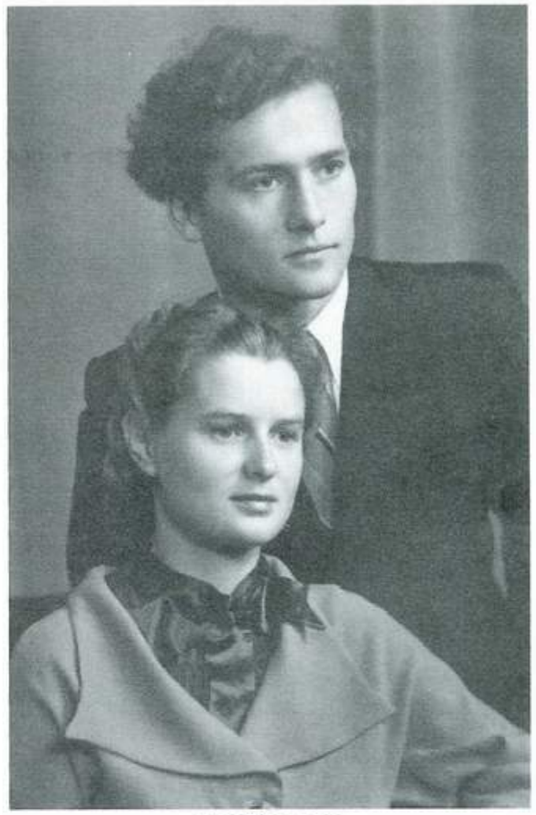
Свадебное путешествие. молодые с тещей. Одесса 1956 год.

Портрет молодых, г. Киев 1956 год.

Встреча с киевской родней, 1956 год.

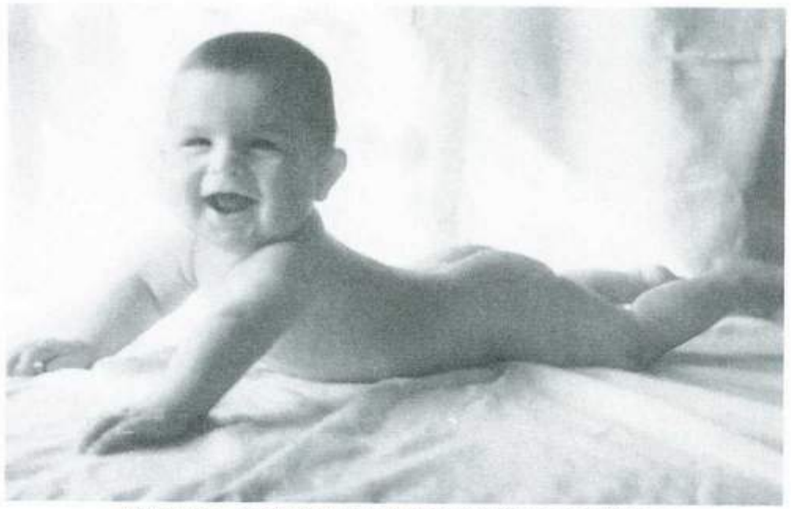
Семейная пара,
г. Москва 1956 год.

Техник-конструктор стройотдела Промстройпроекта,
г. Свердловск 1957 год.

С комсомолией Промстройпроекта, 1957 год.

Первенец - Александр Владимирович Комаров, 1957 год.

Васильевы, Дубяги, Комаровы с первыми мальчиком в их семьях, декабрь 1957 год.

Кинопроба в массовой сцене кинофильма «Очередной рейс», г. Свердловск 1958 год.

Комаровы и Бережневы, 1958 год.

В вагоне-ресторане, поезда Москва-Будапешт, 1959 год.

На площади Победы в Будапеште, 1959 год.

У могилы неизвестному солдату, в окрестностях г. Белграда 1959 год.

У водопада. Плитвицкие озера. Югославия 1959 год.

У входа в Постоинскую пещеру, 1959 год.

Прогулка с нашим очаровательным гидом Тасей Опатия.

Встреча с М. Талем. Озеро Блед. Югославия 1959 год.

Растем вместе с сыном, г. Свердловск 1959 год.

Путешествие Париж-Италия. С видом на «Гранд Опера». Париж 1690 год.

Площадь святого Петра. Ватикан.

«Пьета» Микельанджело в соборе святого Петра Ватикан.

У Палаццо Дожей. Венеция.

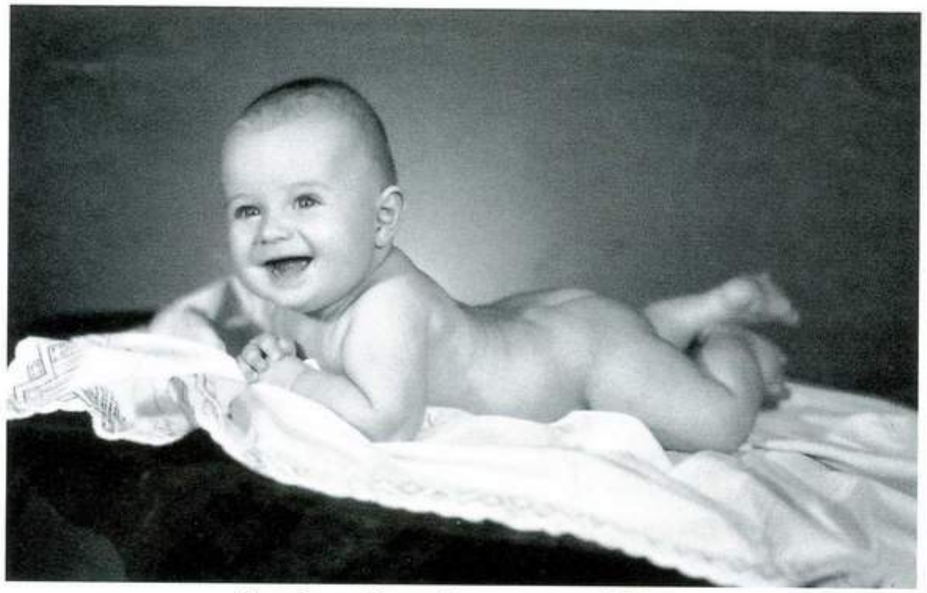
На горном перевале. Путь Римини - Рим.

Васильевы с внуками, дочерьми и зятем, г. Свердловск, 1960 год.

Дорогие брат и сестра. Пос. Ис, 1960 год.

Второй сын - Виктор Владимирович, 1961 год.

С двумя любимыми Сашами - сыном и братом, 1961 год.

Заседание Совета содействия зарубежному туризму при Свердловском облсовпрофе, 1961 год.

Едем на рыбалку, 19621 год.

Вите 1 год. 1962 год.

Нашему браку - 5 лет,
а мне - 30,
г. Свердловск, 1961 год.

Глава VI / Наперегонки со временем.

1962 – 1991 гг.

Остановись мгновение, ты прекрасно –
Воскликнуть так не каждому дано.
Но и тогда, когда оно ужасно
Его не остановишь все равно!
Походят годы, под глазами тени:
Отмерен нам такой недолгий век.
Какое бы ты не было мгновение –
Остановись или замедли бег!

М. Кудинов.

Вот и началась настоящая жизнь, к которой мы шли все предыдущие годы. Как оказалось – это сумасшествие, когда не успеваешь следить не только за мелькающими днями и неделями, но и за летящими мимо месяцами и годами. Кажется, только–только мне исполнилось 30 лет, Любе 29, а ребятам, в январе соответственно 5 лет и 1 год и они были совсем малявками, а не успели мы оглянуться, как мне уже шестьдесят, а ребята выросли. Каждый из прожитых дней требовал решения десятков самых разнообразных вопросов, задач. Это проблемы семьи, детей, собственного здоровья и здоровья близких людей, работы и учебы, общественной работы, общения, отдыха и других. И чем дальше по жизни, тем быстрее бежало время, а мы приближались к своей старости, теряя по пути здоровье и амбиции. Но первые десятилетия мы были полны честолюбивыми планами.

I. Переходный период. 1962 – 1963 г.г.

Первые годы этой жизненной круговерти послужили для меня переходным периодом от сравнительно спокойной проектной работы к сумасшедшей строительной гонке, сначала на нескольких, а затем на десятках разных по объему работ и значимости объектах.

1962 год.

Как уже повелось, первая радость пришла в нашу семью в начале года. Нас ожидал один из самых больших подарков: в первых числах января мы, наконец, получили новую отличную двухкомнатную квартиру в новостройке. Об этом пишет Люба в открытке своей тете Кате в Киев:

04.01.62. От Любы в Киев Екатерине Викторовне.

Милые Катя и Леночка! Шлем запоздалые новогодние поздравления и пожелания и еще приглашение на долгожданное новоселье! Квартира просто прелесть, хоть и четвертый этаж и 9 градусов тепла. Адрес: ул. Первомайская, д. 82, кв. 88. Это один квартал от мамы. Новоселье 13-го января. Приезжайте и пишите – адрес новый! Мы все перебрались в новую квартиру и мама отдыхает.

Ваши Комары и Комарики.

И хотя из родни никто не приехал, новоселье прошло отлично. Единственное, чего не хватало, так это мебели. Поэтому вместо стола у нас был расстеленный на полу одной из комнат и накрытый по-праздничному ковер. Гости же расположились на нем, кто сидя, а кто лежа. Танцевали все в соседней комнате. Участвовала в новоселье вся наша молодежная «банда». Веселились до поздней ночи, а потом спали все вповалку на том же ковре-«столе». Утром, встав, долго не могли найти наше молодое архитектурное дарование – Алика Мелькова. Оказалось, что он все еще сладко спит в ванне, сложив в нее вместо постельного белья верхнюю одежду друзей. Наши Комарики провели эту беспокойную ночь у Любиных родителей.

Однако наша радость была омрачена буквально через неделю. Врачи, проводившие очередной осмотр Вити, нашли у него туберкулезную интоксикацию и предложили нам отдать его в специальный садик санаторного типа для больных детей, который находился в Верх-Исетском районе города. Пришлось согласиться.

Люба тоже чувствовала себя неважно: видимо сказывалось наше житье в «любимом» подвале и ее бесконечные перегрузки лекционными занятиями. Ей необходимо было отдохнуть и подлечиться. После довольно продолжительных поисков я сумел достать путевку в Юрмалу, в санаторий «Булдури». Но путевка была одна и на мое имя, поэтому решили ехать вместе, чтобы там договориться, что в санатории будет находиться Люба. Ехали поездом через Ленинград и сделали в нем остановку на несколько дней. Хотелось познакомиться с этим прославленным городом, в котором я еще не бывал. Кроме того, я помнил о приглашении Ани Антоновой, вернувшейся в Ленинград в 1948 году, хотелось побывать в этой семье, познакомить с ними Любу и вспомнить о совместно прожитых годах войны. Наконец, хотелось повстречаться с Гришей Аграяном и его женой.

Устроились мы в гостинице «Астория» в шикарном 2-х комнатном люксе с отдельными холлом, туалетом, ванной комнатой. Стоимость проживания в нем, составляла целых 12 рублей в сутки (сейчас бы так!). В первый же день у нас побывали Гриша и его молодая жена, и мы в вчетвером еще раз отметили их счастливую встречу, закончившуюся семейным союзом. Анин адрес мы нашли по справке, так как она уже вышла замуж и жила самостоятельно, а родители, к сожалению, умерли. Ее сестра Таня тоже жила отдельно. Фамилия Ани по мужу была Цирк. Назавтра мы пришли по новому адресу, нашли квартиру, позвонили. Дверь открывается, в дверях Аня. Немая сцена… Затем она бросается мне на шею, обнимает, целует, втаскивает в квартиру и закрывает за нами дверь. Проходит несколько радостных минут, и я осознаю, что Любы с нами нет. Освобождаюсь из Аниных объятий, сообщаю ей, что я женат, и что жена осталась на лестничной площадке. Мы выскакиваем из квартиры – на площадке никого нет. Я бегом спускаюсь по лестнице, выбегаю на улицу и вижу уходящую от дома плачущую Любу. Оказывается, она обиделась на то, что я ее «бросил», а куда шла – сама не знала. Я объяснил ей ситуацию, успокоил и мы вместе вернулись обратно к Ане.

Аня с мужем устроили нам такой прием, что мы все дни провели у них, ни разу не заглянув в наш шикарный номер в «Астории». Более того, мы даже опоздали, на день с приездом в санаторий. На обратном пути из Риги мы опять провели у них несколько дней и опять нам вместе было очень тепло. Короче говоря, война сроднила нас на всю жизнь, а наша семья снова выросла, как в те далекие трудные военные годы!

Мне привелось встречаться с Аней еще раз, в 1966 году, когда я с группой руководителей подразделений нашего треста побывал на международной выставке по газоснабжению, организованной в Ленинграде. Всем моим «мужичкам» очень хотелось, кроме выставки, посетить какой-нибудь из прославленных Ленинградских музеев. Аня же, после окончания университета, всю жизнь проработала в Русском музее, поэтому я и договорился с нею, что она устроит для нас небольшую экскурсию, так как у нас практически не было свободного времени. Экскурсию она нам устроила замечательную, все мы запомнили музей надолго.

И так уж получилось, что наша последняя в жизни совместная с Любой поездка была в 2003 году тоже в Санкт-Петербург. С нами был и Саша. Мы целый день потеряли на то, чтобы разыскать Аню и нашли ее только к вечеру. Оказалось, что она из-за болезни дочери вынуждена была поменять городскую квартиру на пригород, муж Ани умер, а в музее, где она продолжала работать, ее все знали по девичьей фамилией – Антонова. Встреча получилась печальной из-за всех этих жизненных коллизий и к тому же, как оказалось, прощальной, так как Люба на следующий год ушла из жизни. Здоровья тебе Аня и терпения в преодолении жизненных проблем!

С опозданием на один день мы прибыли в Булдури. Конечно же, сразу договорились, что по путевке в санатории будет отдыхать и лечиться Люба, а я устроился на квартире у медсестры этого же санатория. Все было бы хорошо, но Люба заболела и попала в республиканскую больницу в Риге с воспалением придатков, а наш отдых затянулся на полтора месяца. Правда, мы успели с нею побывать на концерте в Дзинтари и посетить концерт органной музыки в Домском соборе. Лично у меня все время (кроме посещений Любы) прошло в активном отдыхе, организованном девятнадцатилетним сыном медсестры, у которой я проживал. Он познакомил меня с Юрмалой, Ригой и даже немного с Латвией. Я побывал на Рижском рынке, где познал вкус копчушек; он организовал рыбалку на щуку с выездом на

озера недалеко от Кемери; мы с ним посетили стадион в Риге, где смотрели показательные выступления легкоатлетической сборной команды нашей страны (потрясли прыжки в высоту В. Брумеля); он помог мне стать участником сеанса одновременной игры, проводимого М.Талем – я проиграл, конечно же, но был доволен. Также я открыл для себя удовольствие от купания в водах Рижского залива: глубина в нем нарастает очень медленно и надо заходить метров на 50–80, чтобы поплавать, а вода холодная. Поэтому, зайдя в воду максимально по пояс, окунаешься в нее весь, подхватываясь, и быстренько бежишь обратно на берег.

Запомнился мне один печальный случай, связанный с «купанием» в этой воде. Лежим мы с Любой на зеленом пригорке рядом с песком пляжа и загораем под теплым солнцем и холодным ветром. Было это еще до того, как она заболела. Вдруг останавливается черная «Волга», из нее выходит представительного вида мужчина лет сорока в кожаной куртке. Сняв куртку, обувь, носки и закатав до колен брюки, он зашел в воду, походил в ней, вышел на берег, улегся на травку отдохнуть – минут через 5–10 умер! Как оказалось, это был главный инженер одного из Ленинградских заводов, приехавший на собственной автомашине с женой отдохнуть на Рижском взморье. И разгоряченный от поездки, сразу полез в эту холодную воду. Отдохнул… Не знаю, что стало с его женой, не говоря об остальном.

Отдохнувшие и переболевшие мы вернулись домой, а здесь нас ждала новая неприятность. Вите в этом санаторном садике стало гораздо хуже, он очень ослаб. Мы были у него в первый же день приезда, так нам его вынесли на руках. Посадили его на подоконник, а он, увидав нас, отвернулся – обиделся на то, что мы бросили его здесь одного. Конечно, мы не могли все это оставить без внимания и заявили, что забираем его домой. Врач был против этого, считая, что дома ему будет совсем плохо, но поняв, что мы не отступимся, вернул нам сына под расписку о нашей ответственности за эти действия.

Понимая необходимость кардинальных мер по лечению сына, я в тот же день созвонился с мамой и договорился о том, что она будет «выхаживать» его. Назавтра я уволился с работы и уехал с Витей в Нижнюю Туру к маме. Если Саша, был «внуком дедушки Сережи» – так получилось по жизни, и я благодарен Сергею Александровичу за это, то уж Витя был моим сыном, и я никому не смог бы доверить его кроме мамы. У мамы мы с ним пробыли около двух месяцев: сразу встали на учет в детской больнице, выполняли все врачебные рекомендации, но главным были бабушкин уход, режим дня, режим питания и ее безграничная забота о нем. И произошло чудо: через три месяца к нам вернулся здоровый, сильный, радостный сын! Только один пример: когда мы приехали с ним к бабушке, то он не мог самостоятельно преодолевать путь от хлебного магазина до ее дома с одним батоном в руках, а перед отъездом сам приносил ей в руках две булки хлеба. Милая, дорогая мама и бабушка, какое счастье, что ты тогда была рядом с нами и могла творить такие чудеса! И я сам через пять лет после этого тоже благодаря тебе встал на ноги после тяжелой операции на желудке. Хочется сказать еще несколько слов о Вите. Он родился и рос в детстве маленьким, отставая в росте от своих сверстников, но уже отличался храбростью. Вспоминается случай, произошедший с ним, когда мы жили у бабушки. Однажды вечером мы с ним сидели на лавочке возле стола, за которым соседи по вечерам играли в карты, домино, лото, а иногда просто беседовали. Такой стол был установлен возле дома. Так вот, сидим мы и

видим, что подходит большая лохматая собака. Витя спрыгнул с лавки, подошел к собаке, протянул к ней руку и сказал: «Собака, дайте, пожалуйста, лапу!» Собака обнюхала его и отошла к другим людям. Все сидящие сначала замерли в испуге оттого, что собака могла его укусить, а затем радостно засмеялись. А ведь Вите шел всего второй год!

Во время пребывания у бабушки мы всей семьей (Люба с Сашей приезжали к нам в Нижнюю Туру на несколько дней) съездили на Ис, в гости к моему родному отцу. Он с семьей, после реабилитации, жил там и работал в средней школе завхозом. Надо ли говорить о том, какой теплый прием мы там встретили, а ребята познакомились с новым дедушкой, бабушкой, тетей и дядей.

Вернулись от мамы в Свердловск, я задумался о своей дальнейшей работе: хотелось чего-то более живого, чем проектирование, но я не знал, к кому обратиться. Но, видимо, сама судьба уже повела меня к моей главной работе в жизни, к моему звездному часу.

Люба, начав работать в тресте «Уралсантехмонтаж», устроила Сашу в детский садик треста, который находился рядом с работой. Мне приходилось часто забирать Сашу из садика, так как Люба задерживалась на занятиях. Я с Сашей и познакомился с директором учебного комбината Пильником Матвеем Израилевичем. Затем меня привлекли к чтению лекций и я стал «своим человеком» в комбинате, а затем и в компании друзей Пильника М.И., которые частенько собирались у него после работы и играли в преферанс. Это: Пасынков Григорий Яковлевич, работавший главным инженером управления «Промвентиляция» и Антокольский Исаак Генрихович – начальник пуско-наладочного управления этого же треста. Я стал участником их вечерних встреч. Узнав о моих проблемах в поисках работы, они предложили мне помощь в устройстве на должность мастера в одном из монтажных управлений треста. Я дал согласие, окончил курсы мастеров в этом же комбинате и вскоре уже начал работать, в ССУ-2. Работа оказалось живой и интересной, на каждом объекте было своеобразие условий, приходилось решать самые разные вопросы. Это и технические согласования с заказчиком и проектировщиком, снабжение объекта материалами, оборудованием; и обеспечение инструментом рабочих, согласование с заказчиком сроков выполнения работ и выполнение их; участие в оперативных совещаниях. А главное – работа с людьми. С первых же шагов на монтаже я понял, что для достижения успехов в работе необходим контакт и с рабочими и с ИТР. Не будет контакта – успехов не жди. Эту аксиому я пронес через все годы своей работы на любых должностях.

Первое место моей работы мастером – «Уралмашзавод» в Свердловске. Это и объекты УЗТМ – реконструкция стальцеха, 36-ой цех, ТЭЦ, БЦС МК, инженерный корпус; кроме того, объекты соцкультбыта и жилья Уралмашевского поселка. Навсегда запомнилась мне первая встреча с монтажниками на реконструкции стальцеха: бригада вела монтаж ливневой канализации по нижним поясам ферм в новом здании стальцеха. Видимо, бригадир и рабочие узнали, что я новичок и решили устроить мне проверку. Пришел я на место монтажа, а все рабочие внизу, монтаж не производится. Спрашиваю бригадира, почему работа не идет. Он отвечает, что нет стройготовности и предлагает мне проверить это самому. Что делать, полез вместе с бригадиром наверх, а это где-то в метрах 20 от пола. Страшновато, но я все же добрался до места монтажа и понял, что все у них было уже подготовлено. Спустился

вниз и отчитал их за эту проверку. Больше ни разу мне не устраивали таких проверок: все знали, что я сам все проверяю и всегда нахожусь в курсе дел. Кроме того, я с первых дней заслужил уважение рабочих за то, что не в пример некоторым руководителям, не боялся спросить их, а иногда и попросить совета в вопросах монтажа.

Отвлекшись от рабочей темы, хочу рассказать об одном знакомстве, произошедшем в тот же год и, как оказалось, на целую жизнь. Когда я вернулся от мамы из Нижней Туры, то был удивлен тем, что у нас по квартире разгуливают какие–то две молоденькие девушки. Оказалось, что в «Уралсантехмонтаж» на работу по направлению приехали выпускницы Днепропетровского техникума – Людочка Мельницкая и Людочка Буйновская. В тресте не нашлось для них никакого свободного жилья и Люба приютила их у нас. На мой вопрос: « Кто это?», она ответила очень просто: «Тебе что, они мешают? Пусть живут». Так мы познакомились. Вскоре Л. Буйновская уехала из Свердловска, а Л. Рудницкая стала работать с Любой и они подружились. В 1964 г. Людочка познакомилась с Геннадием Сочневым и в октябре того же года они поженились. Конечно, Люба и к этой свадьбе «приложила руки». Первое время молодая пара жила с его родителями на Широкой Речке. Мы у них там бывали, познакомились с родителями и со всеми детьми, которых было четверо: Володя был уже женат и жил с семьей в городе, Геннадий, старшая сестра Валентина и младший брат – Сергей. Отец, Николай Емельянович был строгих правил, старовер, мать Анна Ильинична, была властной женщиной, пользовалась уважением всех жителей поселка. Нас очень тепло встречали родители, и мы бывали у них дома даже с родителями Любы. Жили они в страшной тесноте – занимали всего одну комнату в одноэтажном бараке. Впоследствии Геннадий с семьей получил еще одну комнату в этом же бараке. В 1965 г. у них с Людочкой родился сын, Дмитрий, а в 1971 г. – второй сын, Сергей. Позже они уехали в Днепропетровск по приглашению ее родителей, но потом вернулись обратно. Людочка поступила на работу в производственный отдел треста «Свердловскгоргаз» и проработала там до выхода пенсию, а Геннадий окончил пединститут и работал в разных организациях. Сейчас они оба – пенсионеры, а оба их сына женаты и воспитывают дочерей. Как–то так получилось, что всю жизнь мы считаем Людочку своей названной дочерью. Сейчас уже ушли из жизни родители и братья Геннадия, а также отец и сестра Людочки. И так распорядилась судьба, что за день до Любиной смерти, к нам домой пришла Людочка (я лежал в госпитале). Она помыла, подстригла и прибрала Любу, так как у Любы через неделю должен был быть день рождения. Ухаживала, как родная дочь! А оказалось, что готовила она ее к смерти! Спасибо тебе, дорогая названная дочь и будь здорова сама, а также здоровы все близкие тебе люди!

Так в переустройстве своей жизни и закончился для меня год.

1963 год.

С начала года и до ноября я продолжал работу мастера в ССУ–2, но так как я уже усвоил ее, то меня перевели на Эльмашевский участок. Этот участок производил работы на большем количестве разнообразных объектов:

– Уралэлектротяжмаш и СНИЭТИ;
– Турбомоторный завод;

– Завод им. Калинина;
– Завод им. Свердлова;
– Паровозоремонтный завод;
– Молокозавод;
– Завод ЖБИ №1;
– Мебельная фирма;
– Объекты соцкультбыта и жилья.

Работа стала занимать большее место в жизни, приходилось чаще задерживаться, очень большого внимания требовали оборонные объекты, но в памяти почему– то остался только один из объектов – это СНИЭТИ, памятный неприятностями, которые случились со мной. Дело в том, что на этом объекте все общестроительные работы выполняло СУ–6 треста «Свердловскпромстрой» силами заключенных, а все спецмонтажные работы выполняли специализированные организации. Мы там выполняли полный комплекс монтажа сантехнических систем. Объект охранялся силами УВД. Я в первый же день почувствовал особенности работы на объекте: ко мне подошел заключенный и попросил купить и принести на объект чай и водку. Я отказался и больше никто с такой просьбой ко мне не обращался, а вот один из моих монтажников имел неосторожность выполнить такую просьбу, но был остановлен охраной на входе в зону: у меня была, в связи с этим инцидентом, первая большая неприятность, а рабочего пришлось перевести на другой объект. Вторая неприятность случилась из–за стычки с рабочим–заключенным. Он потребовал, чтобы я при закрывании нарядов, приписывал членам их бригады невыполненные объемы работ. Дело в том, что при перевыполнении норм, срок заключения им сокращался. Я, конечно, отказался и тогда он пригрозил мне неприятностями. Пришлось переговорить с его бригадиром, тоже осужденным, об угрозах в мой адрес и тот попросил меня не поднимать из–за этого шум, пообещав принять необходимые меры. Видимо он сдержал слово, так как этот строптивый заключенный больше мне не попадался на глаза. А последняя неприятность была из–за случая с учеником ГПТУ. Мне на этот объект прислали на рабочую практику учеников–сварщиков Березовского ГПТУ. Работали они в этот день на сварке трубопроводов внутренних сантехнических систем. Ребята были нормальные, работали хорошо. Монтаж велся на пятом этаже бытового корпуса, пристроенного к производственному. Случай произошел во время обеденного перерыва. Быстро пообедав в столовой, они вернулись на рабочее место, а поскольку у них осталось еще время для отдыха, то они устроили погоню за залетевшими внутрь здания голубями. Я спокойно наблюдал за их игрой. Вдруг, один из них подбежал к окну и, не успев поймать вылетевшего в окно голубя, оперся на раму, а та оказалась слабо закреплена в проеме и парень вместе с рамой выпал в проем. Все произошло так быстро, что я даже испугаться не успел. Вдруг вижу, что из–за нижнего края проема торчат ноги парня: оказывается, он зацепился своей брезентовой робой за арматуру и повис на ней. Вот такая прочная была тогда спецодежда сварщиков. Мы сразу бросились к проему и сообща втащили «летуна» обратно в помещение. Только потом я осознал, что произошло, на всю жизнь запомнив правило о том, что рабочее место – не место для игр и шуток.

Люба продолжала работать начальником производственно–технического отдела управления «Газмонтаж». Работа была беспокойной, нервной и тоже требовала частых задержек после окончания рабочего дня. Пришлось срочно искать домработницу и тут нам повезло: Любина студенческая подруга Тамара Белова–Скорикова, зная эту проблему, послала нам молоденькую девушку, которая искала работу. Это была Галя Курочкина, приехавшая из поселка Малышево, что под Асбестом. Галя нам понравилась с первого взгляда, она стала работать и жить у нас. И так получилось, что она идет по жизни рядом с нами. Люба, конечно же, участвовала в ее свадьбе с Юрой Вятчиновым, состоявшейся в сентябре 1964г., в 1966 г. у них родился сын Алексей, в 1975г. Галя окончила коммунальный техникум, в котором Люба преподавала предмет «Газоснабжение», а с 1975 года – работала вместе с нами в тресте «Свердловскгазстрой». Впоследствии вместе с Любой работала в Госстрахе. Мы часто встречались семьями, знакомы с их первой «квартирой» – комнатой в 2–х этажном доме барачного типа, где комнаты с 2–х сторон коридора длиной на весь этаж, а туалет с умывальником и кухня – одни на весь этаж. Вся жизнь – большое общежитие: здесь и ссоры и праздники, и детские игры, все сообща. Многие годы спустя бывали в их новой 2–х комнатной квартире, где они живут и сейчас. Мы с Юрой частенько проводили время на рыбалке, а Галя часто помогала Любе по дому. Последние наши встречи состоялись зимой 2002 и летом 2003 годов, когда к нам из Киева приезжали Лена – Любина двоюродная сестра с мужем, как и я – Владимиром Ивановичем. Мы всем «кагалом» приезжали к Вятчиновым на дачу и получали там и русскую баню, и шашлыки и рыбалку и … тепло встреч. К сожалению, очень редки наши встречи после Любиной смерти.

В том же году у нас произошло еще несколько памятных знакомств. Так, в июне Григорий Яковлевич Пасынков познакомил нас со своей тогдашней «пассией», Валей Сысолятиной и попросил приютить ее на несколько месяцев. Конечно, мы не могли ему отказать, так как он помогал нам и в моей работе, и в получении нами квартиры (обеспечил строящийся дом сантехническими приборами). Валя прожила с нами до октября 1965 года – дня своей свадьбы с Колей Ахманаевым. Конечно же, их познакомила Люба. О днях, проведенных Валей в нашей семье, лучше рассказать ее словами из написанной ею и изданной в 2007 году книги «Душа хранит», глава 6. Семейные зарисовки:

«В 1962 году, закончив Ирбитский педколледж, я переехала жить в Свердловск. Город встретил неласково далекую гостью. Семья старшей сестры Екатерины Васильевны жила временно на Изоплите. Жить с ними я не могла, так как дальние поездки на работу и поздние возвращения были отчаянным риском. Я упорно искала вариант с квартирой. В душе постепенно таяли и исчезали милые и добрые сказки. На смену им приходила реальность с разочарованиями и тайнами человеческих судеб. Нужно было искать свое место в жизни. Судьба свела меня с семьей Комаровых. Встреча с ними была не только желанной, она послужила для меня обретением смысла жизни. Их дом стал для меня храмом духовности и самосовершенствования. Милые Комаровы помогли мне «вариться» в гуще всех событий города, Урала, страны. Помогли мне открыть себя и увидеть как бы со стороны, научили стремиться к лучшему. Меня учили быть не только послушной, но и не отвергать себя, любить себя, свое тело и душу и благодарить Вселенную за божий дар красоты.

Я вошла в их семью, как добрый дух, отдавая свою теплоту, энергию и щедрость. Благо энергии мне тогда хватало… Памятными для всех участников событиями были наши домашние тематические вечера с классической музыкой, чтением малоизвестных, но популярных в начале XX века поэтов: И. Северянина, С. Черного, Ф. Тютчева. Мы зачитывали «до дыр» Э. Асадова, Л. Ошанина, В.Тушнову, С.Капутикян. Многие стихи знали наизусть. В наш теплый круг входили музыканты, поэты, актеры, спортсмены и шахматисты. В общем, весь «бомонд» города. Общаясь, мы многое приобретали, признавались в платонических чувствах…

Конец мая 1965 года. На дворе царствует весна, встречая лето. Цветет душистая турецкая сирень. Яблони, как невесты, стоят в белых одеяниях. После работы я спешу домой. Вечером нам предстоит встреча с классической музыкой в филармонии. В доме гость. Слышу тихий разговор Володи, его смех, острый и радостный отклик незнакомого мне человека. Приятный, уверенный, интеллигентный баритон. Я смущена появлением незнакомца. Когда нас представили друг другу, от его рукопожатия осталась волнующая дрожь в теле. Во всем его облике чувствовалось сильное яркое мужское начало. Его имя – Николай…

13 сентября 1965 года мы подали заявление в ЗАГС, а 16 октября у нас состоялась свадьба. День 16 октября выдался по–осеннему холодным. Запомнились минуты моего приезда во Дворец металлургов ВИЗа. Я вся светилась счастьем! Мой взгляд блуждал по толпе гостей. Я искала Его, жениха! Любушка стояла рядом и торопливо давала последние советы: «Первая вставай на ковер!» Это значило, что хозяйкой в доме буду я. Но то же самое желание испытывал жених. Поэтому, когда зазвучали звуки торжественного марша Мендельсона, мы оба одновременно вступили на ковер. Наступил желанный час. Мы надели друг другу кольца верности, зазвучала музыка. К нам спешили родные с благословением, друзья – с цветами и советами. Все поздравляли нас, желали любви, мира и счастья! Мое сердце бешено колотилось. Я слышала шепот: «Какая красивая пара!» «Наконец–то ее окольцевали!» «Слава Богу! Еще одну пару соединила», – это были восторги Любушки Комаровой».

За время, прожитое с Валей, мы в 1964 году все вместе побывали в Сочи. После свадьбы она перешла жить к мужу. В июне 1966 года у них родилась дочь Алена. Мы как–то незаметно, стали отдаляться друг от друга, но летом 1977 года она неожиданно пригласила нас к себе на дачу. Дача находилась в 8 километрах от Ревды, в маленькой деревне, где раньше жили рабочие лесоучастка, а во время нашего посещения – одни дачники. Этот дачный поселок на 20 домов был окружен со всех сторон густым лесом. Темный ельник перемежался с целыми березовыми рощами, а то ты попадал в места, где стояли строительные сосны и здоровенные лиственницы, было много рябины, особенно по опушкам, к которым приступали зеленые поляны с ромашками… Красота… Добирались туда от Свердловска на электричке, следующей, через Ревду до станции Дружинино. Остановка – 1599–тый километр, а дальше до поселка пешком примерно полтора километра по гати в виде тротуара, так как вокруг были болотистые места. Не хватало только избушки, на курьих ножках, да лешего с бабой–Ягой. Нам с первого посещения понравилось это место, но от предложения Ахманаевых продать нам стайку – помещение для скота, оставшееся от старых хозяев, и уступить нам часть участка для того, чтобы построили рядом свою дачу, я отказался на–

отрез. Я понимал, что у меня не будет времени ни для строительства, ни для обустройства дачи, ни для пребывания на ней. Переночевав на даче, я утром уехал в Свердловск, а Люба с ребятами осталась до вечера. Помню эту первую ночь в Малой Гусевке (так называется этот дачный поселок): тепло, всего тебя окружают лесные пряные запахи, издалека, доносятся звуки проходящих поездов. А вечером вернулась домой Люба и сообщила, что она, все–таки договорилась с Ахманаевыми о покупке. Так началась наша дачная эпопея, закончившаяся со смертью Любы, но об этом позднее.

Второе же знакомство этим летом переросло в семейную дружбу на всю жизнь. На работе у Любы инженером по технике безопасности работал очень добрый к людям, порядочный во всех отношениях старичок, Мелешко Леонид Фомич. С первых дней знакомства Любу очаровало его отношение к жене, Елене Александровне, которую он просто обожал и к семье. У них было трое детей: две дочери и сын, ко времени нашего знакомства дети были уже взрослыми и каждый жил своей семьей. Как оказалось, в прошлые годы Леонид Фомич был известным строителем атомных станций, возглавлял строительную организацию, имел генеральский чин. Тем более удивляло его мягкое отношение ко всем, окружающим его людям. Люба быстро сдружилась с Леонидом Фомичом, а затем и с его женой. Елена Александровна, не в пример мужу, была очень крупной, а также властной женщиной. Любина дружба быстро переросла в семейную и наступившим летом мы получили приглашение посетить их дачу. Дача была на озере Флюс и была обычной для того времени: небольшой теплый домик, выложенный из старых железнодорожных шпал, участок площадью 4 сотки. Но в отличие от других дач, к домику была пристроена большая веранда с отдельным входом и летней спальней, отдельно выстроена беседка, а на участке не было никаких овощных грядок, никаких посадок кроме цветов. Весь участок был зеленой поляной и утопал в цветах. В каждой из дачных комнат также были живые и срезанные цветы. Мы стали часто бывать на даче Мелешко.

Там на даче мы познакомились с их сыном, любимцем матери, Юрой, вернее – Юрием Леонидовичем, так как ко времени нашего знакомства он уже окончил УПИ и работал в Совнархозе, занимаясь вопросами металлургии, был женат на Людмиле Борисовне (для нас – всегда Милочка) вместе они воспитывали дочку Ирочку. Юра был копией своей мамы: ростом под два метра и весом килограммов на 100. Кроме того, он был лидером в любой компании. Женщины всегда «вились роем» вокруг него и он всегда умел ответить им шуткой. Вот один образец его диалога с молодой женщиной:

– Юрий Леонидович, а какой у Вас размер?

– Нога у меня 56–го размера, а все остальное пропорционально.

– А Вы играете на фортепиано?

– Пробовал – карты скользят.

Этот диалог состоялся во время танца в санатории Госснаба СССР в Подмосковье, где мы с ним вместе отдыхали. Он действительно любил играть в преферанс и у него дома регулярно собиралась компания игроков. Все друзья с удовольствием посещали его дом, так как Милочка была доброжелательна ко всем и отличалась хлебосольным характером. Мы, как и с семьей Юриных родителей, также быстро и также крепко сдружились и с его семьей.

Эта дружба продолжалась всю совместную жизнь. Она продолжалась и после смерти Юры, и после смерти Любы в 2004 году, и после смерти Милочки в 2007 году. Неожиданно ушла в 2009 году из жизни и Ирочка и осталась только Эллина – дочь Ируши. Но все они живы в моей памяти. Я помню, как став начальником Средуралглавснаба, Юра пригласил меня на работу, где я трудился зам. генерального директора объединения «Средуралвторресурсы» по строительству и то, как начинал там же работу после окончания архитектурного института и наш с Любой сын Витя, как мы с Юрой отдыхали и все–все остальное помню. Помню, как видел слезы на глазах Б.Н.Ельцина (тогдашний первый секретарь Свердловского Обкома КПСС) во время Юриных похорон.

И на моей работе были знакомства, которые потом продолжались многие годы. Так мы познакомились и подружились с семьей Альтмана Израиля Иосифовича, бывшего начальника Управления ССУ–2, а впоследствии вместе работали и дружили с его сыном Рафаилом. Познакомились с Пермяковым Германом Васильевичем, который после окончания УПИ, работал вместе со мной мастером в ССУ–2 треста «Уралсантехмонтаж». Затем нас снова свела жизнь после его командировки в Монголию, и мы вместе работали в тресте «Уралтяжспецстрой».

Учитывая возросшие нагрузки на работе, я очень мало стал уделять внимания семье, а все заботы легли на плечи Любы. Она, конечно же, стала больше уставать. Вот выдержка из ее письма в Пермь Чирковской Т.А.

3.05.63 г. Пермь Чирковской Т.А.

«В связи с новой работой Володи все заботы о хозяйстве мне пришлось взять на себя. Я очень устаю. Володя тоже работает, но он так не устает и я чувствую, меня не понимает (как сытый голодного). Он, конечно, и отец, и муж чудесный (тьфу, тьфу – не сглазить бы), но я все равно устала. Вот отправлю Витю на дачу и тоже буду отдыхать все вечера. Вот так мы и живем…»

А ребята подрастали. Витя стал бойким, начал всем рассказывать сказки и стихи. Он уже все говорит и развивается гораздо быстрее Саши. Но и Саша, наконец, стал говорить все. Иногда он выдает такие перлы: «Папа, а ты пижон?», или поет: «Эй, моряк, ты слишком долго плавал – я тебя успела разлюбить …»

Ну, а как вам понравится Витин «перл», который он выдал при посещении их садика на даче в Уралниисхозе. Один раз за время отдыха там детей, все родители могут приехать туда (все в один день) и погулять или как–то по другому провести пару часов со своими чадами. И вот, идем мы с Витей в толпе родителей и других детей. Вдруг он увидал корову и как закричит: «Мама, смотри, а у коровы–то письки!». Он впервые увидел корову и не знал, что такое вымя.

В июне, когда Витя был в этом своеобразном летнем лагере, мы с Любой и Сашей успели съездить в Сочи и там отдохнуть. Так что она была не совсем права в своем письме к Чирковской, в котором написала, что я не понимаю ее усталости. Путевок не было, поэтому

по приезду в Сочи мы прямо на вокзале договорились с одной из женщин о снятии домика, который, по ее словам, находился рядом с морем. Поехали автобусом и приехали минут через 40 в Мамайку – это пригород Сочи. Мамайка представляла собой небольшой поселочек, окруженный садами, так как в поселке находился зеленсовхоз. Море было метрах в пятистах, к нему еще надо было идти, а потом спускаться по крутому откосу вниз метров на 50 и перебираться через железнодорожные пути, которые проходили по самому берегу. Рядом с тропинкой находился вход в железнодорожный тоннель и хозяин снятого нами домика работал в охране этого тоннеля. Расстроились мы от всего увиденного, а также от долгого автобусного переезда по жаре и решили, переночевав здесь, утром поехать в город и подыскать лучшее место для отдыха. Но утром уже никуда не захотели уезжать: хозяева оказались простыми и приветливыми, кроме того, у них был сын немного старше нашего и они с Сашей с первых минут потянулись друг к другу. И еще: море здесь было чистым, так как отдыхающих было мало. Хозяин, благодаря своей работе, договорился с пограничниками и те разрешили нам с его сыном ночью рыбачить с берега рядом с тоннелем. Все это перевесило городские блага и мы остались отдыхать на Мамайке. Позднее мы познакомились с руководителями зеленсовхоза и те разрешили нам собирать в садах созревшие плоды по копеечным ценам. Я увлекся рыбалкой, и мы с хозяйским Сашей закормили всю нашу возросшую семью свежей рыбой. Рыбачили мы с бунов. Это такие большие бетонные глыбы, сброшенные в море для укрепления берега от разрушений во время штормов. Очень удачной и интересной была рыбалка ночью: попадалась довольно крупная рыба, а освещения от тоннеля было достаточно! Однажды я ночью задремал и вдруг проснулся от того, что кто-то выдергивает у меня из рук удочку. После продолжительной борьбы я вытащил судака весом в 1.5–2.0 килограмма. Насадка была простой: рачки, которых мы снимали сачками с поверхности бунов или резанка – кусочки филе тут же пойманной рыбы. Но днем нам очень досаждали осы, которые с удовольствием сжирали нашу резанку. Мы очень хорошо отдохнули, загорели, накупались, нарыбачились, поправились. Нам так понравился этот отдых, что и на будущий год мы приехали сюда, уже с Витей.

Несколько слов о том, что в это время происходило в Нижней Туре. Жизнь там шла своим чередом. Годы брали свое: дед ничего не видел, отчим в июне вышел на пенсию, мама с тетей Галей занимались садоводством, а мой младший брат, Сергей уже совсем вырос. В 1960 году он закончил Лобвинское ГПТУ и получил специальность столяра, 1960 и 1961 годы отрабатывал в Первоуральске на заводе ЖБИ, а в 1961 году поступил на учебу в Свердловский строительный техникум. Все, вроде бы, шло хорошо и он, живя в общежитии, часто бывал у нас. Неожиданно, летом 1964 года он уехал в Лобву, вернулся оттуда с девушкой Ниной, которую представил как свою невесту. Они как то стремительно поженились и уехали в Днепропетровск. Учебу в техникуме Сергей бросил. Правда, покуролесил он на Украине немного и в 1971 году вернулся на Урал. За это время у него родилась дочка; он развелся и женился на другой девушке – Валентине. Они поселились в Качканаре, а я помог ему устроиться на работу в Горгаз. Валя своим спокойствием и отношением к Сергею нравилась нам больше Нины, но счастья у Сергея не получилось и с нею. В 1974 году он переехал к маме в Нижнюю Туру, женился еще два раза. Обе его последние избранницы были учительницами: еще одна Нина – учительница математики и физики, другая, последняя в его жизни, Татьяна – учительница английского языка. От брака с Ниной у него родилась дочь Зоя, моя крестница. Сейчас она живет в Екатеринбурге, воспитывает дочь. А от брака с Таней вырос сын Виктор, который вместе с ним сейчас и работает. Виктор пока не женат. В 1982 году, когда мы с Сергеем были в ЗАГСе в последний раз, работница этого заведения пожелала ему, чтобы он был у них по поводу бракосочетания в последний раз, на что тот лаконично ответил: «Постараюсь». Видимо пожелание сбылось, так как этот брак длится уже третий десяток лет. Как все-таки много в нашей жизни зависит от женщины! В октябре 2003 года, когда Сергею исполнилось 60 лет, я написал ему поздравление:

Ну вот, и ты мой брат Сережа
Достиг вершины шестьдесят и что же?
Покуролесил в жизни ты немало:
Как много жен к ногам твоим упало.

Но, наконец, нашлась из них одна,
Что душу поняла твою до дна.
Поняв, смогла с тобой полжизни прошагать.
Теперь тебе она жена, и друг, и мать.

Что до труда, то у тебя здесь все в порядке:
Гараж, машина, нефтепровод, грядки.
И сын – помощник в трудовых началах.
Желаю, чтоб все дальше продолжалось.

Хоть время никого не ждет, идет
И нас несет, рисуя на лице морщины,
Желаю: не считай, что будущий старее год
И оставайся навсегда мужчиной!

Я очень рад, что закончилась его «одиссея» в поисках личного счастья. В течение жизни мы с Сергеем прошли через разные отношения друг к другу: то он тянулся ко мне, то завидовал, то мы были дружны, а то, чуть ли, ненавидели друг друга. Но на склоне лет мы смогли отбросить ненужные обиды и противостояния, и сейчас питаем друг к другу истинные братские чувства. Наша задача – передать их нашим внукам.

Вернувшись в Свердловск, мы с новыми силами приступили к работе. Но очень скоро нас с Любой ждали коренные перемены в жизни – как оказалось, закончился мой переходный период.

Наступил ноябрь месяц – мой «звездный час». Он принес изменения и в Любину жизнь.

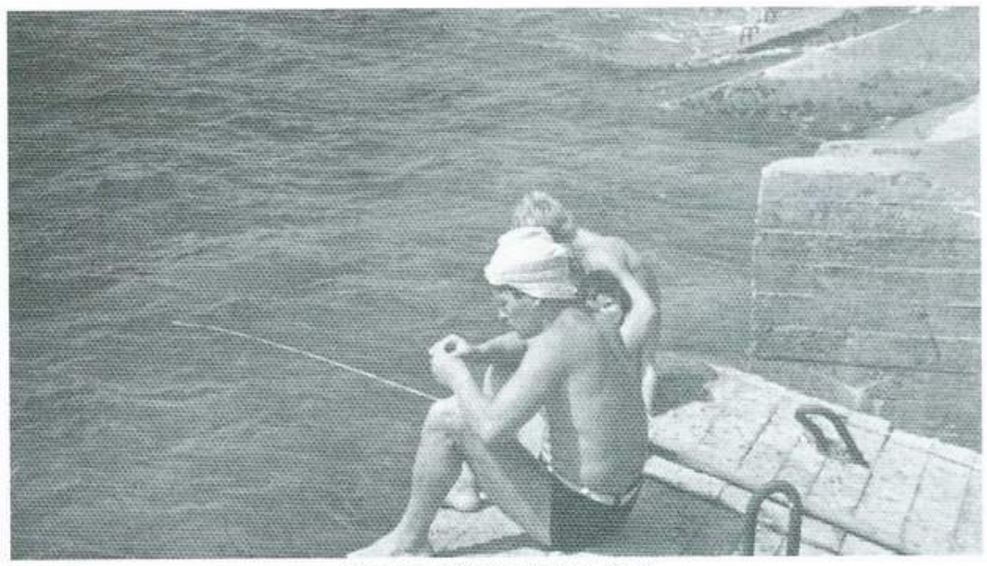
В гостях у родного отца, пос. Ис, 1962 год.

На лыжной прогулке, февраль 1962 год.

Переходный период. Это мы, март, 1962 год.

Морская рыбалка с бунов. Сочи.

II Большой газ. (1964 – 1977 годы)

Несколько слов предыстории.

Значение газоснабжения для современного мира сложно переоценить. Достаточно вспомнить события января 2009 года, когда разразился газовый кризис между Россией и Украиной, принесший большие неприятности народам многих стран Европы. Очень важно его значение и для современных динамично развивающихся регионов нашей страны, Уральского региона и города Екатеринбурга в том числе. Для нас природный газ – это основной источник энергии. На газе работают электростанции и котельные, снабжающие город электроэнергией и теплом, с использованием газа связаны многие технологические процессы промышленных предприятий, газ приносит уют в наши дома, это также экономически чистое топливо для транспорта.

Трудно себе представить, что всего чуть больше полувека назад мы не имели такого блага. Использование газообразного топлива на предприятиях Свердловска началось в начале 30-х годов прошлого столетия, когда были построены такие промышленные гиганты, как Уралмаш и Уралэлектротяжмаш, но это был генераторный газ, производившийся на установках из угля и торфа. А для жителей использование газа в быту вообще оставалось мечтой. Исключением был городок чекистов в Свердловске, где его обитатели также пользовались генераторным газом. После окончания Великой Отечественной войны в стране бурными темпами начала развиваться газовая промышленность. Основным ее направлением стала разведка и использование природных запасов углеводородных газов. В конце 40-х – начале 50-х годов во многих регионах страны были открыты десятки газоносных площадей.

В августе 1956 года при Совете Министров СССР был образован Главгаз СССР, на который возложили задачи по строительству предприятий нефтяной и газовой промышленности, а также созданию сети протяженных газопроводов, призванных связать промыслы с промышленными районами страны и, прежде всего с Уральским регионом, сидевшим тогда на голодном энергетическом пайке. Для осуществления подачи газа в промышленные развитые районы страны намечалось строительство самого протяженного в мире (2250км) газопровода Бухара-Урал, который должен был соединить Газлинское месторождение в Узбекистане с Уральским регионом. В августе 1958 г. было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о его строительстве. Решающее значение для газификации Урала, а в том числе и Свердловской области, имело Постановление ЦК КПСС от 15.08.58г. «О дальнейшем развитии газовой промышленности и газоснабжения предприятий и городов СССР».

О том, что в Свердловске скоро будет газ, сообщил вернувшийся с Пленума ЦК КПСС первый секретарь обкома партии К.К. Николаев. Началась активная подготовка к этому событию: в Свердловске создается трест «Горгаз», начинается проектирование первой очереди газоснабжения Свердловска природным газом, на базе треста «Уралсантехмонтаж» создается специализированное управление «Газмонтаж», готовятся кадры монтажников в других трестах и эксплуатационников на заводах. До подхода природного газа из Газлей начинается газоснабжение жилья на попутном сжиженном газе, который поставляется из Башкирии по железной дороге. Если к середине 1958 года количество газобаллонных установок в городе насчитывало 500 штук (только в жилых домах железной дороги), то к концу 1961 года количество газифицированных квартир уже превысило 40 тысяч.

В целях усиления подготовки промышленных предприятий Свердловской области к приему природного газа в октябре 1963 года Средне-Уральский Совнархоз принял решение о создании областного управления газификации (нач. управления – Лебедев А.Г., главный инженер – Комаров А.В.), а также в системе Главсредуралстроя – треста по выполнению строительно-монтажных работ на объектах газоснабжения. С 1 ноября была создана организационная группа для решения всех вопросов по созданию треста. Неожиданно, я получил предложение о переводе в организуемый трест на должность старшего инженера по технике безопасности. Я дал свое согласие и с ноября начал работать в орг. группе.

Вся наша организационная группа состояла из 13 человек:

и.о. управляющего трестом – Балыбердин Геннадий Григорьевич;

и.о. главного инженера треста – Вараксин Венедикт Яковлевич;

и.о. начальника отдела кадров – Ключникова Роза Федоровна;

и.о. начальника планового отдела – Киселева Фаина Анатольевна;

и.о. главного бухгалтера – Морозов Семен Сергеевич;

и.о. начальника ПТО – Наумов Михаил Сергеевич;

инженеры ПТО – 5 человек;

старший инженер по технике безопасности – Комаров Владимир Иванович (это я);

и.о. главного механика – Харламов Иван Федорович.

Надо сказать, что группа оказалось боевой. В нее вошли опытные инженеры, но большинство из них в своей работе не сталкивались с монтажом газоснабжения. Пришлось нам всем с первого дня (кроме основной работы) пройти свой «газовый ликбез». Необходимо отметить, что все справились с этой задачей и долго потом трудились в тресте, «росли» вместе с ним.

Хотелось бы рассказать о руководителях группы.

Балыбердин Геннадий Григорьевич – в послевоенные годы окончил с красным дипломом Свердловский горный институт. Успел поработать на горнорудных предприятиях Урала. Он был грамотным инженером и отличным организатором. К началу нашей совместной работы он уже был женат и имел двух дочерей. Геннадий Григорьевич сам обладал огромной трудоспособностью и от подчиненных требовал самоотдачи в работе, но имел один недостаток: время от времени он впадал в запой и все его достоинства шли прахом. Так после организации нашего треста и работы в нем главным инженером, он был назначен на должность главного инженера областного управления газификации и прекрасно вел там дела в течение нескольких лет, но на Всесоюзном совещании руководителей газовых управлений страны, проводимом Главгазом в Новосибирске, сорвался, напился в гостинице, по пьянке сломал платяной шкаф в номере и назавтра же был уволен из системы Главгаза. Учитывая его знания, энергию, вклад в дело становления нашего треста, а также клятвенные заверения в том, что он сможет «завязать» с пьянством, его приняли на работу обратно в трест сначала старшим прорабом с работой в городах Первоуральске и Ревде, а затем начальником Нижнетагильского управления «Газмонтаж». Работая прорабом, он вывел участок в число

передовых в тресте, сам вел активную борьбу с пьяницами, а в должности начальника управления навел в нем порядок, получил в городе участок и построил на нем собственную производственную базу управления. Но потом у него начались неполадки в семье, он разошелся с женой, снова начал пить и, в конце – концов, от этого и умер. Как это все очень по–русски.

Вараксин Венедикт Яковлевич – окончил строительный факультет УПИ по специальности теплогазоснабжение и вентиляция. После окончания его он с 50–х лет работал в производственном отделе треста « Уралсантехмонтаж», а при создании управления «Газмонтаж» занимался его организацией. Он, конечно, уже «понюхал газа» и был включен в нашу группу на должность и.о. главного инженера треста. По своим личным качествам он резко отличался от Балыбердина Г.Г. И в жизни, и в работе он был барчуком: никуда не спешил, не терпел никаких перегрузок, а как только представилась возможность, перешел на более спокойную работу. В первые годы газификации в области были созданы два областных управления газификации: одно при Совнархозе, отвечающее за работы по газификации промышленных объектов, другое, при Облисполкоме – за газификацию жилья и соцкультбыта. Так Вараксин В.Я. был назначен начальником управления газификации при Облисполкоме. После ликвидации Совнархозов всеми вопросами газификации стало заниматься управление, ранее созданное при Совнархозе, а другое было ликвидировано. Балыбердина Г.Г. назначили главным инженером объединенного управления, а Вараксина – на освободившееся место, главным инженером нашего треста. Но, проработав немного Вараксин В.Я. уехал в Ригу, где в течение года работал начальником сантехнического управления, затем вернулся в Свердловск и снова поработал в нашем тресте заместителем начальника Свердловского управления «Промвентиляция», но все же нашел «тепленькое место» начальника вновь организованной областной инспекции по контролю за использованием газа и последующие годы работал там.

Начало работы группы было прямо по сказке: иди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю чего. Ясна была только одна задача: создать трест, который будет обеспечивать выполнение работ по газификации объектов в Свердловской области, но не были ясны такие вопросы, как:

– статус треста (генподрядный или субподрядный). Будет ли трест выполнять полный объем строительно–монтажных работ на объектах или только монтажные работы;

– категория треста, зависящая от объема работ в году. Это было связано со статусом, а также с наличием проектно–сметной документации у заказчиков и включением работ в план;

– размещения создаваемых подразделений треста в области. Это должно было увязываться и со статусом, и с объемами работ, и с перспективами объемов, а также наличием кадров в регионах;

– обеспечение треста и создаваемых подразделений производственными площадями, механизмами и оборудованием;

– структура треста.

В первое время для работы нам выделили три комнаты в доме промышленности, а для передвижения по городу до конца года ежедневно выделяли автомашину «Чайка» от автобазы Облисполкома. Вспоминаю один случай, связанный с этой автомашиной. Балыбердин Г.Г. поручил мне отвезти какие–то материалы в Облисполком. Едем мы по ул. Ленина и

пересекаем ул. К. Либкнехта, хотя регулировщик указывал другое направление движения. Увидев края глаза «нарушителя», он в ярости поворачивается к нам и хочет остановить, но, узнав Облисполкомовскую «чайку», расплывается в улыбке и отдает ей честь. Вот оно, раболепие перед властью! А если бы это произошло сейчас, когда улицы переполнены движущимся автотранспортом, то не избежали бы мы ДТП.

К концу года многие проблемные вопросы удалось решить и, с 1 января 1964 года, в системе Главсредуралстроя появился новый, субподрядный, трест II категории «Свердловскгазстрой», на который было возложено выполнение работ по монтажу систем газоснабжения и промышленной вентиляции на объектах, строительство которых вели Генподрядные тресты Главсредуралстроя. Новому тресту от треста «Уралсантехмонтаж» были переданы вместе с производственными базами Свердловские управления «Газмонтаж» и «Промвентиляция», а также Нижнетагильское управление «Промвентиляция» и Нижнетагильские ЦЗМ. С 1–го же января 1964 года я официально начал работать в новом тресте. Как оказалось, это стало моей главной в жизни работой. Я отдал ей почти половину своего трудового стажа. Новичком я занялся вопросами газоснабжения, а закончил работу главным инженером треста. Свое жизнеописание за этот период я подразделил на этапы, связанные с годами, в которые выполнял какую–то определенную работу и продвижением по службе. Вот эти этапы моего пути:

1–й этап. Январь 1964 г. – апрель 1964 г.
– руководитель проектно–сметной группы;
2–й этап. Апрель 1964 г. – ноябрь 1966 г.
– заместитель начальника производственно–технического отдела треста;
3–й этап. Ноябрь 1966 г. – январь 1970 г.
– главный технолог треста;
4–й этап. Январь 1970 г. – октябрь 1970 г.
– начальник производственно–технического отдела треста;
5–й этап. Октябрь 1970 г. – январь 1978 г.
– главный инженер треста.

I–й этап. Январь – апрель 1964 г.

Работа и учеба

Оказалось, что совсем неважно, какую кто занимает должность, потому что каждый выполнял любые задания, связанные с организацией работ по всей области. Первоначально намечалось, кроме переданного из «Уралсантехмонтажа» управления «Газмонтаж», работы по монтажу систем газоснабжения выполнять силами вновь создаваемых управлений в городах Свердловске, Алапаевске, Нижнем Тагиле, Первоуральске и Серове. Работы по монтажу систем промышленной вентиляции – силами переданных от «Уралсантехмонтажа» Свердловского и Нижнетагильского управлений «Промвентиляция». Заготовки же все выполнять в Свердловских и Нижнетагильских мастерских. Кроме того, необходимо было ор–

ганизовать изоляционно–сварочную лабораторию для осуществления контроля за качеством работ. Первоначально я целиком был занят выполнением технических заданий, получая их от Балыбердина Г.Г. (и.о. управляющего трестом). У нас с ним наладился полный контакт, но пришлось сразу забыть о 8–часовом рабочем дне. Пришлось решать вопросы технологии производства, обеспечения подразделений нормативно–технической литературой. Особо важным был вопрос подготовки инженерно–технических и рабочих кадров. С первых же дней работы был организован учебный пункт треста, директором которого, переводом из управления «Газмонтаж», назначили Любу. По самым скромным подсчетам ей предстояло только за этот первый год обучить около тысячи человек. Конечно, помещений в тресте для размещения учебного пункта (впоследствии – комбината) не было, поэтому занятия пришлось организовать непосредственно в управлениях. Для аппарата треста сразу организовали курсы в УПИ. Любе с первых же дней пришлось часто выезжать в командировки.

В марте управляющим трестом был назначен Борис Кронидович Веселовский, окончивший вместе с Вараксиным В.Я. строительный факультет УПИ по специальности «Теплогазоснабжение и вентиляция». До этого Борис Кронидович работал начальником управления треста Союзшахтоспецмонтаж». У меня с ним тоже наладился полный контакт с первых дней работы. Балыбердин Г.Г. был утвержден в должности главного инженера треста и уже в апреле мы с ним побывали в командировке в одном из Волгоградских трестов, который вел работы по монтажу систем газоснабжения. Эта поездка очень нам помогла: во–первых, мы на практике познакомились с монтажом, контролем над качеством выполняемых работ, а также сдачей их. Кроме того, познакомились и с производством монтажных заготовок. По возвращении мы начали внедрять у себя все понравившееся в монтаже, а при разработке технологии изготовления заготовок и изоляции труб пошли своим путем. Должен сказать, что наша технология оказалась лучше.

Кроме чисто технических заданий мне пришлось с первых же дней решать и чисто производственные вопросы: определение и согласование работ на текущий год, контроль над ходом их выполнения, обеспечение объектов рабочими кадрами, инструментом, заготовками. Начальником производственно–технического отдела треста был назначен Наумов Михаил Сергеевич, имеющий большой стаж работы в строительных организациях на должностях сметчика, инженера производственно–технического отдела, начальника сметного отдела. Но, во–первых, он был уже достаточно пожилым человеком, а во–вторых, чисто кабинетным работником. Поэтому он побаивался и не любил появляться на объектах, а также на оперативных совещаниях.

Семья, отдых.

Начну с писем Любы, как я уже писал – все заботы легли на ее плечи.

1.01.1964 г. От Любы, в Пермь Чирковской.

Милая, мама Таня! Поздравляем Вас с Новым 1964 Годом! Наши пожелания – здоровья, счастья, встречи с внуками. Приезжайте к нам на рождество: Вите 7.01 будет три года. Кончился 1963 год и хочу написать отчет о нем. Все

здоровы, мама и папа оба на пенсии. Папа рисует, учится в студии. Он очень много времени отдает Саше и жить без него не может. Витя все время с нами – это уж папин сын. Ребята ходят в один детский садик. На новый год приехала Володина мама и встречала праздник у моих мамы и папы. А мы с Володиным братом Сергеем ходили на бал в Дом офицеров. Очень понравилось. А сегодня идти никуда не хочется, сидим с ребятами дома, все прибрано и мы отдыхаем душой от той сумасшедшей сутолоки жизни, которая нас окружает с утра до вечера, все дни.

У нас организован новый трест по газу «СвердловскГазстрой» и мы с Володей там работаем. Я три года работала начальником ПТО управления – это была совершенно не женская работа с ежедневной трепкой нервов, с совещаниями, криком, матом и т.д. В новом тресте организуется учебно-курсовой комбинат и я – его директор. Живу спокойно, без неприятностей и шума. Мое дело учить рабочих. Это непросто – в год мы должны обучить на курсах 1000 человек, но это мне больше по душе. Так что я год начинаю с новыми надеждами. А Володя в тресте работает пока старшим инженером. Не знаю, что будет с новым штатным расписанием (он тоже живет надеждами и все силы отдает работе).

Мне все больше нравится копошиться дома: я сама потихоньку навожу порядок во всех углах. У нас новость: мы купили новую мебель. Мама с папой получив деньги по страховке, дали нам их в займы до лета и мы все вместе съездили в магазин и купили всем понравившийся спальный гарнитур. Теперь у меня два больших шкафа и я не устаю раскладывать все по полочкам. Мне очень хочется, чтобы вы все увидели своими глазами. Чтобы погостили у нас и пожили с нами. Мы бы обеспечили Вам покой и отдых от всех житейских забот. И Вы бы сами (как истинный художник) смогли по достоинству оценить все тонкие папины акварели.

Пишите нам, дорогая мама Таня и не сердитесь на своих неаккуратных детей, которые всегда спешат и опаздывают, как я сейчас со своим письмом и подарком.

Целуем и обнимаем Вас, ждем Вас в гости в Свердловск.

Ваша, любящая Вас, Люба.

21.01.1964 г. Из Нижнего Тагила от Любы Чирковской Т.А.

(Гостиница «Северный Урал»).

Я второй день в командировке – приехала организовывать новые курсы по газу. Здесь «собачий холод» -37°С с ветром. Вечером должен приехать Володя по своим делам и я заняла 2-х местный номер. Ребята дома с бабушками: Саша у моей мамы, а Витя дома с Володиной мамой. У нас, также, Володины отчим и брат Сергей. Мама и папа здоровы, папа все рисует. Катя пишет редко – они обе с Леной заняты, а она, к тому же, все время болеет. Лена поступила в консерваторию: учится отлично и еще преподает в музучилище. Музыкальная линия в семье получила преемственность: дедушка был скрипачом, Катя – искусствовед и Лена тоже.

Кем же будут наши дети? Витя нас не беспокоит, он большой умничка: развивается даже слишком быстро (уже наравне с Сашей), но только плохо растет. А Саша все отстает от сверстников: сейчас уже примерно на полтора года.

До свидания, дорогая мама Таня. Ваша Люба.

15.04.1964 г. От Любы в Пермь Чирковской Т.А.

Здравствуйте, милая мама Таня!

Дома никак не могу выбрать времени, чтобы сосредоточиться и написать хорошее письмо. Сижу, печатаю на работе и прошу всех не отвлекать меня. У нас много событий: Люся месяц назад уехала в Москву сдавать экзамены в заочную аспирантуру, а Костю оставила у мамы. Тут заболел ветрянкой Витя, Саша попал под карантин и их обоих пришлось изолировать от Кости. Потом заболел Саша, затем и папа: он ночью почувствовал себя плохо, на скорой его увезли в больницу с подозрением на грыжу, там прооперировали. А грыжи не оказалось. Тогда «нашли» воспаление лимфатических узлов и повторной операцией удалили их. Операции прошли неудачно, раны воспалились и уже месяц папа в больнице.

Я морально устала за это время, постоянно езжу по командировкам – в Первоуральск и обратно по несколько раз в неделю. Володя уехал в Волгоград в командировку по обмену опытом и я одна мотаюсь во все стороны.

До свидания, не обижайтесь на меня за неаккуратные ответы.

II-ой этап апрель 1964 – ноябрь 1966 г.

В марте 1964 г. было утверждено постоянное штатное расписание аппарата треста и меня в апреле назначили заместителем начальника производственно–технического отдела. Я с головой ушел в решение производственных проблем. А, учитывая, что регионом действия была практически вся Свердловская область, то я большую часть времени начал проводить в командировках. С одной стороны плохо, что я стал очень мало уделять времени семье, но с другой – это позволило быть в курсе дел на объектах и быстро познать в деталях монтажные работы. Кроме того, я почувствовал уверенность в переговорах и решениях самых разных вопросов с руководителями разных рангов, как местных, так и областных. Начальник отдела удивлялся, что я ничего не боюсь, и предупреждал в разговорах: «Володя, не высовывайся, а то будет хуже»! Я же только «отмахивался» от таких советов и думаю, был прав. Вскоре к моим словам, решениям и обещаниям стали прислушиваться и воспринимать меня, как одного из ответственных руководителей производства треста, во всевозможных партийных и исполнительных органах власти в нашей области.

Годы работы в тресте, в производственно–техническом отделе в частности, остались у меня в памяти, как множество разных проблем и самых разных объектов, отдаленных ушедшим временем. Но порывшись, основательно в памяти, а также воспользовавшись памятью друзей и нескольких старых сотрудников, а также старыми документами, я вытащил из этого вороха лишь часть, наиболее интересную и памятную.

1964 год.

Главной задачей треста в этом году стала подготовка первой очереди промышленных предприятий городов Свердловска и Нижнего Тагила к приему природного газа. Учитывая становление треста, работы по монтажу основных полуколец газопроводов высокого давления в г. Свердловске выполнял трест «Татнефтепроводстрой», а мы выполняли монтаж отводов к заводам, внутриплощадочные сети и внутрицеховые работы. Работы шли трудно: не было опыта выполнения таких работ, контроль над качеством работ был недостаточным, на ходу учились выполнять исполнительную документацию, кое–где случались нарушения трудовой дисциплины, так как кадры были новые, не прошедшие школу ведения ответственных работ. Да и генподрядные тресты не отработали еще взаимные требования и обязательства с нашими подразделениями: стройготовность под монтаж готовилась плохо и с нарушениями сроков, механизмы выделялись не всегда. Главсредуралстрой был вынужден срочно организовать в аппарате, отдел спецмонтажных работ, координирующий выполнение работ. Но, несмотря на трудности, мы справились с задачей и подошедший газ был принят первой группой заводов: Уралмашем, Турбомоторным заводом, Уралэлектротяжмашем, Уралхиммашем, Заводом керамических изделий.

О личной жизни в этом году вы узнаете из писем Любы своей крестной матери.

3.05.1964 г. От Любы в Пермь Чирковской Т.А.

Христос Воскресе!

В этом году хочется посидеть дома с детьми. Стареем понемногу, уже не хочется куда-то мчаться или ходить на головах. После демонстрации мы были у моих мамы и папы, а сегодня оба дежурим на работе.

Ребята перестали болеть и оба ходили в садик, но нам объявили, что Сашу из детсада отчисляют, как переростка. Сразу встал вопрос о лете и учебе. Он пока днем будет у мамы с папой, а вечером мы его будем забирать. Витя здоров, весел, учится говорить «р» (уже говорит «три, тряпка, крякнуть»).

С хозяйством я пока справляюсь, стараюсь везде поддерживать чистоту – теперь надеяться не на кого. Володя помогает с закупкой продуктов, но времени у него еще меньше: с апреля его назначили зам. начальника ПТО треста и он постоянно задерживается на работе. С ребятами и хозяйством мне приходится разворачиваться самой.

До свидания, дорогая мама Таня. Целуем Вас.

23.05.1964 г. Из письма Любы в Пермь Чирковской Т.А.

...Очень было много хлопот: две недели устраивала Сашу в садик треста «Уралсантехмонтаж». Он с садиком поедет на юг к морю на 2 месяца, а Витя с другим садиком – на дачу в «Уралниисхоз». От всех волнений у меня опять без

конца болит голова. Попробую достать себе путевку. Папа едет за Сашей на юг, а мама здесь …

22.08.1964г. От Любы из Сочи в Пермь Чирковской Т.А.

Милая, мама Таня!

Опять год промелькнул и снова я поздравляю Вас с днем рождения. Посылаю Вам на память о взрослой Любе фотографию. Хоть годы идут и у меня самой есть дети, себе я взрослой не кажусь.

Мы с Володей и Витей прилетели в Сочи 17.08, а теперь я с Витей приплыла теплоходом в Новороссийск, где в Кабардинке живу, Люся с Толей и с сыном, а также мама с папой и Сашей, которого они уже забрали из садика. Садик улетел в Свердловск, а Сашу я заберу в Сочи и месяц мы своей семьей будем там отдыхать. Володя в эти дни в Сочи один – все дни и ночи проводит у моря на рыбалке, мама с папой на днях поездом уезжают домой, а Люся с семьей – в Салехард. Мы в Сочи пробудем до 20-25 сентября. Если захотите пожить у моря, приезжайте к нам в Сочи, мы Вас встретим. Главное, что там, где мы живем, немного людей, а это в наше время очень важно. Катя с Леной скоро вернутся с Рижского взморья. Я все лето, пока не было ребят, ездила с лекциями по командировкам. Лето промелькнуло незаметно. Так и отпуск пролетит. А после отпуска – ремонт квартиры, школа у Саши. Не знаю, что получится из его школы: он отстает от своих сверстников уже года на два. А Витя развивается нормально.

Летом мы ездили в Н- Туру на свадьбу Сергея, Володиного брата.

Ваша Люба.

3.09.1964 г. От Любы из Сочи в Пермь Чирковской Т.А.

Милая наша, мама Таня!

Очень рады были получить от Вас письмо.

У нас тут сплошные заботы: отдали Сашу в школу и пришлось покупать массу мелочей (портфель, учебники, тетради, счеты, разные цветные палочки). В школу он ходит сам: машины здесь не ходят, а школа рядом. После уроков мы все купаемся в море. А Володя закормил нас ставридой.

13.09 мы улетаем домой, Володя еще съездит на недельку к своим родным, а я буду устраивать Сашу в школу.

Ребята оба загорели, кушают хорошо. Недавно был дождь, так Витя сказал: «Дождь идет в море, чтобы море было еще больше». На другой день снова пошел дождь и он спросил: «Разве вчера дождь не весь вытек?» Кушали арбуз и Витя очень много съел. Я пошутила, что из животика вылезет. Он серьезно стал рассматривать живот, а потом сказал: «С правой стороны». Он очень забавный мальчик. Потом когда напечатаем, пошлем Вам пляжные фотографии.

Желаем Вам здоровья и хорошего настроения.

Целуем. Комары и Комарики.

К Любиным письмам добавлю несколько слов о нашем летнем отдыхе, который, как и в предыдущем году, мы провели в Сочи. Я уже писал, что руководство зеленсовхоза на Мамайке разрешило нам за мизерную плату собирать фрукты к столу. Решили мы с Любой нарвать персиков и пошли в сад. Идем по дорожке, а посреди нее лежит куча сухих веток. Люба случайно зацепилась за одну из них и вдруг из этой кучи вылетает целый рой шершней – это огромные пчелы. Она испугалась и давай отмахиваться от них и получила «удар» одного из них в лицо около глаза. Лицо ее сразу распухло и перекосилось. Я крикнул ей, чтобы она перестала махать руками и легла на землю. Она это исполнила. А на меня вдруг накатил приступ смеха: ну не могу остановиться, хохочу и все. Люба даже заплакала от обиды, а я не смог прекратить смеха пока сам не получил от шершня «удар» прямо в лоб. У меня на лбу образовалась опухоль, как рог. И тут засмеялась Люба. Надо было видеть этих хохотунчиков с искривленными лицами! Я тоже улегся на землю и через несколько минут шершни, успокоившись, улетели. У меня назавтра, как на собаке, опухоль исчезла, а Люба ходила с распухшим лицом и мучилась от боли еще несколько дней. Надолго заполнились эти «сладкие персики», и смех и грех!

1965 год.

Год запомнился продолжением работ по подготовке к приему газа заводов Свердловска и Нижнего Тагила. В Свердловске до конца года был переведен еще ряд заводов, в Нижнем Тагиле же приняли газ два важнейших объекта: НТМК и Уралвагонзавод. Для подачи газа в Нижнем Тагиле управление «Газмонтаж» провело монтаж и обеспечило ввод в эксплуатацию комплекса главной газораспределительной станции. Мне привелось участвовать в координации наших работ на этих объектах. Труд наших рабочих и ИТР был отмечен наградами. Я в конце года также получил Почетную грамоту ЦК профсоюзов рабочих строительства и промышленности стройматериалов «За успехи в соцсоревновании на строительстве комплекса главной газораспределительной станции в г. Н. Тагиле». Но, несмотря на некоторые успехи в работе, я понимал, что мне не хватает теоретических знаний. Поэтому я за 1965–1967 годы закончил 3–х годичные курсы для инженерно–технических работников по специальности «Строительство трубопроводов» в Московском заочном институте нефти и газа им. Губкина».

Вспоминается также работа по строительству городских газовых сетей, а также газификация металлургического завода и завода ферросплавов в Серове. Эти работы были начаты в начале и благополучно завалены к середине года Серовским управлением «Газмонтаж». Закончилось все тем, что я с конца июня был командирован в Серов на 3 месяца, а перед сдачей объектов Главсредуралстрой командировал в Серов и управляющего трестом, Веселовского Бориса Кронидовича. Для того, чтобы справиться с задачей газификации названных заводов к октябрю, пришлось командировать в Серов дополнительно рабочих и организовать 2–х сменную работу продолжительностью весь световой день, механизмы оставались и заправлялись прямо на трассах, а для ИТР и рабочих нашего треста были дополнительно выделены трестом «Серовстальстрой» в своей гостинице дополнительно шесть комнат. И работа сразу стала продвигаться. Единственно, что не удалось решить так это вопрос питания вечером после второй смены: к окончанию ее уже

все магазины и буфеты были закрыты. Поэтому мы договорились с дирекцией городского ресторана, находящегося рядом с гостиницей, и они нам каждый вечер накрывали отдельный большой стол на всю нашу братию. В один из этих вечеров, после сдачи работ, когда вместе с нами уже был управляющий, произошел такой анекдотический случай. Учитывая, что это последний вечер перед разъездом по домам, и что мы все–таки сдали работы в срок, был устроен торжественный ужин. К обычным котлетам по–новосибирски, которыми нас кормили каждый вечер, было добавлено каждому по бокалу шампанского. Надо сказать, что наш управляющий имел солидные габариты: рост – под два метра, вес – 110 килограммов, а ноги всего 35–го размера. Так вот, он поспорил с официанткой, обслуживающей нас, что сможет надеть на ногу ее туфлю. Глядя на его габариты, она согласилась. Условия спора: если он сможет надеть, то она принесет ему еще бокал шампанского, а если не сможет, то он сам покупает ей бокал шампанского, а свой бокал выпивает из ее туфли. Официантка испугалась, когда увидела миниатюрную ножку Бориса Кронидовича при его–то габаритах. Но все для нее закончилось удачно, так как размер ее туфли оказался тридцать третий. Все мы были свидетелями, как он пьет из женской туфельки!

А теперь, о личной жизни в семье словами Любиных писем.

15.11.1965 г. От Любы в Пермь Чирковской Т.А.

Дорогая мама Таня!

Все никак не сяду за письмо. Я с сентября лежала в больнице и 24.09 мне сделали операцию, которая длилась 3,5 часа. Я долго не приходила в себя после наркоза. На больничном листе была около двух месяцев и только сейчас вышла на работу. Володя командовал детьми, правда, Витя больше был у мамы.

Люся съездила на курорт в Маршан и заезжала к нам. А 23-го октября у них была встреча выпускников института поле 10 лет работы, на которой они были вместе с Толей. Она стала совсем седой и это ей очень идет. Я, к сожалению, тоже поседела, но не прядями, а равномерно и стала сивой.

Ребята здоровы. Витя ходит в садик, он научился уже играть в шахматы и играет с Володей. Саша в первом классе учится второй год: начинает понемногу читать и писать. А Витя знает буквы не хуже его.

Еще новость: Володя поступил в Заочный Московский институт нефти и газа для повышения квалификации. А я начинаю отставать: никуда не поступаю, чувствую, что сил не хватит.

Напишите, как Ваше здоровье, как настроение?

Большой привет от мамы и папы. Он посылает Вам две свои акварели.

Целуем Вас. Ваши Люба, Володя.

9.12.1965 г. От Любы в Пермь Чирковской Т.А.

Милая мама Таня!

Очень рада была получить от Вас письмо. Не беспокойтесь обо мне: я уже оживаю (порой чувствую себя не очень). Посылаю Вам свою фотографию:

мне уже 33 года, фотографировалась в день рождения назло судьбе. Не хотела поддаваться болезни и нарушать традицию, но еле дошла до ателье. Я уже работаю. Днем ничего, бегаю, а домой приду – сил совсем нет.

Недавно купили коньки Саше и Вите и в воскресенье делали вылазку на лед. Вылазку в буквальном смысле слова: каток через дорогу, но ворота закрыты и пришлось лезть через дыру в заборе (русский стиль во всем). С нами ходила и мама. Мы с ней смотрели, а Володя учил ребят кататься. Они конечно больше падали.

Саша учится неплохо: лучше стал писать и читать, но считает совсем плохо. Витя его уже во многом обогнал.

А как Вы себя чувствуете, как настроение? Приезжайте к нам на Новый Год и Рождество: тихо встретим праздники дома, но все вместе – будем очень рады. Вам у нас понравится. Витя Вас вспоминает и хвастается перед Сашей: « Я знаю бабушку Таню, а ты Сашечка – нет!» Мы украсим большую елку. Ждем Вашего согласия.

Целуем крепко и обнимаем. От Володи и от мамы с папой большой привет.

Ваша Люба.

К письмам Любы добавляю рассказ о том, как мы смогли решить одну из важных задач: поиски няньки или домработницы – как угодно, так и называйте. Учитывая нашу занятость, а также частые командировки нам был необходим дома человек, который бы следил за ребятами, за порядком и чистотой в доме, готовил бы пищу. Время от времени у нас появлялся такой человек, но ненадолго. Я писал о Гале Вятчиновой, а кроме нее поработала еще одна профессиональная няня, которую Люба нашла в Тюмени. Она тоже пробыла недолго из–за своей старости. Помог нам опять случай: еще в 1963 году, работая в тресте «Уралсантехмонтаж», Люба познакомилась с гардеробщиком, а затем и с его женой, которая ежедневно приносила ему на работу обед. Эта пара недавно приехала на Родину из Китая, где прожила всю жизнь. Родители выехали из России в Конце XIX века. Я не помню инициалов гардеробщика, а его жену звали Верой Андреевной. Их фамилия – Куприянович. Ко времени знакомства с нами они были уже в солидном возрасте. Вера Андреевна не работала всю жизнь, занималась семьей, а ее муж был доктором наук, преподавал в Шанхайском университете русскую словесность. У них было 2 взрослые дочери, которые с семьями тоже выехали из Китая: одна с родителями в Россию, другая – в США. И вот этому доктору наук не нашлось на Родине другой работы, кроме работы гардеробщика. Люба быстро сдружилась с этой интересной парой, а затем познакомила с ними и меня. К сожалению, муж Веры Андреевны вскоре умер, так в тресте, кроме нас, не нашлось желающих помочь ей даже в похоронах. После смерти мужа Вера Андреевна стала часто навещать нас, а затем, видя нашу проблему, предложила свои услуги в ее решении и вообще стала жить с нами. Она прожила у нас с 1965 по 1977 годы и за это время стала для нас членом семьи. Она помогала Любе во всех вопросах по хозяйству и с ребятами. У нас в доме, с ее приходом, воцарился порядок: ребята и мы были всегда сытно и вкусно накормлены, она была чудной собеседницей. Я думаю, что лучшего решения проблемы нам бы трудно было

найти. Единственное, в чем она расходилась с нами, так это в том, как мы много едим хлеба. Она искренно возмущалась: «Мадам, как же можно есть пельмени (или кашу) с хлебом?» Прожив с нами более 10 лет, она, в 1977 году (ей шел тогда девятый десяток лет) ушла к себе в однокомнатную квартиру и через год умерла. Мы часто навещали ее, но она тихо угасала, ожидая каких–то известий от дочерей. Похоронили мы ее на Широкореченском кладбище г. Свердловска. Дочерей при этом не было. Такова жизнь!

1966 год.

Самым памятным объектом года по газоснабжению был газопровод высокого давления от ГРС–1 до Уралмашзавода в г. Свердловске. Работы вело Свердловское управление «Газмонтаж–2», прораб Ентяков Н.Н., только что окончивший стройфак УПИ. Работа велась внутри жилых кварталов и не обошлось без крупной аварии: при пересечении проспекта Космонавтов нами был порван кабель правительственной связи. Неприятности нам грозили колоссальные, но соответствующие органы разобрались в причинах случившегося и все для нас закончилось испугом. Дело в том, что этот кабель не был указан в документации, не был отшурфован заказчиком и мы не получали никакого предупреждения о его местонахождении. К концу года газопровод был сдан в эксплуатацию.

Объем работ треста по монтажу систем промвентиляции сильно возрос и настала необходимость реконструкции старых и строительства новых производственных мощностей по выпуску заготовок. Очень сложно решались вопросы по отводу земельных участков под строительство.

Моя работа в текущем году была отмечена Почетной грамотой треста. Кроме того, я продолжал учиться на заочных трехгодичных курсах в Московском институте нефти и газа. Видимо, необходимость в решении задач трестом в вопросах технологии производства, а также моя тяга к знаниям привели к тому, что в ноябре я был назначен главным технологом. Люба в своем письме к крестной матери так написала об этом: – Володю назначили на самую инженерную должность в тресте.

А сейчас опять Любины письма о жизни семьи.

26.10.1966 г. От Любы в Пермь Чирковской Т.А.

Милая мама Таня!

Наконец-то собралась написать Вам письмо – отчет. Как всегда, собираюсь, собираюсь – и не сяду за стол. Дома все какие-то заботы, а на работе даже думать некогда. Трудно писать, когда прошел большой период времени: много событий, радостей и огорчений.

23- го октября мне уже исполнилось 34 года. Я взрослая и скоро буду «пожиленькая». Этим летом мы с Володей впервые ездили в отпуск порознь: он ездил по путевке в Польшу – Чехословакию, а я из-за гипертонии поехать не смогла. Саша был в лагере, Витя на даче от садика, а папа в Салехарде с художником Бураком (см. его рисунки и статью о приполярном Урале в журнале «Уральский следопыт» №10 за этот год). Люся в августе перебрались из Салехарда обратно в Тюмень: она работает в больнице, а Толя преподает хирургию в мединституте.

Я в отпуск не собиралась, уехала с Сашей в деревню: жили у знакомых на сеновале и готовились к школе. Но Володя достал мне путевку в Болгарию с отдыхом на «Золотых песках» и я, неожиданно, 5-го сентября уехала через Москву в Варну и на «Золотые пески». Отдохнув там 13 дней на море, мы путешествовали по стране: были в Тырново, Старой Загоре, Пловдиве, Софии. Самым интересным было то, что нас соединили с группой московских писателей: это люди исключительно интересные и я очень довольна, что с ними познакомилась. На обратном пути мы с подругой в Москве побывали у Поплавского (один из них) в гостях, а к моему дню рождения Поплавский и Гунст (известный литературный переводчик) прислали мне свои книги. На работе многим было непонятно, что интересного в дружбе с пожилыми. Мне же доставлял колоссальное удовольствие разговор с такими удивительными и умными людьми.

Сейчас дома много забот, я без Володи пригласила сварщиков и они в ванной переварили всю сантехнику, а Володя позднее без меня облицевал всю ванну плиткой. Саша учится во 2-ом классе, успехи плохие, особенно с арифметикой: он совершенно не способен мыслить отвлеченно. А Витя уже хорошо читает и считает до ста. Он очень подвижный и худенький. Мы его записали в хореографический кружок Дворца пионеров, занятия в четверг и воскресенье. У Саши координации нет, а Витя так быстро все схватывает, что руководитель уверен в том, что он раньше занимался танцами. Нам сказали, что у него выдающиеся способности и его нужно рекомендовать в хореографическое училище.

Володя работает зам. начальника ПТО треста, а я читаю лекции и в учебном комбинате и в строительном техникуме.

Вот и все о нас. От мамы и папы огромный привет. Очень хочется увидеться с Вами. Постараюсь писать чаще, а на днях вышлю фотографии.

Целую крепко. Ваша Люба.

6.12.1966 г. От Любы в Пермь Чирковской Т.А.

Здравствуйте, дорогая мама Таня!

Вот уже 10 лет со дня нашей с Володей свадьбы. Послали Вам фотографии, получили ли Вы их? Володю назначили главным технологом треста. Это самая инженерная должность в тресте и мы оба очень довольны. Он занимается в Московском институте нефти и газа, да еще играет в шахматы, участвуя в турнире на первенство города.

Сейчас писала письмо Кате и обнаружила, прочитав написанное, что все письмо о детях. Мы много с ним занимаемся – то во Дворец водим, то на каток. Витя уже бойко бегает на коньках, а у Саши ноги слушаются плохо и он все падает. Витя сделал большие успехи в танцах и на елках во Дворце пионеров он выступает солистом – играет на флейте перед строем солдатиков, марширует и танцует со всеми (танец – марш оловянных солдатиков). Ему сшили специальный костюм, так как он самый маленький из них и ранее сшитые костюмы

ему не подходят. Сашу в танцы не ставят, но определенные успехи есть и у него. Врачи советуют ему танцы для координации движений.

Получили Вы журнал «Уральский следопыт» с папиными рисунками? Как они Вам понравились? От Вас давно нет писем и это нас волнует. Вашу просьбу я выполню: сфотографирую нашу квартиру и фото вышлю Вам.

В этой сумасшедшей жизни все вечно спешат, поэтому часто пишешь кому-нибудь мысленно, а на самом-то деле все откладываешь. Потом оглянешься – опять год пролетел, а ты так и не написал. Я в Москву писателям выслала фотографии и этим их удивила: они писали, что обычно все обещают, но забывают послать.

Вот и мне некогда. Вечером много домашних забот: всех накормить, уложить, почитать, поиграть; хочется, чтобы кругом было чисто и красиво; надо готовиться к лекциям. Вот и летят вечера незаметно один за другим. А на работе я очень занята. Так что, Вы уж на меня не обижайтесь за редкие письма. Мы Вас помним и любим, обнимаем и целуем.

Ваша Люба.

P.S. Огромный привет от мамы, папы и Володи.

Теперь мое дополнение к Любиным письмам.

Хочу рассказать о своей туристической поездке в составе группы Свердловских туристов в Польшу и Чехословакию. Я впервые был в поездке один, так как Любе после ее болезни врачи эту поездку запретили. Позже я все равно отправил ее отдыхать в Болгарию на «Золотые пески». Я ехал помощником руководителя группы. Впервые мне пришлось решать вопросы по пребыванию наших людей за границей. Первый не заставил меня долго ждать. Вся наша поездка по обеим странам прошла на отечественном автобусе ЛАЗ. Началась она во Львове, где мы пересели с поезда на автобус, а закончилась в Ужгороде. Так вот, при подъезде нашего автобуса к советско-польской границе, перед таможенным досмотром ко мне подходит одна молодая туристка и заявляет, что она везет с собой облигации государственного займа, забыв выложить их дома. И она спрашивает у меня как ей поступить, так как тогда категорически запрещалось вывозить за границу ценные бумаги. Подумав немного, я забрал у нее эти злосчастные три облигации и положил их к себе в брючный карманчик для часов, а ее попросил никому об этом не говорить, а при возвращении в Союз напомнить мне о них. Досмотр мы прошли нормально и я забыл об этих облигациях на все время нашей поездки. Но на обратном пути уже в Ужгороде таможенник задал мне вопрос, нет ли чего у меня в этом кармане. Вспомнив все и еле сдержавшись, я говорю, ничего в кармане нет. Видимо он поверил мне и пропустил. А если бы не поверил?

Рано утром мы пересекли Советско-Польскую границу и по новой автостраде через Люблин уже к полудню приехали в Варшаву. Один участок дороги остался от «королевской дороги», так называлось мощенное булыжником шоссе. Современные дорожники могли бы позавидовать качеству дорожных работ.

Итак, мы прибыли в Варшаву, столицу Польши. Население ее на момент нашего приезда составляло 1356 тыс. человек. Быстро устроившись в отеле, мы пообедали и отправились

автобусом на встречу в Дом Советско-Польской дружбы. Во время встречи нам подробно рассказали о стране, и мы поняли из рассказа, а потом и убедились (во время экскурсий), что Варшава – это не только столица, это сердце Польши, ее гордость. Иноземные захватчики много раз разрушали город, а гитлеровцы во время второй мировой войны уничтожили его почти дотла, но Варшава всякий раз возрождалась, как Феникс из пепла.

Восстановленная столица Польши предстала перед нами, как крупнейший промышленный центр; она собрала в своих стенах большинство выдающихся польских ученых, писателей, художников. Она играет роль политического центра страны и, хотя загружена множеством серьезных забот, не теряет присущее только ей обаяние и своеобразный задор.

Мы начали свое знакомство с района Старо-място (Старый город). Этот район – украшение Варшавы, – восстановлен с огромной любовью из руин; реконструкция была осуществлена, в частности, по картинам художника Каналетто, жившего в XVIII веке, ведь не было планов, чертежей, не сохранились даже фотографии. К Старому городу примыкает Замковая площадь. Здесь, напротив великолепной колонны с памятником королю Сигизмунду III (Зыгмунт III) из династии Ваза, самого древнего и самого характерного варшавского монумента, идет восстановление из развалин Варшавского замка – последний аккорд, завершающий симфонию подъема польской столицы из хаоса руин. Замок восстанавливается на пожертвования поляков, разбросанных по всему свету. От замковой площади отходит улица Краковское предместье, которую многие градостроители считают одной из красивейших улиц мира: по обеим сторонам ее стоят старинные дворцы и костелы. Мы посетили костел Святого креста, где погребено сердце Шопена.

У дворца Сташица характер застройки Краковского Предместья меняется, меняется и само название улицы – отсюда начинается Новый-Свят, тоже старинная и очень красивая улица. Затем улица вливается в площадь Тшех Кшижи (Трех крестов), пересекает ее и появляется опять, но уже как Уяздовские аллеи. Это великолепная улица, обрамленная деревьями, застроенная резиденциями посольств, любимое место прогулок варшавян. Аллея ведет к Бельведеру, резиденции Председателя Государственного Совета страны. Весь этот старинный, длинный и красивый путь носит название Королевской дороги. Правда, теперь это уже не главная магистраль Варшавы, как было раньше и не главная улица торгового района, но это самая варшавская линия улиц, самая любимая и варшавянами и их гостями. Вдоль этой магистрали стоят памятники выдающимся полякам: Мицкевичу, Копернику, Шопену. На ней же находится: Варшавский Университет, Академия изящных искусств, самые модные гостиницы. На этой же магистрали, недалеко от Бельведера находятся Лазенки, красивейший в Варшаве и один из самых красивых в Европе парк – «летний салон» Варшавы. В этом парке, на острове находится Лазенковский дворец, любимая резиденция Станислава Августа Понятовского, последнего польского короля. В этом же парке, несколько дальше, в деревянном здании «Помаранчарня» расположен один из десяти, существующих на свете, деревянных театров XVIII века. Эти два объекта являются уникальными памятниками старины в масштабе всего мира.

В центральном районе Варшавы мы побывали на главной ее магистрали – улице Маршалковской, а также на площади Дефилад (Парадов), примыкающей к ней, на которой

возвышается Дворец культуры и науки – дар полякам от Советского Союза. Мы посетили Дворец, познакомились с интерьерами, а также поднялись на лифте и с высоты просмотровой площадки осмотрели столицу Польши.

Мы посетили еще целый ряд исторических мест, весьма дорогих сердцу поляка, а их в Варшаве множество: вечный огонь на могиле неизвестного солдата; место казней бесчисленных революционеров и патриотов – Цитадель, построенную царями для устрашения непокорных, теперь превращенную в мавзолей; увидели свежие венки (говорят, что они всегда там лежат) у памятника Героям Варшавы (Варшавская Нике); побывали у памятника Героям гетто и у обелиска Советским Воинам на кладбище, где покоятся останки 21500 солдат, погибших в сражениях за освобождение Варшавы.

Мы также побывали на родине великого польского композитора Фредерика Шопена – в скромной усадьбе в Желязовой Воле, местечке, рассоложенном в 8 километрах от Варшавы. В домике, где родился Шопен, теперь музей. В одной из комнат – рояль, на котором играл композитор; в комнате, где он родился, на стене висит посмертная маска. Усадьба и парк полностью сохранены, а по воскресеньям парк наполняется звуками шопеновских мелодий в исполнении польских и, приезжающих сюда из разных стран мира, музыкантов и пианистов.

До свидания Варшава. Наш дальнейший путь на юг страны, в Краковское воеводство.

Итак, покинув столицу Польши и проехав автобусом на юг 300км, мы приехали в столицу Польши! Да, я не ошибся: до 1596 года Краков был ее столицей. Еще и теперь многие жители Кракова никак не могут простить королю Сигизмунду III (Зыгмунту III) его решение переехать в 1609 г. вместе со всем королевским дворцом в Варшаву, избрав ее новой столицей. В утешение им остается, впрочем, гордое сознание, что нет в Польше другого города, который мог бы соперничать с Краковом по количеству памятников старины и национальных ценностей. Этот город, овеян легендами и преданиями. Как бы объединяет обе столицы самая длинная в Польше река – Висла (1047 км). Центр города окружен широким кольцом бульваров – плантами. Узкие, радикально расположенные средневековые улицы центра всегда многолюдны: здесь множество магазинов. Начинаясь на плантах, эти улицы сходятся к широкой площади, которая называется Рынок. На площади находиться старинное здание торговых рядов «Сукенице», где сейчас расположен филиал национального музея – галерея польской живописи XVIII–XI вв., и готический Мариацкий костел. По преданию, во времена татарских нашествий с башни Мариацкого костела стража игрой на горне предупреждала о приближении врага. Однажды татарская стрела попала в стражника и мелодия внезапно оборвалась. В память об этом вот уже шесть столетий каждый час открываются окна башни и горнист исполняет тревожную мелодию – краковский «хейнал» обрывая ее на высокой ноте. Этот сигнал ежедневно в 12 часов дня передается по польскому радио.

Почти целый квартал занимает на плантах старейший Ягеллонский университет, основанный в XIVвеке. В нем учился великий польский астроном Николай Коперник, чей труд «Об обращениях небесных кругов» произвел переворот в науке. В готическом зале университета Collegiums Mains можно увидеть глобус начала XIV века, на котором впервые начертаны контуры Американского континента.

На берегу Вислы на Вавельском холме расположен замок – резиденция польских королей на протяжении многих веков – великолепный ансамбль светской и церковной архитектуры. В сокровищнице Вавельского замка собраны бесценные произведения искусства, причем Вавельские «аррасы» (шпалеры, настенные безворсовые ткани, до XVIII века, изготовлявшиеся в разных городах Европы, в том числе и во французском Аррасе) уникальны в мировом масштабе. Готический Вавельский кафедральный собор, место коронации и усыпальница польских королей. На колокольне кафедрального собора мы увидели знаменитый «колокол Зыгмунта» 8м в окружности, в который звонят только в ознаменование весьма торжественных событий. Вавельский замок, а также Рынок, общая планировка которого восходит к XIVвеку относятся к числу ценных исторических памятников старины «нулевого класса».

Во время второй мировой войны Краков к счастью уцелел. Оперативный маневр маршала Советского Союза К. Конева спас столь дорогой сердцу каждого поляка город от уличных боев, артиллерийского обстрела, бомбежек и крупных разрушений. Охваченные паникой гитлеровцы бежали из Кракова, не успев даже взорвать мины, заложенные в разных местах. После ознакомления с достопримечательностями Кракова нам предстояло познакомиться с центром самого индустриального района Польши Верхней Силезии (Гурны – Шленск) – городом Катовице. Это также кузница польской экономики.

Но в окрестностях Кракова есть город, название которого приводит на память трагические события гитлеровской оккупации, проехать мимо которого мы не могли. Это городок Освенцим, в котором проживает всего 40.5 тыс. жителей, но название его знакомо жителям всех континентов земного шара. Здесь был крупнейший гитлеровский лагерь уничтожения. В крематориях лагеря сожжены несколько миллионов человек разных национальностей, в особенности польской интеллигенции, членов подпольных организаций, еврейского населения, цыган и советских военнопленных. Весной 1942 г. в Освенциме были проведены «опыты» умерщвления советских военнопленных и больных заключенных при помощи смертоносного газа – циклона «В». 23 июня 1942 г. состоялась селекция для отправки людей в газовую камеру. Через лагерь прошли свыше 4.5 миллионов человек, из них 4 миллиона погибли. Заметая следы своих злодеяний, гитлеровцы взорвали все, что успели, но экспонаты музея, который находится на территории бывшего лагеря, и уцелевшие бараки рассказывают о злодейских преступлениях фашистов так, как не смогли бы рассказать сотни книг. В Освенцимском музее находятся документы величайшего в истории человечества преступления, и заботливо охраняются места, политые кровью казненных узников фашизма. Комендант лагеря Гесс нашел свою смерть в лагере на виселице: его повесили в 1947 году. Более сорока лет прошло со дня посещения мною этого страшного музея, но память все хранит. И этого забыть нельзя!

Итак, Катовице – важнейший хозяйственный центр Силезского бассейна, главного района добычи угля и тяжелой индустрии Польши. Прилегающие к нему промгорода Хожув, Бытом, Забже, Гливице, Сосновец составляют единый промышленный комплекс Польши, насчитывающий около 3мил. жителей. Плотность населения здесь составляет 3 тыс. чел. на 1 км^2. На Катовицкое воеводство приходится около 90% всей добычи каменного угля в

Польше, почти вся выплавка цинка и свинца, около 50% выплавки черных металлов. Можно смело сказать, что Катовице и прилагающие к нему города расположены прямо над шахтами, коридоры которых тянутся через весь Силезский бассейн.

В городе находится здание Силезского парламента. В прошлом Силезия – автономная республика. В новом центре Катовице обращает на себя внимание крупнейший мемориал – памятник в честь Силезских повстанцев, трижды – в 1919, 1920 и 1921 годах поднимавшихся на борьбу с Германией. Это благодаря их жертвенности, Силезия была воссоединена с Польшей. Рядом с мемориалом возведен спортивно-зрелищный зал на 11000 мест, который из-за внешней формы зовется «летающее блюдце». В Катовице находится министерство угольной промышленности и энергетики Польши, а также консульства Франции и ЧССР.

В городе находится семь высших учебных заведений, две филармонии. После войны население Силезии построило на месте бывших отвалов и горных провалов обширный Силезский парк культуры и отдыха (на стыке городов Хожув, Семяновицы, Катовице). Это поистине зеленый островок среди темного колорита промышленного пейзажа, ставший любимым местом прогулок и развлечений жителей. В зеленом массиве парка размещены: Силезский стадион на 100000 мест, обширное искусственное озеро, луна-парк, планетарий и астрономическая обсерватория. В парке есть также подвесная дорога.

Между городами Силезии существует трамвай: маршрут №11, длина маршрута 40 км, путь трамвая пролегает через 13 городов.

Последним объектом посещения в Польше был Вроцлав – крупнейший город Нижней Силезии (Дольны Шленск), который был возвращен Польше в 1945 году. Город отличается молодой демографической структурой населения как следствие заселения его непосредственно после войны молодыми людьми, приехавшими со всех сторон Польши.

Вроцлав, полумиллионный, четвертый по величине город Польши (после Варшавы, Лодзи и Кракова) – столица Нижней Силезии, важнейший промышленный и культурный центр. Расположен город на Одре в том месте, где она делится на четыре рукава. Именно этому Вроцлав обязан своей красотой: он пересечен каналами, в самом центре находится несколько островов, на которых расположены центральные части города, особой красотой отличается висячий Грюнвальдский мост. Вроцлав называют городом – садом. Он утопает в зелени многочисленных парков и садов, где растут деревья, редко встречающиеся в других районах Польши. Любопытно, что некоторые кварталы особняков и вилл, носят названия деревьев, кустарников и цветов: Акациевый, Яворовый, Каштановый, Тисовый, Сиреневый, Фиалковый. В комплекс Тумского острова входит Ботанический сад. Здесь произрастает 7 тыс. видов растений. Тысячу лет назад на Тумском острове существовало большое раннеславянское население с деревянными жилищами. На рубеже XI века Вроцлав считался уже одним из главных центров Польского государства. Период расцвета города, лежащего на пересечении важнейших торговых путей из Руси на Запад и с Юга к Балтийскому морю, приходится на середину XII века. Позднейшая история Вроцлава отмечена господством чужеземных династий: чешской, австрийской, наконец, прусской. Однако до XIX века в городе употреблялся польский язык. Во второй половине XIX в. началась борьба с польскими традициями Вроцлава. С особой жестокостью продолжалась она позднее в гитлеровский период. Тогда было уничтожено все, что могло свидетельствовать о славянском прошлом города.

Свое воссоединение с Родиной в 1945 году Вроцлав встретил почти полностью разрушенным. В конце войны гитлеровцы превратили его в крепость, и город стал ареной почти кровопролитных трехмесячных боев. Он капитулировал только после падения Берлина. Гитлеровцы разрушали район за районом. Так, на месте разрушенного района они, силами узников концлагерей, построили аэродром. После Варшавы Вроцлав был самым разрушенным городом Польши: в развалинах лежали 70% домов, 300 км улиц. В 1948 году во Вроцлаве состоялся Всемирный конгресс деятелей культуры в защиту мира. Участники его выражали восхищение трудом поляков, вернувшим к жизни искалеченные земли.

Вот несколько отзывов:

Илья Эренбург: «Для меня Вроцлав – польский город не потому, что в нем сохранились кирпичи времен Болеслава Кривоуста, но потому, что 300 тыс. поляков – пионеров смогли вдохнуть жизнь в сожженные и разрушенные стены».

Пабло Пикассо:

«Ваше упорство и энергия в деле, которое было подлинным воскрешением из пепла и руин, всегда будет для меня примером, новым стимулом моего художественного творчества».

Ныне промышленность, наука и культура определяют современный облик города. Знакомством с Вроцлавом и его окрестностями была исчерпана программа тура по Польше. Она оказалась очень интересной и познавательной. Я уезжал из этой страны с желанием вернуться сюда еще. Судьба предоставила мне такую возможность, но об этом позднее.

Наше турне продолжалось по Чехословакии, на момент нашей поездки – Чехословацкой Социалистической Республике – государству двух равноправных наций, чехов и словаков. Мы проехали на своем автобусе всю страну с Запада на Восток и посетили три самых крупных города: Прагу, Брно и Братиславу, а также Банска-Быстрицу, город, расположенный в низких Татрах.

Первая наша остановка была в Праге – столице Чехословакии – миллионном городе. Согласно легенде Прага была основана еще до начала христианства в Чехии княгиней Либушей. Она предсказала, что Прага будет величественным городом, слава которого коснется звезд. Много утекло воды Влтавы (на ней стоит город) со времени этого предсказания, но научные исследования и археологические раскопки свидетельствуют о том, что из древней истории Праги ничего не затерялось. В этом и есть ее своеобразие.

Прага изобилует историческими постройками романского, готического стиля, эпохи Возрождения и барокко. Все это рядом в романтической композиции, которую создавали в зависимости от своего вкуса, моды и возможностей многие поколения (современное – тоже).

О времени первых Пржемыслов, основоположников Чешского государства (конец I тысячелетия) рассказывают своды подземного зала Пражского града, базилика святого Юрия, круглые романские ротонды, удивляющие посетителей (нас тоже) на улицах. О Карле IV, которого из-за его государственной деятельности и грандиозного строительства готической Праги народ назвал отцом города, рассказывает Карлов мост, относящийся к 1357 г. и Каролинуш – самое древнее европейское университетское здание (тот же век).

Пражский град, доминанта города, был и является символом свободной страны. Он не создан в едином стиле: основная романтская часть постепенно перестраивалась в готическую, на нее надстраивался стиль эпохи Возрождения и Барокко, а также стиль последних десятилетий. На граде мы прогуливались, образно говоря, из одного века в другой. Об эпохе Карла Родольфа напоминали редкие художественные коллекции, выставленные во время нашего пребывания в помещении бывшей каретной, преобразованной в галерею изобразительных искусств. Мы посетили Золотую улочку с миниатюрными домиками и Дворец чехословацких детей, находящийся в здании XVI века, приспособленном для занятий и развлечений самого молодого чехословацкого поколения.

Собор святого Вита, колокольни которого дополняют силуэт Пражского града, воздвигнут на месте, которое было заселено еще в доисторическое время. Благодаря тому, что строительство собора длилось целое тысячелетие, он является обзорным памятником истории культуры чешского народа. Первая святыня построена в 927 г., а весь собор – в 1929 г. Уже в средние века Прага считалась одним из прекраснейших городов Европы и даже всего мира. Современный ее облик сложился в течение двух исторических эпох – Романо-готической (900–1500) и ренессансно-барочной (1500–1800). Именно в эти эпохи были созданы архитектурные памятники, дающие право называть Прагу «каменной жемчужиной». Но, наряду с великолепными сказочно красивыми памятниками старины, Прага богата также зданиями, выстроенными в самом современном духе, и ее новостройки гармонично сочетаются с историческим образом города.

Но Прага – это не только несчетное богатство красоты и памятников. Это не только выдающийся экономический и промышленный центр с важным железнодорожным узлом. Прага – это также самый главный политический и культурный центр страны. Специфическую атмосферу столицы создает широкий круг разнообразной деятельности. Это оживленные улицы и проспекты с магазинами, интеротелями, старинными и уютными трактирами, ресторанами с модерным интерьером и входом из-под готической арки.

О Праге нельзя пересказать все! Прага стала для меня настоящим открытием и я полюбил этот прекрасный город.

Вторым объектом нашего посещения был Брно – это второй по величине город в Чехословакии, главный город Моравии и областной центр. Брно – в переводе с древнеславянского означает «болото». Город раскинулся в плодородном крае, где испокон веков соединялся восток с западом, где соприкасались культура обеих частей и где, поэтому процветала торговля. Возраст города более 1000 лет. Богатая и всесторонняя жизнь его оставила следы почти на каждом шагу. Здесь процветало искусство строителей, скульпторов и живописцев, на многих местах и в музеях сохранились следы в наше время забытых профессий.

Город лежит в устье рек Свитавы и Вратки. В Брно имеется целый ряд архитектурных памятников – со старых времен по настоящие дни. Две тонкие башни готического Домского собора святого Петра образуют основу панорамы города. Темный силуэт града Шпильберг (старинный, в XIIIв. это укрепленный замок, позже переделанный в ренессансный замок) является свидетелем осады шведскими войсками в 1645 г. Напоминают они также о временах темноты и бесправия, когда город использовался как одна из самых страшных тюрем. Сейчас подземные пространства Шпильберга преобразованы под музей.

Брно играет ответственную роль в деле возобновления традиции международных ярмарок, которые проводились до и после второй мировой войны в Праге: эта ярмарка в Брно специализируется на машиностроительную промышленность. С 1959 года она стала международной. Ярмарку ежегодно посещают 1.5 млн. чехов и 40–60тыс. иностранцев. Принимают участие в ярмарке ежегодно примерно 40 стран. Почему ярмарка проводится в Брно? Во-первых, потому, что здесь прекрасный ареал, удобно разместившийся и позволяющий его дальнейшее увеличение. Во-вторых, потому, что основой жизни сегодняшнего Брно является промышленность.

Следующим пунктом нашего посещения была Братислава – главный город Словакии. Ее история богата драматическими событиями. Еще до начала нашей эры здесь было сооружено предместное укрепление обширного римского лагеря, который располагался на обоих берегах Дуная. Согласно легенде, замок Девин, находящийся недалеко отсюда был некогда резиденцией государей Великоморавской державы. После ее крушения Братислава, а позднее вся Словакия, были завоеваны венграми. После распада Австро-Венгерской империи в 1918 г. Словакия вошла в состав Чехословацкой республики, а Братислава стала столицей Словакии. Сейчас она находится на границе с Австрией.

Как выглядит Братислава? Нелегко описать картину города, который возникал и строился более 1000 лет. Художественные и исторические памятники являются свидетелями истории не только самого города, но и бывшей Австро-Венгерской монархии, а в отдельных периодах, и всей Европы. Все памятники содержатся в хорошем состоянии и общедоступны.

Некоторые считают, что Братислава выигрывает за счет самого красивого расположения: горный хребет Малых Карпат имеет свое начало как раз в этом городе, а, кроме того, через него протекает широкой лентой Дунай. А в зеркале реки отражается массивный град (старинный кремль), который является самой бросающейся в глаза доминантой Братиславы. Град был построен в VIII веке и с тех пор неоднократно перестраивался в зависимости от моды, вкуса и целесообразности. Последняя перестройка в стиле барокко принесла ему самую большую пользу (1761–1766 гг.). Тогда древняя крепость превратилась в резиденцию королевского дворца. Отсюда управлял бывшей Венгрией зять королевы Марии Терезии. Однако Братиславский град недолго сверкал королевским блеском: уже в начале XIX в. здесь была устроена казарма и, в 1811 г., по неосторожности солдат возник пожар. Сгоревший город пустовал почти 150 лет, но крепкие стены дворца, ограждения и многочисленные объекты выдержали действия времени и непогоды и в 1955 году, благодаря помощи государства, он был реставрирован и приобрел утраченный облик. Сейчас в одной из его частей оборудован отдел Словацкого национального музея.

В Братиславе только один град, но в ней много красивых и видных дворцов и соборов и мы прожили в ней один день, в котором XX век переплетался с веками давно минувшими.

Приближалось к концу наше знакомство с двумя славянскими государствами. Последним местом был прекрасный старинный словацкий город Банска-Быстрица, расположенный на отрогах Низких Татр. Город был основан в 1255 г.; его стремительный рост в

эпоху средних веков был связан с добычей меди и серебра. В середине XIII столетия здесь был построен замок, состоявший из целого ансамбля готических зданий. Банска–Быстрица расположена в прекрасной местности: Низкие Татры являются идеальным местом для лыжного спорта. Покрытые лесом романтические долины дают много интересных впечатлений. Мы смогли с помощью канатных подъемников подняться на гору Хопок (2025 м) и с высоты ее обозреть прекрасные виды этого горного края.

Так прошло наше путешествие. На всем его протяжении мы ощущали на себе внимание обслуживающего персонала, нас размещали в прекрасных отелях, но удивляли косые, а иногда и просто враждебные взгляды простых людей (особенно молодежи). Когда, вернувшись домой, я поделился своими впечатлениями с руководителями загрантуризма, меня подняли на смех, уверяя, что я все преувеличиваю. Но прошло всего два года и процесс демократического обновления, развернувшийся в Чехословакии, был остановлен вторжением войск 5 государств – участников организаций Варшавского договора (СССР, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши) Но об этом потом.

III этап. Ноябрь – 1966 январь 1970 гг.

За предыдущие годы работы треста организационные задачи по созданию монтажных подразделений были в основном выполнены, правда, произошли некоторые изменения в первоначально намеченной структуре: Серовское и Первоуральское управления «Газмонтаж» были ликвидированы, а их объемы работ распределены между двумя Свердловскими и Нижнетагильским управлениями «Газмонтаж». Был создан централизованный участок механизации. На первый план вышли вопросы технического роста. Мы уже столкнулись с неприятностями при сдаче смонтированных объектов. Это было связано с рядом проблем: отсутствия на объектах проектов производства работ, низкая техническая дисциплина исполнителей, отсутствия в подразделениях треста необходимого количества инструментов, слабое внедрение в производство новых технологий и материалов, очень слабая производственно–заготовительная база. Пришлось мне браться за решение всех этих вопросов, так как в ноябре 1966 года я был назначен главным технологом треста.

1967 год.

За этот год удалось создать в тресте группу ППР, которая начала разрабатывать технологические карты по основным видам работ, а также во всех управлениях «Газмонтаж» – «институт технических руководителей», занимающийся выполнением исполнительной документации по всем объектам газоснабжения. Надо учесть, что я не работал с конца февраля по июль включительно из–за болезни и операции. Но никто не освобождал меня от контроля над ведением работ на объектах. Их было много, но запомнились объекты газификации в г. Каменск–Уральском. Там были построены подводящие сети и газифицированы заводы УАЗ, КУМЗ, КУЛЗ. Люба продолжала работать директором учебного комбината треста, а

также читала лекции в строительном техникуме и вела дипломирование на кафедре «теплогазоснабжение и вентиляция» в УПИ. Я продолжал учиться в Московском заочном институте. Это было непросто, так как приходилось некоторые работы выполнять, находясь в командировках. В этом году я был избран в члены местного комитета треста и занимался в нем вопросами спорта и другими до 1968 года.

Наши многочисленные командировки, отсутствие какого–либо режима в питании и вообще в жизни, постоянные нервные перегрузки не могли не сказаться на здоровье и вслед за Любой я оказался на операционном столе. Еще 1965 году у меня начались желудочные боли и врачи обнаружили язву 12–перстной кишки, которая то закрывалась, то снова открывалась. Так продолжалось до февраля этого года. 18 февраля я приехал домой пораньше, Любы еще не было. Вдруг раздался звонок в дверь и мне сообщают, что нам привезли 2 мешка картошки и их надо поднять в квартиру. Спустился я вниз и, подхватив оба мешка, поднял их к нам на четвертый этаж. И это всего–то килограмм 50–60. Не успел я отдышаться, как снова зазвенел дверной звонок. Открываю дверь и какая–то женщина сообщает мне о том, что моя жена находится внизу в подъезде, что ей плохо и она нуждается в помощи. Спустился я на первый этаж и вижу, что Люба полулежит, опершись на стенку. Поднял я ее на руки и понес домой. Принеся, позвонил в скорую помощь. Врачи констатировали, что у нее гипертонический криз. Поставили они ей какие–то уколы, подождали, когда давление придет в норму и уехали. А утром, идя на работу, я почувствовал сильную слабость. Так прошли сутки. Назавтра я собрался в командировку в Нижний Тагил и где–то около 5 часов вечера, прихватив необходимые документы, отправился на электричку. А трест наш располагался уже в большом здании по улице Малышева 101. Это рядом с остановкой электрички. Вышел я из здания, вдруг у меня закружилась голова и я упал, ударившись лицом об лед. В этот момент закончился рабочий день и из здания начали толпами выходить люди. Увидев меня и мое разбитое лицо они обходили меня стороной, видимо считая меня пьяным. Никто не подошел и не помог. Не знаю, сколько бы я пролежал так, на февральском холоде, но Люба из окна увидела меня, так как у нее шли занятия. Она выскочила из здания вместе с ее курсантами, и те помогли ей занести меня внутрь, а затем погрузить в автомашину управляющего трестом, которая оказалась на месте. Тот без разговоров дал ее для того, чтобы отвезти меня в больницу. Не знаю, кто там, наверху, следит за происходящим, но в этот день дежурила по городу 3–я областная больница, в которой 17 лет назад мне оперировали ногу, и я снова оказался в ней. Врачи определили, что у меня открылось кровотечение. Оказалось, что у меня редкая группа крови – 1 А, резус отрицательный. Но сразу оперировать меня не стали, что–то вливали, искали кровь. Операцию провели только 20–го марта. Моя мама, узнав о моей болезни, сразу же приехала и все время находилась сиделкой возле меня. Неожиданно, мама и Борис уехали 23 марта в Нижнюю Туру, ссылаясь на юбилей техникума и вернулись через 3 дня. Все эти дни возле меня была Люба. Я был уверен, что операция пройдет успешно и действительно, через 15 дней я выписался из больницы, а затем восстанавливался до мая у мамы в Нижней Туре. Когда я приехал к ней, то узнал, что их поездка с Борисом от меня после операции была связана не с юбилеем, а со смертью деда – Меркушева Тимофея Васильевича. Дело в том, что на следующий после

операции день мама позвонила в Нижнюю Туру и сообщила отчиму, что мне после операции плохо. А как может быть человеку, если у него только что отрезали две трети желудка? Отчим, придя, домой, сообщил об этом деду и бабушке и дед в тот же день умер. Вот такова была его любовь к внуку! Дед остался в моей памяти навсегда живым. Врачи обещали мне при выписке благополучной жизни с оперированным желудком не менее 25 лет, но вот уже более 40 лет прошло с той поры… Тьфу–тьфу! Конечно, мама своей заботой подняла меня на ноги и продлила этот срок.

В конце мая я выписался на работу, так как мы были оформлены в группу туристов, выезжающих в Швецию. Оформились мы еще до моей болезни, а ехать могли только здоровые люди. В начале июня мы с Любой уже «катили» поездом в Москву, а от туда самолетом улетели в Стокгольм.

Передаю «слово» Любе: читайте ее письма.

13.04.67. От Любы из Асбеста Чирковской Т.А.

Милая мама Таня!

Наконец я вырвалась в командировку – можно отдохнуть от всех забот, от бешеного ритма жизни и даже сесть, чтоб написать Вам. Я приехала сюда на три-четыре дня учить рабочих. Занятия по вечерам, а утром я отсыпаюсь до 11 часов, что невозможно дома даже по воскресеньям. Посылаю Вам фотографию наших «архаровцев»: посмотрите, какие большие мальчики. Скоро вырастут и лет через 10 будут жить своей жизнью, своими заботами и радостями. А я, как ни грусти, останусь в стороне.

Очень много было у меня забот последние два месяца. Операция у Володи прошла успешно и его выписали из больницы на пятнадцатый день. Сейчас он на больничном и будет отдыхать еще месяца два. Он похудел и побледнел, конечно. Сейчас главное для него – режим питания: кушать через два часа и понемногу. Вот приеду я домой 16 апреля и 17-го он поедет к своей маме в Н.-Туру. Там она будет нормально его кормить, а то у меня сил не хватает: работа, дипломники, скоро у них защита проектов. Я как-то уже привыкла ко всей этой суете и если не будет студентов, мне будет скучно. Мама сейчас в Тюмени с Костей, так как Люся уехала на лечение в Карловы Вары. Папа здесь, по вечерам учится в своей школе, а утром помогает мне отвозить Сашу или Витю.

Вот так и бегут дни за днями, а так хочется увидеться. Если Володя уедет к маме, то мне будет трудно вырваться от ребят, но очень хочется Вас навестить. Пишите нам. Не поддавайтесь плохому настроению и старайтесь не обращать внимания на мелких людишек, хотя их и очень много. Крепко целую и обнимаю Вас. Ваша маленькая Люба (а я уже седею).

23.05.67. От Любы в Пермь Чирковской Т.А.

Милая мама Таня!

Вот уже три месяца болеет Володя. Он уже второй месяц живет у своей мамы: там его кормят «по книжке» 6 раз в день мама, тетка, бабушка и отчим. Мне, конечно, большое облегчение, но много хлопот с ребятами. Папа помогает мне возить Сашу в школу, а это в другой конец города. Успехи у Саши неважные. Хотели его перевести в следующий класс, но вчера заговорили о том, что лучше для него остаться еще во втором классе. Не знаю, что лучше и совсем растерялась. Заказала сегодня разговор на вечер. Витя в июне с садиком уезжает на дачу и я сижу, готовлю ему вещи: вышиваю метки, стираю и глажу. Мы с ним аккуратно ходим во Дворец пионеров на танцы. 1-го июня Витя солирует на концерте, посвященном Дню защиты детей. Я пыталась устроить его в музыкальную школу, но ничего не вышло: сказали, что он не прошел по конкурсу и по всем предметам тройки. А я не верю: у него есть и слух и чувство ритма, но принимают в основном детей артистов и «шишек». Будем учить частным образом. Вот так и летят дни в заботах и хлопотах. А надо подумать еще и об обеде и об уюте, да еще о работе со всеми ее волнениями.

Иногда удивляюсь: как меня на все хватает? Так что я вполне понимаю Вас, что не хочется двигаться и вообще что-то предпринимать.

А может быть, так и лучше – я вот к 34 годам издергалась и (как и Люся) наполовину седая.

Переписываетесь ли Вы с Лидиным? Мне пишут из Москвы писатели очень хорошие письма. Я потом пошлю Вам.

Не забывайте нас, пишите. От мамы и папы Вам большой привет: дома мне некогда, так я пишу на лекции, которую очень нудно читают.

Крепко целую. Ваша Люба.

16.07.67. От Любы в Пермь Чирковской Т.А.

Милая мама Таня!

Пишу Вам из Свердловска, где мы всего неделю после длительного путешествия: мы по туристическим путевкам побывали в Швеции. Поездка всего на 10 дней, но за эти дни мы побывали в Стокгольме, Гётеборге, Мальмо, Оребро, Упсале и имеем о Швеции достаточное представление. Поездка была очень интересной. Гостиницы и питание – отличные, Володя себя чувствовал совсем здоровым. А так как у нас оставалось время от отпуска, мы взяли Сашу, Люсиного Костю и поехали на две недели в лес и жили у лесника. Тихо, людей нет, спешить некуда. Володя ловил рыбу, а мы купались и загорали. Отдохнули мы отлично.

Сейчас мы оба работаем, но Володе работать тяжеловато: он очень устает, так как болел с февраля.

Папа весь поглощен выставкой вечерней художественной школы. Он – директор выставки. Они оба с мамой здоровы.

Витя с садиком на даче, Саша у Люси в Тюмени: они оба с Костей в городском пионерском лагере. Мы теперь отдыхаем 2 дня в неделю: субботу и воскресенье. Теперь можно вырваться к Вам: посидим, поговорим, попьем чаю. А может быть я уговорю Вас и привезу в гости к нам?

В Москве мы с Володей побывали в гостях у писателя Мельникова: я познакомилась с ним и его женой осенью в Болгарии. Провели мы у них очень приятный вечер, они нам достали билеты в «Современник» и нас просто потряс спектакль «Ночное происшествие».

Огромный привет от мамы и папы. Им тоже хотелось увидеться с Вами. Спасибо Вам за письмо, так приятно было его получить.

Володя шлет Вам сердечный привет и все мы желаем Вам здоровья, бодрости, настроения!

Целуем крепко. Ваша Люба.

Наша туристическая поездка в Швецию прошла прекрасно. Мы с Любой побаивались того, что мой оперированный желудок как–то отреагирует на изменения режима питания и Люба взяла с собой много баночек соков и диетического питания. Ничего этого не понадобилось: в первый же обед в Стокгольме, когда я не стал есть мясо, гид спросила Любу, не вегетарианец ли я и узнав, что я нахожусь в послеоперационном периоде, передала об этом по инстанции и на всем пути следования меня кормили специально приготовленной диетической пищей, так что мне даже завидовали остальные туристы. И я там ни разу не вспомнил о болезни. Но по прилету в Москву, мы пытались где–то найти диетическую пищу. Бесполезно: в одном кафе нам согласились приготовить мясо, но принесли такую «подошву», что пришлось отказаться от еды. Учитывая это, мы через сутки уехали домой.

1968 год.

В этом году нам удалось закончить работы по разработке технологических карт и внедрению их при производстве работ. Работы начали выполняться только после разработки карт и утверждения их главными инженерами управлений. Нам также удалось усилить работу изоляционно–сварочной лаборатории по контролю над качеством работ.

Но я был опять отвлечен на несколько месяцев от кабинетной инженерной работы. Дело в том, что в текущем году велись большие работы по вводу в эксплуатацию комплекса обогатительной фабрики на Качканарском ГОКе. В комплекс входили и строительные работы на корпусах среднего и крупного дробления, а также по строительству новых транспортных галерей, связывающих все цеха в одну цепочку. Наши работы по монтажу систем вентиляции на объекте вело нижнетагильское управление «Промвентиляция», одно из самых стабильных в тресте. Но объем работ был очень большой: особенно много работ надо было выполнить по системам аспирации (укрытия конвейеров) в цехах и на галереях, а также по общеобменным системам вентиляции. Учитывая важность пусковой стройки, ее курировал первый заместитель начальника Главсредуралстроя, Башилов Сергей Васильевич. Он обязал руководителей всех трестов, участвующих в строительстве, командировать на

объект ответственных работников до сдачи объекта. Так я попал на самый главный объект Главсредуралстроя в текущем году и пробыл в Качканаре около 3–х месяцев до самой сдачи объекта в эксплуатацию.

Мы доукомплектовали объект необходимыми рабочими кадрами из других управлений, а также решили вопросы по изготовлению и доставке на объект резко увеличившихся объемов заготовок (особенно сварных). Мы решали незамедлительно все вопросы, связанные со сроками выполнения и сдачи монтажных работ.

В результате всех принятых мер, а также самоотверженной работы на объекте рабочих и ИТР, наш трест справился с задачами по монтажу и сдаче работ в срок.

Нельзя не упомянуть об аварии с одной из галерей, связывающей цеха, перед самой сдачей комплекса. В галерее были смонтированы четыре конвейера для транспортировки руды. Шли предпусковые испытания силами рабочих ГОКа. Был конец дневной смены и рабочих на грузовых автомашинах повезли с объекта в жилую часть города. Одна из автомашин прошла под новой галереей, а другая была на подъезде к ней и в этот момент галерея рухнула на землю. Я шел в город пешком и видел это все своими глазами. В результате этого обрушения погибли четверо рабочих ГОКа, проводившие предпусковые испытания и наладку конвейеров. А что было бы, если бы одна из автомашин с рабочими в этот момент проезжала под галереей? Даже страшно подумать. Приемка объекта в эксплуатацию была приостановлена, была создана государственная комиссия по расследованию аварии, в которую вошел светила, по железобетонным конструкциям Сахновский. Но руководство строительного отдела Свердловского областного комитета партии, не дожидаясь результатов расследования, вызвало главного конструктора строительного отдела № 2 института «Уральский Промстройпроект» Логинова Олега Викторовича – одного из главных авторов проекта упавшей галереи, и недолго думая, обвинило его в произошедшей аварии, тут же исключило его из рядов КПСС и отдало под суд. Комиссия же, рассмотрев все досконально, пришла к выводу, что причинами аварии послужили: ошибка в линейных размерах при изготовлении железобетонных пролетных ферм на заводе ЖБИ, ошибка в линейных размерах пролетов при разбивке стоек опирания на местности. Величина опирания ферм на стойки была уменьшена. Была допущена ошибка и при проектировании: не было учтено динамическое увеличение нагрузки при одновременной работе конвейеров, но коэффициент динамики на момент аварии еще не был нормирован. По результатам выводов комиссии Логинова О.В. в партии восстановили, но он от этого стресса заболел и через полгода умер. Врачи констатировали развитие у него ракового заболевания. Трудно переоценить некомпетентность, бездушность и безнаказанность партийного аппарата, приведших к смерти талантливого инженера.

В общественной работе у меня все было нормально: команда нашего треста заняла в командных соревнованиях шахматистов первое место среди строительных организаций города. И еще одно знаковое событие произошло со мной: в этом году я вступил в члены КПСС. Интересный нюанс: заседание комиссии Райкома КПСС по приему в члены возглавлял Князев Г.Н., тогда первый секретарь Кировского райкома, но партийный билет вручил уже новый первый секретарь – Корнилов Ю.И., так как Князев был назначен начальником

УВД Свердловской области. А вскоре и Корнилов Ю.И. перешел на работу начальником Управления госбезопасности по Свердловской области.

Со здоровьем у меня в начале года было не все в порядке. До конца предыдущего года я чувствовал себя неплохо, но потом начала развиваться слабость. Врачи определили у меня развитие демпинг–синдрома и рекомендовали поехать в бальнеологический санаторий в Железноводск, Пятигорск или Ессентуки. В облсовпрофе пошли мне навстречу и выделили бесплатную лечебную путевку в Ессентуки, в санаторий имени Дзержинского и в марте я отправился на Кавказские минеральные воды.Эта поездка подарила мне еще одну встречу и дружбу на многие годы.

Все началось еще в свердловском аэропорту Кольцово, из которого я вылетал в Минеральные Воды. Народу на этот рейс набралось порядочно, но я приметил одного молодого мужчину. Началась посадка – прохожу в салон, сажусь, а его место рядом со мной. Сразу же познакомились: он из г. Касли, что в Челябинской области, работает в Горкоме КПСС шофером и возит первого секретаря, женат, имеет двоих детей, у него болит печень. А летит он по путевке в тот же санаторий, что и я. Зовут его Бабин Георгий Михайлович. Короче говоря, к концу полета мы были друзьями, в санатории жили в одной 2–х местной комнате, а после санатория подружились семьями и стали часто бывать друг у друга. Затем он закончил заочно Свердловскую Совпартшколу, а затем заочно и Свердловский юридический институт. После окончания института проработал в Каслях в орготделе Горкома, затем был избран судьей Каслинского районного суда и работал им, пока не женился на другой женщине. Вместо Марины его женой стала Галина, директор самого крупного магазина в Каслях, а он, получив в связи с этим строгий партийный выговор, был освобожден от занимаемой должности и стал работать спасателем на водной станции. Однако, спустя несколько лет был прощен партийными и юридическими органами и назначен заведующим адвокатуры Каслинского райкома. И все это время мы как бы шагали рядом: я тоже поучился в Московском инженерно–строительном институте, потом 7 лет работал главным инженером треста «Уралтяжспецстрой», а затем заместителем управляющего треста «Уралспеццемремонт». Он во время учебы в институте, приезжая на сессии, жил у нас, а мне несколько раз помог с путевками в санаторий «Березки». Мы часто, особенно зимой проводили вместе время на рыбалке и считали друг друга (во всяком случаи я) друзьями «не разлей водой». Я на 30–летие нашего с ним знакомства написал такое стихотворение:

Мой самый давний близкий друг!
Я вспоминаю ясно вдруг,
Как жизнь нас повстречала,
На дружбу повенчала.

Ты был для нас, конечно рок
Волшебный, дивной сказки:
Сперва маршрут Касли – Свердловск,
Затем маршрут Кавказский.

Шагают на посадку два молодых пижона
И даже для порядка друг другу незнакомых.
Но в самолете рядом места их оказались,
К концу же перелета они уж побратались!

А дальше оказалось: в один им санаторий,
Поскольку привязались одни к обоим хвори.
В один двухместный номер их вместе разместили.
И навсегда к друг другу душой приговорили.

Мой самый, самый близкий друг,
Тебя я поздравляю
И все прошедших тридцать лет
Невольно вспоминаю.

Я вспоминаю годы, что нас с тобой создали,
Работу и учебу – мы вместе их «шагали».
А если и несчастья встречались в жизни вдруг,
То мы не унывали, мы знали – рядом друг.

И говорю, «не в службу»
В торжественный сей час:
Я благодарен дружбе,
Навек сроднивший нас!

Но наступил день 17 октября 2004 года, когда ушла из жизни Люба. И неожиданно для меня наши отношения с Бабиными изменились сразу же раз и навсегда: на мои звонки Гера отвечал с неохотой, ссылаясь на занятность, а вскоре совсем затих. Я искал причину этого в себе и не находил. Только по прошествии времени, проанализировав все наши поступки за эти годы, я понял причину. Гера не считал другом меня, они были очень близкими друзьями с Любой. Жалко терять друзей и разочаровываться в людях. Ну да, Бог ему судья!

Вода и грязи Есентуков помогли и моя болезнь отступила. Я с новой энергией приступил к работе, а в августе, во время очередного отпуска, посетил Польшу и ГДР как руководитель группы свердловских туристов. Люба с Сашей в это же время отдохнули снова на «Золотых песках» в Болгарии. Мы договорились по возвращении в Москву провести в ней неделю вместе, чтобы посетить театры и музеи. Что из этого получилось, читайте дальше.

Первая половина нашего путешествия по Польше прошла нормально. Кроме мест, в которых я уже побывал в 1966 году, мы посетили еще небольшой город Виличка в Верхней Силезии и знаменитую на весь мир соляную шахту. Мы спустились в нее, побывали в музее

соляных фигур, а также в известном санатории для астматиков. И музей, и санаторий находятся также под землей. Новым для меня посещением стало знакомство с еще одной, самой древней столицей Польши (X – XI века) – городом Познань. Первые короли из династии Пястов жили либо в Познани, либо в соседнем Гнездо. Познань был крупнейшим городом Великопольши, области, откуда началось Польское государство. Древнейшая часть города, это район на берегу Варты, носящий название Острув-Тумский, бывший когда-то действительно островом. Кафедральный собор в этом районе, сооруженый в романском стиле, это первый католический храм в Польше, построенный в 968 году. Познань сильно пострадала за последние месяцы войны, но ко времени нашего посещения была уже полностью восстановлена. Сейчас это важный промышленный и культурный центр. В городе есть университет, еще семь ВУЗов, научные институты, театры. А Опера считается лучшей в Польше. В окрестностях Познани мы посетили лучший из Польских лесов – Великопольский национальный парк и дубовый лес в Рогалине, в котором растут 950 огромных, чрезвычайно красивых деревьев. Три крупнейших дуба достигают в обхвате 7–8 метров.

Автобусом мы приехали в ГДР в районе Франкфурта на Одере и остановились в небольшом городке металлургов Айзенхюттенштадте. Посетили в нем новейший металлургический, завод, переночевали в новом отеле и назавтра отправились на самый юг страны в Дрезден. Уже в дороге мы поняли – в мире что-то неладно: параллельно нам на юг двигались автомашины с военными и целые колонны бронетехники. Все разъяснилось по прибытии в Дрезден: как только мы разместились в отеле, меня пригласили в штаб группы наших войск и предупредили, что ночью могут произойти непредвиденные события. Предложили быть готовыми ко всему, не теряться и пожелали поскорее выбраться на Родину.

Назавтра, проснувшись утром, мы услышали по радио выступление президента Югославии Б.Тито, в котором он заявил: «Впервые со времен второй мировой войны немецкий сапог топчет улицы свободолюбивой Праги». И призвал народы Европы остановить агрессоров. Оказывается, ночью войска пяти государств Варшавского договора вошли в Чехословакию. Мир оказался на грани войны. Понятно, что все туристские маршруты остановились. Что делать? Я с большим трудом дозвонился до представительства «интурист» в ГДР и мы смогли решить вопросы, связанные с нашими дальнейшими путешествиями по этой стране.

Итак, нашим первым крупным городом оказался Дрезден. Город впервые упоминается в 1216 г., с 1482 г. являлся резиденцией саксонских герцогов и с 1806 г. – столицей Саксонии. Облик Дрездена во многом определяют парки, мосты через Эльбу, ансамбль Цвингер. Город не случайно называют центром искусства ГДР: в нем, в частности, расположена академия изобразительного искусства, музей гигиены со стеклянной женщиной. Здесь расположен и один из крупнейших в мире художественных музеев – Дрезденская картинная галерея, основанная еще в 1560 году. В ней хранятся такие шедевры, как «Сикстинская мадонна» Рафаэля, «Спящая Венера» Джорджо младшего и другие. Мы побывали и в картинной галерее, и в музее гигиены.

Ознакомившись с городом, мы посетили несколько объектов, находящихся в окрестностях Дрездена: охотничий замок Морицбург и летнюю резиденцию в Пильнице. Это

только маленькая часть оставшегося в Дрездене от расцвета архитектуры барокко: дворцов князей, министров кабинета и княжеских любовниц, знаменитых замков и садов, которые обрамляют город, как драгоценное ожерелье. Посетили мы также небольшой городок с 40-тысячным населением, но с тысячелетней историей, известный всему миру своими фарфоровыми изделиями, с фабричным клеймом – скрещенными голубыми мечами. Это город Мейсен, расположенный на берегу Эльбы. Мы ознакомились с главными достопримечательностями города: Государственной фарфоровой мануфактурой и ее выставочным залом, с замком Альбрехтсбург и собором с колоколами из местного фарфора. Жаль, но не удалось познакомиться с красотами Саксонской Швейцарии, так как все дороги, ведущие туда и дальше к границе, были перекрыты военными. Нас хотели лишить посещения и следующего по программе объекта. Это второй после Берлина город в ГДР – Лейпциг. Причина – нехватка мест в отелях, в связи со сложившейся обстановкой. Но благодаря моей настойчивости в переговорах с «интуристом», мы побывали в Лейпциге, но только наездами из ближайшего города Галле – центра химической промышленности ГДР. Галле «приютил» нáс на несколько суток в шикарном современном отеле, где всех (кроме пар) разместили в одноместных номерах, кормили тоже отлично. Но все же, главной целью для нас был Лейпциг. Этот город известен во всем мире как город международных ярмарок, книжной торговли и рынка пушных изделий. В 1965 году он отпраздновал свое 800-летие и уже в 1497 году Лейпцигские граждане обеспечили себе ярмарочную привилегию кайзера. Далеко видимой приметой является памятник битвам народов, напоминающий о победе над Наполеоном в 1813 году. Мы ознакомились с этим монументом, находящимся вблизи от города. Большой интерес для нас представили старая ратуша с фасадом длиной 90 м, построенным в стиле эпохи Возрождения, а также рыночная площадь, церковь «Томаскирхе» с могилой И.С. Баха, дом Шиллера и ряд музеев.

Вечера принадлежат городу театров и музыки – Лейпцигу. Мы убедились в том, побывав на спектакле в отреставрированной Опере.

В Лейпциге было положено начало рабочему движению: имена Августа Бебеля, Карла Либкнехта, Клары Цеткин тесно связаны с этим городом рабочих; здесь перед бывшим государственным судом вождь болгарского рабочего класса Георгий Димитров в 1933 году разоблачил преступную роль фашизма в процессе поджога Рейхстага. Мы побывали в здании ссуда и музее Димитрова.

После Лейпцига, нас должна была принимать столица ГДР – Берлин, но учитывая обстановку, следующей остановкой для нас стал Потсдам, до которого мы домчались по прекрасному автобану. Нам гид рассказал, что еще до войны немецкие автобаны служили первыми Европейскими трассами для автомобильных гонок. Это прекрасные транспортные сооружения: ни одного пересечения в одном уровне, разные полосы движения, через каждые 100 метров установлены пикетные столбики, в которых, через каждые 500 метров установлены трубки телефонной связи, прекрасно выполнены виражи с уклонами, позволяющими не снижать скорости при проезде.

Потсдам понравился нам своими роскошными садами и замками: Сан-Суси, Новый дворец, Шарлоттенхоф, Цецилиенхоф. Побывали мы и в Бабельсберге на киностудии Дефа,

а также в здании, где с 13 июня по 2 августа 1945 года прошла Берлинская (Потсдамская) конференция глав правительств держав–победительниц во второй мировой войне: СССР (участвовал И. Сталин), США (Г.Трумен) и Великобритании (У.Черчиль, а в конце Итон).

И, наконец, наша встреча с Берлином. С 1486 года – это столица Бранденбурга, а затем Пруссии. После окончания второй мировой войны в 1948 году город был разделен на две части: Западную – Западный Берлин и Восточную – Берлин, которая с 1949 года стала столицей ГДР. В период холодной войны в 1961 году в восточной части Берлина для предотвращения массовой эмиграции была сооружена Берлинская стена. Поэтому, находясь, рядом с Берлином, нам из Потсдама в столицу приходилось проезжать примерно 90 километров.

По усеченной программе мы познакомились с Берлином: гуляли по Унтер ден Линдер, познакомились со стеной в районе Бранденбургских ворот и увидели через нее развалины рейхстага, побывали в Трептовпарке, увидели монумент солдата–победителя, автором которого был наш советский скульптор Вучетич. Сумели даже выкупаться в одном из озер расположенных в Берлине и познакомиться там с молодыми берлинцами. На этом наш тур был завершен. Поездом Берлин–Москва мы вернулись домой. Сразу после пересечения границы в Бресте, я послал в Свердловский облсовпроф телеграмму с сообщением о том, что наша группа благополучно вернулась в Советский Союз. Нервное напряжение дней пребывания в ГДР сказалось: встретившись в Москве с Любой и Сашей я благополучно проспал в квартире Любиной тети всю неделю, предназначенную для посещения московских театров и музеев. Насмотрелся, сыт впечатлениями…

Свердловский Облсовпроф так оценил мое руководство группой в этой непростой поездке: в июне 1969 года мне была вручена Почетная грамота Облсовпрофа «За активную работу по организации Советского туризма за границу – члену Совета содействия зарубежному туризму».

Первого сентября у нас в семье произошло важное событие: в школу пошел наш младший сын Витя. Он среди своих сверстников оказался самым маленьким по росту, но самым быстрым в движениях и разговорах, а также одним из самых активных. С первых дней учеба давалась ему легко. О его активности говорят такие случаи: приходит он как–то домой, в испачканном известкой костюмчике. Люба спрашивает, где он так испачкался, на что он отвечает, что бежал по партам, которые стоят рядом со стеной. Тогда она спрашивает, как он умудрился запачкать и спину. Он ей на это отвечает, что бежал и при этом крутился. Или еще: приходит он однажды домой с «фонарем» под глазом и на вопрос матери, что же произошло, отвечает, что сначала он дал сдачи. Потом я узнал, что он никому не позволял нападать на себя.

1969 год.

Удалось решить в этом году следующие технологические задачи: внедрение в производство мастерских полуавтоматической сварки в среде углекислого газа, а также в монтажных управлениях – резки металла сжиженным газом; усиление качества работ пуско–наладочного управления по вентиляции. Но очень трудно решались задачи по строительству новой и реконструкции старых мощностей по заготовительному производству.

Лишь в прошлом году был выделен земельный участок в Свердловске под строительство производственно–заготовительных мастерских и в текущем году нам удалось выполнить проект силами института «Оргпроектцемент». Но участок был передан под строительство виншампанькомбината. Поэтому мы занялись реконструкцией участка по выпуску вентиляционных заготовок на Семи ключах в г. Свердловске и строительством покрасочной камеры в Н.–Тагильских УЗМ, а также устройством поточной линии по изоляции труб газопроводов на только что переданном нам участке в пер. Краснодарском в г. Свердловске. Но время требовало коренного решения и улучшения качества заготовительного производства, так как объемы работ, выполняемых трестом, постоянно росли, росли и технические требования к качеству работ.

Из монтажа запомнились работы по строительству газопроводов в городах Кушве, Невьянске и Красноуральске и те безобразия, которые там творились. Необходимо отметить, что самым отсталым в тресте было Нижнетагильское управление Газмонтаж: сроки работ часто срывались, качество их было низким. Были для этого объективные причины: отсутствие какой–либо производственной базы, слабое обеспечение механизмами. Но главной причиной являлась чехарда с кадрами, которая там происходила в первые годы работы: текучесть рабочих кадров была огромна и наш учебный комбинат не успевал обучать новых рабочих, инженерно–технических кадров не хватало при большой разбросанности объектов, часто сменялись руководители управления. Все это приводило к постоянным нарушениям трудовой и технологической дисциплины на объектах. Так при строительстве городских газопроводов в Невьянске произошел такой случай. Работу вела бригада, командированная из Нижнего Тагила, все рабочие временно проживали в арендованном управлением частном доме, а механизмы после окончания смены стояли во дворе этого же дома. Однажды, закончив смену и вернувшись в свое временное жилище, они решили поужинать. Один из них «накушавшись» изрядно, вышел во двор, завел автокран и выехал на нем на улицы города. Он ехал по вечерним улицам, не разбирая дороги, стрела крана раскачивалась из стороны в сторону, так как была слабо закреплена. Люди в испуге шарахались от несущегося на них чудовища. Закончилось все очень плохо: этот любитель быстрой езды доехал до городской плотины и вместе с краном нырнул в пруд. Достали автокран с восьмиметровой глубины по частям, рабочего – тоже.

Из семейных воспоминаний 1969 год памятен тем, что в семье у Люси Дубяги (родная сестра Любы) в Тюмени 29 октября родилась долгожданная дочка Оленька. Не знаю почему, но с самых детских лет она стала для меня, и продолжает оставаться по сей день, самой любимой из всех племянниц и племянников. Помню, в один мой приезд в Тюмень, когда она была еще маленькой. Люся отпустила нас с Олей погулять по городу. Погуляли мы с нею, зашли в кафе выпили сок и съели пирожное, а потом вернулись домой. Люся спрашивает ее о том, что мы делали во время гуляния. Оля отвечает: «А мы с дядей Володей пили сок автоматный и сливочный!» А потом влезла ко мне на колени, встала на ножки, погладила меня по волосам и говорит: «Дядя Володя, а у тебя Рысина». Ну, разве можно это забыть?

Сейчас Оля живет с семьей в Киеве. У нее прекрасный муж, Сергей и двое детей: Маргарита, скоро заканчивающая школу и Миша, тоже школьник – ученик третьего класса.

Оля окончила медицинский институт и, как все члены Люсиной семьи, работает врачом. У нее большая практика и она пользуется большим авторитетом и уважением среди больных и сотрудников. Сережа работает в каких–то «органах». Я дружен и с Олей, и с Сережей, а их ребята вообще считают меня своим дедом. Мы раньше с Любой частенько бывали в Киеве и каждый раз разрывались между пребыванием у Екатерины Викторовны (Любина тетя), Лены (Любина сестра) и Володи (муж Лены); а также у Оли с Сережей и их детьми. В последний такой приезд Люба и Саша отдыхали вместе с Екатериной Викторовной в доме творчества музыкантов в Ворзеле, а я жил в Олиной семье. В последний раз я побывал в Киеве осенью 2007 года уже после смерти Любы. Посетил я конечно Леночку с Володей, они тоже осиротели, так как Екатерина Викторовна умерла. Но жил я у Оли. Она меня лечила. Сережа с Мишей возили меня на рыбалку, Оля и Сережа знакомили с украинской и японской кухней в Киевских ресторанах. Побывал я вместе со всей Олиной семьей в гостях у Сережиной мамы, которая с младшим сыном живет на другом конце Киева. Это настоящая украинская семья, все очень приветливы и просты в обращении. Вот у них–то я по–настоящему познакомился с украинской кухней: я узнал настоящий вкус украинского борща, украинской домашней колбасы и, конечно же, настоящей домашней горилки. Полупьяными, с переполненными желудками, с массой положительных эмоций от общения мы вернулись домой к Оле.

И приходят в голову такие мысли: все эти близкие мне люди, и сибиряки, и уральцы, и киевляне – одна большая семья. Как нас можно делить и противопоставлять друг другу как врагов? Я думаю, что время рассудит все и всех! Лично у меня никаких «имперских» замашек никогда не было и нет, мне просто хорошо и радостно от этих встреч. Подтверждением этого, я думаю, послужат стихи, которые были написаны мною под стук колес поезда, «несущего» нашу семью (Люба была еще жива) в Киев на встречу с близкими и родными нам людьми:

День и ночь в ушах «тук–тук»:
То колесный перестук.
В голове же гулкой медью –
Едем, едем, едем, едем!
Это скорый с нами мчится,
Пролетая все границы.

Всяк из нас, конечно рад
Посетить столичный град –
Славный Киев над Днепром,
Породивший Русский Дом,
Жить начавший православно.
Но не то в поездке главно.

Будет самой долгожданной
Наша встреча с Кийским кланом,

Встреча самых дорогих,
Нет важнее дел других.
За одну такую встречу
Жизнь отдам я, не переча.

Поезд нас вперед несет,
А душа кричит, поет
В ожидании счастья.
Подъезжаем … здрасьте!

Здоровья Вам всем, наши родные, и до новых встреч!

В том году наш отпуск был гораздо спокойнее, чем в предыдущем: мне предложили поехать руководителем семейной группы отдыхать с детьми в Болгарию, на «Золотые пески». Я согласился и мы поехали втроем: Люба, я и Витя. Кроме того, в группу включили моего сотрудника по работе и товарища, Рафика Альтмана – образовалась хорошая компания.

Мы обрадовались этой поездке еще потому, что в Софии находилась семья Любиной троюродной сестры Тани, бывшей москвички. Я с нею познакомился еще в 1953 году, когда мы с Любой в зимние каникулы останавливались у тети Веры, Таниной мамы. Таня тогда училась в МГУ на кафедре Восточнославянских языков и дружила с секретарем Болгарского посольства в Москве Митко Тэховым. Она все время проводила в общежитии у друзей и только один раз заглянула вместе с Митко к матери. Вот тогда мы и познакомились. Таня благополучно закончила учебу, вышла замуж за Митко и разъезжала с ним по всему миру: он представлял в разных странах Болгарию как посол, а она работала специальным корреспондентом. За время семейной жизни у них родились двое детей: Андрей и Злата. Дети иногда жили с родителями, но чаще – в Москве у бабушек. Летом 1969 года Таня с семьей возвратилась из очередной командировки домой в Софию и рада была с нами встретиться. Мы заранее договорились по телефону о встрече.

Наша поездка началась в Одессе: теплоходом «Абхазия» мы половину суток плыли до Варны. Варна встретила нас прекрасной солнечной погодой, которая оставалась такой все время нашего пребывания в Болгарии. Из морского порта нас автобусом доставили на курорт (17 километров от Варны). Курорт «Золотые пески» раскинулся амфитеатром: море, трехкилометровый пляж шириной 200 м, покрытый золотистым песком, напоминающий огромный прибрежный бульвар и отели, находящиеся либо непосредственно у пляжа, либо у подножия небольших возвышенностей, поднимающихся кверху, покрытых великолепными лесами и садами.

Мягкий климат – одно из главных достоинств курорта: теплые солнечные дни держатся здесь с мая по конец октября (а мы были в сентябре). Ночи же – прохладные. Этому способствуют огромные площади векового леса, приютившие под своим зеленым покровом весь курортный комплекс. Близлежащие холмы и покрывающая их растительность задерживают западные ветры и благотворно влияют на климат. Ценность курорта обуславливает–

ся этим сочетанием морского и горного климата и теплых минеральных источников, бьющих прямо на пляже. Средняя температура была +20+23°С (ни разу не превышала +30°С). А температура воды в море колебалась от 20 до 25°С.

Комфортабельные, солнечные отели курорта располагают возможностями одновременного приема примерно 16000 гостей. Нас разместили в отеле «Тинтява» расположенном на пригорке среди деревьев примерно в 200 метрах от пляжа. Рядом с отелем располагался уютный ресторан, в котором мы и питались. Надо сказать, что кормили нас прекрасно: готовились блюда той кухни (болгарской или любой национальной), которая заранее была согласована с отдыхающими. Нашим детям и большинству взрослых очень понравился напиток (типа кефира), который болгары готовят с помощью каких-то, выращенных ими грибков. А через неделю отдыха руководители курорта собрали всех руководителей организованных туристов и произвели опрос: есть ли у кого какие-либо претензии или просьбы по питанию. Вот на наших бы курортах так!

Все вечера, как правило, мы проводили в каком-либо ресторане: их здесь много и все они неповторимы. Запомнились некоторые: «Водоницата» (мельница) – там прямо при посетителях готовят вкусные блюда из кур. «Кашарата» (овчарня), где всем подают прекрасно приготовленную баранину. «Индейская деревня» – обслуживают индейцы среди чумов и подают блюда индейской кухни. «Кубинский» – весь обслуживающий персонал, все блюда и вина, а также – музыка и танцы – кубинские. «Цыганский табор» – ресторан под открытым небом из передвижных цыганских кибиток, кухня, песни, обслуживание – цыганские. «Золотая рыбка» – ресторан на берегу моря, под ногами галька, столы из перевернутых лодок, сидения из перевернутых бочонков, стены из рыбацких сетей, натянутых на вертикально воткнутые в берег весла, обслуживающий персонал из одноглазых пиратов в пиратских костюмах, кухня – рыбная, вина – любые, песни пиратские. Нас «пират» пообещал угостить царской рыбой и не обманул. А еще мы выезжали на пикник, где всех угощали кусками зажаренного целиком на вертеле барана, а потом мы танцевали под аккомпанемент аккордеона. Все эти посещения очень понравились Вите.

Как вы уже поняли – скучать было некогда! А к этому надо прибавить ежедневные купания в теплом море, загорания и всевозможные игры на пляже. Через полторы недели отдыха мы с Любой, по договоренности с представителем «Интуриста», уехали на 3 дня в Софию на встречу с Татьяниной семьей, группу оставили на попечение моего заместителя, а Витю – на попечение Рафика, так как у Вити болело ухо и мы были вынуждены его оставить под присмотром врачей.

Интересный случай произошел с нами в железнодорожной кассе Варны: подаю я наши с Любой документы для приобретения билетов, кассир читает их и вдруг спрашивает меня:

– А Вы, что Комаров?

– Да, – отвечаю – Комаров.

– Владимир Комаров?

– Да, Владимир Комаров.

И тут все кассирши, высунув головы из окошечек касс, стали разглядывать нас с Любой: оказывается, они много слышали о нашем космонавте и приняли нас за его семью.

От Варны до Софии ехали мы ночным экспрессом в спальном вагоне 1 класса. У нас было шикарное купе на двоих: в купе два мягких дивана один против другого, отдельно – туалетная комната. Прибыли в Софию утром, а на вокзале нас встретили Таня с Митко и на своей автомашине «Пежо» доставили к себе домой. По дороге они знакомили нас с достопримечательностями Софии, встречавшимся на пути. У Таниной семьи была прекрасная трехкомнатная полнометражная квартира с двумя балконами, выходящими в парк, в пятиэтажном новом доме, рядом с парком Победы и со старинными зданиями университета.

После торжественного обеда всего большого семейства, мы отдохнули с дороги, а вечером Таня и Митко повезли нас на Витошу. Это гора, у подножья которой расположена София. Вся гора, заросшая лесом – это национальный парк. На горе расположены гостиница и ресторанный комплекс «Копыто-то». Мы прекрасно провели там вечер: хорошая национальная болгарская кухня, приятная прохлада, так как весь комплекс расположен в лесу, прекрасный обзор всего города с просмотровых площадок (гиды – Таня и Митко). Уже ночью мы вернулись домой и, переполненные впечатлениями, быстренько уснули.

А утром снова в путь. На этот раз родственники решили нам устроить две экспресс-экскурсии по стране: первая – София, Долина роз, Шипка, Велико-Тырново, София; вторая – София Боровец-Рильский монастырь, София. Оба круиза на личном их «Пежо».

— Итак, едем в Долину роз. Она – единственная в Европе и славится на весь мир. Это поэтическое название получила долина, расположенная в сердце Болгарии, между горными цепями Стара Планина и Средна-Гора. Горы защищают долину от ветров и создают здесь своеобразный климат, благоприятный для выращивания масличной розы, завезенной в Болгарию еще в XVII веке, по-видимому, из Персии. Болгария стала мировым производителем розового масла, а с 80-х годов XVIII века – главным поставщиком розового эфирного масла мировой парфюмерной промышленности.

Это масло – дорогой продукт и ценится на мировом рынке на 50% выше золота. Посетили мы административный и культурный центр Долины роз – город Казанлык и осмотрели единственную в мире фракийскую гробницу с изображениями III века до нашей эры.

А дальше, со стороны Казанлыкской долины мы поднялись на Шипкинский перевал. В 12 километрах севернее г. Казанлыка на высоте над деревней Шипка возвышаются позолоченные купола храма-памятника, воздвигнутого в память русских воинов, отдавших жизнь за освобождение Болгарии от пятивекового османского ига. Идея построить этот памятник принадлежит матери генерала Скобелева – Ольге Николаевне и графу Н.Игнатьеву. Храм построен русскими архитекторами в стиле русских церквей XVII века. Колокола вылиты из гильз. Интерьер расписан прекрасными стенописями – делом кисти талантливых русских и болгарских живописцев. На 34 мраморных плитах написаны имена погибших. В подземелье в мраморных саркофагах сохраняются кости погибших русских воинов. Мы посетили этот храм.

Шипка! Кто не знает этого места – эпопеи бессмертия, символа боевого братства! Уже более столетия поколения произносят это имя с благоговением, потому что оно дорого и свято и болгарину и русскому. Это имя вызывает чувство уважения и признательности к русским богатырям и храбрецам-ополченцам. И еще поклон самопожертвованию павших за свободу Болгарии героев.

Каждый уголок этого очаровательного Старапланинского перевала – история, каждый выступ или ров таит легенду. Помеченные белыми камнями траншеи, восстановленная землянка, командный пункт генерала Столетова, позиции батарей – все воплотило в себе воинскую доблесть, сверхчеловеческую выносливость, победное величие! Земля на Шипке пропитана кровью орловцев, брянцев, житомирцев, подольцев и болгар–ополченцев. Любовь, уважение и признательность освобожденного населения безмерны и вечны. Они отражены в многочисленных памятниках из мрамора, бронзы и гранита. Памятники белеют над братскими могилами воинов, павших в боях за перевал в 1877 году. А на самой вершине народ построил 31.5– метровую каменную пирамиду из местного камня – доломита и назвал ее Памятником свободы. Суровое величие и каменная мощь его захватывают и изумляют. Бесконечные ступени ведут вверх, от широкой ленты асфальта отделяется узенькая дорожка и извивается по горному хребту. Гостей встречает внушительный бронзовый лев на гранитном постаменте. И одно слово «Шипка» – синоним подвига и самоотверженности. Вокруг белые мраморные памятники. Они огорожены тяжелыми цепями, которые охраняют покой мертвых. Останавливаемся перед одним из них, русские слова:

«35 Брянский полк
майор Молостов
капитан Брянцев
прапорщики Гюне, Герасимовский и нижних чинов 375»
Обходим его:
«36 Орловский полк. Капитан …, штабс-капитан…
Нижних чинов 482».
Выше: «князь Мещерский и полковник Беницкий» …
Прапорщики… и нижних чинов»

И цветы. Много цветов. Болгары свято чтут память героев. Они говорят: «Кто в битве славной пал – не умирает!». И написали такие стихи:

И теперь лишь буря
Грянет на Балканах,
Вспоминают Шипку
горы – великаны,
И разносит эхо
Гром былых побед
Через перевалы
В даль грядущих лет».

Дальше наш путь лежал через перевал на вершине Столетова и город Габрово в город – живую историю Болгарии, Велико–Тырново. Он расположен на северных склонах Балканских гор, причудливо изрезанных руслом реки Янтры, там, где река образует живописное ущелье в невысокой Тырновской горе. Местами ущелье достигает 250–метровой глубины. По крутым берегам ютятся, карабкаясь вверх домики с эркерами, балконами, ви–

сящими садами; круто спускающиеся вымощенные булыжником улочки; укромные дворики, скрывающиеся под вьющимся виноградом – старая часть города бережно хранит атмосферу эпохи Возрождения.

Велико–Тырново является столицей Второго Болгарского царства в период 1185 – 1396 гг. Славная история оставила в облике города неизгладимые следы. Когда–то на холме Царевец поднималась небольшая крепость. Здесь в 1185 году было поднято восстание феодалов против Византийского владычества. Прежний центр города, включавший дворцы царя и патриарха, находился на холме Царевец, окруженном с трех сторон Янтрой. Подъемный мост связывал его с остальной частью города. Весь холм был обнесен каменными стенами. В юго–восточной части крепости поднималась сторожевая башня (башня Балдуина). Много преданий и легенд сохранилось о ней. Сейчас к развалинам царского дворца и патриаршей церкви мы подъехали по хорошей живописной дороге. Другой неприступной крепостью, окруженной широкой стеной, была Трапезица. Здесь в богато украшенных резьбой домах жили бояре. Сейчас на холме при раскопках обнаружено 17 церквей сохранившиеся фрагменты живописи свидетельствуют о большом таланте неизвестных мастеров. Вне крепостных стен находились дома городского населения. Велико–Тырново сегодня – административный и культурный центр Тырновского округа. Он приобретает черты новой жизни, не теряя, однако облика города с многовековой культурой и героическим прошлым. Новые постройки еще лучше оттеняют старину. Например, отель Балкантурист, здание краеведческого музея и библиотеки, строительный техникум.

Ознакомившись с достопримечательностями города, мы отправились в обратный путь и к вечеру вернулись в Софию.

А назавтра – поездка на юг страны по второму маршруту, к горам Рила–Планина. «Многоводная»… Так называли эти горы славяне, потому что здесь берет начало много рек, которые устремляются во все концы Болгарии: одни достигают на севере Дуная, другие на юге – Эгейского моря. Рила–Планина! Какая величественная и неповторимая красота!

В семидесяти километрах на юг от Софии, у подножия гор Рила–Планина, в густом бору, на высоте 1300 м над уровнем моря находится один из самых больших болгарских курортов – Боровец – первый объект нашего сегодняшнего посещения. На территории курорта более170 домов отдыха. Его прекраснейшее месторасположение, естественная защищенность от холодных ветров и большое количество солнечных дней зимой способствовали превращению его в центр зимнего спорта. Боровец является также исходным пунктом восхождения на самую высокую вершину Балканского полуострова – Мусалу (2925м над уровнем моря). Мы провели в Боровце прекрасные полдня, пообедали в ресторане и направились в Рильский монастырь – центр средневековой болгарской культуры.

Есть что–то неповторимое в том чувстве, которое испытывает посетитель, впервые переступивший порог болгарского монастыря, попадая в тихий, с пышным самшитом, с пестрыми цветами под вьющимся виноградом, с поющими серебряными струями каменных фонтанов, двор.

По своей архитектуре и внутреннему убранству монастыри похожи на болгарские дома эпохи возрождения – светлые, приветливые, гостеприимные. Широкие галереи, эркеры,

внутренние лестницы, резьба по дереву и изящные стенописи говорят о богатых традициях болгарского искусства. В изображениях святых нет ничего скованного, аскетического, отрешенного от жизни – с икон смотрят умные глаза живых людей с богатым внутренним миром. Яркие и сочные краски стенописей пережили поколения и прославляют талант мастеров, вышедших из народа.

Монастыри играли особую роль в истории страны. В них создавалась и хранилась национальная культура. На протяжении долгих лет османского владычества только в монастырях хранились духовные ценности. Позже, в эпоху возрождения и национально-освободительной борьбы, они превратились в очаги просветительной и революционной деятельности.

Рильский монастырь – самый большой монастырь в Болгарии, построенный в 1147 году среди величественного массива Рила. Основан он был в X веке отшельником Иваном Рильским.

В конце XIV века на Балканский полуостров вторглись османские войска. Монастырь уцелел от их нападений и сохранил права и свободы, дарованные ему болгарскими царями. Позже нападения кирджали опустошили монастырь. В XIX веке монастырь был заново построен уже в том виде, в котором сохранился и посей день.

Главная церковь поражает своими, исключительными по красоте и силе художественного воздействия, стенописями, иконами и резьбой по дереву. «Магерницата» – старая кухня монастыря тоже представляет собой архитектурный памятник. В большом здании находится более 300 келий монахов, соединяющихся террасами, лестницами и галереями. В библиотеке монастыря более 20000 томов – старые жития, евангелия, старопечатные книги.

Вот и закончились наши автомобильные поездки по стране. Конечно же, Таня и Митко, а также Андрей и Злата познакомили нас и с достопримечательностями столицы. Пишу лишь о том, что меня больше всего удивило: многочисленные парки, сады и скверы придают городу, расположенному на высоте 550 метров над уровнем моря, редкое очарование. На каждого жителя Софии (примерно 860 тыс. чел.) приходится по 280 м^2 зеленой площади. И не случайно Софию называют городом-садом.

За эти несколько дней мы близко познакомились с этой близкой нам по духу страной и ее людьми: где бы мы ни были, везде обращались с простыми людьми, а Таня и Митко помогли нам в этом. Последний вечер в Софии мы провели в семье Теховых. Это был прекрасный вечер с воспоминаниями, а также планами на будущие встречи.

Однако судьба больше не предоставила нам возможности семейной встречи. Вскоре Митко получил очередное назначение работать послом в одной из африканских стран и они с Таней уехали из Болгарии, а ребята уже без них закончили свои университеты. Таня в Африке заболела от тоски по Родине и никакие медицинские светила не смогли ее вылечить: она умерла. С Митко Люба и я встречались еще в Москве в 80-е годы, когда он приезжал на согласование в ЦК КПСС по поводу назначения его послом в Югославию (оказывается, тогда был такой порядок). Узнав о его приезде, мы с Любой прилетели в Москву и провели с ним «вечер воспоминаний» у тети Гали – это другая сестра Любиного отца. Последняя же моя встреча с Митко состоялась в 1990 году в г. Шумене (Болгарии), где я

участвовал в Международном шахматном турнире. Встреча получилась скромной: он как будто побаивался этой встречи – наступали новые времена, так называемой перестройки. Ребята выросли, переженились и разъехались в разные страны: Злата замужем за немцем и живет в Берлине, Андрей же стал парижанином.

Назавтра после прощального Софийского вечера мы с Любой поездом вернулись в Варну, оттуда автобусом на «Золотые пески», где прекрасно провели оставшиеся дни и отдохнувшими, окрепшими вернулись домой в Свердловск. Так же удачно провели отдых и другие туристы нашей группы. Дома тоже было все в порядке.

IV-й этап январь-октябрь 1970 года.

Как и первый этап работы в тресте, этот был тоже коротким и тоже послужил роль переходного к последнему, самому главному моему назначению. В январе я был назначен на должность начальника производственно-технического отдела треста. С 25 марта 1969 года трест получил новое название «Уралтяжспецстрой», но функции его остались теми же. У меня же они изменились: хотя я оставался одним из руководителей в решении технических вопросов, главными стали вопросы производства. Количество «болевых точек», а также ответственности возросло. Меня уже хорошо знали в областных и городских партийных и советских органах, а также заказчики приглашали, как одного из главных руководителей треста. Постоянно приходилось контролировать ход работ на объектах и разрешать всякие конфликтные ситуации. Но из всех объектов этого года хочу рассказать лишь об одном, не побоюсь сказать, самом главном не только для треста, но и для города, области, Главка. Это был цех холодной прокатки трансформаторной станции на Верх-Исетском металлургическом заводе в Свердловске. И пусть не вводит в заблуждение в названии объекта слово «цех»: необходимо было построить тридцать новых объектов, а также полностью реконструировать цеха этого старинного уральского завода. А новый блок цехов мог потрясти воображение: размеры его и в длину и в ширину были около километра. В будущей продукции – трансформаторной стали нуждались десятки стран мира. К работам по строительству, на этом объекте были привлечены несколько общестроительных трестов и все специализированные подразделения Главсредуралстроя, строительные и монтажные организации Минмонтажспецстроя. Как на всех важных стройках и на этой был создан областной партийный штаб, с секретарем Областного комитета КПСС во главе. Штаб проводил свои заседания ежедневно с 18-00 , на которых решались все оперативные вопросы. К работе штаба были привлечены ответственные работники от заказчика, проектировщика, Главснаба, а также от всех строительных и монтажных организаций. От нашего треста ответственным был назначен главный инженер Свердловского управления Промвентиляция Пасынков Григорий Яковлевич, так как на объекте мы выполняли работы лишь по монтажу систем вентиляции.

Конечно, наш трест вел одновременно работы и на десятках других объектов, от которых я имел свои «головные боли», но запомнился именно этот объект, но расскажу я об этом, когда дойду до описания следующего этапа.

Текущий год принес в нашу семью, пожалуй, самую большую неприятность: врачи признали Сашу инвалидом второй группы с детства в связи с родовой травмой. Он не смог учиться даже во вспомогательной школе. По совету врачей мы устроили его на работу, на фабрику беловых товаров, где он стал заниматься изготовлением различных папок и коробок для бумаг.

В августе мы всей семьей отдохнули в Гудауте, нам с Любой выделили две санаторные путевки которыми мы и воспользовались. А ребят, по приезду в Гудауту устроили на проживание в грузинской семье, за их питание заплатили в санаторий и они питались с нами. Отдых прошел отлично: мы прекрасно проводили время в Гудауте, а также съездили в Сухуми, Новый Афон, на озеро Рицу – вспомнили свою студенческую молодость.

V-й этап. Октябрь 1970 – январь 1978 гг.

Эти годы были последним этапом моей работы в тресте «Уралтяжспецстрой». Я достиг своей вершины карьерного роста. В октябре 1970 года меня назначили исполняющим обязанности Главного инженера треста. Хотя я уже не удивлялся этому назначению, но всё равно, это произошло неожиданно: вскоре по возвращению из отпуска я получил указание явиться на прием к начальнику Главсредуралстроя Башилову Сергею Васильевичу: об этом меня предупредил Борис Кронидович Веселовский, наш управляющий. Но на мой вопрос о причине вызова сказал, что не знает. Конечно же, он знал, так как мое назначение произошло с его представления. Я явился к Башилову С.В. в назначенное время к 21°°, удивляясь, что приглашен так поздно, но потом узнал, что его рабочий день длится обычно с 6 утра и до 23–24 ночи. Работал он и по субботам, а иногда и по воскресеньям. Поэтому, работая главным инженером, я уже не удивлялся тому, что совещания у него часто назначались в вечернее время, а коллегии Главка проводились чаще всего в субботу или воскресенье.

Мы с Башиловым С.В. беседовали около часа: он внимательно выслушал рассказ о моей семейной жизни, о работе, взаимоотношениях с людьми и о том, как я расцениваю работу треста и его перспективы в будущем! Потом он мне сказал, что многое из сказанного мною знает, знает также о моем отношении к работе и к людям. А в заключение сказал, что меня решено назначить главным инженером треста, и что данный вопрос уже согласован с партийными и советскими органами. Я ответил на предложение согласием и поблагодарил его за доверие. Прощаясь со мной, Сергей Васильевич добавил, что он очень надеется на меня и пожелал успехов.

Я даже не представлял, насколько непросто была согласована моя кандидатура на эту должность. Категорически противился этому первый заместитель начальника Главсредуралстроя Лерман Анатолий Михайлович, которому непосредственно подчинялся наш трест. Он все сделал, чтобы на эту должность был назначен главный инженер Свердловского управления «Промвентиляция» нашего треста, Пасынков Григорий Яковлевич. Но областной комитет КПСС и Облисполком согласовали мою кандидатуру, а Григория Яковлевича утвердили на новую должность в тресте – заместителем управляющего трестом по вентиляционным работам. Я с первого же дня работы почувствовал негативное отношение ко мне со стороны Лермана А.М. Чего только стоило наше представление работникам треста, которое он проводил: он долго рассказывал аппарату треста о том, какого опытного руководителя получил трест в лице Григория Яковлевича, а в конце обмолвился о том, что временно назначаюсь на должность главного инженера я. Долгое время я испытывал такое отношение с его стороны ко мне, но в 1971 году произошла приятная метаморфоза. Где-то в мае-июне вызывают меня Лерман А.М. в Главк, а я тогда был закреплен от треста за работами по вентиляции на строительстве фабрики окатышей Качканарского ГОКа, и объявляет о том, что он на завтра проводит в Качканаре выездную коллегию. ОН обязал меня обеспечить явку на коллегию вновь назначенного управляющего Фокина Михаила александровича. Я возмутился и говорю, что я закреплен за объектом и если не справляюсь с работой, то пусть меня освобождают от нее. Лерман А.М. выслушал мои возмущения, предложил мне успокоиться, а потом добавил, что у него давно нет ко мне претензий, но есть вопросы, на которые должен отвечать управляющий. И с этой встречи у нас с ним начались нормальные взаимоотношения. Но ненормально они у меня складывались с Григорием Яковлевичем Пасынковым. Первая неприятность произошла буквально через неделю после наших с ним назначений. Я вернулся из очередной поездки на объекты и тут заходит ко мне в кабинет Григорий Яковлевич. Он, ссылаясь на какие-то трудности, попросил меня вечером побывать на штабе по строительству ЦХП ВИЗа. Он заверил меня, что к нам вопросов не будет, что у нас там все в порядке. Вы же помните из вышесказанного, что он был ответственным от нашего треста на этой стройке. И я сдуру, не проверив состояние дел на объекте, явился в штаб, где мне задают вопрос о том, закончили ли наши вентиляционщики, как обещал Пасынков, работы по монтажу на станции химзащиты. Я, конечно «поплыл», ничего не зная об этом. И тут встает начальник этой станции и докладывает, что работы по монтажу даже не начаты из-за отсутствия на объекте заготовок и главный инженер (то есть я) вообще не в курсе дел. Можете представить реакцию штаба на эти заявления? Тут встает начальник Главуралстроя Башилов С.В., дает мне поручение, чтобы в течение суток выполнить все работы, а начальнику станции поручает доложить на завтрашнем заседании, выполнено ли поручение данное мне. Меня Башилов еще предупредил, что если я не выполню этого, то будет рассмотрен вопрос о соответствии меня занимаемой должности. После заседания штаба я поехал в ЦЗМ и обязал его директора, отложив все другие заказы, выполнить всю заготовку на этот объект к утру. По возвращению домой я позвонил Пасынкову, выговорил ему все, что я думаю об этой «подставке» и обязал его принять все меры для выполнения, данного мне поручения. Он, конечно, извинялся и обещал все проконтролировать. Но назавтра мне уже пришлось ехать снова на заседание штаба. Приехал я на стройку пораньше, зашел на эту многострадальную станцию и увидел, что заготовка завезена, но монтаж до конца смены выполнен не будет. Разыскал я будущего начальника станции, показал ему, что творится с нашими работами, пообещал закончить к концу завтрашнего дня и сказал, что теперь от него зависит, буду ли я освобожден от работы или нет. На штабе он заявил, что все работы наши закончены и для меня все закончилось благополучно. Монтаж мы закончили, как я и обещал. Но я с тех пор прочно запомнил правило: доверяй, но проверяй.

Я сначала подумал, что все произошедшее – случайность, но потом понял, что это не так. В дальнейшем Пасынков Г.Я. несколько раз, когда я был в отъезде, распускал обо мне какие-то нелицеприятные слухи. Мне по приезду рассказывали об этом. Я приглашал его к себе в кабинет, пытался разобраться в этом, но он все отрицал и уверял меня в своих дружеских чувствах ко мне. Он, напоминал мне о том, что это с его помощью я попал на монтаж. Через некоторое время все повторялось и продолжалось до моего ухода из треста. А когда я ушел, то его назначили главным инженером на мое место. После этого Григорий Яковлевич стал снова относиться ко мне по дружески, и это продолжалось вплоть до его смерти. Так что ошибаются иногда те, кто считают, что мужская дружба, самая крепкая.

С новым назначением у меня добавилось ответственности и задач, которые стали постоянными. Я стал отвечать за производство, за технику безопасности, за рационализацию и внедрение новой техники, за подготовку и переподготовку кадров; занимался вопросами реконструкции мастерских и внедрением новых технологий и материалов, оснащением подразделений современными механизмами и инструментом. Одними из главных были задачи по улучшению экономических показателей в работе. Занимался я также вопросами собственного строительства жилья для работников треста. Я частенько закреплялся за каким-то важнейшим на этот период объектом и иногда безвылазно проводил на нем несколько месяцев. Так что мой кабинет в тресте большей частью пустовал. Но технические советы треста я проводил регулярно. За свою работу я в 1970 году был награжден медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина». Не отходил я и от общественной работы: 1970 году был избран секретарем партбюро, а в 1973–1974 г. был членом партийного бюро треста.

1971 год.

Запомнился работами в Качканаре. Нижнетагильское управление «Газмонтаж» вело работы по строительству городских газовых сетей, а Нижнетагильское управление «Промвентиляция» по монтажу систем вентиляции на пусковом объекте Качканарского ГОКа – фабрике окатышей. Особенно неприятны были работы по устроению брака, допущенного газмонтажниками и доведению газопроводов до сдачи.

Запомнился также случай, произошедший со мной по пути в Качканар, но не связанный с работой. Я приехал на несколько дней по делу в Свердловск и через пару дней, прийдя с утра на работу к 8-00 ч., когда в тресте еще никого не было, так как рабочий день начинался в 9 часов утра, – получил извещение от диспетчера Главка о том, что мне необходимо немедленно вернуться в Качканар. Оказалось, что туда приезжает министр Минчермета – заказчик и министр Минтяжстроя – это наш, и они будут рассматривать ход работ на всех объектах города и ГОКа. Что делать, бросаю все дела и, как только появляется мой шофер, а это около 8-30 утра, сажусь в автомашину и уезжаю в Качканар. Ни Люба, ни в тресте – никто не знает пока о моем отъезде. Едем мы мимо Нижней Туры, где жила моя мама, а это в 40 километрах от Качканара и я решаю заехать к ней минут на пятнадцать, чтобы узнать о ее здоровье. Как вы думаете, чем она занималась в это время? Она испекла мои любимые

пирожки с капустой и сидела, ждала меня. Откуда она узнала о моем приезде? И я решил, что мы «дети макрокосмоса» и имеем внеземные связи друг с другом.

Этот год принес трещину в наших с Любовью семейных отношениях. Я узнал, что обо мне в тресте ходят слухи, будто после перенесенной операции на желудке я стал чуть ли не импотентом и поэтому почти постоянно нахожусь в командировках. Но самым возмутительным в этих слухах было то, что источником их оказалась моя жена. Я задумался над тем, что же меня ожидает в дальнейшей жизни, если через 15 лет брака я слышу о себе такое. По возвращении из Качканара у нас с нею произошел из-за этого скандал. Она оправдывалась тем, что мне неправильно истолковали ее слова: она имела ввиду только то, что я из-за работы почти не бываю в семье. Мы начали отдаляться друг от друга.

В октябре я взял очередной отпуск, и по приглашению Юры Мелешко, мы с ним поехали по путевке в санаторий Госснаба СССР, расположенный в пригороде Москвы, в нескольких остановках на электричке от Савеловского вокзала. Санаторий понравился. Здания его были расположены в парковой зоне, кругом деревья, метрах в двухстах от территории протекала небольшая тихая речка. И все это: и октябрь месяц, и деревья с почти опавшими листьями, и тихая река, и тишина вокруг навевали покой, меланхолию и печаль. Устроились мы с Юрой в прекрасном 2-х местном номере со всеми удобствами в большом 5-этажном главном корпусе с рестораном, где мы обычно прекрасно питались и танцзалом на первом этаже, где отдыхающие проводили вечера.

Мы с Юрой решили выдерживать спортивный режим: утром – зарядка, утром и вечером пробежки по парку, днем – лесные прогулки. Но недаром говорят, что благими намерениями вымощена дорога в ад, так как эти планы мы нарушили уже на второй день пребывания в санатории. Как и было договорено, мы утром после зарядки выбежали в парк. Бежим и видим какое-то небольшое уютное здание. Решили узнать, что же в нем располагается. Оказалось, что это магазин, а внутри – и крабы, и черная, и красная икра, Армянский и Грузинский коньяк; электробритвы, спортивные костюмы, рубашки и маечки с трусиками, а также парфюмерия. Конечно же, пробежка наша закончилась на ступеньках магазина. Мы купили сразу несколько бутылок Армянского коньяка, всякие закуски (можно подумать, что нас плохо кормили). А назавтра, вместо зарядки, мы «зарядились» коньяком, позавтракали в ресторане санатория и ... поехали на такси в Москву на обед в ресторан «Славянский базар». Это был любимый ресторан «папы Гиляя», известного на стыке XIX и XX столетий всей Москве Владимира Алексеевича Гиляровского – писателя и журналиста. С того памятного обеда этот ресторан стал любимым и для нас. Такой «спортивный» режим поддерживался нами все время пребывания в санатории.

Когда, уезжая, мы решили на прощание купить бутылочку «Армянского», то в наличии оказался лишь «Грузинский» – видимо с одним мы сумели справиться.

Правда, во время этого отличного отдыха и «лечения» у меня произошло печальное событие: мой отчим умер в Тюмени, в больнице, где он проходил лечение. Мне пришлось прервать на несколько дней свое пребывание в санатории вылететь в Свердловск на похороны. Схоронили отца в Сысерти, рядом с родителями. А сейчас на этом кладбище покоятся еще и его брат Александр, и жена брата, Татьяна.

Вернусь к нашей с Любой размолвке на почве личных взаимоотношений. Я в санатории как–то расслабился, стал по вечерам похаживать на танцы и опять, (о, судьба!) во время танца познакомился с молодой женщиной. Звали ее Валентина Трухина. Она была инженером–строителем, работала в одном из московских проектных институтов, жила в однокомнатной квартире на Рязанском проспекте одна, так как была разведена. Неожиданно быстро мы с нею сблизились. Впервые я изменил жене, впервые, после встречи с Любовью мне было так хорошо с женщиной. Я понял, что все нормально с моим здоровьем, что жизнь продолжается! Я и не заметил, как промелькнули дни и приятные вечера отдыха. На прощание я пообещал Валентине приехать к ней на встречу Нового Года. Вернувшись домой, я рассказал Любе и об этой встрече, и о том, что собираюсь на Новый Год в Москву. Она меня всячески отговаривала, уверяла в том, что у нас все наладится, но когда пришло время, собрала меня в поездку и просила лишь о том, чтобы я вернулся. Вот в таких катаклизмах прошло окончание года.

К этому надо добавить, что наши мальчишки уже начинали жить каждый своею жизнью: Саша осваивал профессию переплетчика, а Витя успешно учился в школе и с танцевальным ансамблем разъезжал по концертным площадкам страны. В конце года ему выделили путевку в пионерский лагерь «Артек», во всемирно известную «страну–пионерию» и он провел там зиму, сочетая оздоровление с учебой.

1972 год.

Начало года было продолжением прошлого года: весь первый квартал я провел в Качканаре и «добил» газовые сети. В конце квартала работы по ним были закончены, все замечания устранены и газ пошел к потребителям.

В начале второго квартала меня неожиданно командировали в Московский инженерно–строительный институт им. Куйбышева на 3–х месячные курсы руководителей строительных организаций по экономике строительного производства. Я их благополучно закончил, а в заключение написал выпускную работу: «Взаимоотношения в современных условиях между генподрядными и субподрядными строительными организациями».

По возвращению из Москвы меня снова ждали два важнейших объекта: цех двойного суперфосфата на СУМЗе в г. Ревде и асбофабрика №6 в г. Асбесте. Это не считая сотни мелких объектов по всей области.

29 мая 1972 г. вышло постановление Совета Министров СССР «О мерах по обеспечению выполнения плана производства минеральных удобрений в 1972 году» и начался очередной «аврал». Все строители справились со своими работами, и объект был введен в строй действующих в срок. В связи с этим, правительство выделило отличившимся на объекте рабочим и ИТР для продажи сто легковых автомашин «Москвич–412». Я попал в число «счастливцев» и весной 1973 года, купив машину, приобщился к великому братству автолюбителей.

В Асбесте на строительстве асбофабрики №6 Нижнетагильское управление «Промвентиляция» выполнило большой объем по монтажу систем вентиляции, причем параметры некоторых систем были более нескольких метров в диаметре и монтировались на большой высоте. На этом объекте мы также справились со всеми задачами.

Кроме работ на важнейших объектах меня в этом году ждала и большая неприятность. В сентябре месяце в течение двух недель, на трех объектах в разных городах области, во время работы произошло три смертельных случая с нашими рабочими. Первый из них случился в Нижнем Тагиле на строительстве Дома быта «Эра» в начале месяца. Я в это время находился в Качканаре. Во время совещания у директора ГОКа меня вдруг вызывает к телефону его секретарь. Беру трубку: звонит главный инженер управления «Промвентиляции» и сообщает, что у них только что произошел несчастный случай. Извинившись, я покидаю совещание и уезжаю в Нижний Тагил. Там произошло следующее: бригада монтажников монтировала воздуховоды в венткамере, расположенной на 9 этаже здания. Помещение имело оконные проемы, еще не заполненные стеклоблоками. Рабочие бригады, перекатывая вручную тяжелый сварной воздуховод, случайно вытолкнули в открытый оконный проем молодого монтажника. Он упал на перекрытие над вторым этажом пристроя к зданию и погиб. А парень совсем молодой: только что вернулся из армии, женился, у него остался совсем маленький сын. Заканчиваю расследование этого случая и вдруг звонок из Асбеста: тоже смертельный случай. Не заезжая домой еду в Асбест. Там на асбофабрике №6 при ведении монтажных работ на высоте погиб пожилой рабочий из числа условно досрочно освобожденных от наказания. По рассказам рабочих бригады он ночью выпил, а утром, работая на высоте, упал с воздуховода и ударившись головой о фланец лежащего на полу воздуховода, получил травму несовместимую с жизнью. На этом неприятности не закончились. Из Свердловска мне сообщают, что у нас на ЦЗРММ на строительстве пристроя к цеху вентиляционных заготовок погиб рабочий треста «Свердловскпромстрой». Одно из подразделений этого треста вело там работы. Срочно возвращаюсь в Свердловск. Оказывается, прораб получил готовые бетонные фундаментные блоки и решил монтировать фундаменты пристроя, учитывая, что траншеи под блоки были уже подготовлены. Но на улице шел мелкий осенний дождь и опытный рабочий, которому прораб дал поручение на выполнение работ, отказался ее выполнять, так как погода была сырая, а на бровке лежал оголенный кабель, питающий существующий цех. Рабочий должен был при опускании блоков в траншею автокраном придерживать ломиком и выравнивать их. Он боялся, что его может при этом ломиком прижать к оголенному кабелю, тем более, что кабель имел 2 муфты и не было никакой гарантии, что они не пробиты. Вместо того чтобы потребовать временного отключения кабеля, прораб послал на эту работу молодого рабочего, пообещав ему хорошую оплату. Тот, не понимая опасности, с удовольствием приступил к выполнению задания. Опустили первый ряд блоков – все в порядке. При установке второго ряда ломик застрял между блоками, наклонился и толкнул рабочего. Тот от удара упал спиной на оголенный кабель прямо на одну из муфт. Она оказалась пробитой и парень погиб.

Все эти случаи рассматривались на коллегии Обкома строителей: прорабов Нижнетагильского управления «Промвентиляция» и треста «Свердловскпромстрой» отдали под суд, наказали всех главных инженеров. Мне за ослабление внимания к вопросам охраны труда и техники безопасности вынесли строгий выговор с предупреждением об освобождении от занимаемой должности.

В тресте и позднее происходили тяжелые несчастные случаи, но таких массовых больше не было. Но все они и легкие и тяжелые – до сих пор у меня в памяти. Врачи говорят, что у меня нервы не в порядке, а какими же они могут быть при такой работе? На всю жизнь я запомнил и своим подчиненным говорил, что все правила безопасности написаны кровью.

Год для меня закончился успешно: в декабре я был утвержден в должности главного инженера треста и занимал ее до последнего дня работы в нашей организации.

А что же произошло на личном фронте? Новый Год я провел у Вали в окружении ее друзей. Потом задержался еще на пару дней и побывал у нее в институте. Там получил приглашение на работу в качестве главного инженера проекта. Все складывалось так, что я мог переехать в Москву и устраивать свою дальнейшую жизнь там: в перспективе были работа, квартира и женщина, которая готова была связать свою жизнь со мной. Вернулся я в Свердловск встряхнувшимся, а после окончания работ в Качканаре снова уехал в Москву – на учебу в инженерно-строительном институте.

Любовь, видимо поняв серьезность всего происходящего и то, что я могу не вернуться, бросила все, оформила отпуск без сохранения содержания и вместе с Витей приехала в Москву. Она нашла меня там и всячески уговаривала сохранить семью, обещая никогда больше не допускать действий обижающих меня как мужчину, мужа и отца наших детей. Особенно просила подумать о наших мальчишках. Я обещал ей обо всем серьезно подумать, вернуться в Свердловск и только тогда принять решение. Я все обдумал и остался в семье, больше не из-за Любови, а из-за ребят: во-первых, я их любил, а во- вторых, кому будет нужен наш Саша-инвалид. Жизнь подтвердила через много лет правильность принятого мною решения. Не смотря на то, что эта «трещина» в наших отношениях с Любовью осталась надолго, после ее ухода из жизни я остался с ребятами. Витя часто заезжает ко мне и помогает во всем, а Саша жил со мной и постоянно нуждался в мой помощи в связи с ухудшившимся здоровьем. А 7 января 2010 года он умер.

Я обо всем сообщил Валентине в Москву и как смог, объяснил свои решения. Удивительно, но она как-то сразу все поняла. Мы спокойно и тепло с нею распрощались по телефону и никогда больше не встречались и не переписывались. Но Любовь с той поры стала ревновать к каждой юбке.

Приняв такое судьбоносное для нашей семьи решение, мы захотели очередной отпуск в этом году провести вместе всей семьей. Как-то об этом узнал начальник Свердловского управления «Промвентиляция» Савин Г.И. и предложил нам поехать на рыбалку к его сестре, которая жила с семьей в поселке Илек. Оренбургской области, на берегу реки Урал. Он так интересно нам рассказал о семье сестры, о тех местах и о рыбалке на Урале, что мы решились и в августе съездили туда.

Путь до Илека нас просто расстроил. Сначала до Оренбурга за ночь доехали в душном, грязном вагоне поезда Свердловск – Алма-Ата, затем с утра до 5 часов вечера на жаре, на привокзальной площади ожидали автобус до Илека и, наконец, в маленьком переполненном пассажирами ПАЗике тряслись по открытым всем ветрам и солнцу дорогам Оренбуржья около 140 км. Наконец, в 8 часов вечера, совершенно вымотанными, добрались до дома Ирины, сестры Германа Савина.

Дом был большой в плане одноэтажной мазанкой из 4-х комнат и кухни, построенной из самана. Внешне он был не очень красив, вытянут в глубину участка, но внутри – очень уютным. Кроме того, он очень хорошо сохранял прохладу в жаркие летние дни.

Семья состояла из 4-х человек: Ирина, ее муж Павел, сын Саша и дочка Маргарита. Павел работал начальником участка оренбургского ремонтно-строительного треста. Он был удивительно спокойным, деловым, общительным и добрым человеком. Саша был ровесником нашего Сани, только гораздо активней и развитее. Маргарите же шел шестой годик. Сама Ирина занималась семьей и домашним хозяйством. У них был достаточно большой приусадебный участок – одновременно и огород, и фруктовый сад. Кстати, под одной из яблонь был «рассадник» червей для рыбалки. Кроме этого они держали кур, пару свиней, индюков. Семья была очень дружной и приветливой, мы это сразу почувствовали.

Мы быстренько умылись с дороги под душем, который был устроен прямо под открытым небом в огороде, поужинали прекрасно приготовленный здоровой, деревенской пищей и мгновенно уснули, устроившись вповалку на полу одной из комнат.

Проснулись мы уже поздно. Павел ушел на работу, а Ирина занималась хозяйственными делами. Увидав, что мы проснулись, она накормила нас плотным завтраком и повела знакомиться с Илеком. Поселок оказался довольно большим и состоял в основном из одноэтажных строений, над которыми возвышалась только пожарная вышка. Вид поселка был непривычным для нас, так как кругом простиралась степь. Здесь не было ни одного дерева, кроме фруктовых деревьев и кустарников в садах. Дороги неблагоустроенные, пыльные. Асфальт кончался на въезде в поселок у остановки междугородного автобуса. Но здесь имелись и исправно работали все необходимые службы по управлению Илекским районом и объекты соцкультбыта. Мы зашли в один из продовольственных магазинов и быстро закупили все необходимое для приготовления пищи на рыбалке. Затем мы вернулись домой, разгрузились от покупок и спросили о реке: ее не было видно. Оказалось, что она протекала рядом с поселком, метрах в двухстах от окраины, но ее заслоняли дома. Саша повел нас на берег. Река нам сразу понравилась. Она была около 150 метров в ширину, очень быстрой, с довольно мутной водой, так как русло ее проходило в глинистых берегах. Со стороны поселка обрывистый берег, а противоположный плавно спускался к воде. Берега в зарослях кустарников. Через реку был переброшен деревянный мост, 6-ти метров в ширину, без перил и в первый момент было даже страшновато идти по нему над быстро мчавшейся водой. Но на краю моста, свесив ноги, спокойно сидели совсем молодые и очень старые рыбаки. Клевало хорошо. Меня это раззадорило и захотелось самому поучаствовать в этом празднике ловли рыбы. Но Саша убедил нас, что уже завтра его отец отвезет нас в заветное место и мы узнаем, что такое настоящая рыбалка.

И точно, утром к дому подъехал закрытый грузовой фургон, мы погрузили в него деревянную лодку, посуду, спальные принадлежности, палатку, рыболовные снасти, прикорм, насадку для рыбы (ведро червей из под яблони) и продукты питания для себя, сели сами, Саша местный, сам Паша и двинулись навстречу рыбацкой удаче. Выехали мы из Илека в сторону Оренбурга, проехали по асфальтированному шоссе несколько километров, а затем по грунтовой дороге въехали в небольшой лесок, который шел рядом с рекой. Попетляли

мы между деревьями с полкилометра и выехали на берег Урала. Противоположный от нас берег был высоким, обрывистым и деревца с кустарниками подходили к самому краю, а наш был низким и песчаным. Кустарники и деревца отходили на нашем берегу от уреза воды метров на 60–80. Мы быстро выгрузились и, прежде всего, устроили лагерь. Мы привезли с собой из Свердловска, только что купленную отличную польскую палатку, которая состояла из двух комнат по бокам с полом, а посредине – комнатка без пола для устройства очага с выходом наружу. Сверху палатка накрывалась дополнительным тентом, по которому капли дождя скатывались на землю за пределами самой палатки. Палатка послужила нам отличным домом на все время пребывания на реке и мы ни разу не почувствовали ни капельки дождя. Лодку спустили на воду и закрепили за кол, вбитый в берег, но все же наполовину вытащили ее на песок. Все съестные припасы внесли в палатку, туда же и спальное белье, и посуду. Павел помог нам обустроиться, а еще они с ребятами нарубили и принесли к палатке сушняка для костра. Также он помог нам настроить снасти для рыбалки впроводку и проконсультировал меня по всем вопросам. Он порыбачил со мной с лодки, показав все приемы прикормки ловли, а также все уловистые места и только вечером уехал в Илек. Затем 1–2 раза в неделю приезжал к нам: привозил продукты, отвозил домой рыбу, рыбачил сам. Их Саша остался с нами. Он помогал нам во всем, рыбачил сам, так как и сам был отличным рыбаком. Спал он с нашими ребятами в одной из комнат палатки, а мы с Любой – в другой.

Мы прекрасно провели на Урале целых три недели. Ребята с берега удочками ловили живцов для насадки на перемет и на «сомовики» (кусок прочной лески с насадкой на крючке, привязанный к прочной гибкой ветке, сгибающейся над водой). Сам я с 4–х часов утра до 11–12 часов дня, а затем после дневного сна, с 16–00 вечера и до темна, ловил в проводку разную рыбу: окуней, ершей, плотву, подуста, чехонь, леща, язя, а на перемет и сомовики, поставленные на ночь – голавлей, судаков, сомят. Мы вдоволь наелись рыбы, много отдали Павлу и он ее завялил. Часть готовой вяленой рыбы мы привезли домой и потом, целых 3 недели, у нас дома было целое паломничество друзей, с пивом на вяленых подустовок, чехонь, плотву. За время, проведенное на реке, мы также накупались, загорели и так сдружились с семьей Ирины и Павла, что по обоюдной договоренности еще два лета подряд провели в этом чудном месте и в этой удивительно гостеприимной семье.

Немного расскажу о своем увлечении рыбалкой. Как я уже рассказал раньше, желание стать рыболовом появилось у меня еще в далекие предвоенные годы при посещении в Добрянке прадеда Василия, но впервые я взял в руки удочку в пятидесятые годы, когда был уже студентом института. Меня пригласили на зимнюю рыбалку на озеро Шарташ мои сокурсники. Но тогда я не почувствовал вкуса в этом занятии и просто удрал с озера, да еще дал себе зарок никогда не браться за удочку. Все дело в том, я не знал, как пользоваться снастями, которые мне дали, да и сидеть мне было не на чем, и я изрядно устал. Хуже всего было то, что я оделся слишком легко: хлипкие ботинки, тонкие перчатки, костюм, поверх которого надето осеннее пальтишко. Я быстро промерз на зимнем ветру, рыба не клевала, да и мне было не до нее. Но, бывая на каникулах у родителей в Нижней Туре, я стал ходить на рыбалку с отчимом, который с выходом на пенсию стал заядлым рыболовом. Мы с ним ловили окуней, плотву и подъязков на реке Косой, а также окуней, плотву большую и лещей

на пруду. Во мне неожиданно проснулся рыбацкий азарт. Затем, после операции на желудке в 1967 году я несколько месяцев восстанавливал здоровье у мамы и опять много времени проводил на Нижне–Туринском пруду. Я приноровился майскими ночами ловить лещей с мостика, который мой отчим построил недалеко от сброса воды из пруда в реку. У сбросных сооружений ночью постоянно горел свет и рыбачить было удобно. Однажды за одну ночь я поймал восемнадцать лещей весом от килограмма и выше. Пришлось просить помощь у соседского рыбака, чтобы он помог мне доставить рыбу к маме на своей автомашине.

Летом того же года, после моей поездки в Швецию, мы с ребятами конец отпуска провели на лесном кордоне под Тюменью и там вдоволь половили рыбы вместе с лесником Володей. Затем в конце шестидесятых годов, познакомившись с Герой Бабиным, я часто рыбачил в озерах, окружавших г. Касли, где Гера жил. Я освоил за тридцать лет дружбы с этой семьей все виды летней и зимней рыбалки. Я влюбился в рыбалку.

Вспоминается «второе пришествие» в зимнюю рыбалку после первого неудачного опыта в студенческие годы. Была ранняя весна 1969 года. Герин брат Анатолий, живший в Свердловске, предложил мне поехать с их компанией на рыбалку на Каслинские озера. Помня старое, я всячески отнекивался от предложения, ссылаясь на отсутствие снастей, теплой одежды и опыта. Но Анатолий меня полностью экипировал, научил приемам ловли зимой и я с ними поехал в одно из воскресений. Единственное, чего он не смог достать для меня, так это рыбацкий ящик. Пришлось мне взять из дома низкую белую табуреточку, а под рыбу – полиэтиленовый мешок. Представляете, какой смех я вызвал у постоянных рыболовов своим видом, но недаром говорят: «смеется тот, кто смеется последним». А еще говорят, что дуракам и новичкам везет: я за день поймал более трехсот рыбок и обловил всех насмешников. С той поездки я стал ярым приверженцем зимней рыбалки.

Люба часто спрашивала меня, что я нахожу в этом бездушном времяпровождении и что меня может привлекать, если сижу я один и не с кем поговорить. Она не могла понять, что рыбалка для меня – отдых душой и телом, а также общение с природой. Что я там не испытываю одиночества, что его больше при встрече с чуждыми мне по духу людьми.

Увлечение рыбалкой осталось у меня и по сегодняшний день. Правда, в последние годы я очень редко бываю на зимней рыбалке, так как ноги отказались идти на большие расстояния. Но каждое лето я уезжаю на рыбалку в глухую деревню Малое Раменье, расположенную в лесной глухомани северо–восточной части Костромской области. Там на берегу реки Ветлуги, притока Волги, стоит дом моего товарища Алеши Милькова и его семьи, куда я приезжаю, как к себе домой и где мы проводим все свободное время в любимом занятии. Там я «отвожу душу».

Так мы прожили этот год, год двадцатилетия со дня нашей встречи.

1973 год.

Из всех работ этого года памятны работы на строительстве Богдановического фарфорофаянсового завода, а также его запуск в эксплуатацию. Первоначально нашему тресту была поставлена задача по монтажу систем вентиляции на этом объекте. Мы обеспечили

Н–Тагильское управление «Промвентиляция», которому поручили монтаж, необходимым количеством рабочих кадров, инструмента, материалов, а также своевременной поставкой заготовок. Неожиданно в середине года нам передали от треста «Союзшахтоспецмонтаж» и работы по монтажу систем газоснабжения, а также по строительству подводящего газопровода от ГРС, которую монтировали организации Мингазпрома. Трудности дополнительных работ заключались в том, что необходимо было не только выполнить их, но и подать газ на завод не позднее, чем за месяц до сдачи его в эксплуатацию. Весь технологический процесс был привязан к работе линий сушки и обжига на природном газе. А наши работы задерживались из–за задержек строительства моста, по опорам которого должен был пройти газопровод и строительства магистрального газопровода и ГРС. Мы с нашими рабочими оказались в чрезвычайном цейтноте. Пришлось мне на всю вторую половину года, до пуска газа на завод «прописаться» в этом милом городке. Не смотря ни на что, мы справились с этой задачей: в первых числах декабря газ был подан!

29 ноября – мой День рождения. Обычно я проводил его в окружении близких мне людей: родственников и друзей. В этот раз Люба трижды собирала гостей, но я приезжал каждый раз домой после того, как вся компания расходилась: от Богдановича до Свердловска 100 километров, а я освобождался на работе не раньше десяти часов вечера. Но сдав работы в начале декабря и обеспечив пуск газа, я усадил в автобус близких мне сотрудников, привез их домой (это было после 12 часов ночи) и отметил с ними свой День рождения. А утром все снова были на объекте: работы продолжались.

Завод был сдан в эксплуатацию в срок и многие рабочие и ИТР, обеспечившие его пуск были награждены орденами и медалями СССР. Я был награжден медалью «За трудовую доблесть». В связи с этим событием, я получил от начальника Главсредуралстроя Башилова С.В. телеграмму такого содержания:

Трест Уралтяжспецстрой главному инженеру Комарову Владимиру Ивановичу:
Сердечно поздравляю Вас с высокой правительственной наградой – медалью «За трудовую доблесть».
Желаю доброго здоровья, большого личного счастья, новых трудовых успехов.

Начальник Главсредуралстроя Башилов
---------- Гор. Свердловск, ул. М. Сибиряка, 111
Главсредуралстрой
3 апреля 1974 г.

В марте произошли изменения и в Любиной работе: как оказалось, на имя начальника Главсредуралстроя, а также в Кировский Райком КПСС поступило несколько анонимок, в которых писали, что мы с нею сделали «кормушку» из учебного комбината. Будто бы я получаю завышенную зарплату за чтение лекций, а она сама читает завышенное число лекций. Были проведены тщательные проверки указанных в анонимках фактов, которые не подтвердились, но по указанию начальника главка ее перевели на работу мастером производственного обучения в учебно–курсовой комбинат треста Уралсантехмонтаж.

Свой отпуск в этом году мы снова всей семьей провели на реке Урал в милой семье Ирины и Павла. Но в этот раз мы ехали на собственном «Москвиче». Учитывая, что я вообще не имел опыта вождения, а путь предстоял длинный, мы попросили отвезти нас, туда Геру Бабина. Он согласился. Путь наш прошел через Челябинск, Южно–Уральск, Магнитогорск, Сибай, дальше по степным дорожкам наощупь до Медногорска и по новому строящемуся шоссе до Оренбурга. А от Оренбурга до Илека – проторенным в прошлом году путем. Ехали практически два дня. Ночевали в автомашине недалеко от Медногорска, выехав на еще незаконченную строительством автотрассу Орск–Оренбург.

Встретили нас, как и в прошлом году прекрасно. Но пару дней у Павла не было времени на то, чтобы нами заниматься и он посоветовал нам самим отправиться на реку и разбить там лагерь. Он предложил для рыбалки новое место и рассказал нам, как его разыскать. Сам он обещал приехать и привезти деревянную лодку через несколько дней. Утром, заправившись и купив провизию, мы выехали: пересекли мост через Урал возле Илека и, проехав по дорожке, идущей вдоль реки километра четыре вниз по течению, нашли искомое место. Разбили наш лагерь возле сохранившихся больших деревьев на высоком обрывистом берегу: установили палатку, выкопали в глинистой почве яму для засолки и установили специальный полог для вяления рыбы, Выкопали и укрепили ступени для спуска к реке. Место нам понравилось: во–первых, мы находились в спасательной тени деревьев от жаркого солнца; во–вторых, нас обдувало ветерком, так как мы находились на высоком берегу; в– третьих, рядом с нами сбегал в реку ручей с достаточно чистой водой, которую мы брали для приготовления пищи. Новое место оказалось удачным и для ловли рыбы. С первого же дня я стал успешно ловить удочкой на червя окуня, плотву, леща, язя, подуста, выезжая на своей резиновой лодке. А через несколько дней Павел привез и деревянную лодку, а также соль для засолки рыбы, прикорм и насадку (я при отъезде взял прикорма с насадкой немного). С Павлом приехал и его сын, который потом провел с нами на берегу все время.

Через несколько дней, проведенных у реки, мы вдруг обратили внимание на какой–то шум в ручье, особенно в вечернее время. Обнаружили, что вниз по ручью скатывается в реку подросшая за лето рыба, так как к осени часть озер на берегу, в которые весной при разливе реки заходит рыба и мечет там икру, пересыхает. Мы попробовали ее ловить подсачком, подставляя его прямо под струю воды. Получилось: через 5–10 минут в подсачке бились уже 3–5 рыбок весом граммов по 200. После этого ребята забросили удочки и перешли на ловлю подсачком.

Я обнаружил, что недалеко от ручья есть большой омут, метров семь в глубину, и решил порыбачить там ночью, в надежде поймать крупную рыбу. Позвал с собой Любу. «А какой дурак клюет ночью?», – спрашивает меня она. «Сама увидишь». Ловить я собирался двуручным спиннингом, переоборудованным в донку: на конце лески находится тяжелый свинцовый груз, а выше, в 30 см друг от друга – 3 поводка с одинарными кованными, черными крючками №6 с длинным цевьем. Основная леска была диаметром 0.5мм, а поводки – 0.3мм. В качестве насадки я приготовил шарики из поденки – это такая бабочка (ее называют еще метелицей), вылетающая в теплые летние ночи и буквально, усыпающая утром воду водоема и прибрежные места белым покрывалом. Рыба в дни вылета поденки буквально

объедается ею и ни на что больше не клюет. Я, увидев в одну из ночей этот «снегопад», расстелил перед автомашиной большую белую простыню, завел двигатель и включил фары. Ко мне за ночь столько нападало мотыльков, что я около недели на них рыбачил. Сложил же я их в большой матерчатый мешочек, который убрал в прохладное место. Поденка – однодневная бабочка и долго сохранять ее свежей не удалось, оставшуюся я засушил, истолок и добавлял в прикормку. Так вот, я брал кучку этих бабочек, плотно ее сдавливал пальцами, обматывал шарик белыми нитками, а потом насаживал его на крючок. Еще я бросил прикормки в сетке в омут и на вечерней зорьке мы с Любой на деревянной лодке подплыли и встали на краю омута. Затем я закинул удочку, и стал ждать поклевки. Прошло некоторое время, уже начало темнеть, – а темнеет в южных районах очень быстро, – когда я увидел в последних отсветах уходящего солнца, что конец моего удилища сильно кивнул. Поклевка! Люба же, тоже увидав этот кивок, решила, что я подразнивая ее, сам приподнял удилище.

– Перестань меня дразнить, – заявила она.

– Не перестань, а бери подсачок и помогай вытаскивать рыбу, – ответил я.

Стало совсем темно, ничего не было видно, но я чувствовал большую тяжесть на леске, которая тянула ко дну. Только минут через 10 мне удалось поднять рыбу на поверхность и подвести к лодке, но Люба в темноте не смогла подвести под нее подсачок, а попала ей в голову. Рыбина вновь ушла в глубину. Через некоторое время я снова поднял ее на поверхность, и она, устав сопротивляться, перевернулась кверху белым брюхом. На сей раз Люба правильно подвела подсачок и рыба оказалась в нем. Но Любу все это так разволновало, что она вся дрожала и никак не могла поднять подсачок с рыбой в лодку. Она буквально взмолилась о помощи. Я взял из ее дрожащих рук подсачок и вытащил эту красавицу– рыбину в лодку. Правда, по местным меркам, она оказалась небольшим соменком весом всего лишь 5,5 килограммов. Но, откровенно, мне в своей рыбацкой практике, ни до, ни после этого случая, больше никогда не удавалось выловить такого «малыша». А какая из него была уха! В ту памятную ночь мы больше не рыбачили: Люба попросила, чтобы я срочно снимался с грузов и подплывал к берегу, так как она поняла, кто может еще клюнуть ночью. Больше она со мной ни разу на рыбалку не выезжала.

Мы вновь, как и в прошлом году, прекрасно отдохнули, загорели и нарыбачились на Урале и озерах, вдоволь наелись рыбы, а также навялили ее. Только часть ее вошла в багажник и доехала до свердловских любителей пива.

1974 год.

Этото год для моей работы по праву можно назвать годом Нижнего Тагила, потому что все важнейшие для нашего треста объекты этого периода были там. Мне пришлось провести в Нижнем Тагиле большую часть года. За мной постоянно был забронирован номер «люкс» в гостинице «Северный Урал». Конечно, я проводил необходимую работу в тресте, а также посещал объекты и в других городах, но главными были нижнетагильские: широкополочный стан и блюминг на НТМК, газоснабжение нового Гальяно–Горбуновского массива, а также котельной для комплекса из Н–Тагильского филиала УПИ, дома престарелых и детского дома.

Самыми важными, сложными и наибольшими по объемам были работы на строительстве широкополочного стана: нам предстояло выполнить очень большой объем по монтажу систем общеобменной вентиляции и аспирации в цехах, построить подводящий газопровод диаметром 529 мм, длиной 900м по эстакаде совмещенных трубопроводов, а также газифицировать все необходимые агрегаты. На этом крупнейшем объекте текущего года в области был создан партийный штаб во главе с первым секретарем Н–Тагильского Горкома КПСС Петровым Юрием Владимировичем, который впоследствии работал первым секретарем Свердловского Областного комитета КПСС. Штаб утвердил меня ответственным за выполнение комплекса наших работ на объекте. Все бы ничего, но штаб иногда очень неграмотно и вольно подходил к принимаемым решениям и к выдаче поручений строительным и монтажным организациям, ведущим работы на объекте. Например, нашему тресту было поручено изготовление своими силами оборудования для постов газовой резки, хотя это нестандартное оборудование должно изготовляться на заводах, а поставляться заказчиком. Нам также поручили освоить и выпустить утепленные многослойные стеновые панели, хотя и в Главке и в Области было достаточно предприятий по изготовлению строительных конструкций. Штаб сдвинул сроки подачи газа на объект, на целый месяц, уменьшив его, не решив вопросы своевременного строительства эстакады для трубопроводов. Все эти решения привели к тому, что мы оказались в страшном цейтноте и на этом и на других объектах области. Но это никого не волновало. В конце концов, собрав дополнительные силы и сорвав работы на нескольких других объектах, мы смогли выполнить все поручения и работы в ускоренные сроки, кроме одного – подачи газа. Дело в том, что от окончания монтажа систем газоснабжения до пуска газа необходимо время для проведения необходимых проверок, оформления исполнительной документации и сдачи этих систем государственной комиссии с участием представителей Госгортехнадзора СССР. Никто из членов штаба не хотел слушать об этом. Они требовали немедленного пуска газа. И вот, подошел назначенный день пуска газа, который совпал с воскресеньем. В субботу штаб потребовал от меня подтверждения этого. Никакие мои объяснения о необходимости проведения проверочных и сдаточных работ, а также получения, только после этого, разрешения на пуск газа от Госгортехнадзора, штабом не принимались. Один из членов штаба встал и предложил объявить мне партийное недоверие и заменить меня на объекте другим «более компетентным, грамотным руководителем». Руководитель штаба Петров Ю.В. предложил повременить с таким решением до 14–00 понедельника и, если газ к тому времени не будет подан, тогда только довести его до сведения Областного комитета КПСС. Только я и руководство инспекции знали, с какими нарушениями был подан газ в понедельник. Хорошо, что качество работ не подвело и обошлось без хлопков, взрывов и жертв. А ведь это привело бы к большим задержкам в завершении всех работ на объекте и к судебным разбирательствам. Ну, мы потом в течение недели, бросив все, довели до конца все, необходимые мероприятия для нормальной работы газа. А если бы нет? И еще говорят, что нервы у меня ни к черту… Вместо предлагаемого партийного выговора, группе рабочих моего треста и мне сделали подарки в виде отрезов из кримплена на костюмы, а также организовали на всю страну телевизионную передачу, в которой отрапортовали о досрочном пуске газа на объект.

Мы в этом году должны были также обеспечить газификацию первой очереди жилых домов в новом, строящемся, Гальяно–Горбуновском массиве Нижнего Тагила. Трудность заключалась в том, что для подачи газа в район необходимо было построить новый газопровод диаметром 529 мм, длиной около 6 км, часть которого должна была быть приложена подводным дюкером через Н–Тагильский городской пруд. Расстояние между берегами более полкилометра, а в тресте у нас (да и в Главсредуралстроя) не было ни оборудования, ни специалистов, ни опыта для выполнения подводных работ. Мы смогли найти выход, из создавшегося положения с помощью Ростовского управления «Подводречстрой», а с остальными работами по сварке и изоляции дюкеров справились сами.

Наконец, многострадальный объект – газоснабжение котельной для Н–Тагильского филиала УПИ, дома престарелых и детского дома. Работа эта была простой: строительство подводящего газопровода диаметром 219 мм, длиной 600 м и внутреннее газооборудование котельной. Но все работы надо было закончить и сдать к Новому Году. Сложность вызывало производство прокладки «проколом» подземного прохода через магистральный въезд в Нижний Тагил. Земляные работы на объекте выполнял специализированный трест и сдал их нам под укладку газопровода лишь 26 декабря. Но в последний момент у выхода перехода через дорогу на повороте обнаружилась чугунная труба водопровода, питающего эти же котельную и объекты. Необходимо было трубу отшурфофать. Я пригласил к этому месту мастера, ведущего земляные работы, а также экскаваторщика и попросил их в этом месте работы вести осторожно, чтобы не нарушить водопровод. Не знаю, как они слушали мое предупреждение, но уже через 10 минут произошла авария: экскаваторщик резко опустил ковш, ударил им трубу водопровода и она лопнула. Через пару часов вся почти готовая траншея была затоплена водой. На устранение аварии и освобождение траншеи от воды и льда ушло больше суток. Закончили мы свои работы только 31–го декабря, но все объекты на Новый Год остались без тепла и почти двое суток были без воды. Конечно, мы доказали чья была в этом вина, но все равно имели большие неприятности. Вдобавок к этому, Новый Год мне пришлось встретить в ресторане «Вечерний Тагил», так как моя машина сломалась при выезде из города, а шофер устранил аварию только утром 1–го января. Объект мы сдали и подали газ на него только после новогодних праздников. Вот в таких неприятностях и закончился этот рабочий год.

Летом мы все же сумели отдохнуть всей семьей и снова в Илеке. На этот раз мы ехали туда на двух автомашинах, так как нам составили компанию муж Любиной сестры Людмилы на собственном «Запорожце» с сыном и собакой. Палатку мы с собой не взяли, а заменили ее купленным автоприцепом, который, раскладываясь на стоянках, превращался в домик на колесах. Путь наш изменился по сравнению с прошлогодним: от Челябинска до Оренбурга мы ехали горными дорогами Южного Урала через Миасс, Златоуст, Сатку, Юрюзань, Усть–Катав, Кропачево, Сим, Миньяр, Ашу, а дальше – Уфу, Стерлитамак, Салават, Малеуз. Дорога нас очаровала. В каких–то ста километрах на юг от Свердловска появилась совсем другая картина, чем у нас на Среднем Урале. Небо сделалось словно выше, горизонт раздвинулся и мы начали чувствовать близость Башкирии. Справа громоздились синими контурами лесные горы, слева стелились луга, кое–где мелькали озера, словно огромные окна.

Здесь уже были другие контуры, линии мягче, и само солнце грело как–то по–другому, так что мы начали чувствовать себя лучше, добрее и спокойнее. Легче стало дышать, думать и захотелось ехать без конца. Примерно в ста километрах на запад от Челябинска мы выехали в настоящий горный узел, где отроги и разветвления Урала перекрещивались в разных направлениях. Главную красоту всей картины составили горы, рассевшиеся в одиночку и семьями в причудливом беспорядке. Мы вволю могли налюбоваться прелестной горной панорамой. С открытых высоких точек был обзор на далекие расстояния. Если смотреть на гору издали, кажется, что целый склон ее усыпан мелким щебнем, каким мостят шоссе; иногда из такого щебня образуются правильные полосы, спускающиеся вниз каменным потолком. Края россыпи обычно затянуты кустами малины, иван–чая, черемухой, кое–где поднимаются горные ели и пихты. Особенно красивы пихты: они так и рвутся в небо своими стрельчатыми прорезанными вершинами, а внизу расстилаются по камням целые ковры из хвои. Все камни выложены мхами и лишайниками. Вид на горы необыкновенно хорош. Глаз отдыхает на этой картине широкого простора, дышится свободно и появляется желание подняться еще выше, в синеву неба.

На одном из перевалов мы попали в грозу. Приближение грозы является торжественным моментом, а в горах – особенно. В самом воздухе чувствуется напряжение, приготовление. Порывы ветра точно предупреждают о приближающейся опасности. Небо делается ниже и начинает давить. По траве и по лесу пробегает тревожный шепот! А беда всё растет... Вот и первые капли дождя, точно дробь далекого выстрела, с сухим шумом падают сквозь листву. Все это мы почувствовали и увидели в течение короткого времени. Вдруг на нас обрушился поток воды и мы перестали что–либо видеть на дороге. Пришлось остановиться. Я родился и вырос в горах и много видел гроз, но такую ожесточенную – впервые. Весь лес словно вспыхивал от молний. Как огромный костер, а небо падало на землю громадной тяжестью. Явилось какое–то щемящее сознание своей ничтожности и беззащитности. И вдруг, так же быстро все прекратилось, выглянуло солнце и все капли на траве и ветках деревьев засверкали всеми красками радуги. Мы поехали дальше...

Следующим дорожным испытанием для нас оказалась паромная переправа через реку Уфу, вблизи от самого города, поскольку мост только начинал строиться. Подъехав к переправе, мы увидели, что «хвостов» автомашин на каждом берегу не менее ста. Наша очередь дошла через два часа. Мы въехали на паром последними и это было хорошо, потому что борт парома находился на одной высоте с пристанью, но выезжали последними (погрузка и выгрузка происходила с разных бортов), поэтому пришлось машине «прыгать» с борта и оборвался глушитель. Дальнейший путь из Уфы до Илека прошел без приключений, дорога была отличной, но после Уфы – однообразной: с обеих сторон только поля и степи.

Приехав в Илек, мы провели первый вечер в семье Ирины и Павла, а назавтра Павел организовал нам переезд на реку. Встали мы на прошлогоднем месте у ручья, бегущего сверху. Поскольку мы приехали с прицепом «Скиф», то понадобилось устанавливать лишь одну палатку для Толи, Кости и собаки – остальные разместились в «Скифе». Сразу же мы выкопали на берегу под деревьями рядом с палаткой яму, в которой потом засаливали рыбу, а на проветриваемом солнечном пригорке поставили полог, в котором вялилась рыба.

Полог представлял собой сооружение из деревянных кольев в плане размерами 4х2 метра, закрытое сверху брезентом от проникновения внутрь дождя, а с боков – марлей, через которую свободно проникал ветер, но не могла проникнуть ни одна муха. С торца марля могла раскрываться, образуя вход, внутри были натянуты шнуры в три ряда по высоте и по 4 шнура в ряду, на которые вывешивалась рыба на вяление. Сначала пойманная рыба сбрасывалась в яму, выстеленную полиэтиленовой пленкой и пересыпалась солью, затем сверху пригружалась гнетом и так просаливалась в течение четырех дней (крупная рыба разрезалась со спины, солилась и внутри). Затем соленая рыба отмачивалась в проточной речной воде и на специальных проволочных крючках вывешивалась ночью на веревки, развешанные между деревьями. Рано утром, до того, как появляются мухи, эта рыба подвешивалась на шнуры в пологе и вялилась в нем на солнце и ветру. Когда она была готова, то становилась на солнце прозрачной. А потом, дома – за уши не оттащишь и от гостей с пивом не избавишься. Рыбачили мы, все мужчины, каждое утро и вечер, а Любовь занималась приготовлением пищи на костре. Рыбы было много, хватало и на еду всей компании. Но иногда мы ездили в Илек и в магазине покупали мясные продукты.

Однажды, когда нам надоело рыбачить на реке, мы втроем (мужчины) взяли резиновые лодки и отъехали на одно из заливных озер, где и прорыбачили все утро. За утро мы втроем наловили целое ведро карасей. Люба нам их изжарила, и мы все вместе благополучно справились с ними за один присест.

В этот наш приезд в семье Ирины произошло несчастье. Когда мы уже собрались уезжать с реки, то в Илек приехал ее отец, пенсионер. Заядлый рыбак. Во время прощального вечера ему вдруг стало плохо. А Толя же врач. Посмотрел он старика и обнаружил у него камень в желчном пузыре. Какими-то лекарственными препаратами Толя снял у отца Ирины болевые ощущения, но посоветовал, завтра же, обратиться в больницу. Куда там, раз боли и давление отступили, отец назавтра же, после нашего отъезда уехал на реку. Через день приступ повторился, помощь оказать не успели и он умер прямо на реке. В Илеке его и похоронили. Недаром говорят: «Знал бы, где упадешь, соломки бы подстелил». Как часто мы сами добровольно себе вредим.

Я и сам съездил в этот раз на рыбалку сильно рискуя, так как зимой отравился вяленой рыбой (чужой). Поехав в Н-Тагил в командировку с заместителем управляющего нашего треста Котелкиным, я съел предложенную им вяленую рыбу и заразился сальмонеллезом. Котелкин и шофер тоже съели по рыбке, но отделались только расстройством желудка, а я чуть не умер в больнице. При выписке врачи меня предупредили, чтобы я внимательнее относился к своему здоровью и помнил, что там, где человек со здоровым желудком при приеме недоброкачественной пищи отделаются неприятными ощущениями, я могу получить необратимые последствия.

1975 год.

Запомнились два крупных объекта, где мы вели монтаж систем вентиляции: реконструкция Ревдинского завода ОЦМ и строительство нового завода хромовых кож в г. Камышлове. Все работы были закончены в срок.

Но главным событием года стало завершение строительства своими силами центральных заготовительных мастерских треста на ул. Краснодарской в г. Свердловске. Мы построили цех трубной заготовки, сняв тем самым проблему сроков и качества монтажа систем внутреннего газоснабжения в области. Построили производственные площадки для участка механизации. На переданных нам площадях организовали поточные линии по изоляции трубопроводов и изготовлению нестандартизированых сварочных узлов для систем газоснабжения. Но строительство велось с нарушениями, так как архстройконтроль нам не выдал разрешение на это из-за отсутствия канализации в районе нахождения мастерских. Поэтому вскоре после начала работ мастерскими меня и зам. начальника Главсредуралстроя Ворошилина Е.А., который отвечал за ведением работ в городе, вызвали на заседание Горисполкома, где отчитали за самовольное строительство, меня наказали за это штрафом в размере оклада, но разрешили сдать мастерские госкомиссии.

Вышли мы с Евгением Александровичем после этой «экзекуции» на улицу и он предложил мне сейчас же заехать к начальнику Главка. Приехали: Сергей Васильевич выслушал Ворошилина о том, как прошло рассмотрение нашего вопроса, а потом и говорит, что, не смотря ни на что, он доволен пуском этого важнейшего для всей области объекта. Он поздравил нас и вручил мне уже подписанный приказ о поощрении работников треста (в том числе и меня) денежной премией.

Вот так: Свердловский Горисполком наказал меня за самовольное строительство, а Главсредуралстрой наградил за обеспечение строительства жилья в области. Конечно же, все понимали необходимость ввода в действие наших мастерских, поэтому они вскоре были приняты Госкомиссией.

Мое зимнее отравление вяленой рыбой сказалось на состоянии здоровья и я вновь начал ощущать желудочные боли. Пришлось летом снова ехать в Ессентуки и хорошенечко прополоскать свой желудок целебной водой «Ессентуки №4», а также принимать грязи и ванны. Люба, видимо помня мой отдых с Юрой Мелешко в 1971 году, взяла очередной отпуск и приехала ко мне в Ессентуки, прихватив с собою и мальчишек. Устроились они на частной квартире, кушали в кафе, а воду мы ходили пить все вместе.

Мы вместе съездили на две интересные экскурсии: в Приэльбрусье и Теберду-Домбай. Интересно: два горных маршрута, но такие различные по восприятию. Приэльбрусье покорило своей строгой красотой. Уже при подъезде к началу экскурсии нас окружили горы, лишенные какой-либо растительности. Когда же мы на подъемнике с пересадкой на промежуточной станции поднялись на самый верх, то оказались среди снегов и мчащихся рядом с нами горнолыжников и, казалось, совсем рядом с нами возвышались две главы могучего Эльбруса, тоже покрытые снегом и льдом. Наверху была хижина для альпинистов (называют ее «приют альпинистов»). Теберда и Домбай очаровали своей живой красотой. Там мы поднимались на подъемнике, трасса которого проходила среди зарослей зеленых деревьев и кустарников.

Но главной нашей экскурсией оказалась поездка в г. Черкесск, в котором проживала мамина двоюродная сестра – тетя Зоя. Она была замужем за настоящим черкесом, Анатолием Алиевичем Маргануковым и носила его фамилию. У них было двое взрослых

детей: сын и дочь. Приняли они нас очень хорошо, по-родственному. Но для нас был удивителен и непонятен их образ жизни. Семья занимала две квартиры на единой площадке, на 4-м этаже многоквартирного дома. В одной из них проживала мужская половина семьи, где нас и принимали, а в другой – женская. Нам устроили отличный праздничный обед, на котором были только одни мужчины и Люба. А с тетей мы встретились, погуляли по городу и поговорили отдельно.

Хорошо запомнилась дорога от Ессентуков до Черкесска, которая шла по отрогам кавказских гор. На одном из перевалов наш автобус сделал остановку возле уникального памятника защитникам перевала в Великую Отечественную войну. Памятник представлял собой целый комплекс сооружений: это реставрированный подземный бункер, в котором сейчас расположился музей, мемориальный щит, с выбитыми именами погибших при обороне перевала и, вроде бы хаотически установленные бетонные противотанковые надолбы, показывающие линию остановки немецких вояк. Мы как бы прикоснулись к тем далеким героическим событиям, прослушав обширную лекцию. В горле запершило, а на глаза навернулись слезы: невозможно было без трепета и волнения слушать о героическом подвиге сынов Отечества.

Закончив лечение в санатории, я вернулся домой вместе со всеми членами семьи.

1976-1977 годы.

Это были последние годы моей работы в тресте «Уралспецтяжстрой» и в системе Главсредуралстроя. Крупных объектов строительства не было, но прошли сотни мелких, но не менее важных для нашей области. Мы газифицировали все вновь возводимое жилье, объекты промышленности и соцкультбыта, строили десятки городских, подводящих и сельских газопроводов, вели работу по монтажу систем вентиляции одновременно на десятках объектов. Все также не хватало времени на личную жизнь. Запомнились мне два объекта – строительство Лайского свинокомплекса и Сысертской птицефабрики.

На Сысертской птицефабрике мы выполняли работы по монтажу вентиляции. Начали в 1976 году, а окончили в 1977. Там у меня произошла неприятная стычка с секретарем Обкома КПСС Дудкиным, отвечающим за сельское хозяйство. Он проводил на объекте еженедельные оперативные совещания, на которых рассматривались вопросы строительства. И вот, на одном из декабрьских совещаний в 1976 году он дает нашему тресту задание в течение двух недель до Нового Года смонтировать на птичниках вытяжную вентиляцию и, соответственно, весь объем запроцентовать этим годом. Я встаю и заявляю, что это задание для нас невыполнимо из-за отсутствия на птичниках стройготовности. Дудкин, не слушая моих доводов, грубо удалил меня с совещания. А дело-то было в том, что трестом «Уралмедьстрой» – генеральным подрядчиком, ведущим общестроительные работы, не осваивались в текущем году средства, выделенные на капитальное строительство этого объекта. Видимо в Обкоме КПСС решили подправить показатели за счет субподрядных организаций. Руководители и представители субподрядных и монтажных организаций, конечно, понимали, что строители не смогут им подготовить стройготовность и все выполнения работ на объекте будут приписками, но только немногие решились указать на это секретарю Обкома. Проходит две недели, я на совещание не являюсь. Еще через неделю в трест приходит телефонограмма из Обкома КПСС, которой меня лично обязывают быть на очередном совещании. Приехал я пораньше на объект, обошел все строящиеся птичники и убедился, что стройготовности для нас, как не было, так нет и на сегодняшний день. Когда на совещании дошла очередь до меня доложить о ходе наших работ, я все об этом и сказал. А еще добавил, что выгоняя меня с совещания, секретарь не решил вопросы ускорения работ на объекте. Все участники совещания решили, что он снова выгонит меня. Но Дудкин, понимая правоту моих слов, неожиданно перенес свой гнев на руководителей «Уралмедьстроя». После этого совещания дело сдвинулось с мертвой точки, через месяц вытяжная вентиляция была нами смонтирована, а в конце 1977 года мы закончили все работы на объекте.

К работам на Лайском свинокомплексе нас привлекли в 1976 году. Там генподрядчиком выступал трест «Качканаррудстрой». Он одновременно вел работы на строительстве промышленных объектов и строительстве жилого поселка для будущих работников комплекса. Мы там выполняли работы по монтажу подводящего газопровода и внутренних систем газоснабжения, а также по монтажу систем вентиляции всех объектов. С начала года работы на комплексе велись ни шатко, ни валко, но в середине года секретарем Обкома КПСС, отвечающим за строительство, Ельциным Б.Н. прямо на объекте был проведен Пленум Обкома КПСС, рассмотревший все вопросы и работа пошла полным ходом. Но сдан комплекс в эксплуатацию был только в 1978 году уже после моего ухода из треста.

А в третьем квартале 1977 года я неожиданно получил приглашение на встречу с управляющим вновь созданного в Свердловске треста «Уралспеццемремонт» Бабкиным Дмитрием Матвеевичем. Я удивился, но на стречу явился. Мы как-то сразу понравились с Дмитрием Матвеевичем друг другу. Он до этой должности работал директором Невьянского цементного завода, был в почете у всех цементников страны, а также имел ряд правительственных наград. Он был спокойным, уравновешенным человеком, впоследствии, работая с ним, я ни разу не слышал, чтобы он на кого-то прикрикнул. Также он был заядлым шахматистом и рыбаком. Мы часто потом встречались с ним и на рыбалке, и за шахматной доской, вскоре подружились и семьями. Он был старше меня на 3 года, но мы не чувствовали разницы.

— При первой нашей встрече Дмитрий Матвеевич рассказал мне о новом тресте, который он создал и возглавил. Это был ремонтно-строительный трест по обслуживанию цементных заводов зоны Урала, Поволжья, Башкирии, Мордовии. Предназначением треста были ремонт оборудования, ремонтно-строительные работы, а также строительные работы на заводах, которые он обслуживал. А также должно было осуществляться и собственное строительство. Трест подчинялся Главвостокцементу Министерства промстройматериалов СССР, который находился в Москве. Аппарат треста практически уже был укомплектован, но оставалась вакантной должность заместителя управляющего трестом по ремонтно-строительным и футеровочным, а также строительным работам. Дмитрий Матвеевич и предложил мне эту должность. Я очень удивился и спросил его, откуда же

он знает обо мне? Тогда он мне рассказал, что в их трест из предприятия «Домнаремонт» был переведен на должность начальника производственного отдела по ремонту оборудования Орлов Владимир Кузьмич, которому, кроме основной работы, было дано задание помочь отделу кадров в подборе специалистов на свободные должности. Необходимо сказать, что «Кузьмич», так мы с Юрой Мелешко называли Орлова, был нашим приятелем. Он обратился к Юре, чтобы тот помог ему в поисках кандидатов и Юра сразу же на должность зам. управляющего предложил меня. Дмитрий Матвеевич, после полученного предложения съездил к Ю. Мелешко, все обстоятельно обо мне уточнил, затем навел обо мне нужные справки в Обкоме КПСС, в Облисполкоме, в Главсредуралстрое и пригласил меня для переговоров. Я дал принципиальное согласие, но предупредил его, что будут трудности с моим переводом со стороны Главсредуралстроя. Дмитрий Матвеевич успокоил меня тем, что он берет на себя все вопросы перевода и утверждения меня в этой должности. Так он и сделал. Главсредуралстрой дал согласие на мой перевод после завершения текущего года, с января 1978 г. Так завершилась моя работа в системе Главсредуралстроя. Я был в группе, организующей трест «Свердловскгазсторой» (впоследствии переименованный в «Уралтяжспецстрой») и проработал в нем с октября 1963 г. по январь 1978 года. Начав работу старшим инженером по технике безопасности, переходил на новую работу с должности главного инженера треста. Вместе с коллективом треста мне довелось решить вопросы приема природного газа и подачи его на сотни промышленных, соцкультбытовых и жилых объектов, а также монтажа систем промышленной вентиляции объектов Свердловской области. Мне довелось участвовать в строительстве таких уникальных объектов, как Качканарский ГОК, НТМК, Первоуральский новотрубный завод, Северский трубный завод, Богдановический фарфорофаянсовый завод, Сухоложский цементный завод, Асбофабрика №6 в г. асбесте, Лайский свинокомплекс, Сысертская птицефабрика, Цех холодного проката трансформаторной стали на ВИЗе в г. Свердловске и многих других объектов.

Что же запомнилось из личной жизни за эти два года? Памятным событием 1976 года стала наша с Любой поездка на Красный Урал. Немного предыстории.

Из описания военных лет вы узнали, как я жил в поселке Красный Урал с 1943 по 1948 гг., как учился и дружил с ребятами. Переехав обратно в Ис в 1948 году и поступив в 1949 году учиться в институт в Свердловске, я потерял следы своих друзей по Красному Уралу. Но в начале 1974 года, когда я лежал в больнице с отравлением, меня неожиданно посетил один из них, Борис Подузов. Оказывается, за это время он окончил Свердловский горный институт, женился, поработал в Кемерово, а сейчас вернулся в Свердловск с семьей из четырех человек, так как у них были уже взрослые дети Сергей и Оля. Борис устроился на работу в трест «Уралзолото» и сразу же получил шикарную 4-х комнатную квартиру в г. Березовске, что рядом со Свердловском. Его жена работала преподавателем английского языка в школе. Мы удивились, что и мать и дочь названы одним именем, но оказалось, что мамино имя – Маргарита. Мы в впоследствии шутили, что Оля – ее подпольная кличка. После моего выхода из больницы мы начали встречаться семьями и у нас в Свердловске, и у них в Березовске, а также вместе проводить всякие зрелищные мероприятия. Мы также познакомились с семьями сестры Бориса, Ирины и Олиной сестры, Тамары Налимовой. Но

наша возрождающаяся дружба прекратилась также неожиданно, как и началась: они просто исчезли из нашей жизни. Мы потом узнали, что Борис получил должность директора золотых приисков где-то под Североенисейском, они с Олей-Маргаритой уехали туда, а дети какое-то время жили в Березовске, учились в институтах. Затем Сережа, после окончания горного института, уехал на работу в Норильск, Оля вышла замуж, но вскоре разошлась, окончила «Иняз» и работала преподавателем в школе. Впоследствии Борис с Олей разошлись, он женился на молодой женщине, переехал в Днепропетровск, заболел тяжело, разошелся и с молодой женой, переехал один в Москву, где какое-то время жил у Ирмы. Что с ним было потом – не знаю. Что было с Олей после развода и их детьми, я тоже не знаю.

Так вот, летом 1976 года я, Люба и Борис на его личной «Волге» съездили на Красный Урал, где повстречались с нашими друзьями из военного детства: Юрой Белых и его женой, а также с Лией Шайхисламовой. Мы провели прекрасный вечер воспоминаний о годах, проведенных вместе, как бы вернулись в дни нашей юности, договорились о будущих встречах. Но, увы: Юра Белых уже через полгода неожиданно ушел в мир иной, Борис уехал, и нашим планам так и не удалось сбыться.

Весна 1977 года.

Ознаменовалась последней нашей с Любой совместной заграничной поездкой: в марте месяце мы с нею посетили Кубу.

Республика Куба, государство в Вест-Индии на островах Куба, Хувентуд (бывший Пинас) и около 1600 мелких. Население 10 млн. человек. Из них: около 66% – белые, 12% – негры, 22% – мулаты, метисы. Официальный язык – испанский. Верующие – в основном католики.

Как нам рассказал экскурсовод, национальность – «кубинцы» произошли от смешения оставшихся в живых от истребления испанскими конкистадорами аборигенов (индейцы), самих завоевателей, негров, которых завоеватели завезли из Африки для выполнения работ по их обслуживанию и пиратов – этого разношерстного племени.

Денежная единица страны – песо.

Западная и центральная часть Кубы – преимущественно равнина, на юго-востоке – горный массив Сьерра – Маэстро высотой до 1972 м. Климат тропический, пассатный. Средняя температура января +22^{0}С, августа –+28^{0}С. Дождливый сезон: март-октябрь.

Леса главным образом в горах, мангры – низменные побережья.

Остров открыт в 1492 году Колумбом, в XVI веке колонизирован Испанией. Восстание 1892 – 1898 гг. под руководством Х.Марти и А. Масео, а также испано-американская война 1898 г., привели к провозглашению Кубы независимой республикой (1902 г). Однако фактически Куба превратилась в полуколонию США.

В середине 50-х годов XX в. началась борьба кубинцев под руководством Ф.Кастро и Че Гевары с режимом Ф.Батисты, закончившаяся его свержением 1 января 1959 года.

День 11 марта 1971 года выдался холодным и ветреным, поэтому все «кубинцы» собрались на ж/д. вокзале у поезда до Москвы тепло одетыми. Но по прибытии в Москву, во время инструктажа в «Интуристе», нам предложили все теплые вещи оставить в Москве, так как Куба ожидала нас теплой погодой. Мы с Любой решили эту проблему очень просто: уле-

тали мы назавтра утром, а поэтому день и ночь перед отлетом провели на Большой почтовой улице в гостях у Любиной тети Гали. Утром же, оставив у нее все теплые вещи, на такси, в одних костюмчиках доехали до международного аэропорта Шереметьево. Наш самолет, а летели мы на лучшем в то время советском авиалайнере «ИЛ–62», вылетел в 8 часов утра. Самолет почти полностью был заполнен советскими туристами из разных регионов страны, жаждущими познакомиться с этой экзотической страной.

Наш маршрут состоял из двух частей: сначала был перелет от Москвы до Рабата, столицы Марокко, а потом «прыжок» через Атлантический океан и посадка в Гаване, столице Кубы. Первая часть пути пролетела быстро и почти незаметно. Погода была отличной, на небе ни облачка и была прекрасно видна разноцветная картина из лесов, полей, городов старушки Европы. А потом, вдруг, появились волны Средиземного моря и, наконец, скалистые берега Северной Африки. Наш самолет нырнул вниз и через несколько минут приземлился в аэропорту Рабата. Было очень жарко! Нас попросили освободить самолет и предупредили, что стоянка для дозаправки самолета продлится один час. Мы были этим довольны, так как надеялись за это время познакомиться с аэровокзалом и хотя бы одним глазком взглянуть издали на город и окружающую природу. Но не тут–то было. Нас всех, а это человек сто пятьдесят, загнали в какую–то комнату и держали в ней под дулами автоматов военных, стоящих в дверях. В комнате духота, вентиляции нет, сесть некуда. С большим облегчением мы встретили сообщение о посадке на самолет.

А потом – многочасовой полет над океаном на высоте около десяти километров. И мы полностью ощутили его величие и свое ничтожество: кругом одна вода и только изредка взгляд мог зацепиться за какие–то «козявочки», движущиеся очень медленно по сравнению с нами в этом безбрежном мире вол. Такими виделись океанские корабли с высоты нашего полета. Мы очень устали от этого многочасового однообразия, нас успели за это время несколько раз покормить. А потом в салон вошла стюардесса и внесла разнообразие в наши мысли и ощущения. Она рассказала нам о технических характеристиках авиалайнера, ознакомила с правилами пользования спасательными жилетами, которые находились под каждым пассажирским креслом, а в заключение небрежно сообщила, что наш самолет вошел в зону Бермудского треугольника. Мы сразу почувствовали какое–то беспокойство, вся апатия и усталость от однообразия полета мгновенно улетучилась. Но в этот раз «треугольник» вел себя спокойно. Наконец наш авиалайнер начал снижаться, мы увидели землю и через несколько минут оказались в аэропорту Гаваны. «Прыжок» через Атлантику удался! Мы приземлились в 16–00 по местному времени. Здание аэровокзала было приземистым, одноэтажным, находившимся на совершенно открытой, лишенной деревьев территории. Только в отдалении виднелись отдельные пальмы. После прохождения паспортного контроля и очень поверхностного таможенного досмотра нас усадили в прекрасный автобус испанского производства с кондиционером и туалетом и повезли в город, который находился совсем рядом с аэропортом. В вначале пути нас встречали отдельные виллы, расположенные на океаническом побережье среди пальм, затем появились кварталы малоэтажных домов и много парков. Наконец, мы въехали в центр города, проехали краем площади с памятником Хосе Марти (говорят, что эта площадь может одновременно вместить миллион человек) и

по широкой улице, застроенной многоэтажными красивыми старинными домами подъехали к представительному зданию – как оказалось, гостинице, в которой нам предстояло проживать две недели, пока будем в Гаване. Мы подъехали к ее боковому фасаду, а главным фасадом она выходила на набережную. Здание отличное, номера просторные и, несмотря на наружную температуру воздуха +25^{0}С, в них прохладно, так как в каждом номере установлен кондиционер, а полы холодные, выложены из какого–то камня. Сбоку к зданию примыкал пятиэтажный корпус, наверху которого, прямо под открытым небом, был расположен плавательный басен и рядом бар с танцевальной площадкой. Наш двухместный номер «уно сера уно» (что в переводе с испанского означает – один ноль один, или сто один), располагался на шестом этаже. В номере был душ и туалет. Мы с Любой быстренько распаковали вещи, освежились с дороги под душем, переоделись и быстренько на лифте спустились вниз – в ресторан на обед. Обед очень понравился. На первое – бобовый суп с черепаховым мясом, на второе – жареное кусочками мясо с гарниром из жареных бананов (оказывается, есть бананы – фрукты и бананы – овощи) и вкусным, мягким соусом, на третье – кофе. Кроме того, на каждом столе на 4 человека – литровая бутылка вина «Гавана–Клуб». Мы у себя на Родине часто покупали кубинский ром под таким названием, не подозревая о том, что под таким названием выпускаются и ликеры, и сухие, и десертные вина. Кофе подали в маленьких чашечках, в которых его было налито не более половины чашечки. Я тоже выпил, хотя кофе никогда не пью. И вот с этой половины чашечки я совершенно «ошалел» и понял, что его пить для меня «табу». Я попросил официанта больше никогда мне кофе не приносить, заменить его чаем. Он удивился и так ехидно мне говорит, (разговор шел через нашего гида – переводчика), что если мне нужен чай, то я должен пойти в маленькое одноэтажное здание, расположенное рядом с отелем и взять его там. Он рассказал мне, как найти это здание. Назавтра я нашел этот дом. Оказалось, что это аптека и в ней продается так называемый «черный чай». Это сбор из лекарственных трав. Купил я с десяток пакетиков этого чая, мне его заварили и подали: никогда ничего лучшего не пил. Пошел я снова в аптеку, накупил чая с четверть чемодана, благо он стоил ерунду и все время пребывания на Кубе, а также около года по возвращении домой, наслаждался им. К сожалению, все когда–то кончается, а пути на Кубу больше нет! Это конечно шутка, так как я все время пью чай, заваривая смесь из разных сортов, и получается вполне нормально.

За столами наших туристов во время обеда только и слышны были разговоры об усталости после перелета и о том, что все сейчас же лягут в постель и будут спать до утра. Но гид (наша девушка из «интуриста», которая была с нами все время пребывания на Кубе) опровергала эти высказывания и предлагала всем проснувшимся ночью, не мучиться от бессонницы, а прогуляться по набережной ночной Гаваны. Конечно, большинство из нас посмеялись над этим ее предложением и после ужина прямо из ресторана отправились в номера, в блаженной неге окунувшись в крепкий сон. Но, ночью мы с Любой неожиданно проснулись и уснуть больше не смогли. Решили прибегнуть к совету гида и прогуляться по набережной. Каково же было наше удивление, когда мы повстречали там практически всех туристов нашей группы. Мы были посрамлены в наших предположениях и решениях – биологические часы внутри каждого из нас обмануть было невозможно. Только через не–

сколько суток мы смогли адаптироваться к местному времени. Прогуляли мы в ту ночь по набережной до самого утра, это было тем более приятно под успокаивающий рокот прибоя в теплой морской прохладе. Мы не были там одиноки: вместе с нами гуляло достаточное количество кубинских молодых парочек. Надо сказать, что они не боялись показать свои чувства другим и вели себя довольно фривольно. Наше пребывание на Кубе предусматривало 2–х недельное пребывание в столице страны Гаване, а затем переезд автобусом на берег Карибского моря и отдых на знаменитом курорте Варадеро.

За две гаванские недели мы смогли достаточно познакомиться с этим портовым городом на побережье Мексиканского залива, основанным еще в 1515 году, а в 1902 году ставшим столицей независимой республики Куба. Это довольно большой город: в нем проживало на момент нашего пребывания 2 млн. человек. Это около 20% всего народонаселения страны. Гавана – крупный промышленный и культурный центр страны. В нем работают металлургический комбинат, предприятия машиностроения, нефтеперерабатывающей химической, фармацевтической, легкой, пищевкусовой промышленности. Но далеко известны и Гаванский университет (открыт в 1728 г.), и музей (в том числе национальный, декоративных искусств, Дом–музей Э.Хемингуэя) и театры: национальный балет Кубы, национальный театр Эстудио и другие. Сохранились крепости: Эль Морро (1589–1630 гг.), Ла Кабанья, Ла Фуэрса (XVIII век). Известны такие сооружения, как площадь Пласа де Армас с муниципалитетом (1777–1791гг.) и Домом почты (1772–1776 гг.), Собор (1749–1789 гг.), многочисленные церкви и дома в стиле барокко. И не случайно, что исторический центр Гаваны включен в список Всемирного наследия.

Дни, проведенные в Гаване, были заполнены всевозможными туристическими мероприятиями. Нас познакомили с историей революции 1956 – 1959 гг., а также с казармой Манкадо; провезли по историческому центру города и показали многочисленные памятники, площади, парки, старинные дворцы и внутренние дворики. Нас впечатлила площадь Х.Марти своими размерами, а также прекрасным белоснежным мраморным памятником, установленным в ее центре; запомнился дворец диктатора Батисты. Удивили парки: была весна и все деревья были в цвету, но необычно было то, что листьев на деревьях не было, а впечатление было такое, что на голые деревья наброшены цветные шарики. Необычными для нас в парках были деревья, у которых из земли вырастали множество мелких стволов (а может это, были корни), переплетающихся друг с другом и соединяющихся в один ствол лишь на высоте 3–4 м от земли.

Нам организовали экскурсии на табачную фабрику, в зоопарк, на центральное кладбище и в музей Гарибальди. На фабрике мы познакомились с технологией изготовления всемирно известных гаванских сигар. Там же у нас состоялся интересный разговор с одним из ветеранов этого производства, которому было уже под восемьдесят лет: он сообщил, что курит сигары с юношеского возраста и уверял нас, что его долголетие напрямую связано с этим. Зоопарк очень понравился: он находился в парковой зоне, многих животных, птиц, млекопитающих мы видели впервые. Большинство из них жили в свободных открытых вольерах. Плохо было только то, что на этой экскурсии отсутствовали многие из наших туристов, так как они неожиданно простудились. Нас в первый же день по приезду в страну

предупредили, чтобы мы береглись этого заболевания, но куда там, ведь мы уральцы. А оказалось, что мы плохо переносим жаркий влажный климат, сопровождаемый постоянными сквозняками. Люба тоже болела. А на кладбище мы посетили могилу третьего чемпиона мира по шахматам, кубинского выдающегося гроссмейстера Х.Р. Касабланки.

Один из вечеров мы проводили на вилле Дюпона, которая представляет собой целый дворец, расположенный на берегу Мексиканского залива с собственным морским портом. В наш приезд вилла была национализирована и в ней размещался санаторий для космонавтов. Там нам устроили концерт силами местных артистов, а также прекрасный ужин. В другой вечер мы с Любой умудрились побывать в кинотеатре и посмотреть новый тогда нашумевший фильм «Кровавая акула» (впоследствии мы видели этот фильм у нас в Свердловске под названием «Челюсти»). Интересен порядок работы кинотеатра: не нужно ждать начала очередного сеанса, так как идет непрерывная демонстрация фильма и нескольких киножурналов. Но тебя могут предупредить, когда начало того или иного. Заходи и смотри. Также свободно можешь выходить. Но особенно запомнился один из вечеров (и часть ночи), когда нам организовали посещение одного из лучших в мире кабаре «Тропикана». Кабаре находилось в каком–то парке, в нем четыре площадки, на которых одновременно идут выступления различных кубинских групп. При этом площадки находятся на разных уровнях от поверхности земли. Вокруг этих эстрадных площадок располагаются столики для посетителей, а также танцевальные площадки. Каждый из посетителей может наслаждаться выступлением артистов, а также заказать любые напитки и закуски и танцевать. Он может смотреть и слушать выступления и на других площадках. Если к этому добавить, что все пространство залито ярким светом различного цвета и иногда мигающим, а за пределами этих площадок, совсем рядом находятся тенистые уголки парка, (все кабаре находится под открытым небом), то поймете, что это место пользуется колоссальной популярностью у гаванцев и их гостей, особенно молодого поколения. Мы с удовольствием провели там время с восьми вечера до часа ночи и нас автобусом доставили обратно в отель.

Кроме всех этих, сугубо городских, мероприятий, были проведены и другие, связанные с выездом за пределы Гаваны: мы побывали в доме–музее Э. Хемингуэя, выезжали на морскую рыбалку, а также посетили школу в поле. Начну с посещения дома–музея Э. Хемингуэя. Надо сказать, что собираясь на Кубу, мы с Любой заранее готовились к этой «встрече» с одним из любимых наших писателей– современников Эрнестом Хемингуэем, американцем по рождению. Он полюбил Кубу, многие годы жизни провел там, творя свои бессмертные произведения. Его рассказы и романы дают широкую картину жизни Запада первой половины XX века. Этого своего рода художественная биография того поколения, к которому принадлежал и сам писатель. Судьба этого поколения была трагической, недаром его назвали «потерянное поколение». Хемингуэй воплотил эту трагедию в своих рассказах и романах «И восходит солнце» и «Прощай оружие», принесших ему мировую славу. Одной из его главных тем была первая мировая война. Он ненавидел, как сам назвал ее, «самую колоссальную, убийственную плохо организованную бойню, какая только была на земле». Но по прошествии немногих лет Хемингуэй признал, что бывают войны,

участие в которых станет священным долгом каждого честного человека – это войны против фашизма. Он понимал, что предстоит пора тяжелых испытаний, когда каждый писатель должен определить свое место в исторической битве, в которой будут решаться судьбы человечества.

Крупным событием явилось выступление Хемингуэя в 1937 году на II конгрессе американских писателей. В нем он высказал свою убежденность в том, что долг каждого честного писателя – всеми силами участвовать в борьбе с фашизмом.

Уже после падения Испанской республики Хемингуэй создал роман о войне в Испании – «По ком звонит колокол». Но не горечь поражения определяла тональность произведения, а вера в то, что «мир – хорошее место и за него стоит драться». Впоследствии, вспоминая о времени, когда он начал работать над этим романом, Хемингуэй пишет К.Симонову: «После Испанской войны я должен был писать немедленно, потому что я знал, что следующая война надвигается быстро, и чувствовал, что времени остается мало». Когда он в 1940 году заканчивал роман, в Европе уже бушевала вторая мировая война, гитлеровские войска уже оккупировали Польшу, Норвегию и Бельгию, уже была разгромлена Франция, угроза вторжения нависла над Англией.

Как только США вступили во вторую мировую войну, Хемингуэй стал проситься на фронт военным корреспондентом, но, получив отказ, стал на своем рыболовном катере охотиться за немецкими подводными лодками, крейсировавшими у берегов Кубы – острова, который он избрал своим домом. Этот опыт «личной» войны Хемингуэй использовал потом в романе «Острова в океане». Он продолжал сражаться с фашизмом и своим пером публициста.

В 1944 году Хемингуэю удалось, наконец, попасть в качестве корреспондента на Европейский театр военных действий. Он участвовал в высадке союзников в Нормандии, летал на английском бомбардировщике, бомбившем Германию, а когда началось наступление союзников во Франции – сколотил отряд из французских партизан, способствовал освобождению Парижа. Потом участвовал в кровопролитных боях на границе с Германией.

После победы в войне антигитлеровской коалиции тревога за судьбу мира не оставляла Хемингуэя. Он видел, как реакционные круги в разных странах обостряют международную обстановку. И Хемингуэй смело поднял свой голос в защиту мира и разума. Уже в конце 1945 года он выступил с предисловием к антологии «Сокровища свободного мира», в котором призывал народы к сотрудничеству между собой. «Теперь, – писал он – когда война кончилась и мертвые мертвы, для нас настало еще более трудное время, когда долг человека – понять мир. В мирное время обязанность человечества заключается в том, чтобы найти возможность для всех людей жить на земле вместе».

Политические симпатии Хемингуэя всегда оставались незыблемыми. На закате своей жизни он дождался того, что на его любимой Кубе произошла революция и очень сожалел, что не присутствовал при том, как революционный народ вышвырнул диктатора Батисту.

Так прожил свою жизнь Эрнест Хемингуэй. Эта была яркая и красивая жизнь, наполненная неустанным напряженным писательским трудом, жизнь нашего современника, боровшегося против фашизма, против несправедливости и угнетения человека.

В своем вступительном слове к собранию сочинений, Хемингуэя на русском языке К.Симонов в 1968 году писал: «... главное... – медленно и непреодолимо нарастающее ощущение масштаба потери, понесенной человечеством с уходом из жизни Хемингуэя. И одновременно все более отчетливое понимание подлинных масштабов того вклада, который он внес в мировую литературу XX века».

Это очень точные и справедливые слова.

И вот мы в кубинском доме Хемингуэя, превращенном в музей его имени. Дом-музей находится в деревушке Сан-Франсиско-де Паула, что рядом с Гаваной. Этот дом, который называется Финка-Вихия, Эрнест купил в 1940 году в качестве свадебного подарка своей третьей жене, Марте Гельхорн, чтобы там поселиться.

С началом второй мировой войны Э.Хемингуэй в мае 1941 года организовал свою организацию контрразведки под названием «Плутовская фабрика» для борьбы с просачиванием на Кубу нацистских агентов и его дом стал своего рода штабом, куда стекались все сведения. В 1942 – 43гг. до отлета в начале 1944 г. в Европу, где он принял участие в войне, Э.Хемингуэй на своем переоборудованном катере «Пилар» охотился за вражескими подводными лодками и, как говорил, вел на море свою «личную» войну с нацистской Германией. В марте 1945 года Хемингуэй вернулся в уютную тишину Фанка-Вихии, а в мае приехала Мэри Уэлм и вступила в права хозяйки дома: в марте 1946 года она стала четвертой женой Эрнеста. В 1947 году Марта затеяла строительство башни в Финка-Вихии, в которой, как она предполагала, Эрнест сможет спокойно работать. И он полюбил свой дом, о котором говорил: «Как хорошо возвращаться сюда, куда бы ты ни ездил». Здесь все было по-прежнему – спальня, где он привык работать, Белая Башня с видом на море, развалившаяся ступенька, которую он не разрешал чинить, потому что в ее трещинах проросли дикие цветы, бассейн, книги. О том, как он любил свой дом, можно судить по одному его письму: «Только что вернулся с вечерней прогулки вокруг дома. Небо над холмом розовое. Гавана светится в сиреневом тумане, наше большое дерево, которое на прошлой неделе покрылось новой листвой, кажется золотым, розовым, медным и похоже на огромный зонт, почки каучукового дерева возле вашего домика набухли и лопнули, бассейн сверкает зеркальной водой, кругом весенние цветы, из селения доносится музыка. Все вокруг так прекрасно – а может быть, мне это только кажется, – что я чувствую себя особенно одиноким, а это вызывает желание видеть тебя рядом».

Во время нашего посещения музея все в нем оставалось так же, как и при жизни великого писателя. На втором этаже башни находился его кабинет, в котором он практически не писал, все также в его спальне, где он постоянно работал по утрам, к стене была прикреплена маленькая конторка, на которой хватало места лишь для стопки бумаги и нескольких карандашей, а рядом на стене висел лист бумаги, на котором он в конце каждого рабочего дня записывал итог работы – количество написанных слов. В доме было много картин, много книг, повсюду охотничьи трофеи Хемингуэя и Мэри – шкуры львов и леопардов, головы буйволов, рога оленей.

Следующий наш выезд был на морскую рыбалку.

На рыбалку нас вывезли на морском небольшом корабле, типа наших речных трамвайчиков. Наш корабль отошел в океан и встал между какими-то маленькими островами.

Каждому желающему дали в руки снасть, которая представляла собой моток лески с поводками, грузилом и двумя достаточно большими крючками. На крючки насаживались кусочки нарезанной рыбы и снасть забрасывалась за борт. Глубина в месте ловли была около 20 метров. Рыба ловилась некрупная, весом до полкилограмма, но клев был отменный. Через час рыбалка закончилась, наш корабль подошел к берегу одного из островов, опустили сходни и по ним все благополучно перебрались на берег. А там, на кострах, в больших сковородах уже жарилась свежепойманная рыба. И этот пикник на берегу Мексиканского залива под морским ветерком, эту вкуснейшую жаренную с корочкой морскую рыбу, запиваемую кубинским ромом (а кто-то натуральным соком) не забыть никогда. На обратном пути корабельный боцман подошел к Любови и предложил ей в подарок небольшую морскую черепаху примерным весом 2.5 – 3кг. Любовь ее взяла, но походив с нею некоторое время по палубе, и не зная, что же делать с черепахой дальше, отдала ее назад боцману. Тот не удивился и только рассмеялся: как мы узнали от других туристов, побывавших на рыбалке до нас, он каждый раз делал этот подарок понравившейся женщине.

Несколько слов о посещении школы в поле: на Кубе все учебные школы расположены в сельской местности. Та, которую мы посетили, находилась километрах в шестидесяти от Гаваны, была совершенно удалена от какого-либо населенного пункта. Она представляла собой целый комплекс зданий и сооружений: учебный 2-х этажный корпус со столовой, спальный корпус, спортивный комплекс из стадиона, закрытого спортзала и открытого плавательного бассейна с вышкой. Кроме того, были разные инженерные сооружения: скважина для воды, очистные сооружения, пожарный водоем. Участок школы был огражден забором. Рядом находился участок разработанного поля с какими-то посадками и фруктовыми деревьями. Детей туда возят автобусами на целую неделю. Они там учатся, после учебы, работают в поле, а также занимаются спортом. Таким образом, дети, кроме школьных занятий, получают еще азы трудовых навыков и идеологическую подготовку. Я уж не говорю о занятиях спортом, которым дети занимаются с большим удовольствием постоянно.

Помимо официальной программы мы часто гуляли по набережной, совершали городские прогулки по удаленным от центра кварталам города, купались в бассейне отеля. У каждого туриста имелась расходная книжка, в которую была внесена определенная сумма песо, поэтому посещались и магазины. Гавана оставила двоякое впечатление: прекрасный центр и невзрачные удаленные от него жилые кварталы; прекрасные автодороги и автомашины – старые «развалюхи», едущие по ним; карточная система на продуктовые товары в магазинах и валяющиеся на мостовых чуть ли не целые хлебные батоны. Кубинцы были тоже очень разные: мужчины, как правило – стройные, красивые, женщины, если они были белыми или метисками – тоже стройные, а если черными – то очень полными. Удивил обычай женщин: как правило, днем они ходили по городу с прической из бигуди. Одна из наших туристок имела неосторожность покритиковать кубинку за это. В ответ получила такую отповедь, что они (кубинки) хотят быть красивыми для своих мужчин, а не для какого то иностранца. Правду говорят: – «не лезь со своим уставом в чужой огород».

Во все время нашего пребывания в Гаване была прекрасная погода: солнечные дни, теплые с морским ветерком ночи и ни одной капли дождя. Удивлял нас воздух своей чистой. Так, если я в своем любимом городе вынужден ежедневно летом менять рубашку, то в Гаване я это делал лишь раз в неделю, да и то она была практически чистой.

Очень быстро пролетели эти две гаванские недели. Весь обслуживающий персонал сделал, по-моему, все, чтобы нам понравилось и запомнилось это время. А на прощание, накануне отъезда нам устроили прощальный вечер с коктейлями и фруктами, с прекрасными песнями и танцами. Утром мы позавтракали, после этого освободили свой «Уно сера уно», уселись в прекрасный, испанского производства, автобус и отправились через весь остров от берегов Мексиканского залива к берегам Карибского моря: нас ждал Варадеро – лучший курорт Кубы! Прекрасный автобус и отличная дорога позволили уже во второй половине дня достигнуть нашей цели.

«Варадеро» представлял собой целый комплекс из 3-х – 4-х-этажных зданий, выстроенных группами с внутренними двориками, посреди которых находились бассейны, заполненные пресной водой. Эти группы зданий были построены вдоль береговой линии и первый ряд зданий находился на расстоянии каких-то 100-150 метров от воды, пляжный мельчайший песок прямо у выхода из отеля. Перед входом в отель находится душ с пресной водой. Нашу группу разместили в 2-х этажном здании в первом ряду. Здание полностью благоустроенное, наш номер достаточно просторный, окнами на море. Открываешь дверь и выходишь на большую лоджию. Красота! Мы постоянно вдыхали запахи моря и слышали шепот, а иногда и рокот или громкий разговор его волн. Под эти звуки прекрасно спится. Обслуживание номеров было отличным: мы вообще не видели, кто и когда прибирает номер, но возвращаясь в него с моря или с экскурсии, заставали в нем полный порядок. Правда, иногда при нас в номер заходил кто-нибудь из обслуживающего персонала (предварительно постучавшись в дверь), но уже с целью предложить обменяться с ним нашими изделиями трикотажа или белья на изделия из моря (ракушки, кораллы). Питание было организовано тоже прекрасно в ресторане для нашей группы отелей. Горячие блюда были разнообразны, приготовлены очень вкусно, а закуски, фрукты, соки, овощные гарниры мы выбирали сами и сколько душа пожелает (шведский стол). К нашему стыду, некоторые туристы (особенно женщины), иногда излишне набирали фруктов, особенно ананасов и часто оставляли в тарелках, что совершенно недопустимо. Подойти и взять второй раз (что, как раз, прилично) стеснялись.

Каждый вечер после ужина на открытой танцплощадке, которая находилась рядом с рестораном, проводился вечер танцев под музыку оркестра. Видимо имея опыт общения с советскими туристами, руководители курорта через нашего гида предупредили нас сразу после приезда, чтобы мы при общении с музыкантами не вздумали угощать их нашей русской водкой, так как это в их климате вызывает у кубинцев тяжелые последствия. Но предупреждения не помогли: в первый же вечер мы устроили «вечер знакомств» кубинских артистов с нашей «столичной». Результат его оказался плачевным. Кубинцы заболели и на работу назавтра не вышли. Они были немедленно уволены, и нам стоило больших усилий восстановить справедливость – вернуть их на работу.

Нельзя не отметить еще один инцидент, произошедший с участием наших туристов. Я уже отмечал выше, что посреди нашего дворика находился бассейн с пресной водой

для того, чтобы каждый купальщик, выходя из моря, мог нырнуть в бассейн и смыть морскую воду со своего тела. Так вот, несколько наших туристов – молодых летчиков из аэропорта «Кольцово» в один из дней, приняв «горячительный» напиток, решили пойти погулять. Вышли они и увидели молодую женщину, как сейчас говорят, кавказкой национальности, сидящую на скамье рядом с бассейном. Наши «ухари» решили с ней пошутить, а потом «шутя» сбросили ее прямо в одежде в бассейн. Эта дурная шутка едва не обернулась поножовщиной: ее азербайджанские друзья приняли действия наших шутников как надругательство над женщиной. Стоило больших трудов, чтобы убедить их в своем дружеском расположении к ним и к этой женщине, а также извиниться за свои бестактные действия.

Были еще небольшие неприятности с некоторыми туристами, которые, забыв, что мы находимся под лучами южного солнца, в первый же день приезда на курорт позволили себе лишнее время для загорания и были вынуждены несколько дней, вместо купания в море, провести в тени и прохладе своих номеров, наедине со своими ожогами. Но эти пустяки не смогли испортить нам впечатлений от удивительного отдыха: две недели пролетели незаметно. Мы каждый день загорали, купались, вели поиски раковин и кораллов. Но особенно понравился праздник Нептуна, который нам устроили руководители тура. Кроме времени, проведенного под кубинским солнцем и в воде Атлантики, мы побывали на двух экскурсиях: нас свозили на родео, а также мы посетили крокодилий питомник.

Родео – соревнования ковбоев на диких лошадях и быках – проводились на огороженной площадке, в открытом месте и рядом не было ни селения, ни каких-то других сооружений. Надо сказать, что ковбои показали большое умение в управлении дикими животными.

Очень понравилась поездка в крокодилий питомник. Крокодилы живут за плотным забором, но под открытым небом. Снаружи низ забора окружен земляным валом, с которого виден весь внутренний полигон. Крокодилов там тьма и все они находились в каком-то полусонном состоянии (это так мне показалось). Я решил проверить их реакцию и бросил подобранный с земли лист прямо в крокодилью кучу. Казалось, что они не обратили на падающий лист никакого внимания, но стоило листу спланировать пониже, как один из крокодилов молниеносно подпрыгнул вверх сантиметров на 30–40 и лист оказался в его пасти. После экскурсии по питомнику его хозяева угостили нас хорошим обедом. На второе нам подали вкусно приготовленное мясо с какими-то овощами. Мясо было необычно красноватым по цвету (как наша оленина), а вкусом – как свинина. Я, да и все остальные, с удовольствием съел его, но все же предположил, что нас накормили мясом крокодила. Я поделился этой мыслью с Любой, но она категорически отрицала это и утверждала, что нас бы об этом обязательно предупредили. В отличном настроении после вкусного обеда мы садились в автобус, чтобы ехать обратно и тут нам сообщили, что в виде подарка нас угостили жареным мясом крокодила, что тут началось: большинству туристов стало плохо, их буквально «вывернуло наизнанку». Почему-то особенно плохо было мужчинам (кроме меня), а я бы съел еще. Вот что такое предубеждение. Но минут через десять все успокоились и мы благополучно отъехали обратно. Вот так закончился наш прекрасный отдых в «Варадеро». Мы познакомились (и даже попробовали на вкус) с живыми представителями хищного и

опаснсго для человека мира. Удивительно, но на островах не водятся, кроме крокодилов, ни вредные насекомые, ни другие пресмыкающиеся, ни хищные животные (я не говорю о жителях морских глубин).

Этим и закончилась наша программа знакомства с этой далекой, прекрасной страной. Мы также, автобусом, уехали обратно в Гавану, переночевали в том же прекрасном отеле на берегу океана и назавтра улетели на ИЛ–62 домой.

На прощание природа напомнила нам, что начинается сезон дождей: она, как бы провела проверочный показ «дождичка». Он продолжался всего лишь полчаса, и попали мы под него лишь переходя из автобуса в здание аэровокзала, но, хотя мы и скрывались под зонтиками, добрались под спасительную крышу абсолютно мокрыми.

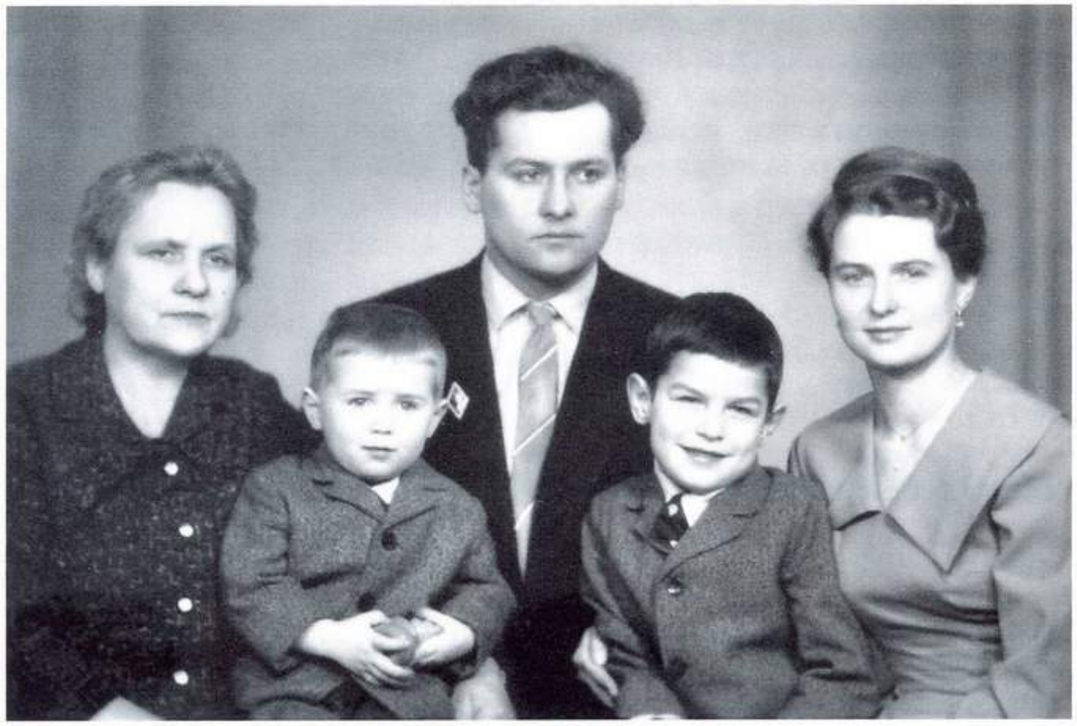
До свидания Куба! Мы увезли с собой отличные воспоминания о проведенных днях, встречах с доброжелательными людьми, сувениры (раковины, кораллы, разноцветные морские губки), плоды ананасов. Мы только там поняли, почему ананас называют королем фруктов. А я, к тому же, увозил огромное желание изучить испанский язык. По возвращению домой я выполнил желание, поступив на московские заочные государственные 2-х годичные курсы испанского языка, и благополучно их окончил. К сожалению, язык для меня оказался мертвым, так как не было с кем на нем общения. Память хранит только обрывки знания. Но все равно я говорю:

– Hasta la, vista Cuba!

Вот и дожили мы до грани, за которой появились эти слова – «в последний раз». В последний раз я побывал на дорогом памяти сердца прииске Красный Урал, где когда-то провел последние годы Великой Отечественной войны, а также первые послевоенные годы. Последний год мы жили рядом с любимым тестем (в мае месяце Сергей Александрович неожиданно ушел из жизни). Последний год я работал в самой главной организации в моей трудовой деятельности. Такова жизнь.

В море все мужчины, Сочи лето, 1964 год.

Моя семья и бабушка, 1964 год.

Свадьба Сочневых, 1964 год.

Свадьба Вятчиновых, 1964 год.

Мы еще подросли, 1965 год.

Бабушка с сыновьями. Снохой и внуками, 1966 год.

Свадьба Аманаевых, 1965 год.

Прием экзаменов в УКК треста, 1966 год.

На набережной Стокгольма, 1967 год.

Оребро с обзорной площадки, 1967 год.

С видом на Вислу. Варшава , 1968 год.

У входа в концлагерь Освенцим, 1968 год.

С молодыми немцами. Берлин, 1968 год.

На пляже курорта «Золотые пески». Варна.

Акробатические упражнения. Варна.

Из одессы в варну на т/х «Абхазия». Лето 1969 год.

Люба с сестрой и Златой (племянницей), г. София.

У киевлян после Болгарии.

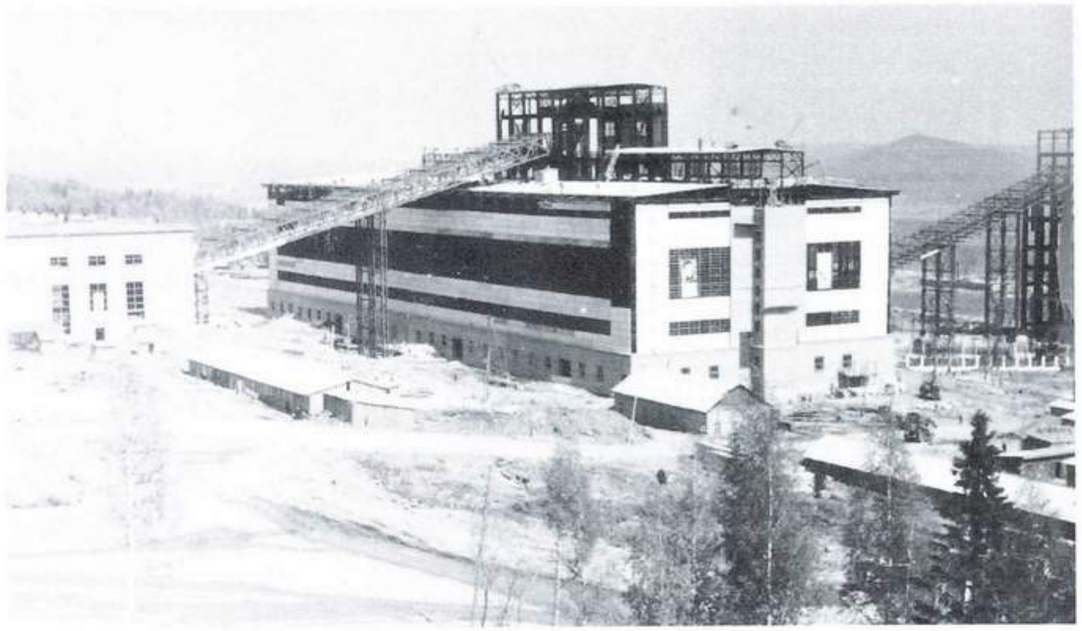
Главный инженер треста «Уралтяжспецстрой», 1970 год.

В Новом Афоне, лето 1970 года.

Всегда в пути. 1972 год.

Один из строящихся объектов. 1972 год.

В пути на рыбалку на реку Урал. 1972 год.

С очередным уловом. Река Урал.

В работе без отдыха, река Урал.

Рыба вялится. Река Урал, 1974 год.

Рыба в пологе и без мух. Река Урал, 1974 год.

Ловили такую рыбу: язя, судака, подуста, чехонь, плотву и даже сомят. Река Урал.

Руководители треста «Уралтяжспецстрой». Слева управляющий Фокин М. А., 1974 год.

В Призельбрусье, лето 1975 год.

Теберда-Домбай, 1975 год.

Дальше немцы не прошли! На одном из Кавказских перевалов. 1975 год.

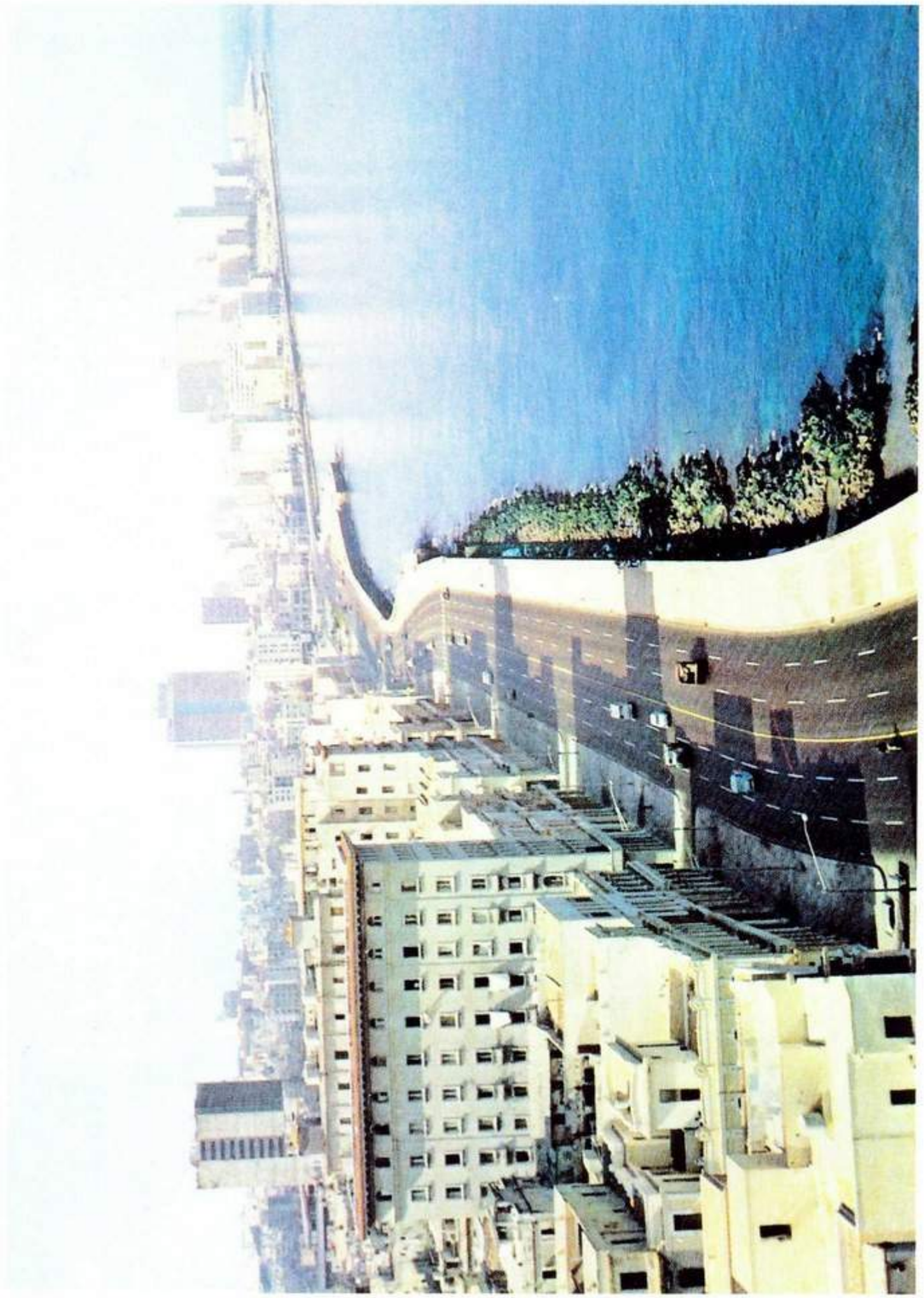
Встреча с друзьями военного детства п. Красный Урал. 1976 год.

Руководители подразделений Главсредуралстроя. 1976 год.

На празднике нептуна курорт «Варадеро». Куба, 1977 год.

Набережная города Гаваны. 1977 год.

Заместитель управляющего трестом «Уралспеццемремонт». 1978 год.

На базе отдыха «Волгоцемремонт», г. Вольск 1978 год.

Вот так улов! г. Вольск.

С руководителями «Волгоцемремонт». Отдых на Волге, г. Вольск.

III. ДАЕШЬ ЦЕМЕНТ! 1977 – 1980 г.

Январь 1977 года изменил мою жизнь. Хотя я продолжил заниматься вопросами строительства, но изменились и организационная структура, и задачи, которые мне пришлось решать. Из системы Главсредуралстроя, входившего в состав Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии СССР, я перешел в систему Главвостокцемента Министерства промышленности стройматериалов СССР. В стране была создана централизованная ремонтная служба цементных заводов: в Главзападцементе – трест «Западспеццемремонт», а в Главвостокцементе – тресты «Востокспеццемремонт» и «Уралспеццемремонт».

Итак, с января я – заместитель управляющего трестом «Уралспеццемремонт» по ремонтно-строительным и футеровочным работам и вопросам собственного капстроительства. Главное отличие от работы в предыдущем тресте состояло в том, что если трест Уралтяжспецстрой своими силами выполнял лишь монтажные сантехнические работы, то трест «Уралспеццемремонт» – любые ремонтно-строительные работы для цементных заводов зоны своей деятельности, а также строительно-монтажные работы по собственному капитальному строительству. Кроме того, трестом выполнялись также все работы по ремонту оборудования цементных заводов. Характерной особенностью являлась большая разбросанность обслуживаемых заводов: это Свердловская область – Сухоложский и Невьянский цементные заводы, а также Огнеупорное производство НТМК; Челябинская область – Коркинский цемзавод, огнеупорное производство ММК, Катав-Ивановский цемзавод; Оренбургская область – Новотроицкий цемзавод; Пермская область – горнозаводской цемзавод, Ульяновская область – Новоульяновский цемзавод; Куйбышевская область – Жигулевский цемзавод; Саратовская область – цементные заводы объединения Вольскцемент; Мордовская АССР – Комсомольский цемзавод. Кроме того, трестом, за время моей работы в нем, были построены производственные базы и жилье для производственных предприятий треста, а для института «Оргпроектцемент» в городе Юрмала Латвийской ССР построена база отдыха.

С первого дня на новой работе я почувствовал, как еще ускорился ритм моей жизни. Мне сразу же пришлось выехать в Москву в Главвостокцемент, где я познакомился с работниками отделов и руководителями. Там же на коллегии меня и утвердили в должности. По возвращении из Москвы я вместе с заместителем управляющего нашего треста по вопросам снабжения Ципиным Юрием Абрамовичем вылетел в Новосибирск. Оттуда автомашиной мы с ним добрались до Искитима, где базировался трест «Востокспеццемремонт» и поучаствовали в работе партийно-хозяйственного актива по рассмотрению итогов работы за прошедший год. Я познакомился с руководителями треста: нормальные доброжелательные мужики, отличные организаторы, а во взаимоотношениях в будущем оказались и надежными друзьями. При вылете в Новосибирск с нами произошел казус. Вылетали мы из Кольцово ранним утром. Приехали в аэропорт пораньше, а посадки в самолет все нет. Решили зайти в кафе, и выпить по чашечке кофе (я, конечно, – чая). Сидим, пьем, беседуем и вдруг слышим объявление, что на наш рейс закончена посадка. Ринулись мы с ним в здание аэровокзала, так как кафе находилось в отдельном зданьице, побежали к сектору посадки,

а нас не пускают – посадка закончена. Минут пять уговаривали персонал аэропорта, что нам совершенно необходимо лететь этим рейсом. Наконец они разрешили нам выйти на поле. Мы бегом домчались до самолета и по какой-то приставной лестнице поднялись на борт самолета. Долетели нормально. Этот случай приучил меня на всю жизнь к правилу: никогда не опаздывать на посадку в любой вид транспорта.

И начались мои беспрерывные «путешествия» по стране: я должен был побывать в каждом нашем подразделении, познакомиться с персоналом, с заказчиками, а также с ходом выполнения наших работ, и теми вопросами, которые мешают этому. Полгода мне понадобилось на то, чтобы я смог преодолеть эту «полосу отчуждения». Потом я уже досконально знал все наши предприятия, их руководителей и многих ИТР (со многими из них сдружился), добился взаимопонимания с заказчиками, ознакомился с технологией всех видов наших ремонтно-строительных и монтажных работ, знал все «болевые точки» в наших делах и не боялся решать их и в тресте, и в Главке, в котором я за это время смог побывать уже несколько раз. Надо полагать, что все это привело к тому, что в конце июня я был Главком назначен начальником ремонта объектов объединения «Вольскцемент». В состав объединения входили четыре цементных завода, расположенные в г. Вольске Саратовской области. В объем ремонта входили работы на трех из них, в том числе: капитальный ремонт двух цементных печей и сопутствующего им оборудования, ремонт двух приемных бункеров для цемента, большой объем по капитальному ремонту кровель заводских зданий. Для выполнения этих работ, кроме кадров наших предприятий «Волгоцемремонт» и «Цемстройремонт-7», расположенных в Вольске, были прикомандированы рабочие и ИТР из других подразделений нашего треста, а также из треста «Востокспеццемремонт». Срок выполнения полного объема работ – два месяца, поэтому все работы велись круглосуточно. Объединением «Вольскцемент» был организован штаб ремонта, который ежесуточно дважды подводил итоги работы за прошедшие полусутки и решал все возникающие по ходу работ вопросы. Этот ремонт закончился для меня успешно, если не считать одного инцидента, который только укрепил мой авторитет в глазах руководителей Главка. Неожиданно, видимо с целью инспекции хода работ, приехал в Вольск главный механик Главка. Он никому не сообщил о своем приезде, и я увидел его совершенно случайно, обходя фронт работ на одном из заводов. Подошел я, а он в это время дает указания нашему прорабу по технологии ведения работ. Я возмутился, подошел к прорабу и сказал, что если он будет выполнять команды посторонних людей, то я решу с директором его предприятия вопрос о его замене на объекте. А главному механику Главка объяснил, что решения на объекте принимаются коллегиально штабом и выполняются через указания прорабов (или же через директоров предприятия и начальников управления). Главковский посланник страшно возмутился тому, что я «влез» в их разговор, пригрозил мне всякими неприятностями и исчез. А через час из объединения на завод приезжает курьер с просьбой ко мне: связаться по телефону с главным инженером Главка. Я тотчас приехал в объединение, позвонил в Москву главному инженеру и доложил о ходе работ, а также об инциденте с главным механиком. Главный инженер подтвердил правильность моих действий. Но я потом в течение двух лет ощущал «любовь» к себе со стороны главного механика.

В этот свой первый, длительный, приезд в Вольск я проживал в единственном номере «люкс» в городской гостинице, состоящем из двух комнат: гостиной и спальни, а также туалета и ванной комнаты. Но был маленький нюанс: горячей воды не было вообще. А через неделю, в один из дней, руководители предприятия «Волгоцемремонт» Курлеев Анатолий Михайлович и Лопастейский Владимир Александрович свозили меня на свою базу отдыха, расположенную напротив города на левом берегу Волги. База представляла собой пару одноэтажных спальных корпусов, каждый на 50 человек, кухню в отдельном домике летнего типа, коптильню для рыбы: все это построено на берегу метрах в 100 от воды на пригорке, так как весной Волга, разливаясь, затапливает прибрежные низины. Кроме того, к берегу был пришвартован большой дебаркадер: это такая несамоходная баржа с палубными надстройками в три этажа. На втором этаже находились 4-х местные каюты, по шесть с каждой стороны, а на 3-ем – биллиардная с большим столом. А на первом – какие-то специальные помещения и большая палуба: прямо готовый танцзал. База мне понравилась, но больше понравился прием, который мы получили: к нашему приезду уже была готова уха, сваренная на костре в целом ведре, а также соленая щучья икра. Вся эта вкуснота, запитая водочкой, развязала языки и вскоре мы были участниками добродушной, остроумной беседы. Все работники базы отдыха были заядлыми рыбаками, и я услышал от них не одну рыбацкую байку. Короче говоря, мне так понравилось посещение базы, что я назавтра же съехал из гостиницы, поселился на этой базе и все последующие посещения г. Вольска проживал только там. Никаких гостиниц! Руководители предприятия «Волгоцемремонт» закрепили за мной катер «Амур» с мотористом, так что у меня не было никаких проблем с переездами в город и обратно на базу. Сон у меня на базе был прекрасным, а в свободное от работы время я занимался рыбалкой и много в ней преуспел.

Неожиданно, в один из дней, я получил телеграмму от Любы из Свердловска: она сообщала, что через два дня приедет на несколько дней ко мне, так как тоже хочет поближе познакомиться с волжанами, волжскими красотами и вообще – побыть со мною. Что делать: я не мог уезжать из Вольска в связи с ежедневными совещаниями штаба, а ее надо было встретить в г. Саратове на ж/д вокзале. Мне помог директор «Волгоцемремонта» Курлеев Анатолий Михайлович, все организовавший. Любу на вокзале в Саратове встретил шофер на «Волге». Он довез ее до Вольска благополучно, по дороге показывая окрестности и рассказывая о крае. В Вольске он сразу же провез ее в гостиницу «Цемент», в тот самый единственный «люкс» и уехал. Она захотела с дороги принять душ. Зашла в ванное помещение и ахнула: вся ванна полна плавающими цветущими розами. Достала она их из воды и поставила в вазах в комнаты. Получилось четыре больших вазы, розовый аромат, заполнивший весь номер и красота, бьющая в глаза. Любовь была очарована таким приемом. Она забыла про ванну, про обед в ресторане и наслаждалась красотой и запахами, окружившими ее. Она потом говорила, что была безумно счастлива в эти часы ожидания меня с работы. Освободившись на работе, я приехал в гостиницу, встретился с Любовью, а через час за нами приехала та же «Волга» и увезла нас домой к Курлеевым: нас ожидал прекрасный вечер – встреча. Конечно, мы после прекрасно проведенного вечера у Курлеевых и переночевали, а утром переселили ее из гостиницы ко мне на базу отдыха, где она и провела все дни пребывания в Вольске. Любе настолько все понравилось, что она заразилась идеей провести следующий отпуск летом в Вольске. Говорят, что мечты сбываются: мы свои отпуски и в следующем 1978, и в 1979 году провели в Вольске на этой же базе отдыха. В1978 году я заранее обговорил с Бабкиным Дмитрием Матвеевичем (управляющий трестом) вопрос о том, что сразу после очередной командировки в Вольск я там и останусь, чтобы провести отпуск. Уже потом ко мне туда приехали Люба с Сашей, Тамара Дроздова с Наташей, а потом еще Адольф Игрушкин со своей женой, Зоей. Мы прекрасно там отдохнули: позагорали, накупались, нарыбачились, съездили на экскурсию в Балаково, наигрались в биллиард. Я освоил рыбалку на резинку с берега и на шайбу с катера. А в 1979 году я был в отпуске в июне. Мы выехали из Свердловска на 2-х автомашинах: на одной я и Орлов Володя – мой товарищ, а также начальник ПТО по ремонту оборудования нашего треста, а на другой – друг нашей семьи, Бабин Гера и его товарищ, Борис – зам. начальника УВД г. Касли, где они оба жили. Я согласился ехать с Орловым на его автомашине только с одним условием: туда и обратно за рулем автомашины еду только я (он иногда водил ее в нетрезвом виде). Автомашина с Каслинцами присоединилась к нам в пути, в месте ответвления от Челябинского тракта дороги на Касли. Доехали мы до Вольска за полтора суток нормально, если не считать завала из а/машин на строящемся участке недалеко от Куйбышева, в который мы попали, но отделались только испугом. Автомашины по приезде мы оставили на территории нашего предприятия, а сами сразу же перебрались на базу отдыха. В конце второй недели к нам подъехали Люба с Сашей. В честь их (и нашего) приезда наши друзья устроили нам праздник с шашлыками и сухим вином. Но, немного захмелев, решили устроить соревнования по стрельбе из ружья по плывущим в воде пустым бутылкам. К своему стыду, ни один из мужчин не смог попасть в них. Тогда к ним присоединилась Любовь и тремя выстрелами разбила 2 бутылки. Пришлось всем пить за нее. Через неделю Люба с Сашей уехали поездом домой, Гера с Борисом уехали своим ходом еще через четыре дня. А еще через неделю отправились домой и мы с Орловым. Перед отъездом мы съездили в Шиханы и купили там каждый по стеклянной литровой банке икры черной и красной, а также в Вольске купили по паре ящиков свежайших, только снятых с поля помидоров. Загрузились мы: помидоры поставили на заднее сидение, а икру – в багажник и поехали домой через Пугачевск, Куйбышев, Челябинск. Орлов, конечно, перед отъездом напился, так что его буквально «вложили» в машину сонным. Километров через сто он проснулся и стал меня критиковать за медленную езду. Когда же я предложил ему не вмешиваться в процесс езды, он ультимативно потребовал допустить его к управлению машиной, так как он ее хозяин. Разозлился я и говорю, что если он будет мне еще надоедать, то я так ему «врежу», что он успокоится до конца пути. Посмотрел он на меня и, видимо поняв, что я серьезен, предложил мне тогда в Пугачевске купить ему вина. А надо сказать, что пил он в основном вино. Что делать, заезжаем в Пугачевск, захожу в магазин, а там стоит портвейн «777» в литровых бутылках, в те времена у нас, его уже невозможно было купить. Купил я ему 3 бутылки этих «трех семерок» и он до Свердловска больше ко мне не приставал, время от времени принимая очередную дозу и впадая в транс. Доехали мы, разгрузились у меня, доставил я его с машиной в его гараж, и облегченно вздохнув, уехал домой. А он тотчас

пригласил к себе друзей–алкашей, соседей по гаражу, устроил с ними приличную попойку, а потом стал их развозить по домам на своей машине. Кончилось все тем, что он разбил машину, подъехав под рейсовый автобус. Ладно, что сам остался жив, а машину–то потом ремонтировал целых полгода. При разгрузке его автомашины, мы поняли, какую ошибку совершили, поместив банки с икрой в багажник: две из них от дорожной тряски разбились и нам пришлось «собирать икру с крышки багажника. А по приезду домой я испытал еще один «икорный удар». В первый же семейный обед я всю семью решил удивить вкусом икры, но больше всего удивился сам. С удовольствием, поев черной икры, ребята лишь едва дотронулись до красной: – Ешь ее сам, – сказали они, – она горькая. О, время! Они даже не знали вкуса красной икры!

Так уж получилось, что я много времени, из этих трех лет работы в тресте, провел в Вольске. Это объясняется несколькими факторами: во–первых – там находились самые крупные заказчики и самая большая зона нашей работы, во–вторых – наибольшее удаление наших предприятий, расположенных там, от треста, но это не значит, что я там, и только там работал. Я регулярно бывал во всех предприятиях и решал там все вопросы моей компетенции. И то, что трест регулярно выполнял объемные, все экономические и плановые показатели работы, а чаще перевыполнял их, в этом есть и толика моего труда. Мы вместе с Дмитрием Матвеевичем Бабкиным выезжали в Горнозаводск, где решили все вопросы по созданию там нашего предприятия; также вместе с ним были в Катав–Ивановске, где начальник Главвостокцемента Древицкий проводил рассмотрение вопросов реконструкции местного цементного завода. Кстати, вспоминается интересный случай, произошедший там со мной. Когда мы собирались в эту поездку, то знавшие Древицкого старые работники цементной промышленности, работавшие у нас в тресте (а все знали, что я заядлый шахматист), меня предупредили, что он обязательно пригласит меня поиграть в шахматы, но чтобы я не вздумал его обыгрывать – он этого не потерпит. Я только посмеялся над их предупреждением. И вот, после первого дня плодотворной работы на заводе приехали мы в заводскую гостиницу, где нас разместили в трех шикарных номерах (с полными холодильниками, заполненными всякой снедью), мы немного отошли от деловых вопросов, выкупались и очень хорошо покушали. За столом мне Древицкий говорит, что знает меня заочно и как шахматиста, и предлагает сыграть с ним пару партий. Понятно, я не смог отказаться, так как и сам мечтал об этом. Мы с ним играли почти до самого утра, успели закончить 3 партии, из которых я две выиграл и одну закончил вничью. Необходимо сказать, что играли мы на полном серьезе, без каких–либо подставок. Но предсказатели были посрамлены; никаких санкций по отношению ко мне со стороны Древицкого не последовало. Наоборот, мы с ним почувствовали взаимную симпатию. Хочу отметить, что зная мою страсть к этой игре, меня приглашали сразиться практически шахматисты во всех наших подразделениях, когда я там бывал (конечно, после работы). Я никому не отказывал и, более того, дважды участвовал во встречах шахматных команд наших предприятий с другими коллективами: так я играл в составе команды «Уралцемремонт» в Сухом Логу с командой Сухоложского цементного завода, в составе команды «Волгоцемремонт» в г. Вольске со сборной командой комбината «Вольскцемент». Оба раза, играя на первой доске, я одерживал победы.

А однажды осенью 1978 года мне пришлось прямо из Вольска лететь в другую командировку: была назначена работа комиссии по приемке в эксплуатацию построенной нами базы отдыха в Меллужи (г. Юрмала Латвийской ССР) и я, как член этой комиссии обязан был принять участие в ее работе. Из Вольска до Саратова меня довезли на «Волге» нормально, а в аэропорту началась чехарда. Сначала нам объявили, что самолет совершающий рейс из Риги задерживается на час по метеорологическим условиям. Потом отложили прилет еще на час, после сообщив, что он вообще не вылетал из Москвы, предложили сдать билеты до Риги и лететь ближайшим рейсом до Москвы. Большинство ожидающих наш рейс так и поступили, я в том числе. Какая же эта была дурость: мы, конечно, быстро долетели до Москвы, но что делать дальше? Аэропорт Внуково в Москве был переполнен ожидающими пассажирами, прилетевшими раньше. В связи с этим билеты на Ригу не продавались вообще. И тут мне пришла в голову разумная мысль. Я позвонил своему двоюродному брату, Юрию – подполковнику МГБ, и, объяснив ему ситуацию, попросил помочь мне. Не знаю, каких усилий ему это стоило, но я смог улететь на Ригу первым же рейсом и к концу дня уже отдыхал в забронированном для меня номере гостиницы. Утром следующего дня за мной заехали и а/машиной доставили в Юрмалу. В течение дня комиссия работу закончила: база отдыха была принята. Вечером, прямо на базе, заказчики устроили по этому поводу торжественный ужин, который прошел в теплой дружеской обстановке. Ночевал я в одном из домиков новой базы отдыха. Скажу прямо: все было выполнено прекрасно, но ночью было прохладно, так как отопление еще не включали. Утром меня увезли в аэропорт, подарили на прощание бутылку Рижского бальзама и бутылку Ванна Таллинн. Вылетали из Риги с опозданием на четыре часа из–за туманов сначала в Риге, а затем в Москве. А из Москвы до Саратова погода была уже нормальной. Полет запомнился «удобствами» для пассажиров в самолете ЯК–40: расстояния между рядами кресел маленькие и поэтому ноги оказывались, где–то на уровне груди. Но главное – мы долетели!

А вот еще два случая из моих командировочных разъездов. Первый. Апрель 1978 года, меня срочно вызвали в Главк. Я прилетел в Москву, в течение трех дней решил все вопросы и поехал в кассу Аэрофлота за билетом. Увы, нет билетов на самолеты в сторону Свердловска ни на завтра, ни на послезавтра. А, учитывая, что шло уже 27 апреля, нужно было спешить, чтобы успеть домой к празднику. Приехал я в железнодорожные кассы, а там тот же ответ: до 30 апреля ни одного билета нет. Заскучал я: что же делать? Поехал в Главк и попросил совета у москвичей. Они меня успокоили, сказав, что в Главке есть работник, занимающийся вопросами ж/дорожных перевозок необходимых материалов для наших предприятий, а также нашей продукции, и, поэтому связанный контактами с работниками Министерства Путей сообщения СССР, и что он сможет мне помочь с отъездом. Зовут его Энгельс Михайлович. Не очень веря во все сказанное, я все же стал ждать прихода этого Энгельса: делать–то все равно было нечего. Через некоторое время меня знакомят с высоким статным, моложавым гражданином. Это и был Энгельс Михайлович. Высказал я ему свою просьбу, а он и говорит, что нет ни каких проблем, чтобы ее выполнить. Но предлагает мне условие: если он сможет мне помочь, то мы с ним едем к нему на дачу и отметим там наше знакомство. Пришлось согласиться. Приехали мы в Министерство. Здание его на–

ходилось на углу Садовой и Лермонтовской. Вошли внутрь, так как у него был пропуск, а у меня – удостоверение нашего Главка. Подошли к какому-то окошечку в стене первого этажа, это оказалось окном в кассу, и он тут же взял мне ж\д билет на завтра в купейный вагон. На радостях зашли мы в рядом находящийся магазин и купили 3 бутылки коньяка. Водки не было, а 3 бутылки – это его запрос и поехали на окраину Москвы, так как дачей он называл свою однокомнатную квартиру. Жили же они с женой в другой квартире, которая находилась на другой окраине Москвы. Доехали мы с ним до его «дачи» нормально – сначала на метро, затем с полчаса на автобусе и потом пешком минут 20 до дома. По пути купили всякой еды на закуску. И устроили праздник мая и нашего знакомства. Я не умею пить так помногу, да и вообще не люблю коньяк. Плохо помню, когда и как я отключился, но проснулся на кровати уже утром. Энгельс уже встал, бодренький и начал уговаривать меня продолжить «празднество». Я категорически отказался, ссылаясь на то, что никогда не пью по несколько дней, и что мне надо ехать на вокзал. Тогда он попросил меня купить еще 2 бутылки, чтобы он смог «меня проводить». Пришлось. Представляете, с каким облегчением я ехал на вокзал? А сколько стоил мой билет до Свердловска? Зато я ехал один в 2-х местном купе до места, а в Москве приобрел еще одного друга.

Второй случай. В начале ноября 1979 года я был вызван в Главк для уточнения планов строительно-монтажных работ на будущий год. Учитывая это, а также то, что нам нужна была консультация для Саши у врачей, мы поехали втроем: Люба, Саша и я. Жили в Москве у Юры, моего двоюродного брата, который и организовал нам врачебную консультацию, а также посетили Игрушкиных, с которыми отдыхали вместе на Волге. Я, конечно, все дни проводил на работе, а Люба ходила с Сашей по врачам. Праздник отметили вместе с Игрушкиными и восьмого ноября вечером Люба с Сашей улетели домой, а я вынужден был задержаться в Главке еще на один день. Долетели они нормально, я их проводил. Мне вспоминается, что в то время у нас в городе начались перебои с продуктами, и я купил домой мяса килограммов десять. Учитывая, что я собирался лететь на следующую ночь, то решил, что с мясом за это время ничего не случится. Поздно вечером я приехал в городской аэровокзал, прошел регистрацию, а посадки все нет и нет. Наконец, через 2 часа объявляют, что посадка на наш рейс будет производиться на следующее утро с 9 часов. А вещи наши мы уже сдали и поэтому я решил переночевать в городе у Любиной тети Гали. Уже поздновато я добрался до родственников, выкупался, поужинал, прекрасно отдохнул и в 8-00 уже был в аэровокзале. И тут услышал сообщение, что наш рейс улетел в 6 часов утра, а опоздавших просят пройти на посадку. Прошли мы, а нас таких оказалось около 20 человек, и ждали посадки в автобус целый час. Затем нас посадили в автобус и в нем мы просидели еще час. Потом нас посадили в другой автобус и в нем мы ожидали отправки еще час. Наконец нас повезли в аэропорт. Довезли нас до аэропорта и сообщили, что началась посадка на наш рейс. Поэтому предложили выйти из автобуса, пройти в аэровокзал и через контроль пройти на посадку в самолет. Мы «сдуру» выполнили все указания: вышли из автобуса, прошли к месту выхода на посадку в аэровокзале, а нас не пропускают. Посадка-то идет на рейс следующего дня и наша регистрация, которую мы проходили в Городском аэропорту, недействительна, мы поняли, что нас просто обманули, заставив покинуть автобус (нас

должны были автобусом подвести прямо к самолету). Возмущенные таким коварством, мы перекрыли выход к самолету пассажирам, вылетающим этим рейсом. Минут через 5 к месту выхода подошел дежурный по аэропорту и предупредил нас, что если мы будем нарушать порядок, то будет вызван наряд милиции. Мы пытались объяснить наши действия, но никто не хотел нас слушать. Поэтому мы продолжали свое «стояние». Вызвали наряд милиции. Мы объяснили им ситуацию. Снова наступило ожидание. Вдруг по радио мы услышали сообщение о том, что опоздавшие на рейс … (номер нашего вчерашнего) за вчерашнее число, пассажиры, могут пройти на посадку к такому-то выходу. Что ж, перешли к другому выходу. Вывели нас на поле и вели к самолету минут 5. Привели к старенькому ИЛ-18 и посадили в него. Полетели. Долетели нормально, все двадцать человек. Самолет летел почти пустой, а сколько пассажиров хотели бы улететь и не смогли? Наш советский маразм! Добрался я домой издерганным, открыл чемодан с мясом – и выбросил на помойку и мясо, и чемодан.

Три года такого сумасшествия пронеслись как цепь мгновений, за которыми не уследишь. А что же творилось в это время в моей семье, особенно учитывая то обстоятельство, что я и дома-то почти не бывал? Для начала познакомлю вас с Любиными письмами, сохранившимися с тех пор.

От Любы в Пермь Чирковской Т.А. К-Уральский 22.03.78 г.

Милая мама Таня!

Опять весна, кругом все тает и опять летние заботы у нас. Скоро будем продолжать строить нашу дачу, а пока запасаем доски, рамы, изоляторы, провода, умывальники, ведра. Все я концентрирую в одном дворе, у знакомых, и на днях Володя на машине повезет все на место.

У Вити завтра начинаются каникулы – он поедет к Люсе в Тюмень. Я не помню, писала ли Вам, что ему на военной медкомиссии рекомендовали сделать небольшую операцию: нашли на груди опухоль и надо вырезать. Вот мы и решили, что это лучше проделать в Тюмени, где свои врачи, а то здесь в больницу положат на 2-3 дня. Люся же там организует это амбулаторно и после каникул он уже вернется. Мама сейчас здесь, но к нам идти не хочет. Я ей ежедневно ношу обеды, так как себе она готовить ничего не хочет и пьет один чай. Ребята ходят к ней ежедневно и следят, чтобы она кушала. У нее стала плохая память, она все забывает.

Саша у нас недавно получил первую пятерку по русскому языку за ответ у доски и был очень рад этому. Мы тоже рады – у него появилась какая-то уверенность в своих силах, что он может учиться. Володя все увлекается рыбалкой – уже в пятницу вечером (если он не в отъезде) его дома нет. Загорел, лицо прямо коричневое. Мы все время с рыбой.

Витя принес удостоверение об окончании школы юного архитектора (3-хгодичная). Ходит заниматься с художником. Я как-нибудь пошлю Вам его рисунки и Вы увидите, что у Вас есть преемник и продолжатель дел Ваших и папиных. Рисунки большие и мне жаль их складывать. И опять не знаю, поступит ли или все мои заботы напрасны.

Пишите нам, как Вы себя чувствуете, как здоровье. Не надо ли Вам, каких лекарств или витаминов послать?

P.S. Привет Кате и Анастасии Трифоновне.

Целую и обнимаю, Ваша Люба.

28.03.78. Любе из Перми от Чирковской Т.А.

Спасибо, Любочка, за письмо. Ты долго не писала и я с тревогой думала о тебе, о твоей неожиданной операции. И до сих пор боюсь ее последствий: боюсь, что ты навредишь себе какой-нибудь неосторожностью, тем более, что ты продолжаешь заготовки для дачи. Очень прошу тебя ничего не поднимать, даже легкого! А что такое у Вити? Отчего появилась эта опухоль? И как некстати придется ему с этой операцией пускаться в путь. Относительно его рисунков я думаю, что можно ограничиться их фотографией: это во всех отношениях удобно. Я ценю рисунок, а к краскам равнодушна. Сашина пятерка меня не интересует: вероятно, она случайная и верить ей не стоит. И слава Богу: большинство ребят, да и взрослые люди живут и обходятся без них. Но очень жаль, что твой Володя за всю жизнь не написал мне не только письма, а даже коротенькой открытки и я не знаю, какой у него почерк. Повлияй на него.

Я чувствую себя нехорошо: у нас развелись клопы, соседка применяет химические средства и я от них страдаю. Меня мучает бессонница и вообще в мои 80 лет жить тяжело. Почему ты не пишешь о Кате и ее семье? Передай привет маме.

P.S. Анастасия Трифоновна кланяется тебе и по-родственному заботится обо мне.

07.04.78. От Любы в Пермь Чирковской Т.А.

Дорогая мама Таня!

Что-то у нас этот год не особенно удачный. Теперь вот Витю оперировали. При прохождении комиссии в военкомате у него нашли припухлость на груди и эту опухоль велели удалить. Мы его в каникулы отправили в Тюмень и там Люсин муж, Толя, сделал эту операцию. Три дня Витя был в больнице, потом еще 4 дня – у Люси дома и вот хорошо, но я волнуюсь до сих пор.

Обо мне не беспокойтесь – я здорова, тяжелого ничего не поднимаю. Пока на даче мы не работаем, так как на улице холодно, да и материалы надо завозить. Доски, кирпичи и прочее лежит во дворе у знакомых. Прямо у квартиры на лестничной клетке стоят: дверь от старого дома, подаренный мне кухонный стол-шкаф и еще маленький столик для кухни. В голове много идей хороших, но все трудновыполнимо. Заказала одному рабочему (у него золотые руки) сделать столб-фонарь для освещения скамейки под деревьями. Не знаю, сколько он запросит за работу, но никак не могла удержаться – долго думала о нем, рисовала, искала пропорции. Может и во мне сидит глубоко архитектор?

Витя с завтрашнего дня возобновит занятия с учителями. Его рисунки все в карандаше, но очень большого формата. Рисует ионики, капители, колонны, кувшины, черепа и головы. На экзаменах будут 2 рисунка – голова и капитель. Еще сдавать математику, физику, черчение, сочинение по литературе. Кажется, лучше бы сама сдавала.

Володя все увлекается зимней рыбалкой. Каждое воскресенье мы оказываемся с рыбой и раздаем ее всем знакомым. Он очень загорел – лицо прямо бронзового цвета и левая рука загорела, так как он левша и удочку держит в левой руке.

Катя нам пишет не особенно часто. Она на пенсии, но часто читает лекции от Союза композиторов и от общества «Знание». Леночка – доцент Киевской консерватории, ее дочка Катенька учится в первом классе. У всех много забот и хлопот, жизнь идет быстро.

Я вот не замечаю, как мелькают недели. По субботам хожу в прачечную. Кажется, только что с Сашей отнесли чемодан – опять несем, опять суббота. Много внимания требует квартира, много времени берет кухня. Хорошо еще, что у меня семья неприхотлива в еде. Есть что-то вкусное – хорошо, будет картошка с постным маслом – тоже кушают с удовольствием. Люблю стряпать, но не всегда есть время и силы.

Мама все слабеет, ничего себе не готовит. Мы все ходим к ней, приносим обеды. А она потом забывает кушать и все прокисает – то на плите забудет, то в холодильнике долго держит. Прямо беда.

В апреле будет 22 года, как мы поженились с Володей. Можно считать, целая жизнь. Посмотрю вокруг, что во всех семьях делается – у меня еще жизнь хорошо сложилась: Володя порядочный муж и отец.

А у Вити есть подруга, Наташа. Она учится в параллельном десятом классе. Девочка славная, скромная, я бы даже сказала несовременная. У нее длинные волосы и никакой косметики. Сейчас ведь все девочки красятся, курят – даже смотреть на все это неприятно. Она провожала Витю в Тюмень, беспокоилась о нем и звонила: все спрашивала, как он себя там чувствует.

Ну, вот и все о нашем житье-бытье.

Будьте здоровы и бодры. Крепко Вас целую и обнимаю.

Ваша Люба.

04.05.78. Любе из Перми от Чирковской Т.А.

Милая моя Любочка, я давно получила твое отчетное письмо, но не могу собраться с силами и мыслями, чтобы ответить. Чувствую себя плохо, совсем не выхожу из дома: болят спина и ноги. Трифоновна все ездит к своей родне, так что некого попросить отправить письмо.

Ты не пишешь, отчего у Вити появилась какая-то необыкновенная опухоль? Что говорят врачи о состоянии Сусанны Викторовны и когда намерен В.И. взяться за строительство?

Очень я встревожена всем этим и помочь ничем не могу. Береги себя. У нас развелись клопы и тараканы, ничего не можем с ними сделать. Вот какая у нас советская «культура» получилась.

Прости и не забывай.

26.09.78. От Любы в Пермь Чирковской Т.А.

Милая наша мама Таня!

Вот уже две недели, как мы вернулись из отпуска, а все не соберусь написать вам.

Витя успешно сдал все экзамены и прошел по конкурсу в архитектурный институт с запасом на 1 бал. Его специальность «Жилищное и гражданское строительство». Мы все очень рады, что он поступил и особенно, что в архитектурный. Будет смена Вам и папе – пусть растет молодой архитектор. Сейчас Витя в колхозе с 1 сентября. На днях должен приехать. Погода холодная, было много дождей, а сегодня снег пролетает. Как там они? Написал, что комбайны не могут копать картошку – такая грязь на поле. Вот и копают вручную. Их в группе 8 мальчиков и 15 девочек, так мальчики копают и таскают мешки, а девочки собирают. Представляю, как ему там тяжело и ничем не поможешь.

Мы провели с Сашей неделю в Москве у тети Гали Мельницкой. Из Эфиопии приезжала Таня – троюродная сестра и мы с ней провели эту неделю. Ходим с Сашей по Москве, были в двух цирках, на ВДНХ, около университета, на Красной площади, ходили в театры. Я хотела организовать консультацию Саше через Володиного брата – врача, но тот был в отпуске и консультация не состоялась. Потом мы купили билеты 3-го класса на теплоход и 6 дней плыли по Москве реке и Волге до Вольска. Там встретились с Володей – он ловил рыбу, жил на базе отдыха от их треста. Мы все вместе отдыхали неделю на Волге, правда, была уже прохладная погода – и поездом вернулись домой. Саше было слишком много впечатлений в Москве, он устал, стал раздражительным. На теплоходе отдохнул и сейчас успокоился.

Мама все лето жила у Люси, а сейчас приехала домой. К нам почти не ходит, все сидит дома одна. Я и Саша ходим к ней каждый день.

Субботу и воскресенье проводим на нашей «стройке века». Сейчас дело за полом: нет досок и мы все ходим по временному полу. Закончили фундамент, теперь хоть под пол не дует. Я установила на даче газ и удобно готовить. Маленький баллончик с газом вожу из города, его хватает на 6 дней, то есть на 3 поездки. Осень нынче золотая, очень красиво кругом: идешь лесом и тихо осины осыпают желтые листья. Я в лесу успокаиваюсь, перестаю спешить и волноваться, отступают куда-то все заботы.

Вот так идет наша жизнь. А как Вы себя чувствуете? Как настроение? Как у Вас в городе с продуктами? Привет от меня Анастасии Трифоновне, а Вам сердечный привет от Володи. Это он меня грыз, что я до сих пор Вам не написала.

Напишите о себе и о своей жизни. Обнимаю Вас и целую. Жду от Вас весточки.

Ваша Люба.

02.10.78. От Любы в Пермь Чирковской Т.А.

Дорогая мама Таня!

Давно нет от Вас весточки и я беспокоюсь – как Вы себя чувствуете? У

нас холодно и мрачно, и настроение неважное. Мы все здоровы, но 23 октября мне будет уже 46 лет!

Витя с большим удовольствием занимается в институте, рисует с натуры дома, башни, ворота – это у них по программе.

Привет большой от всех. Целую, пишите. Ваша Люба.

12.10.78. Любе из Перми от Чирковской Т.А.

Дорогая Любочка, давно получила твой отчет о вашей жизни, но не могу собраться с мыслями и силами, чтобы ответить. Будь снисходительна, не сердись, прими мои лучшие пожелания и помни обо мне.

Твоя старая мама Таня.

04.09.79. Любе из Перми от Чирковской Т.А.

Люба, почему ты мне ничего не пишешь? Сколько времени прошло, как я отдала тебе свой альбом рисунков и просила, чтобы Виктор дал отзыв о нем? Прошел год, теперь начался новый учебный год, а вы до сих пор ничего мне о нем не написали! Верни мне мой альбом. Вам с Виктором он очевидно не нужен, а я хочу послать его как отчет в «Советскую культуру».

Мама Таня.

10.09.79. От Любы в Пермь Чирковской Т.А.

Дорогая моя, мама Таня!

Не сердитесь на меня, ради Бога. Начала Вам писать полугодовой отчет – ведь мы были у Вас в феврале, а уже сентябрь. Много событий у нас и все неприятные – я была на операции, долго лежала в больнице, потом была у Володи на Волге. Только вернулись с Сашей в середине июля, а у Володи на работе начались большие неприятности. Все подробно напишу, хоть и трудно это писать.

Витя сейчас уехал в молодежный лагерь.

Мы все Вас помним и ценим.

Напишу все подробно. А пока целую. Люба.

11.11.79. От Любы в Пермь Чирковской Т.А.

Дорогая мама Таня!

Вот уже 12 дней мы в Москве – решала вопрос об операции Саши: консультировалась здесь. Повезли его в Тюмень и там положили в больницу к Люсиному мужу. У Саши опухоль на груди и сказали, что тянуть нельзя. Я изволновалась из-за него. Сообщу Вам, как все будет дальше.

Сидим в аэропорту и не можем улететь.

Целуем и обнимаем. Люба, Володя, Саша.

02.12.79. От Любы в Пермь Чирковской Т.А.

Милая моя мама Таня!

Сейчас уезжаю домой из Тюмени, приезжала навестить Сашу. Ему сделали операцию еще 13 ноября, но он все еще в больнице. Удалили на груди большую опухоль, по анализам доброкачественную. Мама здесь с ним, Люся и ее муж его опекают. Люсин муж работает в этой же больнице, поэтому Сашу и привезли сюда. Я очень хочу увидеться с Вами, так надо о многом поговорить и посоветоваться. В письме всего не написать. Как-нибудь приедем с Витей на воскресенье.

Целую Люба.

07.12.79. Любе из Перми от Чирковской Т.А.

Люба, милая, я нездорова и наше свидание придется отложить. Не сердись, пожалуйста.

Мама Таня.

Недаром говорят, что каждый человек является творцом своего счастья. У нас же получилось так, что мы сами разрушили его. Как здорово начинался новый период нашей жизни в 1977 году с моим переходом на работу в трест Уралспеццемремонт. А оказалось, что этот переход явился началом моего служебного падения и развала нашей семьи. И названием этого начала было вполне благопристойное слово – дача: как ни странно, но это так. Еще описывая нашу жизнь в 1963 году, я рассказал о начале дачной эпопеи в 1977 году. Как я сопротивлялся этому, но не устоял перед Любиным решением и мы купили у Ахманаевых домик, в котором прежние хозяева держали скот.

Для того чтобы построить дачный дом нам пришлось к бревнам от разбора купленного домика заготовить еще бревна в лесу и вытащить их из леса. В результате этой работы я получил заболевание позвоночника: межпозвоночную грыжу и спондилолистез. Это привело к тому, что я сейчас еле передвигаюсь с палочкой. Любовь, работая на даче, от укуса клеща заболела клещевым энцефалитом и чуть не умерла, через несколько лет заболела туберкулезом легких и опять целый год «выкарабкивалась» из тяжелого состояния; но еще через 5 лет заболела раком забрюшины и, в конце концов, умерла. И, наконец, я послушал Любовь и разрешил принять к нам на ремонтно-строительный участок в Свердловске ее знакомого токаря. Она говорила, что ее попросил об этом начальник участка Мельников. Поскольку я был дома наездами, то не разобрался во всем этом: никаких токарных работ для участка выполнять было не нужно. Токарь выполнил заказ Любови для нашей строящейся дачи и получил за это зарплату, когда я разобрался в этом, то вернул обратно в кассу деньги, которые тот получил, но было уже поздно: пришлось распрощаться с работой, а также получить строгий выговор по партийной линии.

Вот печальные итоги дачной эпопеи: я – инвалид, Любовь умерла, я конечно же продолжал работу в других организациях, но это было уже не то. А саму дачу мы после смерти Любы продали.

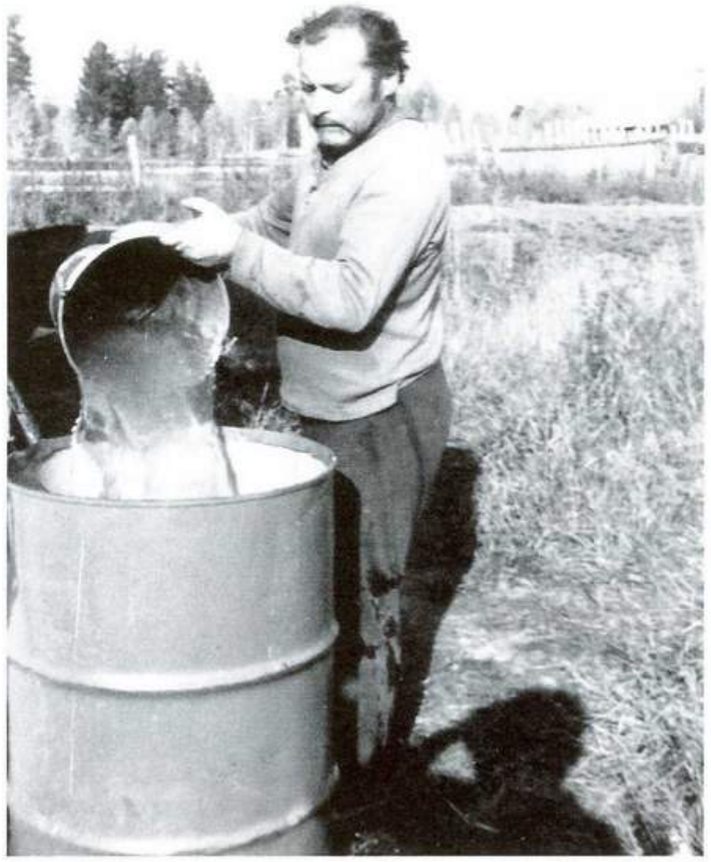
Тренировочная партия 1981 год.

На рыбалке. Белоярское водохранилище. Зима 1981-82 гг.

Свадьба Сергея и Тани, г. Н - Тура. 1982 год.

После командировки «отрабатываю» на даче, д. Малая Гусевка. 1982 год.

IV. Снова газ. 1980 март –1983 гг.

Так получилось, что 1980 год снова оказался переломным в моей работе: я вернулся к решению вопросов газоснабжения. А получилось это так: я случайно повстречался с директором Свердловского филиала института ГИПРОНИИГАЗ, Ярковым Леонидом Петровичем. Мы с ним были давними знакомыми. Дело в том, что в 1966 г. в Свердловск приезжал главный инженер Саратовского «ГИПРОНИИГАЗ», Божедомов П.Б. с целью организации здесь своего проектного филиала и он искал специалиста на должность будущего директора. Пригласили на переговоры по этому поводу и меня, но я отказался и предложил кандидатуру Яркова Л.П., работавшего тогда начальником сантехнического управления, и он стал директором. С тех пор у нас были добрые отношения. Узнав о моих неприятностях, он сразу же предложил мне работу в филиале в должности главного инженера проекта. Я сразу же дал согласие, так что я снова вернулся к знакомым вопросам. Но были в этой работе и свои особенности: пришлось решать вопросы проектирования, а не монтажа систем, но опыт монтажа помогал и в решении вопросов проектирования. Зона деятельности филиала распространялась на Свердловскую, Пермскую, Челябинскую области, а впоследствии на Тюменскую и Курганскую области; режим дня был другим, укладывавшимся в рамки трудового законодательства; гораздо меньше стало дальних командировок.

Учитывая мой опыт работы в отрасли газификации, а также 6–ти летний стаж проектной работы, я быстро вписался в коллектив института. Запомнились несколько моих первых работ.

Самым первым был проект наружной сети канализации от корпуса «Подземметаллзащиты» в Чкаловском районе г. Свердловска. Дело в том, что канализация–то там была смонтирована при строительстве, но проекта не было. Более того, монтаж был выполнен с низким качеством, так что она частенько не справлялась со стоками. И никто не знал ее точного фактического расположения на местности. Поэтому для начала необходимо было ее разыскать. В помощь мне выделили из строительного отдела помощницу – Воложенинову Алену, а вместо спецодежды выдали нам резиновые сапоги и мы отправились с нею на поиски трассы. Идти было неудобно, так как у меня один сапог был 40– го размера, а другой 43, а у нее при размере ног 35 – сапоги 38 размера. Нашли мы ее довольно быстро. Трасса была проложена наземно, только вся заросла разными травами и мы после поиска вернулись все в желтой пыльце. Произвели мы с помощницей все замеры, уточнили положение трассы, затем Алена выполнила все обмерочные чертежи и проект реконструкции трассы. Так выполнялась первая работа. Так я встретился с Аленой и, как оказалось, на всю последующую жизнь: с той первой памятной встречи и до сегодняшнего дня, она самая близкая моя подруга. Из других работ вспоминается: проект реконструкции производственной базы треста «Красноуфимскмежрайгаз», а также технический проект производственной базы треста «Свердловскгазспецстрой» в г. Березовске. Ну, и куча всяких мелких объектов. Моя работа заключалась в сборе исходных данных, подготовке договоров, увязке всех возникающих при проектировании вопросов между всеми исполнителями, контроле над ходом выполнения работы и выдаче проекта; участие в еженедельных оперативных совещаниях,

проводимых директором филиала, а также в совещаниях с заказчиками, и со смежными институтами. Но самой памятной и, в какой – то степени знаковой оказалась для меня работа над проектами системы газоснабжения и газопроводов высокого и низкого давлений в городе Верхнем Тагиле. Эти проекты были очень важными для Городского Совета и председателя совета Бороздина Геннадия Васильевича, так как среди наказов избирателей депутатам одним из главных был вопрос о газификации жилого поселка в городе.

Где–то в начале осени вызывает меня директор. Захожу и вижу, что у него сидит какой–то представительный мужчина – это и был председатель Верхнетагильского городского Совета. Познакомил нас Леонид Петрович и говорит, что поручает мне престижную и ответственную для филиала работу по проектированию системы газоснабжения города, а Геннадия Васильевича заверил в том, что я тот ГИП, который обеспечит в срок выдачу качественных проектов. А срок–то всего 7 месяцев.

Конечно же, я сразу приступил к исполнению поручения: в течение полутора месяцев был подготовлен и заключен договор, собраны все исходные материалы для проектирования; через 3 месяца – готова схема газоснабжения, утвержденная заказчиком в течение полумесяца. А через 5 месяцев в городе начались работы по монтажу газопроводов и ГРП. Через год первые горожане уже получили «голубой огонек».

Мне пришлось порядочное количество своего времени прожить в Верхнем Тагиле. Сначала я останавливался в гостинице энергетиков, а потом, познакомившись поближе и подружившись с Геннадием Васильевичем и всей его семьей, стал постоянным их гостем. Дружба не закончилась с окончанием работ, она продолжалась уже между семьями до самой кончины Геннадия Васильевича. Мы неоднократно семьями справляли различные праздники друг у друга, у нас жила их племянница Оля, все время учебы в юридическом институте, мы все вместе были на ее свадьбе в Челябинске, я неоднократно бывал в Верхнем Тагиле на рыбалке. Кстати, однажды, будучи там, в командировке, мы с Аленой остались на субботу и воскресенье на рыбалку. Геннадий Васильевич устроил нас в небольшую гостиницу при водозаборных городских сооружениях. Мы вместе с ним отлично там отдохнули и нарыбачились, так как совсем рядом находился пруд, зарыбленный карпом. Алена обловила нас обоих. Она поймала самого большого из всех пойманных нами карпа, весом в 1килограмм. Мало того, он был зеркальным. Мы рыбачили на червя, а Алена насадила кусочек хлеба и буквально через минуту у нее была поклевка. Она сначала не поняла этого, но услышав треск катушки, спросила меня, что же ей делать. Я говорю: – «Поднимай удилище и подсекай». Куда там, поднять не может. Только приподняла, а удилище согнулось дугой. Помучилась она с этим «карпиком» не менее 5 минут (мы, конечно, подсказывали) и все же подвела его к берегу, а здесь уже я подсачком вытащил его на берег. Конечно, мы с Геннадием Васильевичем тоже поймали по несколько рыб, но такого красавца увидали только в улове Алены. Ах, как вкусен был жареный карп!

А однажды мы всей семьей приехали к Бороздиным на субботу и воскресенье. Была осень, погода холодная и нам предложили съездить в лес, чтобы набрать лесной малины. Поехали. И мы с Любой за 2 часа набрали целую корзину спелых ароматных лесных ягод. А потом, раззадорившись, на обратном пути заехали за опятами. На берегу какой–то лесной

речки стоял старый березняк. Было много пней, а также старых берез. И мы все там, за каких–то полчаса, заполнили всю свободную тару грибами. Вспомнилась поговорка: осенний день год кормит. Геннадий Васильевич неоднократно предлагал продать нашу строящуюся дачу в Гусевке и строить новую в окрестностях Верхнего Тагила. Он обещал помочь в выделении земельного участка под строительство и в приобретении строительных материалов. Предложение было очень заманчиво: лес, полный ягод и грибов; водоемы, ждущие рыбаков; друзья, готовые разделить с тобой все радости и трудности. Но все это было далековато от дома. А через 5 лет произошел несчастный случай с Геннадием Васильевичем: ремонтируя стеклянное покрытие теплицы, он скатился вниз и упал грудью на вилы. Он получил раны, несовместимые с жизнью и умер. Его двое сыновей подросли, занялись музыкальным бизнесом и переехали жить в Новоуральск. Нина Сергеевна, вдова Геннадия Васильевича, через несколько лет после смерти вышла замуж еще за одного Геннадия и вскоре вместе с ним перебралась к ребятам. Наши связи прервались.

А с 1981 года в филиале вырос объем проектных работ, так как нас подключили к проектированию в Тюменской и Курганской областях. В филиале было создано бюро ГИПов и меня назначили его начальником. К моей работе добавились обязанности по увязке работ всех ГИПов, практически по контролю над прохождением всех объектов филиала. А еще за мной персонально закрепили все работы по Тюменской области. Видимо поэтому последующие годы работы в филиале запомнились больше Тюменскими объектами.

Самой первой работой по Тюмени была «Расчетная схема системы газоснабжения» заказчиком выступил Облисполком. Много времени отняла работа по сбору нагрузок: она длилась около года. Но все равно, у нас с заказчиком сразу же возникли расхождения по этому поводу: они нам задавали исходную цифру по численности населения города (с перспективой на развитие) 350 тыс. человек. Нам же было ясно, что эта цифра занижена, так как Тюмень уже начала активно строиться. Нам пришлось согласиться с заказчиком и работу выполнить с учетом данной в задании цифры, но это привело к тому, что разработанная нами и утвержденная в 1983 году заказчиком схема, была уже в конце 80–х годов скорректирована на количество жителей – 500 тыс. человек. А это, в свою очередь, заставило переложить часть газопроводов высокого давления основного наружного кольца, уже уложенных и эксплуатировавшихся в то время. Но это произошло уже после моего ухода из филиала.

Начало показало также, что нам предстоит уже в ближайшие годы выполнить такой объем работ, с которым филиалу справится, будет очень трудно. Поэтому было принято решение о создании в Тюмени нашего отдела комплексного проектирования объектов Тюменской и Курганской областей. Этим вопросом пришлось заниматься тоже мне. Так что для меня, два последних года работы в филиале, Тюмень стала почти родным домом. Иногда, особенно бывая там с группой наших изыскателей или проектировщиков, я останавливался в гостинице. Но чаще дома у Люси, Любиной сестры.

В 1982 году отдел начал работу в Тюмени. Город выделил нам в аренду одноэтажный дом в центральном районе, являющийся памятником архитектуры и расположенный рядом с домом–музеем Блюхера по улице Республики, начальником был назначен местный

инженер–газовик Станев Сергей Станиславович, а главным инженером, инженер промышленного отдела филиала Зараев Фаниль. Работников в отдел набрали из местных кадров. Нужно сказать, что выбор руководителей оказался удачным: отдел быстро начал набирать объемы выполнения проектных работ. А Зараев Ф. так и остался в Тюмени. Он впоследствии работал в областном управлении «Тюменьгазификация» главным инженером, а затем в администрации города ведал вопросами газификации.

Нам удалось быстро, как это требовало время, определиться с заказчиками, заключить договора и начать проектные работы не только по самой Тюмени, но также по районам и другим городам области: это Заводоуковский район, города Новый Уренгой, Лабытнанги, Березово, Нягань, Сургут, Тобольск, Салехард; поселки Советский, Тазовский.

Хочу рассказать о нескольких объектах, работа над которыми каким–либо образом оказалась связанной с моей личной жизнью. Так из объектов сельского хозяйства запомнилась Боровская птицефабрика и Мальковский совхоз. Боровская птицефабрика с жилым поселком расположена на восточной окраине Тюмени в нескольких километрах от Ялуторовского тракта. В те годы она была известна среди таких предприятий на весь Советский Союз своими трудовыми успехами. Условия для проживания работников тоже были отличными: компактно расположенный поселок благоустроенных жилых домов со всей необходимой инфраструктурой, действующий клуб и стадион – все привлекало молодежь и предприятие отличалось своими молодежными кадрами. И вот, в начале 1983 г. к нам обратилось руководство птицефабрики с просьбой выполнить проекты газификации их центральной котельной и объектов поселка. Мы, конечно, пошли им навстречу: помогли со сбором исходных данных, получением разрешения на газовое топливо, а также в течение полугода выполнили проектную документацию. У нас с ними завязались добрые взаимоотношения. Как же это отразилось на мне? Подходит время праздника Пасхи и Люся (сестра Любы, у которой я в то время останавливался) говорит, что в Тюмени невозможно достать ни одного яйца. Я, конечно, рассмеялся и говорю, что этого не может быть при наличии такого производителя, как Боровская птицефабрика. Тут уж она подняла меня на смех: что я идеалист, витаю в облаках и не смогу решить эту проблему. Задели за живое меня таки ее слова, поехал я на птицефабрику и попросил директора помочь теперь мне. Тот тотчас дал команду, я зашел в их магазин, находящийся рядом в поселке, заплатил денежки, а к вечеру Люсе домой привезли целую коробку яиц. Людмила была посрамлена! Мало того, ей пришлось решать проблему яиц самой, так как яиц – то в коробке оказалось несколько сотен.

Работа по проектированию системы газоснабжения Мальковского совхоза была тоже достаточно большой по объему: пришлось выполнять схему газоснабжения, проект ГГРП, а также проекты сетей и систем внутреннего газоснабжения котельной, объектов животноводства, тепличного хозяйства и жилья. Всю работу мы выполнили успешно. У нас был полный контакт с директором совхоза, Устюговым Виктором Александровичем. По окончании работы дирекция устроила вечер–встречу работников с проектировщиками, а также рыбалку на старице реки Туры. Сам поселок совхоза был расположен на берегу реки, километрах в двадцати от Тюмени по Тобольскому тракту. На этом вечере побывал и главный инженер нашего филиала Ентяков Николай Николаевич. На прощание нам с ним продали мяса через совхозный

магазин, но рубить его нам пришлось самим. И ехать нам пришлось в тамбуре купейного вагона, так как наши рюкзаки подтекали. Моя дружба с семьей Устюгова В.А. продолжалась и в дальнейшем: лет через 10 они вместе с женой пару дней провели у нас в Свердловске.

Но основными заказчиками были Облисполком, Облкомхоз, различные тюменские главки, проектные институты и промышленные предприятия. Так нами были выполнены схемы газоснабжения г. Тобольска по заданию института Ленинградкоммунпроект и г. Нягани по заданию института Уральский Промстройниипроект. По договору с Тюменским автоводным трестом мы выполнили проекты подводящего газопровода и газификации объектов базы отдыха треста. Длина газопровода была 47 км. Работа выполнялась по прямому договору и мы получили за это 2 легковые автомашины для продажи сотрудникам нашего филиала. Одну из них, ВАЗ – 21013 купил я.

Очень большой объем работ выполнялся нами для Областного Управления «Тюменьгазификация». Однажды, по просьбе руководителей этого Управления, нам с директором филиала Ярковым Леонидом Петровичем пришлось совершить командировку по маршруту Тюмень–Салехард–Тазовский–Тюмень. Хочется рассказать об этой поездке подробнее. Начало марта 1983 года. Весна была достаточно теплой, поэтому мы не надевали в поездку полушубков, а поехали в утепленных пальто. Нас предупредили, что мы будем выезжать в пограничную зону, поэтому пришлось оформить специальные допуски. По приезду в Тюмень я познакомил Леонида Петровича с основными нашими заказчиками и мы с ними рассмотрели все вопросы, связанные с выполнением наших работ. Вопросы, конечно, были, но особых претензий к нам не было. Все заказчики в голос заявили, что их устраивает и работа филиала и лично моя, как ГИПа. Через несколько дней мы с Ярковым вылетели в Салехард, летели на АН–10, вместе с нами летели газовики–вахтовики. Долетели нормально.

Мы оба впервые летели на крайний Север и нам все было интересно. Что сказать о нашей первой точке пребывания там?

Итак – Салехард. Посмотрите на карту полушарий, проследите за пунктиром Северного Полярного круга. Лишь однажды этот пунктир пересекает населенный пункт. Салехард, – и об этом с гордостью скажет вам любой его житель, – единственный на планете город на Полярном круге. С площадки близ городской автострады открывается изумительный вид на широкий простор сливающихся рек Полуя и Оби и на синеватые громады гор Полярного Урала. Здесь установлены две пирамиды и между ними бетонный полукруг, символизирующий черту Полярного круга. Этот памятник подчеркивает уникальность географического положения города.

Вряд ли те служилые казаки, останавливающие свои дощаники у крутого полуевского мыса, были сильны в географии. Им нужна была удобная гавань, возвышенный, незатопляемый берег. И начиная рубить здесь первые избы сторожевой крепости, они вовсе не думали, что возводят деревянный сруб в двух шагах от знаменитой географической параллели. Четыре столетия отделяют нас от того казацкого речного похода, результатом которого стала новая «крепостица» на нижней Оби. Основание острога на Полярном круге связано с появлением Березова. Именно из этой воеводской крепости двинулись казацкие струги вниз по Оби. Запись в знаменитом «Описании Сибирского царства» Г.Ф. Миллера гласит:

«Остяки были вполне уже покорены, а самоеды только недавно обложены ясаком. Сборным местом, куда самоеды должны были ежегодно зимой приносить свой ясак казакам для сдачи, присылаемым из Березова, был назначен Обдорский городок». В «Примечаниях» к миллеровской «Истории Сибири», подготовленных уже в советское время, можно прочесть: «Обдорский городок основан в 1595 году на месте остяцкого городка, носившего у русских название Носового, на берегу реки Полуя, в шести верстах от ее впадения в Обь. Название Носового городка сохранилось за Обдорском и в позднейшее время. Происхождение названий «Носовой» и «Обдорск» (Обь – река, дор – мыс), находят в языках зырянском, самоедском, остяцком». Первоначальное название Носовой город – перевод хантыйского наименования Пули–Нгавот–Ваш либо ненецкого Саля–Гард. Отмечено, что русские поселенцы перекладывали коренные названия на русский язык, отсюда вывод – Обдорск появился на месте поселения аборигенов. Чуть позже своего основания Носовой город был переиначен на местный лад и в течение трех веков назывался Обдорском.

Для рождения городов необходимы условия. Историческая необходимость появления Обдорского острога возникла на исходе XVI века. После Ермакова похода появилась возможность, «прибрать к рукам» обширные просторы богатой Сибири, и русское правительство, возглавляемое Борисом Годуновым, начало последовательную колонизацию «закаменных территорий». Обдорская застава была самым северным и самым восточным форпостом этого продвижения к берегам Ледовитого и Тихого океанов.

Что представлял собой Обдорск в начальную пору существования? Точнее всего, если пользоваться современной терминологией, его можно назвать «вахтовой» крепостью. Как свидетельствуют документы Сибирского Приказа, после «Семеня дня» (то есть 1 сентября), «до июня ж месяца на той заставе быти не для чего, потому что место пустое». Но летом, когда поздним маем могучая Обь взламывала панцирь льда и речной простор открывался, становилось оживленно и людно в Обь–Полуйском порту. На перепутье двух торговых дорог острог становился пристанищем безбоязненных купцов, отчаянных мореходов, ремесленных людей и прочего отважного люда, который манила и звала богатая и почти не угнетенная страна. «Закаменная Обь» – Обдорь – сулила быструю наживу и счастье. Не в характере русских первопроходцев было пугаться трудностей. И начиналась бурная жизнь, как только к полуйскому устью подходил первый речной караван. Из Тобольска в Мангазею шли наполненные товарами кочи и барки купцов и промышленников, чтобы в августе пройти назад, грузно осевшими от бочек с соленой белой рыбой, топленным рыбьем жиром и невесомыми связками черных соболей, рыжих лисиц, белых песцов, серебристых белок. Первый речной караван из Тобольска обычно привозил хлеб и муку. Они шли на продажу не только русским, но и туземцам, которым пришелся по нраву этот продукт. Начинала развиваться торговля с аборигенами, в основном «баш на баш». Некоторых купцов, приезжающих с запада, из–за «Камня», не склонных к опасным путешествиям, устраивала только обдорская торговля. Застава располагала по тем временам большими «командировочными удобствами»: можно было попариться в казенной баньке, казенная «хлебная изба» исправно пекла караваи и сдобу. А вот «квас, харч и сусло» отдавались на откуп предприимчивым и сноровистым обдорцам. Тем временем август

начинал собирать мокрые тучи, постоянные ветры ярили реку штормами, по утрам, подстывала непролазная береговая грязь. Приближался «Семень день». Все собирали добытое и готовились уезжать. Одни хотели поспеть через море, другие – «чтобы на Камени не замерзнуть». Застава пустела. Жизнь замирала до следующего июня, до навигации. Но оставались склады и их кому–то нужно было охранять. Кто–то должен был следить за деревянным укреплением. Пушки и картечины тоже требовали команды. А кому–то просто некуда было податься. Так крепость в «северном новоприобретенном крае» обзаводилось постоянным населением.В середине XIX в. В Обдорске селилось около полутора сотен русских. В основном это были рыбопромышленники.

Как же жили обдоряне? Лаконичную характеристику северному городку дал Н.А. Некрасов в книге «Три страны света». Он заметил «Обдорск – это сто амбаров и несколько домов, где вместо стекол в окнах натянута налимья кожа». Для тундровиков важнейшими были оленеводство и охотничий промысел, а обдорян питала река.

К началу XX в. в Обдорске имели пребывание: земский заседатель, мировой судья, становой пристав, полицейский урядник, объездной участковый врач, фельдшер и повивальная бабка. Торговало 19 лавок, успешно функционировал общественный кабак. По переписи 1891 г. в городке проживало 876 человек, из них русских 378 человек.

Более трех столетий простоял на Крутом берегу Полуя острожек, острог, крепость, село, городок Обдорск. Мрачна и безрадостна была жизнь тех, кто пришел сюда по своей и чужой воле. Но в России произошли перемены, которые дошли и до «ледяного бесперспективного края»: 28 октября 1917 года, уже на третий день после восстания петроградского пролетариата новая власть трудящихся взяла верх в далеком заштатном городке. В первые послереволюционные годы Ленин часто интересовался Ямальским Севером и внимательно следил за ходом Карских товарообменных экспедиций. Страна тогда голодала, а капстраны отказывались помогать голодающему населению Красной России. А Сибирскую пушнину, лес, рыбу, воск, пеньку, жир, сало с охотой брали английские и норвежские купцы. Это привело к тому, что вскоре одна из самых ярых противниц советской власти – Великобритания – установила дипломатические отношения с нашей страной.

По указанию Ильича были организованы многие северные экспедиции. В грандиозных планах советских полярников по освоению Российской Арктики большая роль отводилась и Обдорску. Начинается строительство новой жизни.

10 декабря 1930 г. Декретом ВЦИК СССР в составе Уральской области создается Ямальский (ненецкий) национальный округ. Центром его утверждается Обдорск, переименованный в Салехард.

В предвоенные годы в округе и окрестностях Салехарда работает много научно–исследовательских экспедиций, изучающих природные ресурсы края. Освоение Севера ставится на научную основу. Следует отметить общую закономерность всех экспедиций. Их отличает конкретный подход к проблемам освоения «края земли». В итоге их работ начинает вырисовываться единая картина богатств, спрятанных в тундре.

Канун войны Салехард встречает в ранге города, о чем свидетельствует Указ Президиума Верховного совета Российской Федерации от 27 ноября 1938 года.

В первые послевоенные годы большое развитие получили традиционные отрасли хозяйства северян – рыбодобыча, оленеводство, охотопромысел.

В 1951 году в Салехард приходит железная дорога. Это ветка северной магистрали Москва – Воркута. Паровозы сначала идут до Лобытнанг, затем их перевозит через Обь железнодорожный паром. Зимой по льду реки устраивается «ледянка» – железнодорожный путь на специально намытой ледовой насыпи. Примета северного города – гидропорт. В 1947 г. в Салехарде создается станция санитарной авиапомощи.

Журналист В. Любовцев в книге «Тундра не любит слабых», так описывает Салехард той поры. «В Салехарде на улицах пахнет смолой. Здесь все из дерева: дома, заборы, мостовые, тротуары. Камня в окрестностях нет, завозить его далеко, строить кирпичные дома и дорого и сложно». Таким был город, подходя к самой интересной странице своей истории, когда он стал «столицей газовой житницы страны», городом, откуда геологи уходили за «открытием века».

В 60–70-е годы XX в. геологи Полярно-Уральской экспедиции открыли месторождение свинца, перспективные рудопроявления меди и цинка, хромитов, бокситов, каменного угля и других полезных ископаемых. Еще более впечатляющими были открытия нефтеразведчиков. Интенсивный поиск перспективных на нефть и газ структур, советские геологи смогли начать только в 1951 году. Первой экспедиции удалось определить места заложения глубоких скважин. Обнадеживающие результаты позволили создать первую стационарную Салехардскую нефтегазовую экспедицию в 1954 г. Когда пришла пора подводить итог, он превзошел все ожидания. На картах рисовались: подземный «Ямальский вал», крупное пятно Ямбурской структуры, Уренгойский мегавал. Результаты удивили – масштабы казались авантюрными, но удивление быстро сменилось изумлением и восторгом.

Не у каждого открытия бывает столь счастливая судьба. Север сразу был включен в перспективное направление. К решению геологических проблем были привлечены научные силы Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Тюмени. Салехард стал базой для экспедиций, ведущих поиск на всей громадной территории округа. Первая удача пришла к Тазовской партии, работавшей в составе ямало-ненецкой комплексной экспедиции. В 1963 г. экспедиция была укреплена и переименована в трест Ямалнефтегазразведка. И открытия посыпались, как из рога изобилия. До 1970 года были разведаны и открыты такие газовые месторождения, как Медвежье, Заполярное, Уренгойское, Ямбургское и другие. На нескольких площадях была обнаружена нефть промышленного масштаба, на многих структурах – залежи газоконденсата. Ямал стал крупнейшей газовой «житницей» страны, выведшей ее на первое место в мире по запасам этого топлива. В 1971 г. началось освоение первенца Ямальской газовой индустрии – месторождения Медвежьего.

Первый миллиард м^3 газа поступил на фабрики, заводы и домны Урала по вновь построенному газопроводу Надым–Пунга–Серов уже в середине 1972 года.

Становление газовой промышленности повлекло за собой и развитие Салехарда. Строительным хозяином города является строительно-монтажный трест Ямалгражданстрой. Если раньше костяк управлений составляли плотники, то сейчас главная фигура – каменщик. Трест перешел на возведение капитальных сооружений. Деревянный город уходит в

прошлое. Для жителей возводятся удобные благоустроенные дома. Рабочий отряд строителей в городе превысил тысячу человек. Салехард благоустраивается, зеленеет, что придает северному городу неповторимое очарование, особенно в его полярные белые ночи. Все меньше заштатности остается в его облике. Оделись в бетон и асфальт, деревянные в прошлом центральные магистрали. Возведение зданий из кирпича, блоков и панелей становится главным, преображает сложившийся веками образ «низкорослого» городка.

Немного о Ямало-Ненецком автономном округе, центром которого является Салехард. Площадь округа – почти 750 тыс. квадратных километров, на его территории могут разместиться такие европейские государства, как Швеция, Германия и Дания. Северный Полярный круг делит округ почти на две равные части: Заполярье и Приполярье. Север Ямала омывают студеные воды Карского моря. Южная граница проходит по сибирской тайге. На западе высокая горная гряда Полярного Урала разделяет Европу и Азию, восточная граница с Таймыром почти подходит к голубой ленте Енисея. С севера на юг округ перерезает Обь, которая перед впадением в Обскую Губу делится на много рукавов. Такие реки, как Полуй, Таз по своему полноводью могли бы в Европе составить конкуренцию Дону или Днепру. Тундра, тайга, горы, море, реки. Эпитеты, которыми награждали край дореволюционные путешественники: «ледяная пустыня», «царство смерти». Сейчас все изменилось. Край сказочно богат! Рыба самых благородных пород – осетр, нельма, муксун – в изобилии водятся в водоемах. Тундра богата песцом, а в лесах водятся лисица, белка, соболь. А к оленьим стадам, выпасающимся на тундровых ягельниках, лучшего эпитета, чем «тучные», не подберешь. В советское время были обнаружены и подземные сокровища – газ и ценные минералы.

Население округа перевалило за 100 тыс. человек и увеличивается с каждым годом. Возрастает численность коренного населения, его материальный и культурный уровень. В округе растут новые города – Надым, Лабытнанги, Новый Уренгой, Тарк-Сале.

Человек – Северу, Север – человеку. Сегодня эта связь особенно прочна. Ямал движется к новой вершине своего подъема, отсчет которому был дан в 1917 году.

Итак, наше знакомство с Полярным краем началось с Салехарда. Мы провели в нем несколько дней. За это время мы с руководителями округа, обсудили все вопросы, связанные с нашей будущей работой у них. Нас обстоятельно ознакомили с городом, а также свозили в г. Лабытнанги по льду Оби. Прогуливаясь по улицам Салехарда, я с удовольствием думал о том, что шагаю там, где проходили мои родственники: Люся – Любина сестра и Толя – ее муж с 1962 по 1968 гг. жили в Салехарде. Люся работала главным невропатологом округа, а Толя – главным врачом Окружной больницы. Очень жаль, что я не догадался узнать перед выездом адрес их проживания там, чтобы посетить этот дом.

Закончив там все дела, мы на самолете перелетели в пос. Тазовский, расположенный на правом берегу реки Таз при впадении ее в Тазовскую Губу. Цель нашего прилета не только ознакомиться, но и деловая. В поселке находится штаб-квартира Тазовской комплексной экспедиции глубокого бурения. Все производственные и жилые здания и сооружения в поселке также являются собственностью и обслуживаются службами экспедиции. Жилой поселок достаточно большой, из деревянных одноэтажных домов. Во всех домах заведено электроснабжение, центральная система отопления, водоснабжение, радио, телевидение.

Все дома газифицированы, во многих квартирах установлены телефоны. Все наружные сети, кроме газопроводов, проложены наземно в деревянных утепленных коробах, а газопроводы надземные, проложены по отдельно стоящим стальным опорам. Инспекцией газового надзора округа при обследовании газопроводов, были обнаружены нарушения, допущенные при эксплуатации системы газоснабжения поселка. Вот нас и попросили выполнить проект реконструкции сетей. За время пребывания в поселке я собрал большую часть необходимых исходных материалов, но не смог ознакомиться с фактическим устройством узлов установки стоек и крепления их в грунте, так как газопроводы были засыпаны снегом. Во всех вопросах мне помогал главный энергетик экспедиции, Воробьев Иван Григорьевич. Это был молодой специалист, украинец, добродушный, веселый. Надо сказать, что в экспедиции работал целый отряд украинцев-вахтовиков. Иван Григорьевич как-то в шутку бросил такую фразу, что нет Ямало-Ненецкого национального округа, а есть «Ямало-Донецкий». Он и сам то, вернее его семья, постоянно проживали в Харькове. В поселке же он занимал отдельную 2-х комнатную квартиру в 2-х квартирном доме. Видимо, «хозяин квартиры» меняется со сменой «вахты».

Иван Григорьевич пригласил нас с Ярковым к себе на ужин, который прошел «в дружеской обстановке». Из закусок мне понравились соленые грибы и строганина, которую он приготовил при нас. Он принес откуда-то с улицы замороженную рыбину весом килограмма на 2, обмыл ее холодной водой, снял с нее шкуру, выбросил внутренности, а потом срезал ножом мясо рыбы с каждого бока тонкими пластиками. Затем эти ломтики посолил, поперчил, положил их в глубокое блюдо, засыпал луком, нарезанным колечками и все это залил уксусом. Минут через 15 мы ею уже закусывали. Мне кажется, что вкуснее закуски я не едал. Северяне в шутку говорят, что «под такую закусь можно выпить ведро». Но оказывается, что строганину делают сразу из целой рыбины так как вторичная заморозка недопустима. Меня заинтересовало, где Иван Григорьевич хранил эту рыбину, и я напрямую его об этом спросил. Тогда он предложил мне одеться и выйти с ним на улицу. Вышли. Вижу, рядом с домом стоит дощатый сарай, на который мы не обратили внимания, когда шли в гости. Подвел он меня к этому сараю, открыл дверь и предложил заглянуть внутрь. Удивительное зрелище предстало предо мной: весь сарай был заполнен поленницами дров, я очень удивился, так как вокруг, насколько видят глаза, не было ни одного деревца. Неясно было, зачем хранить дрова, если отопление централизованное, а пища готовится на газовых плитах. Я задал ему такой ехидный вопрос и получил не менее ехидный ответ: «А ты подойди поближе и раскрой глаза пошире». Выполнив его предложения, я был удивлен еще больше: я видел целые «поленницы» свежемороженой рыбы. Оказывается, осенью, когда рыба скатывается вниз по реке, все жители поселка несколько дней ловят сетями рыбу, заготовляя ее всю зиму.

В начале лета Воробьев прилетел в Свердловск и довез нам недостающие материалы, а также произвел необходимые согласования по принятым решениям. Так мы его тоже приняли у меня дома и в «отместку за строганину» накормили нашими домашними уральскими пельменями. Получили отзыв: пельмени для закуски не хуже строганины. Вот так!

Будучи в Тазовске мы проживали в гостинице, где занимали 2-х местный номер с телевизором и телефоном, в номере тепло. В первые дни на улице была хорошая погода:

температура днем градусов 15 мороза, ветра нет. Ярков каждый вечер пытался доказать персоналу гостиницы, что им напрасно платят северные надбавки и что у нас на Урале такая же погода, а иногда и пожестче. На третью ночь он демонстративно отказался от теплого постельного белья. Закон подлости немедленно проявился: с вечера подул «северок», в комнате стало очень прохладно и Леонид Петрович целую ночь не смог уснуть под одним байковым одеяльцем. Он разбудил меня пораньше и предложил пойти в столовую и согреться горячей пищей. Вышли мы с ним на улицу в своих тепленьких пальтишках и тут же вернулись назад: на улице был настоящий «дубак» градусов под 40 и дул резкий, секущий ветер, который буквально валил с ног. По просьбе Леонида Петровича я позвонил начальнику экспедиции Горшкову Николаю Викторовичу и, обрисовав обстановку, попросил оказать нам помощь. Он пообещал помочь и через полчаса нам в гостиницу привезли по комплекту зимней верхней одежды, состоящему из натурального удлиненного мехового полушубка и из удлиненных, на проймах брюк, внутри меховых. Нам предложили их купить. Мы, конечно, согласились и за 114 рублей ощущали потом комфорт все время пребывания в Заполярье. А Ярков сделал вывод, что северянам правильно платят северные надбавки и, что он больше никогда не поедет в эти края с этим «милым» климатом.

Во время пребывания в Тазовском мы питались в столовой экспедиции, правда, по вечерам устраивали чаепитие в номере гостиницы. Столовая нам очень понравилась: обеденный зал был достаточно большой, чистый, в нем было много живых цветов. А какая кухня, я уже не говорю о мясе и рыбе: было изобилие всяких мясных и рыбных блюд, но был достаточный выбор и молочных блюд и фруктов (не консервированных, а «живых»). И что особенно удивило, так это гарнир из гречки. Дело в том, что у нас в городе в эти годы были большие перебои с нею. Запомнились еще хлеб и выпечка местной пекарни. В общем, мы там объедались. Как-то пообедав, выходим мы из столовой и видим, что у входа стоит оленья упряжка. Меня удивили северные олени, которых я видел впервые: оказывается они низкорослые, гораздо ниже человеческого роста. Вдруг из магазина вышел ненец с целой охапкой бутылок водки в руках. Одет в малицу, на голове капюшон, руки голые, лицо и руки красные, то ли от солнца, то ли от ветра. Подошел он к своей упряжке, а руки у него заняты, и попросил меня открыть крышку сидения, которое установлено на лыжах. Оказалось, что сидение – большой ящик с крышкой, куда он и сложил все бутылки. Разговорились мы с ним. Оказывается, живет он с семьей в тундре, километрах в 60-ти от Тазовского. Я его спросил, не боится ли он заблудиться или волков, а также мороза. Он только улыбнулся в ответ. «Да», – подумал я, – они хозяева этого белого безмолвия».

Быстро прошло время прощания с Севером, с новыми друзьями. Расстались мы довольные друг другом. А на прощание мы получили подарки в виде замороженной рыбы и белых куропаток. Сели мы в АН-10 и через два часа были в Тюменском аэропорту «Рощино». Тюмень нас встретила теплой весенней погодой, ведь шел конец марта.

Летом этого же года мы отправили в Тазовский комплексную бригаду наших проектировщиц, в которой была и Алена. Они там, на месте закончили проект, согласовали его с экспедицией Госгорнадзора и сдали его заказчику. Заказчик устроил им «в отместку» рыбалку и купание на реке Таз, а также гуляние по тундре. Их воспоминая об этом: «рыбачили

сетями, рыбы очень много и особенно щуки; вода в реке очень холодная, но купались принципиально; по тундре ходить надо осторожно, так как часто проваливаешься, но местные проводники успокаивали, что глубже одного метра не оттаивает, дальше – вечная мерзлота и мы смело шли дальше к «сердцу» газовой скважины, где слышался пугающий вой дыхания земли, так тундра проверяла нас на выносливость; непривычно засыпать, когда за окном светло. Но все эти воспоминания перекрыло одно: тучи мошки, которая облепляла все голые части тела, распухшие после этого. Приятно было осознавать, что мы прошли эту проверку, и полюбили этот суровый и приветливый край. И когда вспоминаешь эту поездку, то с надеждой думаешь, что еще и еще бы оказаться в этих неповторимых местах далекой тундры».

Им так же, как и нам, понравилась столовая, но большее удовольствие они получили от продукции из соседнего магазина: консервированных компотов из различных фруктов и сухих болгарских вин. Местные аборигены удивлялись, что девчатата не обращали никакого внимания на «Веру Михайловну» (так ласково северяне называют вермут). И подсказали, где её можно купить. А в те времена у нас, на «большой земле», болгарских вин почти невозможно было достать. Вот и отрывались они, устраивая из этих продуктов «диетические ужины».

Я после этой командировки, буквально «заболел» северным краем.

В ГИПРОНИИГАЗе я занимался не только одной этой работой: придя туда, я сразу же разузнал, что в коллективе есть любители шахмат. Учитывая то, что я сам стал участвовать в соревнованиях на первенство «Труда» и был хорошо знаком с председателем шахматной секции и директором шахматного клуба «Труд», который располагался во Дворце Спорта, Пинягиным Дмитрием Прокопьевичем, я организовал шахматистов филиала, стал их тренировать. Наш коллектив приняли в члены ДСО «Труд» и включили в соревнования на командное первенство «Труд» среди производственных коллективов г. Свердловска по II группе. Назло злопыхателям мы смогли занять в соревнованиях третье призовое место.

Интересный случай произошел со мною перед началом этих соревнований. Желая проверить готовность команды, никогда до этого не участвовавшей ни в каких соревнованиях, мы договорились о проведении товарищеской встречи с командой шахматистов академии коммунального хозяйства (ГИПРОНИИГАЗ размещался с академией в одном здании на улице 8-е Марта, №205). Встреча вызвала большой интерес среди сотрудников обеих организаций и проводилась в актовом зале академии на 5 этаже. По обоюдному соглашению запись партий не велась, так как многие из участников никогда этого не делали. И вот встреча началась. Я играл на первой доске, против меня выступал лидер академиков Шаманаев Ш.Ю. , имевший первый разряд (а может второй – документы не предоставляли). Партия для меня складывалась довольно легко, я уже к середине игры имел лишнюю фигуру. Но я вынужден был часто отвлекаться для того, чтобы видеть, как развиваются события на других досках. И вот, подхожу я к своему столику после очередного отвлечения и с удивлением обнаруживаю, что у меня отсутствует на доске ладья. С возмущением спрашиваю у партнера, куда же она девалась, а он с невозмутимым видом заявляет, что я проиграл ее уже пять ходов назад. Я знаю, что это не так и пытаюсь доказать это, но записи-то нет. А около нас

собралась уже целая толпа болельщиков с обеих сторон: все ждут, что же будет дальше. А многие из академии подначивают наших: учитесь мол, как надо играть. Заело это все меня. Сел я за доску, и не отвлекаясь больше от игры, смог переломить ее ход в свою пользу. Мы выиграли и командой. Но после этого мой партнер получил прозвище «Остап Бендер».

Работники филиала были несколько удивлены, но очень довольны успехами вновь созданной шахматной команды. Шахматисты же – благодарны мне за то, что я смог их расшевелить и привлечь к высокому шахматному искусству. Они сами написали и подарили мне такие поэтические строки:

Тренеру – победителю.
Даже если сидишь ты без пешки
Или нет у тебя ферзя,
Продолжай же играть ты без спешки –
Проиграть нам с тобой нельзя.
Коль не выполнил норм ты разрядных,
Все равно же боишься зря.
Поучаствуй в турнирах ты разных –
Ведь проигрывать нам нельзя.
Поработает с вами на славу
Ваш наставник В.И.Комаров
Дал за год он Каиссе немало
Выдающихся нас – мастеров. (Второразрядников)

Алехин В., Козлов П.К., Босенко Е.
Члены команды ГИПРОНИИГАЗ по шахматам.

Пристрастился я и к зимней рыбалке. Запомнились два случая, связанных с ней.

Первый. Как-то в январе мы решили поехать на озеро Окункуль, так как по рассказам рыбаков там начал клевать сиг. Собрались и поехали вечером в пятницу после работы на изыскательской машине группой в 7 человек. Доехали нормально, остановились в деревне, расположенной прямо на берегу озера. Устроились на ночевку в большом частном доме. Хозяева предоставили нам одну комнату, в которой мы и улеглись все спать «вповалку» на полу. Перед этим хозяева сварили картошки, принесли квашенной капустки, вскипятили чай, а мы добавили к этому водочки и всяких мясных деликатесов. Отлично отметили наше знакомство, но утром встали рано, затемно и пошли на озеро. Ничего не видно, «хоть глаз выколи». Вышли на лед, отошли метров на 200-300 от берега и остановились. Насверлили лунок 30, подкормили их и стали ждать рассвета. Начало светлеть, но ничего вокруг не видно: сидим, как в молоке – плотный туман. Помучались мы до полудня, поймали не более чем по 10 штучек чебаков и окуньков, ни одного сига. К полудню туман разогнало, но клев так и не начался. Решили мы переехать на другое озеро. Собрались пообедать перед отъездом, а одного из рыбаков, начальника строительного отдела – Данилова С. К. нет. Покричали мы его, поискали, пообедали, еще раз обыскали все окрестности, но так и не

нашли его. Конечно, настроение у всех испортилось. Руководил поездкой главный инженер филиала Ентяков Николай Николаевич. Он принял решение ехать в Свердловск в надежде, что Данилов вернулся домой. Приехали обратно, разъехались по домам, позвонили домой Данилову – его дома нет. Ентяков решил утром направить снова, а/машину на поиски, но рано утром ему позвонила жена нашего «заблудшего рыбачка». Оказывается, он утром на рыбалке был еще пьян и, увидав туман, решил отправиться домой, никому ничего не сказав. Он прошел 5 км, отделявшие озеро от тракта Свердловск – Челябинск, сел на попутную машину и поехал в ….. Челябинск. Протрезвев и поняв все, он поехал обратно. На это ушло время до утра. Счастливая рыбалка!

Второй. Нас пригласили на рыбалку на Белоярское водохранилище наши друзья – академики. Поехали на 2–х легковых автомашинах: на одной они, а на другой мы – Ентяков Николай Николаевич, Алексеев Юрий Павлович, нач. техотдела и я. Выехали морозным ранним декабрьским утром. Подъехав к водоему, заехали прямо на лед, так как снега было очень мало. Мои партнеры решили отметить приезд, а я отказался и сразу же начал рыбачить. Просверлив, пять лунок, я прикормил их мормышем и в первую из них опустил удочку с тяжелой мормышкой белого цвета с насаженным на нее мотылем. Опустил снасть до дна, несколько раз поиграл мормышкой и снова начал опускать ее до дна. И вдруг, кто–то придавил снасть ко дну. Поняв, что клюнула какая–то приличная рыбина, я с трудом оторвал ее от дна и начал поднимать, она довольно легко пошла. Подвел я рыбу к нижней кромке льда, но она встала поперек лунки, ткнул я ей в бок шабалкой и поднимаю. Показалась здоровая голова судака. Понимая, что мне ее не вытянуть на леске, я попросил у друзей багор. Один согласился, если я ему отдам за это голову судака. Я отказался и он, немного покочевряжившись, все же дал мне багор. Вытащил я своего «судачка», как потом оказалось, весом в 3.5 кг. Он не вошел в мой рыбацкий ящик, поэтому пришлось его положить в большой полиэтиленовый кулек, а кулек в рюкзак. И все равно судачий хвост торчал из рюкзака. Это был самый большой судак, пойманный мною за всю рыбацкую жизнь. После этого, как я вытащил этого судака, больше поклевок в этой лунке не было. Я перешел на соседнюю и вскоре вытащил оттуда леща весом в 1кг, а следом еще одного подлещика на полкилограмма. В третьей лунке у меня начали клевать чебаки: где–то часа за полтора я поймал 10 рыбок общим весом 2.0 кг. И клев прекратился. Все мои товарищи после хорошего завтрака и до конца рыбалки поймали штук по 10 всякой мелочи. Но больше академики меня с собой на рыбалку не брали, сказав, что я ловлю их рыбу. Ерунда, конечно. Худшее было потом. Учитывая то обстоятельство, что через несколько дней наступал Новый Год, мы с Любой решили удивить гостей, подав к праздничному столу целиком запеченного судака. Но запечь его целиком оказалось мучением: судак целиком не входил в духовой шкаф, пришлось запекать сначала одну половину с головой, а потом другую – с хвостом. Конечно, следовало предварительно разрезать его пополам и проделать все без мучений. Еще хуже был итог: рыба понравилась гостям, но никто из них не поверил в то, что я поймал ее сам и что в наших водоемах может водиться такая крупная рыба.

Как видно из выше написанного у меня при работе в ГИПРОНИИГАЗе все сложилось нормально: я удачно сочетал служебные обязанности с общественной работой и, вероятно,

смог бы и дальше спокойно работать до самой пенсии, если бы не одно «но». Все дело в том, что не прошли для меня бесследно годы работы на сотнях различных строек – годы нервотрепки и колоссального напряжения, годы постоянного решения самых различных, иногда очень трудно разрешимых задач. Мне было скучно на этой проектной работе: она не давала выхода всей моей энергии, хотя в конце 1981 года мне пошел уже шестой десяток.

Работа в Тюмени как–то встряхнула меня, мне пришлось в короткие временные отрезки встречаться и решать вопросы с работниками самого различного ранга от руководителей служб мелких предприятий до руководителей крупных Главков, институтов, объединений. Советских и партийных органов. Дружеские отношения у меня сложились с главным инженером Областного управления «Тюменьгазификация» (один из главных наших заказчиков), Поповым Леонидом Степановичем. Я как–то, после поездки на Север, рассказал ему о своих впечатлениях и о том, что «заболел» этим краем. Вдруг в конце 1983 года меня вызывают в Тюменский Облисполком и предлагают работу в «Тюменьгазификации» в должности начальника газовой службы Ямало–Ненецкого национального округа. Обещают сразу дать двухкомнатную квартиру в Новом Уренгое, а также выделить для службы автомашину, вертолет и катер. Вопрос о моем назначении уже был со всеми согласован. Я дал согласие, с трудом, но договорился о переходе с директором «ГИПРОНИИГАЗ» и уже в конце декабря был оттуда уволен.

Вот какие стихи получил я на прощание:

Т. Комарову В.И. – Расставательное!

Сидел в тепле, в удачу верил.
Внезапно потеряв покой,
Он взгляд свой обратил на Север,
Точнее – в Новый Уренгой!!
С дороги этой не отступит,
Отныне – там его удел
И неизвестно, где наступит
Его возможности предел.

Подняв бокалы, друг за другом,
Мы дружно скажем: «Будь здоров!
Успехов за Полярным кругом,
Во всем удачи, Комаров!»
Техотдел ГИПРОНИИГАЗ.

Теперь несколько о том, что произошло в семейной жизни за эти годы.

Люба все эти годы работала инженером по технике безопасности в ССУ–1 треста «Уралсантехмонтаж». Все свободные выходные проводила на даче, выезжая туда на электричке вместе с Сашей, с собакой Диной (белая маленькая болонка) и с котом Сабакуней (длинношерстный, абсолютно черный). Когда я не был в какой–либо очередной командировке, то тоже не мог «отвертеться» от таких поездок. Кроме того, приезжали и помогали в строительстве друзья и родственники. Правда, Витя приезжал очень редко. И то «через

не могу», считай – не хочу. Примерно через год Любовь нашла постоянного помощника по строительным работам: у нас на даче появился мужчина лет под шестьдесят, одинокий, как теперь называют БОМЖ.

Он жил на даче, сам себе готовил пищу из продуктов, которые мы ему завозили каждую пятницу. Звали его Андрей. Прожил он у нас на даче лет 8, за это время проделал огромный объем работ и стал уже как родной в семье человек. Но потом съездил в Свердловск несколько раз по каким-то своим пенсионным делам и зачастил туда с поездками. А потом привез для знакомства с нами свою подружку, с которой познакомился в одной из поездок. Через некоторое время они поженились, купили маленький домик в поселке Шарташ и зажили счастливо. Счастье оказалось, к сожалению недолгим: через пару лет он ушел из жизни – видимо сказались старые военные раны и поздние семейные перегрузки.

А какая помощь друзей: со своим товарищем, Николаевым Виктором мы, практически вдвоем срубили сруб дома, с Аленой смонтировали каркас веранды. Все мелкие, но важные внутренние отделочные работы выполнил мой братец, Борис. В устройстве фундамента большую помощь оказали Галя Король со своим сыном. А сколько все за это время перетаскали земли из леса, чтобы дачные грядки давали урожай.

Саша все годы моей работы в институте тоже работал там, выполняя работу светокопировщика и экспедитора. И после моего ухода продолжал там работать до апреля 1992 года. Перед этим он год работал грузчиком в «Сухоложспецремонте», получил язву желудка и был по этому поводу прооперирован в 21-й больнице Свердловска. Витя успешно учился в архитектурном институте, а также занимался общественной работой. С первого курса он являлся членом институтской агитбригады, в 1979–1981 гг. избирался членом факультетского бюро ВЛКСМ. Также активно участвовал в стройотрядовском движении – в 1979 г. в качестве бойца, в 1980 г. – комиссара, в 1981 г. – командира отряда, по рекомендации комитета комсомола института работал внештатным сотрудником Уголовного розыска при Управлении внутренних дел Свердловского Горисполкома.

С лета 1983 г. он стал музыкантом (клавишником) рок-группы «Наутилус Помпилиус». Произошли у него изменения и в личной жизни. 14 ноября 1980 г. они поженились с Наташей Сапожниковой. Вообще-то свадьба была назначена на август, но неожиданно умерла Наташина бабушка и по требованию Наташиной мамы, ее перенесли: Галина Анатольевна верила в примету, что нельзя жениться в год смерти близкого человека. Учитывая, что уже были куплены путевки ребятам в какой-то санаторий в Сочи, они до свадьбы в сентябре съездили туда в свое «свадебное» путешествие. По приезду из Сочи они настояли, чтобы свадьбу больше не откладывали и 14 ноября она состоялась. Празднование было очень пышным. Оно проходило в малом зале ресторана «Малахит», присутствовало более100 человек с обеих сторон и студентов. Не обошлось и без неприятностей: у молодоженов прямо из зала стащили несколько свадебных подарков, а также произошла большая драка между молодыми гостями и посетителями большого зала ресторана.

После свадьбы молодые начали жить вместе с Наташиными родителями, но Люба прописала их к нам. А в 1982 году неожиданно умерла Любина мама, вскоре Саше сделали операцию и Люба решила сделать внутренний обмен: в квартиру ее родителей, где остался прописанным лишь Саша, прописали Витю с Наташей, а Сашу – к нам. Но счастливой жизни у молодоженов в своей квартире не получилось: Витя-то стал там жить, а Наташа продолжала жить с родителями. Было совершенно непонятно, зачем тогда было прописываться. И только потом стало все ясно: ровно через полгода после того, как была прописана Наташа, Витя случайно увидел в газете объявление о размене их квартиры. Короче говоря, Наташа не собиралась с ним жить (ее мать заявила, что это был пробный брак), но решила получить свою жилплощадь. Начались судебные тяжбы, в результате которых их развели, а квартиру разменяли. Это произошло в начале 1984 года, хотя Наташа уже с 1 октября 1983 г. жила в гражданском браке с другим мужчиной. Поверие сбылось!

В этот же период мы пережили еще несколько свадеб: в 1981 г. мы вместе с Бороздиными съездили на свадьбу их племянницы Оли в Челябинск. Оля перед этим училась в Свердловском юридическом институте и все годы учебы жила у нас. Свадьба нам понравилась, но не понравился жених: грубый, заносчивый. Их брак тоже не был долгим. Через четыре года, когда у них уже росла дочь, муж приревновал Олю к кому-то и зарезал ее прямо в подъезде их дома. За это преступление он сел в тюрьму на 12 лет, а дочка осталась с бабушкой.

Более счастливой оказалась свадьба у нашего племянника Алеши, сына Бориса. Они с Мариной поженились 14 сентября 1983 г. Свадьба состоялась в кафе «Уральское» (клуб им. Дзержинского), были на ней все родственники и много молодежи. Брак оказался крепким. Но сейчас они живут в США, куда переехали вместе с Марининым отцом. А несколько лет назад к ним в Миннеаполис перебралась после смерти Бориса и Галя. У Алеши и Марины есть уже взрослая дочь Оля. Она окончила университет и живет в Сан-Франциско. Я Алешу видел в последний раз в 2002 г., когда он прилетал на похороны отца, а Марину с Олей в июне 2004 года, когда они посетили Екатеринбург.

Но в 1981 году мы были участниками еще двух свадеб: в апреле у нас, а в ноябре у Епанешниковых (у Любиной институтской подруги Нины Малышевой, еще одной представительницы «семейства Голопупповых») праздновались серебряные свадьбы. Обе пары смогли преодолеть этот рубеж, не смотря ни на что!

В этот же временной жизненный отрезок мы оба перешагнули еще памятную дату: 29 ноября 1981 года мне, а 23 октября 1982 года Любе исполнилось 50 лет.

Нельзя не вспомнить о тех потерях, которые мы понесли в эти годы: это смерть в октябре 1981 года Любиной крестной матери – Чирковской Татьяны Александровны, а в феврале 1982 года – Любиной мамы, а моей тещи – Сусанны Викторовны. Уже с зимы 1980–81 г. Татьяне Александровне стало хуже и Люба, практически каждые два месяца стала ездить к ней на пару – тройку дней. Конечно никакой особой помощи эти поездки ее «маме Тане» не приносили, но ими Люба старалась хотя бы морально отплатить ей за ту – огромную, не боюсь этого сказать, поддержку нашей семьи и самой Любы, советами и материально, всю жизнь. После последней Любиной поездки прошло всего три недели, когда соседка Чирковской позвонила Любе и сообщила о смерти Татьяны Александровны. Она умерла в больнице и тело ее находилось в морге. Учитывая, что у Татьяны Александровны кроме нас не было близких людей, мы сразу выехали в Пермь и организовали похороны. В первый день оформили все необходимые документы, назавтра побывали на кладбище и в церкви, догово-

рились о времени отпевания и захоронения, а также приобрели, завезли в морг гроб, одежду и всякие покрывала и договорились, что работники морга подготовят гроб с телом к 12 часам следующего дня. Вечером того же дня побывали в соседнем с домом кафе и договорились о поминках, а также пригласили на похороны всех соседей. На следующий день с раннего утра я уже был на инструктаже у директора кладбища, который сообщил всем, кто хоронил в этот день (где-то около 10 человек) номера их секторов для захоронения, а также предупредил, чтобы никто из нас ни смел доплачивать копателям могил за смену участков. Вышел я с инструктажа, вижу, сидят бригадиры этих копателей, нашел своего и стал уточнять, где этот 32-й сектор, который был мне назначен. А он говорит, что это в самом конце кладбища. Несмотря на запрет директора, я объяснил бригадиру, что мы хороним старушку, у которой могут бывать только такие же старенькие знакомые, и никто не пойдет в этот 32-й сектор. И спросил его, что же сделать. Он ответил просто: «Надо заплатить». Я, конечно, тут же ему заплатил и сказал, что мы подъедем к трем часам дня. Он заверил меня, что все будет готово ко времени. И вот, подъезжаем мы в три часа, после отпевания в церкви, встречает меня бригадир у входа на кладбище и провожает нас по боковой дорожке всего метров на 60 от входа и рядом с дорожкой мы видим готовую могилу. Вобщем, похоронили мы нормально «маму Таню», поминки были тоже удачны и в ночь выехали домой поездом Пермь-Свердловск. Вопрос: кому верить – директору или бригадиру?

Не прошло после этого и трех месяцев как нас ожидала новая печаль. С середины января я находился в очередной командировке в Тюмени, поэтому Сашин день рождения 31 января 1982 г. отмечал в Люсиной семье. Сидим мы за столом, и вдруг раздается телефонный звонок. Звонит из Свердловска Люба и сообщает плача, что Сусанна Викторовна во время празднования, потеряла сознание. Врач, приехавший по вызову скорой помощи, констатировал у нее инсульт. Я вернулся домой пятого февраля. А в ночь на девятое Сусанна Викторовна умерла. Она все дни лежала, не приходя в сознание, к нам домой приходила медицинская сестра и ставила больной уколы. Но к вечеру восьмого Любиной маме стало хуже: в дыхании появились какие-то хрипы, оно стало прерывистым. Люба вызвала скорую помощь. Приехавший врач, осмотрев и прослушав ее, сказала лишь одну фразу: – крепитесь, сегодня вас ожидает тревожная ночь. После отъезда врача состояние Сусанны Викторовны ухудшалось с каждым часом, а часа через три дыхание стало все реже и реже и, наконец, остановилось совсем: она умерла. Впервые я был свидетелем смерти человека. Никому этого не желаю. Похоронили Сусанну Викторовну 11 февраля на Широкореченском кладбище рядом с Сергеем Александровичем.

Вот и закончился мой очередной жизненный этап. Много радостных и печальных событий пришлось нам пережить за эти годы. Самыми печальными были уходы из жизни двух самых главных, самых близких женщин в судьбе Любы: ее родной мамы, а также крестной матери. Все родители Любови покинули этот мир. К этому следует причислить и неудачный жизненный эксперимент Вити – его первый «пробный» брак, а также Сашину операцию на желудке.

Из радостных, положительных событий – это все юбилейные даты, успешная учеба Вити в институте, а также моя работа. Правда, я решил ее сменить, но это не было результатом неудач, а наоборот – успехов и открывающихся перспектив. И частичка моей души осталась с «ГИПРОНИИГАЗом». Я это высказал в одном из своих стихотворений, написанном в 2005 году к 40-летнему юбилею института:

Я давно ношусь с идеей
Побывать на юбилее.
Юбиляр, сроднивший нас –
Славный ГИПРОНИИГАЗ.

Он всемерно нужен людям,
Мы его, конечно, любим.
Не смотри, что разбежались,
Мы душою с ним остались!

И, конечно, все желаем,
Чтобы жизнь была в нем раем:
Чтобы не было заботы
Каждый день искать работу.

Чтоб простые инженеры
Дали лучшие примеры
Инженерного решения
В жизни газу применения.
Всем – побольше быть здоровым
И шагать вперед готовым,
Чтобы жить мечту лелея
До большого юбилея!

Очень жаль, но сейчас, по прошествии многих лет, когда ушли из института старые руководители (кто-то умер, а кто-то на пенсии), пришедшие им на смену новые, планомерно «гробят» его: объемы работ постоянно уменьшаются, кадры проектировщиков разгоняются, зарплата минимальная. А некоторые из руководителей создали на стороне частные фирмы под своим руководством, и лучшие заказы выполняются там. Уже встал вопрос о закрытии филиала.

V. Завершение трудового пути до выхода на пенсию – декабрь 1984 – 1991 гг.

Итак, я свободен, надо решать с переходом на Север. Завел я разговор с Любой о том, когда и как мы это будем осуществлять, но вдруг получаю ответ, что мы никуда ехать не можем, так как есть на это серьезные причины: во-первых, Саше после операции будет

там плохо, да и ей врачи категорически запретили переезд, во–вторых, у нее здесь работа, друзья, отлаженный быт, а там надо все решать заново, в–третьих, нам уже за 50 лет и пора успокоиться. Никакие мои доводы не действовали, она наотрез отказалась от переезда, но просила, чтобы и я остался, потому что ей одной с ребятами и со всеми проблемами не справиться. И я оказался перед проблемой, как быть: с одной стороны очень перспективная работа и то, что я уже дал согласие на переход и уже сидел без работы, с другой – семья, и понимание, что после моего отъезда она развалится, а, кроме того, больной Саша и Витя со своим «пробным» браком. На Новый Год нас пригласили к себе Мелешки и там Юра завел со мной разговор об этих проблемах. Он убеждал меня, что не нужно никуда уезжать, так как это приведет к развалу семью, что вместе нам нельзя ехать из–за плохого здоровья домочадцев, а в заключение пригласил меня работать в системе Средуралглавснаба, начальником которого он был. В тресте Средуралторсырье нужен был заместитель управляющего по капстроительству и эту должность он предложил мне. Два дня я метался от одного решения до другого и остался в Свердловске. Второй раз в жизни я не решился сделать решительный шаг, второй раз пошел на поводу у Любови. И неоднократно потом об этом пожалел. Я позвонил в Тюмень: сообщил им об отказе и извинился за то, что изменил свое решение. Да, каждый сам строит свою судьбу! Но чего же сейчас жалеть об этом, ведь жизнь–то прошла.

В первый же день после Новогодних празднеств я зашел на работу к Ю. Мелешко и дал согласие на работу. Он меня сразу же послал в трест «Средуралторсырье» на встречу с управляющим. В этот же день я повстречался с Воронцовым Николаем Иосифовичем: познакомились, он мне объяснил свое видение моей работы и все задачи, стоящие перед трестом. Мы хорошо поняли друг друга и назавтра я уже приступил к работе в тресте в должности заместителя управляющего по вопросам капитального строительства.

В задачи треста входили: заготовка в Свердловской области различных вторичных материалов: макулатуры, тряпья, стекла, костей, автошин и отправки их вагонами на заводы, занимающиеся их переработкой. В области были организованы участки по приему вторичного сырья, а также производственно–заготовительные предприятия (ПЗП), занимающиеся приемкой этих материалов, хранением и отправкой их. В дальнейшем, при развитии ПЗП, материалы стали частично перерабатываться в предприятиях треста: резка, прессование и изготовление тюков макулатуры, мойка тряпья и изготовления тюков для отправки, а также изготовление из него пакли. Еще позднее, уже в масштабах объединения «Средуралторресурсы», в которое был реорганизован трест (с 30.04.1985 г.) началось проектирование фабрики нетканых материалов в Белоярском районе, где предусматривались производства по переработке тряпья с выпуском нетканых дорожных материалов, а также отходов пластических материалов с изготовлением изделий из вторичных пластмасс и старых резиновых автопокрышек. Для решения этих задач в тресте был создан отдел капитального строительства. Объемы строительно–монтажных работ выполнялись частично силами различных строительно–монтажных трестов, расположенных в Свердловской области, но в основном – силами Свердловской ПМК, входившей в состав Московского объединения «Союзснабстроймонтаж» Госснаба СССР. Ход строительных работ на объектах Главснаба

еженедельно обсуждался на совещаниях, проводимых заместителем начальника по вопросам строительства Вязовским Валерием Яковлевичем.

Работа у меня с самого начала пошла «весело». Николай Иосифович (управляющий трестом) после первых же оперативных совещаний с моим участием перестал их посещать, передоверив всю оперативную работу мне. А в конце февраля уже командировал меня в Москву в Главторресуры, для защиты наших планов по капстроительству на текущий год. Я поехал с начальником ОКС треста Лукьяновым Вячеславом Павловичем. Он меня познакомил со всеми работниками главка, мы благополучно согласовали все вопросы по капстроительству на 1984 год. И с той поры все вопросы по капстроительству в тресте (а с1985 г. – в объединении) решались с моим участием.

С Юрием Леонидовичем Мелешко (Юрой) у меня был постоянный контакт. По ходатайству треста и представлению Средуралглавснаба я уже в марте был утвержден в должности Госснабом СССР. Кроме того, Юра помог устроить на работу в Главснаб нашего младшего сына Витю, после окончания им архитектурного института. А в конце апреля мы с Юрой выезжали в Москву: сначала каждый решал свои вопросы, он в Главснабе СССР, а я – в Главторресурсах, а затем он меня познакомил с некоторыми из руководителей Госснаба СССР. Я эти дни проживал у Любиной тети Веры, квартира которой находилась в доме на Котельнической набережной, а Юра в гостинице «Россия». В последний вечер, перед отъездом домой, он позвонил мне и пригласил приехать к нему в гостиницу. Я пришел пешком, так как от дома тети Веры до гостиницы было не более 500 м. Юра меня встретил у входа, мы прошли к нему в номер: это был шикарный «Люкс». Оказывается, к нему на встречу должны были придти представители Госснаба Грузии, и он решил, что будет лучше, если мы будем вдвоем. Грузины должны были появиться где–то через час после моего прихода и поэтому Юра предложил сходить в парикмахерскую, чтобы заполнить свободное время. Спустились мы с ним на второй этаж зашли в парикмахерскую – никого, кроме двух скучающих молодых мастериц. За двадцать минут они нас и подстригли. Мы с ним шутили и веселились как мальчишки, не зная, что один из нас (Юра) обречен на скорую смерть. Минут через 15 после нашего возвращения в номер, появились и гости. Они пригласили нас подняться в ресторан, где как оказалось, уже был накрыт стол на всю компанию. Вечер прошел быстро и незаметно: грузинские кухня и вина оставили самые отличные впечатления, все взаимные вопросы были решены и все закончилось заверениями в дружбе на всю оставшуюся жизнь. К часу ночи я добрался до квартиры тети Веры, а утром мы с Юрой уже летели домой. Он поработал всего неделю, успел провести торжественное собрание Главснаба по поводу празднования 1–го мая и вновь вместе с Милой (его женой) улетел в Москву. Как оказалось, Юра болел раком легких, но никто кроме Милы (даже он сам) не знал об этом: всем она говорила, что у него воспаление легких. После проведенных в Москве обследований ей сообщили, что муж находится в безнадежном состоянии, что какое–либо лечение уже бесполезно и что времени его жизни осталось только на то, чтобы довезти его, обратно домой. По возвращении в Свердловск Юра еще три дня проработал, но потом уже был дома. Я был у них 14 июня, и мы с ним договорились встретиться назавтра в 3 часа дня, чтобы обсудить перспективы Витиной работы. Но назавтра в 12 часов дня он умер, так и не узнав причины смерти. За несколько минут до смерти, когда ему стало совсем плохо,

он, сказал об этом Миле и добавил, что «пожалуй, можно и умереть». Не представляю, какое мужество надо было иметь Милочке, чтобы все это выдержать!

Умер Юра 15 июня 1984 года. Ему был всего 51 год. Похоронили его на Широкореченском кладбище. Председателем похоронной комиссии был первый зам председателя Свердловского Облисполкома Шкребнев Юрий Васильевич, который через полгода последовал за Юрой. Сейчас они рядом и лежат. Народу на похоронах было много. Кстати, был на кладбище и Ельцин Борис Николаевич, в тот момент являвшийся первым секретарем Свердловского Обкома КПСС. Перед захоронением прощание с покойным прошло в клубе им. Свердлова.

В системе Средуралглавснаба» я проработал с начала 1984 г. по октябрь 1988 г. сначала заместителем генерального директора объединения «Средуралвторресурсы» (1984–1985), затем начальником Свердловской ПМК объединения «Союзснабстроймонтаж» Госснаба СССР. Работая в тресте, я занимался вопросами строительства его объектов на уровне заказчика, а будучи начальником ПМК – вопросами выполнения строительно–монтажных работ на объектах всех объединений «Средуралглавснаба».

Большинство объектов объединения «Средуралвторресурсы» отличались малым объемом СМР: это были или складские здания, под них, как правило, использовались полученные готовые конструкции облегченных полносборных сооружений. Они не требовали устройства капитальных фундаментов. Это–модули импортного производства (ФРГ, Югославия) и ангары отечественных изготовителей. Но был и ряд серьезных объектов, строительство которых позволило за короткий срок ввести несколько уникальных объектов на импортной технологии:

– Свердловское ПЗП – 2 поточные линии ФРГ по переработке макулатуры;
– Чкаловское ПЗП – поточная линия ФРГ по переработке тряпья;
– Нижне–Тагильское ПЗП – поточная линия из Голландии по переработке макулатуры;
– Камышлов – строительство ПЗП;

Из мелких объектов следует отметить:

– Ревдинский участок – строительство ангара;
– Сухоложский участок – строительство 2 ангаров;
– Богдановический участок – реконструкция склада;
– Нижне–Туринский участок – строительство 3–х ангаров;
– Невьянский участок – строительство 2–х ангаров;
– Красноуральский участок – строительство 2–х ангаров;

Несколько особняком стоит такой объект «Завод нестандартизированного оборудования в пос. Шурала».

В планах Средуралглавснаба предусматривалось строительство завода, обеспечивающего изготовление нестандартизированного оборудования для предприятий Главка, а также и других подразделений Главснаба СССР.Проектирование завода включили в план капстроительства тресту «Средуралторсырье». Проектирование завода вел Кишиневский

институт «Промстройпроект». К моему приходу был выполнен техпроект и нужно было его утверждать Госснабом СССР после рассмотрения в «Средуралглавснабе». Управляющий трестом дал мне этот проект для ознакомления перед передачей на рассмотрение в Главснаб. Ознакомился я и ужаснулся: сметная стоимость строительства была занижена, так как не были заложены средства на оборудование механического цеха, а это станки с ЧПУ. Кроме того, я обнаружил ряд технологических нарушений. Доложил я об этом управляющему, а он в главк. После рассмотрения в главке моих замечаний нас с главным механиком главка командировали в Кишинев для рассмотрения всех возникших по проекту вопросов и замечаний. Прилетели мы в Кишинев и встретили сначала радушный прием, а затем категорический отказ в корректировке проекта, требование в немедленной оплате за выполненную работу. Пришлось доказать им, что работа выполнена халтурно. Экономические показатели выполнены неверно. Мы также предупредили руководителей института о том, что при их отказе от дальнейшей работы над проектом наших замечаний, мы будем вынуждены обратиться в Госстрой. Конечно, все эти меры были заранее согласованы руководством Средуралглавснаба с Госснабом. Несколько «поостыв» руководители Промстройпроекта дали команду на корректировку проекта. На это ушло полгода, так как стоимость строительства завода выросла в 1.7 раза. А это привело к необходимости проведения Государственной экспертизы и утверждения проекта в Совете министров. Впоследствии, уже в должности начальника ПМК, мне пришлось организовывать и вести строительство этого завода. За время моей работы удалось выполнить основные планировочные работы на площадке, произвести монтаж пожарных водоемов, коробки главного производственного корпуса, адмнистративно–бытового корпуса и склада горючих газов. Но после моего ухода эту стройку «заморозили». А потом в стране началась так называемая перестройка. Начали разваливаться действующие предприятия. Главснаб тоже развалился и завод этот стал никому не нужен. Не знаю, чем все закончилось, но стройку начали грабить, растаскивать по частям.

Еще более печальна участь второго крупного объекта «Средуралвторресурса» – «Фабрики нетканых материалов» в пос. Белоярский»: был выбран и согласован участок под строительство, получены исходные данные для проектирования, заключен договор на проектно–изыскательские работы с Тульским институтом и даже выполнена часть работ на стадии технического проекта, но проектирование было приостановлено, финансирование прекращено. Кстати, этим объектом успел позаниматься Витя, который в 1985 г. перешел из Главснаба на работу в ОКС нашего треста. А в 1986 г., когда я работал уже начальником ПМК, Витя вел технадзор на строительстве завода в Шурале, а также автопредприятия на 50 *автомашин в г. Свердловске. Но во второй половине года он перешел на работу в филар*монию, так как началась активная концертная деятельность группы «Наутилус Помпилиус», где он был клавишником.

Первый из серьезных пусковых объектов треста ждал меня уже в конце 1984 года: мы должны были запустить в работу 2 поточные линии ФРГ по переработке макулатуры на Свердловском ПЗП. К концу ноября все строительно–монтажные работы на объекте были закончены и велись работы по наладке оборудования. А меня со всей семьей пригласили

на 50–тие со дня свадьбы родной отец и его жена – тетя Нюра на 30 ноября. Я обратился к зам. начальника Главснаба, курирующего работу нашего треста с просьбой дать мне отпуск на 3дня для участия в торжестве, тем более, что не было причин для отказа. Он категорически отказал мне, ссылаясь на сдачу объекта Свердловского ПЗП. Тогда я обратился к начальнику (был уже Суставов П.Н.), объяснил необходимость моей поездки, а также ход подготовки объекта к сдаче и он мне разрешил поездку. Съездили мы отлично: Собрались все их дети и получилась одна большая дружная семья. Было очень празднично и весело, ничего не напоминало о тех трудностях и горестях, которые сопровождали их совместную жизнь с первого дня их знакомства и до реабилитации. И я еще раз понял, насколько важна была для них эта встреча с детьми и внуками, помогшая им перешагнуть через память о тех страшных годах ХАМСТВА бесправия и безнадежности.

Радостными и какими–то одухотворенными вернулись мы домой. На работе все было отлично: уже через две недели были запущены автоматические линии на Свердловском ПЗП, все годовые планы трестом также были выполнены. Новый Год мы встретили прекрасно. И вдруг, 12 января звонок из Качканара, звонила Аля, младшая сестра: – «Володя, сегодня утром неожиданно умер папа. Приезжайте». Конечно, мы бросили все и поехали на похороны. Зам начальника Главка, который возражал против моей поездки на юбилей, на этот раз меня отпустил без малейших возражений. Но я, вернувшись с похорон, зашел к нему на работу и задал вопрос, о том кем бы я стал, не поехав тогда на юбилей. Он ответил просто: – «Владимир Иванович, я был неправ». Как все просто!

1985 год сложился для моей работы также удачно: мы развернули работы по строительству ангаров в новых городах области, а также начали подготовительные работы по реконструкции Чкаловского ПЗП в г. Свердловске. Все планы по освоению средств на капстроительство и вводу в эксплуатацию новых объектов нами были выполнены. Кажется, живи да радуйся!

Но неожиданно с 1.01.86 я в «добровольно–принудительном» порядке перешел на работу начальника Свердловской ПМК. Дело в том, что это строительное подразделение, выполняющее строительно–монтажные работы на большинстве объектов Средуралглавснаба, осталось вдруг без руководителей: начальник перешел в СНИТИ на должность зам. директора института по вопросам капстроительства, прихватив с собой и главного инженера. Удивительно, что согласовали их переход без решения вопроса их замены. Учитывая мой опыт, а также то, что я занимался уже строительством объектов Главснаба (правда, лишь одного из подразделений Главка, да и то как заказчик), мне предложили, а также настоятельно попросили, (я был членом КПСС) возглавить ПМК.

И началась нервотрепка. К выше названным объектам объединения «Средурал–вторресурсы» добавились объекты:

– объединения «Свердловсктара: реконструкция производственной базы в Свердловске (переходящий с прошлых лет, с сорванным сроком ввода), магазин (новый объект) в Первоуральске, Производственная база в г.Тавда (переходящий объект, «замороженный» по выполнению СМР),

– объединения «Машснабобыт»: механизированный склад оборудования в г. Свердловске, новый объект;

– «Цветметснабсбыт» – реконструкция производственно–складской базы в г. Свердловске. Переходящий объект.

– «Черметснабсбыт» – капитальный ремонт объектов на 1 и 2 базах в г. Свердловске;

– «Бумснабсбыт» – реконструкция складов и строительство нового механизированного склада в г. Свердловске;

– «Стройснабсбыт»: строительство механизированного склада материалов, а также реконструкция лесоторговой базы в г. Свердловске;

– Главное управление «Средуралглавснаб» – строительство автогаража на 50 а/машин в г. Свердловске для вновь организуемого автопредприятия, Новый объект.

Основные трудности заключались в следующем: нехватка рабочих кадров в связи с большой текучестью; низкое качество выполняемых строительно–монтажных работ из–за большой разбросанности объектов, нехватка квалифицированных линейных ИТР и низкой трудовой и технологической дисциплин; нехватка строительных механизмов, так как большинство вновь полученной техники на участке механизации стояло у забора (было разграблено), а ремонтной базы не было. Главной трудностью для меня оказалось отсутствие главного инженера. Он появился, лишь перед самым моим уходом. Поэтому никакой инженерной работы в ПМК не проводилось. Я физически не мог заниматься этими вопросами, решая ежесуточно лишь оперативные.

Хочу рассказать об одном таких «оперативных» вопросов. В начале мая 1987 года ко мне подходит главный механик (он же секретарь партийной организации ПМК) и докладывает, что райкомом КПСС принято решение об отправке строительных механизмов в Белоярский район области, где ведется строительство автодороги. Нам предложено незамедлительно направить туда экскаватор, ямобур и 2 грузовые автомашины. Я ему на это сообщение говорю, что мы не сможем выполнить указание райкома, так как вся эта техника задействована на пусковых объектах второго квартала и предлагаю еще раз незамедлительно сходить в Райком и доложить это: через несколько дней нас с ним вызывают на бюро райкома, где рассматривают вопрос об отправке механизмов. Доходит очередь до нас. Я встаю и объясняю ситуацию. Никто из членов бюро райкома не хочет слышать никаких доводов, нам с секретарем объявляют по выговору и под мою личную ответственность подтверждают задание на отправку механизмов. Что делать, пришлось отправить. Прошло две с половиной недели. У меня сердце болит: срываются работы на наших пусковых объектах. Вызываю главного механика и отправляю его в командировку на один день проверить работу наших механизмов на строительстве дороги. Возвращается он и докладывает, что добрая половина откомандированной техники (и вся наша, в том числе) простаивает без дела. Тогда я даю команду на немедленное возвращение нашей техники и начало работы на наших объектах в 2 смены, чтобы уложиться в сроки. Главный механик команду выполнил, а через неделю нас с ним опять вызывали на бюро райкома: за нарушение партийной дисциплины нам обоим вынесли по строгому выговору с занесением в личное дело и предупредили, что если мы не вернем технику, то будет поставлен вопрос о нашем исключении. Конечно, мы

технику не вернули. Я повстречался с начальником Средуралглавснаба Суставовым П.Н. , объяснил ситуацию и попросил нас защитить. Не знаю, с кем он решал вопрос, но райком от нас отстал. Вся эта «бодяга» привела к срыву нами сдачи в срок объектов. На июльском бюро райкома меня начали за это отчитывать. Я не сдержался и ответил им, что это они явились авторами срыва. Мои заявления привели в негодование членов бюро. Опять мне напомнили о нарушении партийной дисциплины.

И за полтора года моей работы в ПМК мы смогли справиться с четырьмя заваленными объектами. Но все для меня закончилось печально: я не выдержал нагрузки, в июле 1987 г. попал в больницу и проболел до января 1988 года. Так бесславно закончилась моя работа начальником Свердловского ПМК. Я еще с января по июнь 1988 г. поработал снова в объединении «Средуралторресурсы», уже в должности начальника ОКС, но понял, что врачи правы – пора мне закончить свою карьеру строителя. И я ушел. Нет, я не перешел в дворовую компанию ветеранов, живущих воспоминаниями о прошедшей жизни и игрой в домино или «дурака». Я продолжил работу но, по сравнению с предыдущей, похожей более на отдых.

Люба тоже сменила работу: с марта 1985 года она начала трудиться страховым агентом в госстрахе СССР. Всю последующую жизнь она продолжала работу страхового агента в различных фирмах. С последнего места – страховой фирмы «Спасские ворота» она была уволена 18 октября 2004 года, то есть через день после смерти. Даже во время своих болезней она не увольнялась: тогда я подключался к ее работе. В конце концов, я тоже стал разбираться в вопросах страхования.

Как же прошли последние предпенсионные годы нашей жизни, что произошло со мной?

Даже не знаю, как оценить смену моей деятельности: на сколько градусов и в какую сторону повернулся мой путь от того, по которому я шел предыдущие тридцать лет? Я пришел в неведомый мне мир искусства. Нет я, конечно, и до того любил театр, бывал на концертах эстрадной и классической музыки, даже пел в школьном хоре, а потом, через много лет вместе с любимым Сергеем Александровичем (тестем) под его аккомпанемент на пианино во время праздничных домашних вечеров изображал что-то из оперных арий. Но заниматься вопросами музыки, да еще какой, рок-музыки – извините. Тем более, что слыша первые выступления рокеров, я сделал об этой музыке вывод: «как молотком по голове». И, тем не менее, я окунулся в их среду. Я уже раньше написал о том, что Витя во время учебы в архитектурном институте начал играть в рок-группе института вместе со Славой Бутусовым и Димой Умецким, а в 1988 г. в стране началось кооперативное движение и ребята решили создать творческую музыкальную студию «Наутилус Помпилиус». Зная, что я ушел с работы Витя посоветовал пригласить меня на должность директора. Члены группы согласились с этим, сделали мне соответствующее предложение и 17 июня 1988 г. на учредительном собрании избрали меня директором. Заместителем директора (художественным, руководителем) был избран Зайцев Виктор Дмитриевич. Он окончил УрГУ по специальности искусствовед, был молод (род. 1951 г.). А дальше: разработка уставных документов, всевозможные согласования, утверждения, открытие счета – все эти работы были проделаны мною и Зайцевым В.Д. Через месяц в г. Свердловске при научно-методическом центре народного

творчества и культпросветработы Управления культуры Свердловского Облисполкома начала действовать творческая – музыкальная студия, «Наутилус» (на кооперативной основе).

Несколько мыслей о рок-музыке вообще, о развитии ее в Свердловске и о группе «Наутилус-Помпилиус».

До недавнего времени состояние нашей литературы о роке можно было определить словами «хуже, чем ничего». Но после того, как в конце 1986 года было снято «табу» на объективную информацию, в ряде журналов и газет появились публикации, отражающих творческое развитие рок-музыки, как нормального, полноправного жанра искусства. Рок – новый самостоятельный жанр искусства, появившийся в середине XX века в результате творческого и технического прогресса. Для него характерно заимствование выразительных средств традиционных жанров: музыкального, поэтического (текст) и театрального (шоу), которые образуют единое целое – рок-композицию. Кроме того, «электрическое» звучание, коллективное творчество и особая форма музыкального хэппенинга – концерта с участием зрителей, то есть «сэйшэн». По своему происхождению рок – явление фольклорное, хотя и не сводимое к одному фольклору.

Истоками рок-культуры в нашей стране явилось распространение пластинок «Битлз»: оно послужило толчком для смены типа молодежной музыки. Рок, называвшийся тогда «битом», стал приемником джаза. «Услышав «Битлз», я понял, что должен играть рок, что это моя судьба»… – вот мемуарное клише второй половины 60-х. Взяв на вооружение электрические инструменты и магнитную запись, рок стал первым явлением интернациональной культуры XX в., усвоенным у нас в полном объеме молодежью различного социального происхождения.

Самый главный факт истории молодой российской рок-музыки – ее полное официальное непризнание. Точка зрения культурных организаций сводилась к тому, что «этого» нет, потому что в нашей стране «этого» и быть не может. Но еще в 60-е годы в Москве, а затем и в Ленинграде образовались группы людей, профессионально и талантливо занимавшихся устройством концертов отечественной рок-музыки. Начали множиться любительские рок-группы. Лучшие из них, такие, как «Машина времени», стали профессионалами и авангардом нашей рок-музыки.

Свердловская школа рок-музыки – самое молодое из общественных явлений истории Урала в XX века. Как бы не относиться к рок-музыке, несомненно, одно: молодые люди, вышедшие в середине 80-х годов на сценические площадки Свердловска, оказали огромное воздействие на своих сверстников по всей стране. Почему же так произошло? Конечно, сама рок-музыка – жанр общедоступный и говорит со слушателем на понятном ему языке. Во многом, благодаря этому, она и завоевала всемирную популярность. Но в нашей стране в годы застоя рок был для молодежи не только музыкой, но одним из способов выражения своего отношения к окружающей действительности, «прокричать о наболевшем». Пусть иносказательно, выразить протест против затхлой и бездушной атмосферы. Утвердить свое право на свободу слова и чувств. Официальные тогдашние идеологи не придумали ничего лучшего, как попытаться загнать в рамки «эту западную заразу», – мол, перетопчется молодежь и без рока. Жизнь, однако, взяла свое, и рок официально признали частью на-

шей культуры. Возвращаясь к 80–м годам, испытываешь гордость за то, что среди лидеров рок–движения оказались много уральцев, сумевших переложить сокровенные, порою сумбурные, неясные мысли и чувства молодежи на яркий выразительный язык музыкальных образов и ритмов. Видимо, не столько следование модным западным образцам, сколько приверженность русской национальной мелодике, вывела уральских рок–музыкантов на авансцену страны. Суждена ли долгая жизнь лучшим хитам Свердловских рок–музыкантов? Будут ли петь их нынешняя молодежь лет через 30–40, когда люди моего поколения до сих пор поют песни нашей молодости? Прогнозы в творчестве – дело неблагодарное, но думается что песни, однажды затронувшие душевные струны, останутся с человеком навсегда.

В середине 70–х в Свердловске появились первые группы, которые можно было отнести к рок–музыке: а не к ВИА (вокальный инструментальный ансамбль): «Змей Горыныч бэнд», «Пилигримы», «Блос». В официальной же рок–истории первой из уральских стала группа «Слепой музыкант». В 1978 г. уже под названием «Студия АрхИ», она стала лауреатом местного рок–фестиваля в Риге. Через год, снова в Риге, снова победа.

«Весна УПИ 78» – переломный момент в истории Свердловского рока: приезжает «Машина времени». Зал дворца молодежи переполнен. Слушатели открыли, что рок и русский язык совместимы. Но второй концерт группы запрещают руководящие работники Обкома ВЛКСМ. А Горком КПСС за 12 часов до открытия, запрещает проведение всесоюзного фестиваля дискотек (готовился в рамках той же «Весны УПИ»).

Первая половина 80–х самое черное время для русского рока. Агония Советской власти. Пик зажима «инакомыслия». В Свердловске в это время известны две команды: «Трек» и «Урфин Джюс». В ноябре 1981 г. «Урфин» становится лауреатом фестиваля студенческой песни в Баку, а «Собеседник» публикует злобную реплику о музыке группы. В 1984 г. за «Урфин» взялись серьезно: в ноябре Горотдел культуры объявил о расформировании группы. История мировой рок–музыки не помнит ничего подобного в других странах. Рок–музыканты Свердловска на полтора года уходят в подполье.

Антироковая компания «подкосила многих музыкантов: кто–то «бросил это неблагодарное дело» ушел в быт; кто–то «сел в кабак», чтобы играть легально и кончился как творческая личность; кто–то затерялся в провинциальных филармониях… Но в городе и области постоянно возникали и распадались группы – пришло новое поколение рокеров. Ситуация в опорном крае державы к концу 1985 г. сложилась интересная: официально – тишь да гладь, никаких рок–концертов, а на деле – Свердловских музыкантов, по всей стране знают лучше, чем дома. После «аниджюсовской» компании рокеры вообще свели отношения с официозом к нулю. Управление культуры это не устраивало: бесконтрольность «низов» – что может быть ужаснее для чиновника?

В 1981 г. был организован Ленинградский рок–клуб именно для того, чтобы легче держать под контролем этот беспокойный народ. Инициативу проявило КГБ! Неизвестно откуда в 1985 г. возникла идея об организации такого клуба в Доме народного творчества г. Свердловска. КГБ, наверно, организовало бы клуб за несколько дней, а Николай Грахов (будущий председатель клуба) странствовал по треугольнику «комсомол – культура – профсоюзы» более года. Но 16.01.86 Обком партии распоряжается за две недели закончить с

оформлением и уже через день – комсомол – культура – профсоюзы рапортуют о досрочном выполнении указания. А в июле Городское управление культуры оповещает весь Союз о том, как хорошо они организовали рок–клуб и «сделали первый шаг к тому, чтобы надежно поставить заслон дешевым кумирам». Официально задачи клуба были определены такие: музыкальное и идейное сплочение рокеров; помощь группам пробиться к зрителю. Ключевые моменты деятельности рок–клуба: осенние ежегодные рок–фестивали – подведение итогов за год. Рабочие мероприятия: рок–мастерские в ДК Свердлова: просмотр новых групп на предмет членства. В октябре 1981 г. в Свердловске был проведен трехдневный семинар, ставший первым Всесоюзным семинаром представителей рок–клубов более чем из 20 городов разных регионов страны, от Душанбе до Таллинна.

Благодаря рок–клубу Свердловский зритель повидал, послушал, «в живую» такие группы с Запада: «Силк энд Стил» (Дания), Фан–Фан–Крайзис» (Германия), «Джимми Тенор и Шаманы» (Финляндия), «Бэнд оф Холи Джой» (Англия).

В 1990 году в Свердловском рок–клубе было уже более 60 групп. Свердловский рок пользовался спросом в «центрах». На фестивале «Рок–аврора – 90» в Питере (около 90 групп со всех концов страны) наши группы подтвердили союзное лидерство.

В 1991, последнем году существования рок–клуба была идея перепрофилирования его в информационно–координационный центр, но после августа денежная «крыша» клуба испарилась, а последующая свистопляска в экономике свела задумки на «нет». Впрочем, даже к лучшему, что рок – клуб ушел победителем, на вершине славы.

В 1986 году Свердловский рок–клуб проводил свой первый Рок–фестиваль. По сути дела, это была мастерская – рабочее прослушивание двадцати кандидатов в рок–клуб. Для Свердловских музыкантов это была первая возможность увидеть и услышать друг друга. Для многих из них сцена ДК им. Свердлова стала трамплином к первым площадкам страны. Фестиваль обозначил лидером рок–клуба группу «Наутилус Помпилиус».

В доперестроечные годы подпольного существования советского рока он обретался, в основном, в Москве и Ленинграде. В середине 80–х о себе заявила периферия. Существуют разные версии причин перемещения отечественного рока. Наиболее очевидная: рок расширяет свои границы. А объяснить логичность места и времени появления таланта проще, когда гений уже состоялся. Предугадать, почему Свердловск, а не Тюмень, например, было бы невозможно. Просто в Свердловском архитектурном институте учились Вячеслав Бутусов и Дмитрий Умецкий – основатели прогремевшего на всю страну «Наутилуса Помпилиуса». О начале группы написал Епифанов С.В., преподаватель архитектурного института, а тогда секретарь комсомольской организации в заметке «Ансамбль общежития №2» (см. газету «На смену» за 09.06.1993 г.).

«Сначала еще не было названия «Наутилус Помпилиус», они (Слава, Умецкий, Игорь Гончаров, Саша Зарубин) назывались просто «Ансамбль общежития №2» – это на Восточной 20. Тогда у нас ударным был «Змей Горыныч бэнд». А Слава со своими ребятами особо еще себя не проявляли. Аппаратуру мы им какую–то дали, и они репетировали там, в общежитии №2. В 1982г. «Змей Горыныч» постепенно сошел на нет, ребята окончили институт, им надо было работать. Ну и Слава со своей группой подхватили, как бы, лидерство и получили

статус «Ансамбль архитектурного института», играли здесь на первом этаже в студклубе, где сейчас вычислительный центр.

Сам ансамбль – то сложился, как мне кажется, весной и летом 1983 года. Весной мы утверждали состав агитбригады, основной частью которой и была эта группа. Летом они готовились, а в сентябре поехали по колхозам, где работали студенты. Это Нижнесергинский район г. Михайловск. Отдел культуры райисполкома выделил нам автобус. Ребята очень старались. Мы получили кучу грамот… Выступали не только перед студентами, но и перед местными жителями тоже. Они были в восторге…

А потом, когда мы вернулись, в первых числах октября был концерт по случаю посвящения первокурсников, в ДК Автомобилистов. И вот тогда они впервые назвались «Наутилусом» и впервые спели свои собственные песни».

Март 1983–го, будущий президент рок–клуба и будущий радиомагнат Коля Грахов вытащил двух оробевших от перспективы студентов Бутусова и Умецкого на пригородный семинар по рок–музыке, организованной ГКВЛКСМ и познакомили их с самим (!) Александром Пантыкиным! Сан Саныч, как человек жадный до всего нового и талантливого помог нашим героям с аранжировкой первого альбома «Переезд». Получилось что–то смурное.

А летом к Вите обратился Умецкий и пригласил его клавишником в группу, так как новая программа, подготовленная с помощью Пантыкина, требовала звучания этого инструмента. И Витя, в составе группы (агитбригада) выезжал осенью в Нижнесергинский район. 1984 г. – год окончания архитектурного института и «Наутилус Помпилиус» в полном составе «ушел под воду» – все трое устроились на работу в разные организации города… Но «всплытие» состоялось уже весной будущего года.

1985 – й . Местный «андеграунд»переживал кризис: распался «Трек», скис «Урфин Джюс». Время жаждало и требовало «свежей крови»! И тут – то Илья Кормильцев подкинул Славе целую папку «бесхозных» текстов, мало надеясь , что из этого что–нибудь выйдет… Вышел лейтмотив нового альбома – «Невидимка».

Записывали альбом на квартире уехавшего на пару месяцев однокурсника: Слава – гитара, Дима – бас, Витя (Пифа) Комаров – клавиши и драм – машина. Альбом был готов к 8 марта 1985 года.

Если первый альбом «Нау» был заявкой на то, что ребята могут, то «Невидимка» по–хорошему ошарашил «слушателя»: это была во всех смыслах другая музыка. Главный вопрос альбома, как выжить в этом свихнувшемся мире и остаться собой? Расставание – так, пожалуй, можно определить главную тему. Расставание с мифами и грустная усмешка повзрослевшего человека над созданными когда–то себе иллюзиями. А «Гудбай, Америка», как прощальный последний взмах руки в детство.

Почти полтора года создаваемый «Невидимка» просился на сцену. Учитывая «руководящий» запрет на все рок–концерты – дело невозможное. Но… Ранней осенью мало кому известная группа «Чайф» дала концерт в клубе МЖК. Первый рок–концерт за последние два года! А потом Шахрин договорился с директором ДК о концерте «Нау». Первом, настоящем, со зрителями. И в первых числах октября он состоялся. В программе были песни из «Невидимки».

Вторая волна Свердловского рока постучалась в дверь. Альбом «Невидимка» явился взлетной площадкой для «Нау». Вот как написал об этом Андрей Матвеев в статье «странный мальчик (По следам «Невидимки»).

«Еще в апреле 1983 года (ох уж тот давний апрель: второй съезд Свердловских рокеров, игра в футбол на снегу, украденная куртка солистки «Трека» Насти, поиски общей кармы – по–разному можно вспоминать то, уже безвозвратно ушедшее, время) меня познакомили с двумя молодыми ребятами – архитекторами, Славой Бутусовым и Димой Умецким, которые только что записали в жутких условиях альбом и назвали его «Али – Баба и сорок разбойников». А группу свою решили назвать «Наутилус»… Местные махры – Пантыкин, Скрипкарь и другие – похлопывали ребят по плечу. Слава и Дима воспринимали рок–н–рольные разглагольствования мэтров как некое откровение, что снизошло свыше, и кто знал тогда, чем это кончится…

А кончилось тем, что «Трека» нет, «Урфин Джюс» похож на труп, много групп (всякие «Флаги», «С–34») плетутся в хвосте. Неизвестно чего, не зная, о чем петь, а «Нау», который называется сейчас «Наутилус Помпилиус», стал не просто лидером Свердловского рок–движения, но – на мой взгляд – претендует на то, чтобы лишить рок–сцену моего родного города ореола периферийности. И это – поверьте – не просто голословное заявление: в марте 1985 г. группа записала альбом «Невидимка», который привел меня просто в шоковое состояние. Такого кайфа я не испытывал с того дня, когда прослушал «День серебра» в исполнении «Аквариума», а это, что–то да значит!

«Невидимка» – альбом, полный черноты и энергии. Это похоже на то, как ты мокрыми пальцами касаешься оголенных контактов. А такие вещи, как «Почему я стал невидимкой», «Последнее письмо» и «Кто я», можно слушать без скидок на то, что это русскоязычный рок. Хит, который не станет таковым лишь потому, что ребята, сделавшие его, не делают из него культа и не стремятся стать суперзвездами. Их гораздо больше волнует проблема, как выжить в этом бездушном мире и остаться самими собой.

Мы сидим и ждем, узкий, можно сказать – избранный круг. Какая–то странная квартира, в которой никто из нас еще не бывал. Мы сидим и ждем и боимся, что вдруг все это будет совсем не то, чего бы нам хотелось услышать. А услышать хочется что–то новое и серьезное, которое бы трахнуло тебя и сказало: «– не всему абзац, рок–н–ролл жив!» Помпилиусы волнуются больше всех возятся с аппаратурой; я прошу чаю и мне его приносят; смеркается; начало марта, дурной ветер, дурные вибрации предстоящей весны…..

И вот раздается голос. Просто голос, читающий текст, из которого я понимаю одно: ведь это совсем другая музыка. Что ж, начало многообещающее. Что будет дальше? А дальше….

А дальше наступил полный откат: все дерьмо мира и поколения, все дурные вибрации были выплеснуты на нас. Но это было на таком уровне, что я не побоюсь одного умного слова – катарсис. Да–да, я пережил именно катарсис, и после прослушивания встал и поехал домой, ибо ни говорить, ни слушать больше не мог.

Музыка «Невидимки» проста, если бы не тот внутренний напряг, который можно назвать психоделическим. Это воистину – настоящий рок и причем – как это не парадоксально

– дарящий радость. Голос Бутусова стал менее рефлекторным, в нем появились ярость и страсть. Умецкий рвет струны баса так, будто нажимает на курок базуки, а Комаров извлекает из «Ямахи» не очень сложные, но полные смурного очарования мелодии. Каждая из этих мелодий – гвоздь в твой еще не готовый гроб.

Для меня этот альбом – конец кризиса советского рока. Несомненно, что альбом многими – как справа, таки слева – не будет воспринят. Да есть, в конце – концов, ленинградский снобизм и московская халява (чисто рокеровские круги), но сейчас на все это можно положить и работать, тем более, что Кормильцев предложил Помпилусам ряд текстов, которые сильны сами по себе. Можно представить, что сделают из них ребята, если их радикализм, присущие им чувства поколения и бунта не исчезнут, в чем я не сомневаюсь.

«Наутилус Помпилиус» – довольно странный моллюск и я благодарен тому давнему апрелю (футбол на снегу, ночной сэйшен, водка с тушенкой, украденная кем-то куртка Насти Полевой), который свел меня с этим голожаберным существом, покинувшим полосу литорали ради рок-н-ролла. А рок-н-ролл – в таком варианте – этого стоит!».

«Невидимка» – альбом во многом переходный, по мнению в его лучших композициях – таких, как «Гудбай, Америка», мы видим неповторимое лицо новой группы. А подлинный триумф ей принесла следующая студийная работа – программа, начинающаяся со старинной русской песни «Разлука ты, разлука» и по этой песне названая. Альбом «Разлука», записанный в августе 1986 года, широко разошелся по всей стране, обеспечивая горячий прием группе, куда бы они ни приехали с гастролями. География поездок: Ленинград и Владивосток, Вильнюс и Алма-Ата, Горький и Подольск, участие в престижных фестивалях и первые места на них!

«Разлуку» записал А. Макаров на бытовые магнитофоны. Состав тот же, что и на «Невидимке»: Бутусов, Комаров, Умецкий плюс Могилевский (саксофон). Песни из этого альбома стали основой концертной программы «Нау», с которой группа завоевала успех и признание всесоюзного масштаба. К новому 1987 г. команду пополнили до секстета Хоменко (Палыч) со своим органом и большим опытом аранжировщика и музыканта, а так же восемнадцатилетний ударник Алик Потапкин. Формально приход в команду Хоменко был вызван устройством Вити на работу в филармонию, и времени для «Наутилуса» у него зачастую не оставалось. Позднее оба клавишника и остались в группе.

Пора было реализовываться: пан или пропал! И страна узнала своих героев. В апреле 1987 г. обновленный «Нау» завоевывает «Приз зрительских симпатий» на рок-фестивале в Новосибирске. Незадолго до Новосибирска состоялись два концерта в Ленинграде (их сразу полюбили). Выступали вместе с известным «Аквариумом» и, судя по реакции зала, переиграли его. Впервые откликнулась официальная пресса: в «Советской культуре» куснули, в «Правде» группу сдержанно похвалили. Запахло сенсацией. Жюри на Вильнюсском фестивале «Литуаника-87», вручив группе Главный приз, спрогнозировало текущий год, как «Год «Наутилус Помпилиус». В июле завоевали флегматичных эстонцев в Таллинне. А дальше – лауреатство в Подмосковной Черноголовке – и абсолютная победа по многим категориям в зрительских анкетах. В сентябре уже привычно взяли лауреатство в Подольске.

Рок-клуб завалили заявками. Москва ждала героев Подольска «Рок-панорама, организованная столичной комсомолией доверия не вызывала: сроки переносились, перетасовывался состав участников. Но для «Нау» это была рекламная акция, выход на аудиторию, возможность засветиться перед зарубежными специалистами.

Концерт группы в ДК им. Горбунова, самом рокеровском и престижном для истинного рок-музыканта ДК Москвы сняла для телевидения программа «Взгляд», «Наутилус Помпилиус» слушали стоя.

В начале следующего года газета «Московский комсомолец «подвела итоги опроса читателей «Звуковой дорожки»: Москвичи признали «Нау» открытием года, отдав ему 68 процентов голосов.

Даже у опытных людей закружилась бы голова. Наши герои не стали исключением.

Москва – это черная дыра. Столичные златоусты умеют заболтать, использовать чужой талант. Тем более, когда дело касается такой денежной сферы, как шоу- бизнес. «Наутилус Помпилиус»! Эти два слова просто гипнотизировали молодежную сцену и тусовку Москвы, привлекая внимание дельцов от эстрады. Вернувшись с «рок-панорамы» музыканты сообщили, что группа в январе отправляется в Москву для стажировки перед зарубежным турне при продюсерском центре-студии «Рекорд». Обещано было много: от шикарной рекламной раскрутки, видеоклипов до занятий карате и бассейна. Музыканты устроились туда на работу, жили в общежитии «бауманки». Тишь да гладь? Это на сцене, а за кулисами шла злая и грязная борьба. Начались разборки, занявшие полтора года: уход Умецкого, роспуск «Наутилуса Помпилиуса» вообще, объединение с Умецким снова. Набор нового коллектива под тем же названием: запрет Бутусову общаться с журналистами в отсутствии супругов Умецких, а затем запрет принимать участие в административном управлении группой; полный разрыв с четой Умецких.

По большому счету после 1989 года «Наутилус Помпилиус» не имеет отношения к нашему городу.

Весной 1990-го «Нау» возвратился на большую сцену. По инерции залы, где они играли, брались штурмом, но... именно, по инерции. На сцене были уже другие музыканты, а сами песни и их подача резко отличались от «разлучных». Их новые альбомы потеряли ту хрупкость, тот нерв, который раньше все отмечали. Записи начала 90-х – скорее «Ленинградской», чем «Свердловской» школы и состав «Нау» в то время был в основном питерским. За 90-е годы «Наутилус» проехались по Западу: концерты и фестивали в Германии, США, Японии, а также создали ряд альбомов. Но в 1994 году «Титаник» русского рока «Наутилус Помпилиус» самозатопился. Отяжелевшая от лавровых венков и регалий подлодка погрузилась навечно 15 июня. Последний концерт прощального турне состоялся в Новосибирске. Устал Бутусов от славы, от гастрольно-концертных бардаков, от жадных рук, короче – от шоу-бизнеса.

Я проработал директором студии до апреля 1989 г. За это время мы успели найти помещение для ее размещения: скооперировались с «Дамской лавкой», которая располагалась в старом 2-х этажном особняке по ул. Розы Люксембург, №14, провели капитальную реконструкцию этого здания и на первом этаже оборудовали звукозаписывающую студию. Работа студии началась. А для студийной работы группы, а также размещения администра-

ции, арендованные площади в подвале жилого дома по ул. 8–е Марта ,4. Но когда начались все эти грязные разборки и роспуск старого состава группы – я ушел. Я не смог принять грязь шоу–бизнеса!

А в апреле 1989 г. я совершил новый зигзаг в своем трудовом пути: я стал тренером–преподавателем по шахматам. С апреля по ноябрь в шахматном клубе ВДОСО профсоюзов, а с ноября по декабрь 1991 года, то есть до выхода на пенсию – в шахматном клубе Верх–Исетского металлургического завода. А пригласил меня на эту работу старый знакомый по шахматным баталиям, а также по работе в строительстве (он до этого работал в тресте «Уралмедьстрой») мастер спорта по шахматам, Пинягин Дмитрий Прокопьевич. Вместе с ним мы и перешли из одного клуба в другой, в связи с реорганизацией. У нас с ним получился нормальный тандем. Мы организовывали и проводили командные соревнования по шахматам среди производственных коллективов города и области, выезжали в города области по вопросам налаживания там работы местных шахматных секций и клубов. Кроме того, я регулярно проводил разные соревнования по шахматам и шашкам среди работников завода, а также вел шахматную школу среди школьников визовского района города Свердловска. Кстати, один из моих юных учеников за год сумел заработать первый разряд по шахматам. За эти два с половиной года я успел поучаствовать в двух крупных турнирах: в конце 1989 г. я в качестве капитана ездил в Тулу на последние командные шахматные соревнования среди металлургов страны. Наша команда Верхисетского металлургического завода выступила довольно успешно и заняла в соревнованиях третье призовое место. Каждый из членов команды (6 чел.) и я получили в качестве приза по тульскому самовару. А в октябре 1990 г. группа Свердловских шахматистов (4 чел.), и в их числе я, выезжала на международный шахматный турнир в г. Шумен (Болгария). Начало поездки было не совсем удачно: во–первых, нам обменивали на Болгарскую валюту только по сто рублей (турнирный взнос на 1 человека составлял 90 левов, то есть 100 рублей; кроме того, нужны были средства на проживание и питание, уж я не говорю о покупке каких–то сувениров). Понимая это, каждый из нас взял с собой продуктов (тушенка, макаронные изделия, чай, карамель, печение), а также шахматные часы, литературу и кое–какие сувениры для продажи. Все это, конечно пригодилось. Но надо же было уметь продавать, а таким талантом обладал лишь один из нас: Володя Маслов. Пришлось ему отдуваться за всех нас: он даже один раз попал в полицию за спекуляцию, но после объяснения наших (и его) действий, был отпущен с предупреждением. Каково же было наше удивление, когда, мы увидели, что у каждого из советских же шахматистов из Грузии (их была целая группа) буквально по пачке левов. Они могли себе позволить проживать в отеле, находящемся рядом с турнирным залом, а мы сняли одну комнату в 2–х комнатной квартире, в доме, который находился в получасе езды, у одинокой старушки за 8 левов со всех 4–х за сутки. Она нам соблаговолила, потому что ее сын работал у нас в Тюмени строителем и, потому что мы ее сразу же «затоварили» привезенными продуктами. Она нам готовила еду к вечеру, к моменту возвращения с тура, да и сама питалась.

Наша группа состояла из четырех шахматистов: мастер спорта Титлянов Юра и кандидаты в мастера Лозовский (имя забыл), Маслов Володя и я.

Вторая неудача состояла в том, что мы в Москве не сумели купить билеты на поезд на

тот же день, а задерживались на сутки и это привело к тому, что мы опоздали на первый тур. Но мы смогли договориться с организаторами турнира: они включили нас со второго тура, поставив нас в первом туре друг с другом (2 пары) и каждому по пол–очка.

В турнире участвовало 264 шахматистов более чем из 10 стран. Из них: 6 заслуженных национальных мастеров; 8 мастеров, а остальные – кандидаты в мастера и перворазрядники. Из нас лучше всех выступил Титлянов, занявший 7 место; Лозовский занял 13 место; Маслов, начав с четырех побед, остальные партии проиграл и занял 40 место. Я выступил для себя удачно: проиграл заслуженному мастеру спорта из Еревана, мастеру спорта чемпиону Болгарии среди юношей, получил ноль за одну неявку на тур (уезжал в Софию, чтобы поменять билеты на другой поезд). Сделал еще одну ничью и, победив в остальных четырех партиях, набрал 5 очков, занял 26 место и получил международную оценку. В целом, поездка наша закончилась удачно.

В августе же 1990 г. у меня состоялось еще одно приятное путешествие. Дело в том, что в июле ко мне неожиданно приехал один из самых близких студенческих друзей, Женя Мячев. Он с семьей проживал в Махачкале, работал главным инженером мебельной фирмы. Его женой была тоже наша подружка по институту. У них было тоже двое взрослых детей: сын и дочь. Женька (для всех в Махачкале Евгений Евгеньевич) приехал в Свердловск для решения вопроса поставки древесины на фирму для производства мебели. Он пробыл у нас в семье неделю. Мы очень хорошо провели это время: повстречались с однокашниками, которые после окончания института жили и работали в Свердловске. Устроили у нас дома дружескую попойку и я, так уж получилось, через «Средуралглавснаб» помог ему решить «лесной» вопрос на взаимовыгодной основе. Во время наших вечерних разговоров– воспоминаний он узнал о моей болезни позвоночника, а также о проблеме с получением путевки на какой–нибудь из грязевых курортов для его лечения. Он предложил мне поехать на такой курорт в Каяканте и обещал приобрести путевку на него. Я дал согласие, хотя очень сомневался, что он сможет это. Откроено я думал, что это «пьяные» обещания. Но как же я был посрамлен в своем неверии: через неделю я получил телеграмму из Махачкалы, которой Женя сообщил о приобретении, путевки и датах ее действия. В течение двух дней я оформил отпуск и самолетом долетел до Минеральных вод. Той же ночью сел на поезд и к утру уже был в Махачкале. На вокзале меня встретил Женька, который на машине сразу же доставил меня домой. А там меня ждали Люба, с которой я не виделся с самого окончания института, их дети (я их видел впервые) и праздничный стол. До начала действия путевки оставалось пять дней. Четыре вечера мы провели в воспоминаниях о совместно проведенных безалаберных, но прекрасных студенческих годах, а четыре дня – в знакомстве со столицей Дагестана и его жителями. Город понравился: это типично приморский город, одной стороной примыкая к Каспию, но с другой к нему подходят отроги Кавказа. Центр застроен красивыми многоэтажными домами, архитектурные решения своеобразны. А люди (мне показалось, что каждый десятый – Женькин друг или знакомый) очень гостеприимны и разговорчивы: каждая наша встреча заканчивалась очередной бутылкой коньяка. Не умею, да и не могу я каждый день пить, коньяк же вообще не пью. После первого же дня таких встреч, я сказал об этом Женьке. И что? Пришлось пить

водку. С большим трудом я выдержал эти четыре дня кавказского гостеприимства. Утром пя–того дня за нами с Женей заехал его шофер и повез нас в Каякент. Это небольшое поселение, расположенное южнее Махачкалы. Километрах в 100 от него в сторону Дербента. Автодорога шла вдоль побережья Каспийского моря, то приближаясь, то отдаляясь от него, в зеленом окружении южных деревьев. Время от времени мы проезжали мимо каких–то хуторов, тоже в зеленом окружении. Удивляло почти полное отсутствие встречного транспорта.

Часа через полтора мы уже были на месте. Санаторий «Каякент» находился примерно километрах в двух от поселения с тем же названием и в километре от берега моря. Берег в этом месте был абсолютно плоским и голым без единого деревца. Сам санаторий состоял из 2–х многоэтажных корпусов, в одном из которых размещались отдыхающие (спальный), а в другом все лечебные службы. Кроме этих новых зданий на территории санатория были еще одноэтажные деревянные дома, в которых размещались почта, магазины, библиотека, а в некоторых тоже размещались отдыхающие. Питались все в столовой, пристроенной к спальному корпусу. На территории же находилось грязевое озеро. Оно было размерами где–то 100х100 м, заполненное природной лечебной грязью. Глубина не более полутора метров. Озеро окружено помещениями для переодевания и душевыми кабинками, а также деревян–ными тротуарами и сходнями в озеро. Грязь была достаточно теплая. Очень мне понравились эти грязевые процедуры, а также посещения после них чайной, где тебе по–давался чай из различных трав и разные настои.

Шофер подвез нас к спальному корпусу, на первом этаже которого размещалась и администрация санатория. Женя ушел с моими документами и вскоре вернулся с ключом от номера, в котором мне предстояло провести все время санаторного лечения. Номер был отличным на 2 чел. со всеми удобствами на 3–м этаже.

Устроив меня, Женя с шофером уехали. Я же прекрасно провел три санаторных не–дели: сосед попал отличный, грязь очень помогла моей спине, питание было нормальным, погода тоже. Я еще съездил на экскурсию в Дербент и познакомился с южным форпостом России, а также удивительным южным рынком. Короче говоря, время пролетело быстро: как один день. А через три недели снова на этой же автомашине меня доставили в Махачкалу. Но уже в пути для меня начались испытания: Женька устроил привал на середине пути с водкой и закуской. Поэтому наш обратный путь был и длительнее по времени и тяжелее по восприятию. Испытания продолжились еще на несколько дней: мы побывали у него на даче, мне устроили проводы в шашлычной с шашлыком из осетрины (вкуснее шашлыка не ел), и ряд «мелких» встреч. Каждое из этих мероприятий сопровождалось обильной вы–пивкой и едой. Наконец я взмолился, чтобы он отпустил меня домой, так–как я уже опаз–дываю на работу. Тогда Женя, для успокоения, отправил меня самолетом из Махачкалы до Челябинска. Но пассажирских рейсов на Урал тогда еще не было, так он договорился, и меня подсадили на специальный рейс, которым один раз в неделю перевозились какие–то изделия из Махачкалы в Челябинск. А на прощание вручил мне еще большущий кусок балыка из осетрины! Пять часов я болтался в салоне транспортного самолета, пока он доле–тел до Челябинска: потом еще часа четыре добирался до Свердловска. Наконец–то я дома! Спасибо тебе дорогой друг за твое гостеприимство!

Вот так, довольно интересно для меня, прошли эти предпенсионные годы. Я занимался одним из своих увлечений: шахматной игрой. Правда, Любови моя работа категорически не нравилась. Она начала меня упрекать, что я смог так низко опуститься. Я ей на это отвечал, что в произошедшей перемене есть и ее вклад, а что меня все устраивает.

А Витя все эти годы после той «бодяги», которую устроили Бутусов и Умецкий в Москве и распада «Нау» работал в группе «Ассоциация», которую решили и создали бывшие чле–ны «Нау»: Могилевский А., Витя, В. Назимов, Елизаров и Н. Петров. В семейной жизни Вити тоже прошли изменения: летом 1988 г. он женился на дочери генерального директора «Уралтрансгаз» Шмелева В. П. Ане, студентке архитектурного института. Интересная, все же штука – жизнь: мы с Вячеславом Павловичем – сватом, встретились впервые в 1971 г. в Богдановиче на совещании в ГК КПСС по вопросам окончания строительства фарфо–рофаянсового завода, затем вторично познакомились в 1987 г. в сороковой больнице г. Свердловска, где лежали оба с болезнями позвоночника. Мы с ним подружились, не зная, что наши дети уже готовятся сдружить нас на долгие годы.

Не могу не вспомнить еще о трех печальных событиях, произошедших в эти годы.

Первое. В 1988 году у Оли, моей любимой племянницы родилась дочка. Назвали ее Любочка. Оля уже была студенткой мединститута. В октябре семимесячная Любочка забо–лела ангиной. И вот в один из дней Люся с Толей уехали на дачу, а Оля с дочкой осталась дома. Днем она начала смазывать дочке горлышко лекарством на комочке ваты (процедура, рекомендованная врачом). Во время смазывания дочка, видимо, вздохнула. Ватка выскочи–ла из пальцев Оли, попала в гортань Любочки и та задохнулась. Вот такая трагедия. Оля так и не смогла за много лет от этого успокоиться: она уехала из Тюмени в Киев, где закончила мединститут, брак распался. Толя тоже очень тяжело переживал смерть внучки. Ровно через год он умер и сейчас лежит в одной могиле с внучкой. Умер он в своей автомашине, на пути с дачи домой. В машине находились двое пассажиров – соседей по даче. Толе стало плохо во время движения. Он успел резко сбавить скорость и съехать с шоссе. Машина еще не–много проехала по неровной поверхности и остановилась, заглохнув. Толя был уже мертв. А Люся в это время находилась в Алма–Ате на курсах повышения квалификации. Вот вто–рое печальное событие. И, наконец, третье, коснувшееся непосредственно меня. 24 декабря 1991г. умерла моя мама. Все последние годы перед этим мама летом проживала в Нижней Туре, общаясь со своими старинными подругами, а зимой приезжала к нам. И мой день рождения 29 ноября мы отмечали вместе. В 1991 г. (мое 60–летие) она не приехала, ссыла–ясь на плохое здоровье. Где–то в середине ноября она пошла на консультацию к врачу и ее сразу же положили в больницу: оказывается у нее случился инфаркт. Узнав об этом, я съез–дил в Нижнюю Туру, навестил ее в больнице, переговорил с лечащим врачом. Мама лежала не вставая, но врач уверял, что кризис миновал и она вскоре пойдет на поправку. Но прошел месяц, а ее все не выписывали. А 23 декабря вечером мне звонит из Н–Туры Нина, бывшая жена Сергея и сообщает, что она находится у мамы в больнице, что маме очень плохо и что, если я хочу ее увидеть живой, то должен завтра же быть у нее. Я срочно договорился с Витей (был вечер, пятница), что он свозит меня в Н–Туру на два дня. Выезд определили на раннее утро, но …, в 2 часа ночи снова позвонила Нина и сообщила, что мама только–что умерла.

Оказывается, у нее в больнице случились еще два инфаркта. Я позднее разговаривал с врачом и просил объяснить, почему они меня обманывали информацией о ее здоровье, но вразумительного ответа так и не получил. Так ушел из жизни самый близкий мне человек, последний из старшего поколения нашей семьи. Самым старшим стал я.

И последнее, о чем бы я хотел рассказать в описании этих лет жизни, так это о встрече с человеком подарившую мне судьбой, которая превратилась в дружбу, продолжающуюся до сегодняшнего дня. Эта встреча состоялась в 1984 г., когда я начал работать зам. управляющего трестом «Средуралвторресурсы». Получили мы проектно-сметную документацию на строительство ангара. Автор разработки – технический отдел Средуралглавснаба. Посмотрел я проект: документация «сырая», с большими недоработками и ошибками. Приехал я в Главк, разыскал технический отдел и разругался с начальником отдела, Путиловым Сергеем Потаповичем из-за такого низкого качества их работы. Я подумал тогда, что в его лице я нажил себе врага на всю жизнь, а оказалось, как ни странно, что эта встреча привела нас к совместной работе в данный момент и в будущем, а также к личной дружбе. Но об этом позднее.

Ну, вот и закончился мой трудовой путь, начавшийся с мальчишеских лет времен Великой Отечественной Войны и окончанием которого послужил рубеж «до пенсии». Были на этом пути и взлеты и падения. Работа всегда стояла на первом месте в жизни и я никогда от нее не убегал, кто возьмет в руки эту книгу и познакомится с моим путем, сможет понять и оценить посвоему его.

Я же думаю, что мне незачем его стесняться. Мое поколение, поколение тридцатых прошло не простой жизненный путь и я хочу дать напутствие нынешнему молодому поколению в виде небольшого моего стихотворения:

Поколение тридцатых не было мошной богато,
Но богато было делом, что страна от всех хотела.
В те военные годины на полях «ломало» спины,
«Оседлав» лопаты, вилы, а зимою лес валило.
Повзрослев потом немного, с комсомолом дружно в ногу
Восстанавливало грады для людей, не за награды.
А потом партийным строем, выполняло планов море,
Дружно к коммунизму шло и в конце в тупик зашло.
Помним те года раздроя в ожидании перестроя,
Нас отправившие в «гроги», отодвинувши с дороги.
Я от имени тридцатых: помните о нас ребята
И подхватывайте дело, пока жизнь не пролетела.

Но выходом на пенсию не закончилась моя жизнь. Какова жизнь пенсионера в «моем исполнении», а также рассказы о близких мне людях, вы сможете узнать из второй части моего повествования.

Начальник ПМК Госснаба СССР.
На строительстве Чкаловского ПЗП, г. Свердловск, 1986 год.

На даче д. Малая Гусевка .1986 год.

Кате - 73 года, Володе - 56 лет, Любе - 55 лет, Саше - 30 лет, Вите - 26 лет. 1987 год.

Пропуска на рок-фестиваль членам «Наутилус Помпилиус». 1987-88 год.

Группа «Наутилус Помпилиус», 1988 год.

Музыканты группы «Ассоциация». 1990 год.

С мамой, свекровью, бабушкой 1990 год.

Мой друг Евгений Евгеньевич (Женька) Мячев (слева), г. Махачкала, 1991 год.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово об авторе 3
Вместо предисловия 5
Глава I. / Самое дорогое 13
Глава II. / Довоенное детство 1931– 1941 гг. 15
Глава III. / Война. Окончание школы 1941– 1949 гг. 31
Глава IV. / Неповторимая пора студенчества. 1949 – 1956 гг. 44
Глава V. / Первые шаги в труде и семейной жизни.
1956 – 1961 гг. 70
Глава VI. / Наперегонки со временем. 1962 – 1991гг. 157
VI–1. Переходный период. 1962 –1963 гг. 157
VI–2. Большой газ. 1964 – 1977 гг. 172
VI–3. Даешь цемент. 1977 – 1980 гг. 266
VI–4. Снова газ. 1980 – 1983 гг. 281
VI–5. Завершение трудового пути.
До выхода на пенсию. 1984 – 1991 гг. 299

LOCOBOOK

Автор и составитель: КОМАРОВ Владимир Иванович

Верстка и дизайн: Поверенова Л. С.
Подписано в печать: 23.09.11. Заказ № 1502309. Тираж: 100 экземпляров.
Отпечатано www.locobook.